

М. А. АЛЕКБЕРЛИ

БОРЬБА

УКРАИНСКОГО НАРОДА

ПРОТИВ ТУРЕЦКО-

ТАТАРСКОЙ АГРЕССИИ

Министерство высшего и среднего специального образования
Р С Ф С Р

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. Ленина

М. А. АЛЕКБЕРЛИ

БОРЬБА УКРАИНСКОГО НАРОДА
ПРОТИВ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКОЙ АГРЕССИИ
во второй половине XVI —
первой половине XVII веков

Издательство Саратовского университета

1 9 6 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доцент Дзагурова В. Г., доцент Карабеков Д. К., канд. ист. наук
Маршаев Р.

В В Е Д Е Н И Е

Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии составляет важный период в истории Украины. Марксистская историческая литература не располагает ни одним трудом, специально освещающим этот вопрос, поэтому исследование его представляет большой научный интерес.

Вторая половина XVI—первая половина XVII веков является временем, когда борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии достигает наивысшего напряжения.

Следует заметить, что поскольку эта тема впервые становится предметом специального изучения, исследование ее сопряжено с целым рядом трудностей. Эти трудности прежде всего заключаются в том, что круг источников, которыми есть возможность пользоваться, не всегда дает исчерпывающие сведения по всем вопросам темы. Кроме того, тенденциозность некоторых авторов требует чрезвычайной осторожности в использовании излагаемых ими сведений и тем более их оценок. По изучаемым вопросам нет обобщающих работ. В результате этого некоторые стороны затрагиваемых здесь проблем до сих пор совершенно не освещены в науке.

Хотя прошло немало времени с начала разработки этой проблемы, однако мы вынуждены констатировать тот факт, что некоторые историки до сих пор не совсем уяснили ее отдельные стороны. Мало того, в 1958 году прогрессивный голландский ученый славист Т. Еекман с высокой трибуны IV Международного Конгресса славистов (Москва) провозгласил ряд явно ошибочных положений, которыми фактически отрицает решающую роль русского и украинского народов в борьбе против турецко-татарского нашествия на Европу. Еекман безапелляционно утверждает, что в XVI и начале XVII веков славяне рассматривали Польшу «как главную силу в борьбе против турок»¹.

¹ Еекман Т. The war of Chotin in literature. Рукопись доклада, сделанного на IV Международном Конгрессе славистов (Москва).

Дворянские и буржуазные историки оставили неосвещенными большое количество вопросов. Многого они сами не понимали. Поэтому не случайно, что многие лучшие стороны из истории народов нашей страны либо вовсе не освещены, либо освещены тенденциозно, неверно.

Назрела необходимость специального изучения освободительной борьбы украинского народа против турецко-татарской агрессии. Изучая историю украинского народа, мы видим, что он неизменно боролся против попыток иноземных захватчиков закабалить его. На протяжении своей истории этот народ проявлял высокие черты организованности, героизма, храбрости и самопожертвования. Борьба украинского народа за свою свободу была тяжелой, но никогда он не падал духом, не смирялся, а боролся. В результате захватчики всегда были биты и изгоняемы из украинской земли, часто были биты на той территории, откуда приходили¹.

Отражение турецкого нашествия на украинские земли происходило в условиях большой и малой маневренной войны.

Важное место в истории героического прошлого украинского народа занимает Хотинская война 1621 года. Она сыграла важную роль не только для Украины, но и для всех славянских народов, борющихся против турецкой агрессии. В знаменитой Хотинской войне решался вопрос не только о судьбах Украины и Польши. Известно, что султанская Турция рассчитывала в результате этой войны захватить Украину, победить Польшу, открыть себе дорогу к Русскому государству и в Западную Европу.

В Хотинской войне на долю Украины и Польши выпала важная и трудная задача: разгромить кровавого агрессора и расстроить его захватнические планы. С этой сложной задачей народы Украины и Польши блестяще справились, поставив в 1621 году под Хотином на колени турецкого тирана—султана Османа II и его вассалов: крымского хана Джанибек Гирея и хана Ногайской Орды Кантимира Мурзу.

Марксизм-ленинизм учит, что войны имеют глубокие исторические и социально-экономические корни. «Мне кажется,— писал В. И. Ленин,—что главное, что обыкновенно забывают в вопросе о войне, на что обращают недостаточно внимания, главное, из-за чего ведется так много споров и, пожалуй, я бы сказал, пустых, безнадежных, бесцельных споров,— это забвение основного вопроса о том, какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали»². И далее: «Война есть продолжение

¹ Проф. Н. Н. Петровский. Военное прошлое украинского народа. М., 1939, стр. 3.

² В. И. Ленин. Соч. т. 24, стр. 362.

политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»¹.

Своей задачей мы ставили выяснение причин, вызывавших захватнические и грабительские войны турок и татар против Украины, изучение связи этих войн с социально-экономическим строем Турции и Крыма, установление связи этих войн с политикой и идеологией турецко-татарских агрессоров; показ всемирно-исторического значения освободительной борьбы украинского народа против турецко-татарской агрессии, изучение хода этой борьбы, ее форм и результатов. Важной задачей исследования было также определение места Украины в борьбе против турецкого нашествия на Европу. «Турецкое нашествие XV и XVI столетий представляло собой второе издание арабского нашествия VIII века». Как при Пуатье, так и здесь опасность «угрожала всему европейскому развитию»².

**

Проблема освободительной борьбы украинского народа против турецко-татарской агрессии не стала предметом специального исследования советских историков. Отрывочные высказывания встречаются в трудах наших современников Н. А. Смирнова³, А. А. Новосельского⁴, В. А. Голобуцкого⁵, И. П. Крипякевича⁶ и некоторых других.

Дворянские и буржуазные историки—А. А. Скальковский, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. Д. Смирнов, Д. И. Эварницкий и другие—касались отдельных моментов данной темы. Основываясь на идеалистических концепциях, они не могли, однако, дать правильного освещения проблемы борьбы украинского народа против турецко-татарской агрессии. Так, дворянский историк А. А. Скальковский, в течение длительного времени занимавшийся изучением истории Запорожской Сечи, дал извращенное, фантастическое представление о запорожских казаках. Преклоняясь перед западноевропейски-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 364.

² Ф. Энгельс. Борьба в Венгрии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 180.

³ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII веках. Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова. М., 1946, тт. 1—2, № 94.

⁴ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М., АН СССР, 1948.

⁵ В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев, 1957.

⁶ И. П. Крипякевич. Богдан Хмельницкий. Киев, 1954.

ми образцами, он видел в организации казачества черты западноевропейских военно-монашеских орденов. При изложении исторических событий А. А. Скальковский фальсифицировал документы.

Н. И. Костомаров, вопреки историческим фактам, отождествлял казацкие способы ведения войны с татарскими, отрицая самобытность военного искусства украинских казаков. «Русские,— пишет Н. И. Костомаров,— принужденные отражать татарские набеги, невольно должны были усвоить и те способы и приемы войны, какие употребляли их враги, и таким образом у русских явилось такое же казачество, какое было у татар. Возникли и русские казаки»¹.

Другой буржуазный историк, В. Д. Смирнов, неверно представил борьбу украинского народа против турецко-татарских агрессоров, сознательно выступая в роли защитника врагов Украины—во имя абстрактной «справедливости»².

Д. И. Эварницкий, руководствуясь антинаучной буржуазно-националистической «теорией» бесклассовости украинской нации, пытался изобразить Запорожскую Сечь в виде бесклассовой общины. «Запорожская община,— писал Д. И. Эварницкий,— доходила до полного предела равенства, невиданного ни в древнем мире, ни в средних, ни в новых веках»³.

Особенно грубо фальсифицировал исторические документы и извращал прошлое Украины и казачества украинский буржуазный националист М. Грушевский. Он затушевывал классовую борьбу среди украинского народа, искусственно противопоставлял украинский народ великому братскому русскому народу, сознательно разжигал национальную вражду. Извратил Грушевский и характер борьбы украинского народа против турецко-татарских агрессоров, назвав ее «ареной казацкого спорта», а казаков «авантюристами» и «грабителями»⁴.

Ценные сведения по изучаемому вопросу имеются в документах, собранных и изданных с предисловием видного историка И. П. Крипякевича⁵. Эти материалы охватывают период времени с середины XVI века по 1631 год. К ним относится переписка между государственными деятелями Польши, Турции, Крыма и запорожского казачества по военным, политическим и международным вопросам. Документы в известной мере позволяют выяснить некоторые стороны казацкого

¹ Н. И. Костомаров. Богдан Хмельницкий. СПб., 1870, стр. 19.

² В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века, СПб., 1887, стр. 421.

³ Д. И. Эварницкий. История запорожских казаков, т. I, СПб., 1892, стр. 188.

⁴ М. Грушевский. История украинского казачества до соединения с Московским государством, т. I, СПб., 1913, стр. 16, 59, 61, 325 и др.

⁵ Жерела до історії України—Русі, т. VIII, Львів, 1908.

вопроса во взаимоотношениях Польши, Турции и Крымского ханства. В них имеются сведения о походах казаков на берега Турции и Крыма, а также о частых набегах татар на польские владения, на Украину. Особенно большой интерес представляют документы, посвященные Хотинской войне 1621 года.

Напряженная борьба с турками и татарами и благоприятный исход Хотинской войны произвели сильное впечатление на современников. Имеется ряд дневников, посвященных Хотинской войне, например, Якова Собеского, Матвея Титловского, Станислава Любомирского, Прокопа Збигневского, Яна Острога и других. Некоторые из них впоследствии были напечатаны в разных сборниках. Более ценными из них, на наш взгляд, являются дневники Якова Собеского¹ и Матвея Титловского².

Из письменных памятников европейской историографии по истории Хотинской войны самым полным и лучшим является историческая монография Якова Собеского. Это сочинение представляет собой труд, написанный на основании дневника, который вел сам автор во время кампании. Впоследствии Собеский расширил этот дневник, обогатил различными историческими фактами, обработал в виде исторического сочинения.

Яков Собеский был современником и непосредственным участником описываемых событий; важное историческое значение этих записок обуславливается как высоким уровнем образования автора, так и тем общественным положением, которое он занимал в Польском государстве.

Во время Хотинской войны Яков Собеский был в числе комиссаров, назначенных польским сеймом. Комиссары принимали участие в заседаниях Военного совета, присутствовали на приеме гетманов, послов и сами отправлялись в качестве посланников в турецкий лагерь для переговоров об условиях мира с турецкими сановниками, составляли договоры, заведовали финансами армии. Благодаря этому, Собеский был в состоянии не только глубоко знать все происходящие события, но ему открыты были и секретные мотивы действий, а также взгляды и соображения руководящих лиц.

Труд Якова Собеского имеет определенное значение для изучения истории Хотинской войны. На него ссылаются все последующие историки, исследовавшие историю украинского казачества и эпопею Хотинской войны 1621 года.

В своей книге автор рассказывает о подготовке королевской Польши к войне с Турцией. Он дает характеристику со-

¹ «История Хотинского похода 1621 года» Якова Собеского, см. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. II, Киев, 1896.

² Записки Матвея Титловского о двух походах султана Османа. Прилуки, 1770. В дальнейшем ссылка: М. Титловский, Записки...

стояния военного дела и экономики Польши, говорит об обращении польского сейма к западным странам за помощью, о польско-казацких отношениях. В книге рассказывается также о приготовлениях к войне турецкого султана Османа II, о военных силах турок и татар и о переброске против них польского войска в район Хотина, за Днестр.

Однако труд Собеского, очевидца и видного деятеля шляхетской Польши, имеет ряд существенных недостатков.

Собеский совершенно не затрагивает коренных проблем Хотинской войны. Такие вопросы, как классовая сущность войны, ее характер, подлинные причины возникновения войны, не освещаются автором. Собеский был идеалистом в понимании истории и законов развития человеческого общества. Он больше описывает, чем анализирует факты. К числу серьезных недостатков его труда относится также отсутствие в нем полной картины всей войны с характеристикой ее последствий как для шляхетской Польши, так и для Турецкой империи.

В качестве причины войны Собеский представляет алчность молодого «тирана» султана Османа II (1618—1622), стремившегося к личной славе. Несостоятельность подобных рассуждений очевидна и не нуждается в доказательстве.

В анализе Собеским военных действий много взаимоисключающих положений как в оценке военного могущества турок, так и в оценке состояния польско-казацкого войска под Хотином. Кроме этого, Собеский рассматривает запорожское казачество как вспомогательную силу в войне против Турции, отрицает его решающую роль в Хотинской войне.

Не украшает Собеского и чрезмерная нескромность при оценке своих личных заслуг в регулировании взаимоотношений польского командования с запорожским войском, в вопросах заключения перемирия с турками и т. п. Несколько бегло он сообщает об отношении запорожских казаков к статьям перемирия, по существу своему направленным против украинского казачества.

К числу ценных трудов по данному вопросу относятся «Записки» Матвея Титловского (1620—1621). Самоил Величко при переводе сделал к мемуарам Титловского интересные дополнения, заимствованные из какого-то не дошедшего до нас казацкого дневника¹.

В отличие от Собеского Матвей Титловский сообщает ряд интересных фактов, как-то: о Цецорской войне 1620 года между Польшей и Турцией, о посланной донскими казаками под Хотин помощи запорожским казакам в количестве 20.000 человек, об отце Богдана Хмельницкого, погибшем на цецор-

¹ Самоил Величко. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, т. I, Киев, 1848.

ских полях, о Богдане Хмельницком, его пленении турками и др.

Преимущество дневника Титловского и в том, что в нем описывается почти вся война по дням с подведением своеобразных итогов упоминаемым событиям. В сообщениях автора изобилует цифровой материал, касающийся войск воюющих сторон и потерь как по дням, так и в целом. Однако причины войны, подготовка к ней воюющих сторон, характеристика эпохи и многие другие вопросы автором не затрагиваются. Кроме того, целый ряд сообщений Матвея Титловского представляется нам сомнительным.

Так, например, он пишет, что в 1620 году под Цецорой Богдан Хмельницкий попал в плен к туркам, где он находился два года, пока казаки не выкупили его. Это верно. В то же время Титловский утверждает, что во время Хотинской войны Богдан Хмельницкий с 10 000 казаков успешно боролся с турками и, якобы, в одном морском сражении с ними потопил более 20 турецких военных кораблей¹.

Видимо, это утверждение послужило основой ошибки О. И. Левицкого, когда тот писал, что «...в это самое время, когда гетман Сагайдачный под Хотинном мужественно отбивал приступы многочисленных войск Османа, молодой Хмельницкий, собрав до 10 000 отважных запорожцев, спустился с ними Днепром на чайках в Черное море, где разбил и потопил 12 турецких галер, а остальной турецкий флот преследовал до самого Царьграда»².

Как известно, Богдан Хмельницкий, участвуя в турецко-польской войне 1620 года под Цецорой, попал в плен к туркам и вернулся из плена спустя два года. Может быть Богдан Хмельницкий, находясь в плену, помогал своим соотечественникам—этот вопрос еще не исследован,—но явно не в размерах, указанных Титловским.

Сомнительными, нереальными кажутся и некоторые другие показания Титловского. Так, например, автор приводит совершенно фантастические цифры о численности войск воюющих сторон. По его данным, под Хотинном турок и татар было 400 000, а польская сторона имела 136 000 человек, включая запорожских казаков. Анализ многочисленных документов показывает, что Польша без казаков имела под Хотинном около 32 000 человек, а запорожских казаков было 42 000, то есть польская сторона под Хотинном имела всего лишь 75 000 человек. Что касается турок, то султан имел около 200 000 человек, а татар было около 50 000 человек, то есть турецкая сторона имела около 250 000 человек. Он же при-

¹ М. Титловский, стр. 174.

² Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах, вып. I, Киев, 1885, стр. 9.

водит нереальные данные и о потерях воюющих сторон. По подсчетам Титловского, польская сторона за время войны потеряла 753 человека убитыми и много ранеными, а турецкая сторона—только убитыми 208 000 человек. Все эти данные, как о численности войск воюющих сторон, так и о количестве потерь, понесенных ими, не подтверждаются другими источниками.

Хотинская война произвела огромное впечатление на современников. Под прямым влиянием событий Хотинской войны современниками этих событий были написаны многочисленные мемуары, а также сочинения. К числу последних принадлежит труд Иоаннеса Каменецкого «История Хотинской войны». Рукопись этого сочинения был найдена среди древних актов, находящихся в государственном хранилище при Совете Министров Армянской ССР. Некоторые материалы о Хотинской войне 1621 года содержатся в «Хронике» Авксента Каменецкого, в которой, кроме того, приводятся сведения по истории Украины и соседних с ней стран с 1611 по 1624 гг. Об этих работах сообщает А. С. Анасян в своей статье «Отголоски битв при Хотине (1621 г.) в армянских источниках»¹.

Как видно из сообщения А. Анасяна, Иоаннес написал «Историю Хотинской войны» по поручению своего отца Тер-Акопа. Для этого Иоаннес, живший длительное время в Каменец-Подольске и бывший современником Хотинской войны, собрал доступные ему источники. Среди них были сочинения участников войны. Кроме того, автор имел беседы с людьми, близко наблюдавшими события под Хотином. Сам Иоаннес, будучи накануне войны во Львове, лично видел польское войско, которое следовало в район Хотина. Сочинение Иоаннеса, по сообщению Анасяна, состоит из предисловия, 18 глав и памятных записок. Иоаннес излагает события Хотинской войны, причем последнюю главу посвящает умерщвлению султана Османа II в Константинополе.

«Хроника» Авксента Каменецкого является частью армянской исторической литературы, известной под названием «Каменецкой летописи». Авксент Каменецкий, выходец из состоятельной армянской семьи, долгое время жил в гор. Каменец-Подольске и был тесно связан с польскими властями; он, видимо, хорошо знал польский язык.

К сожалению, краткие комментарии Анасяна не дают возможности составить полное представление о названных работах. К тому же, сообщаемые им данные вызывают некоторое сомнение. Комментируя «Историю Хотинской войны»

¹ А. С. Анасян. Отголоски битв при Хотине (1621) в Армянских источниках. См. «Великая дружба». Сборник, посвященный 300-летию воссоединения Украины с Россией. Изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1954, стр. 225—238.

Иоаннеса и «Хронику» Авксента Каменецкого, А. С. Анасян пишет: «Согласно этим источникам, польские войска начали двигаться с 20 августа 1621 года к Хотину; число войск постепенно дошло приблизительно до 45 000, а к ним 25 августа подошли и присоединились еще 45 000 казаков. Таким образом, половину войска польской стороны составляли запорожские казаки. Армия же врагов в 460 000 человек дошла до границы Хотина 26 и 27 августа; в ней татарские войска составляли почти половину—210 000 человек, из них 130 000 человек под предводительством Татар-хана и 80 000 под предводительством Хан-Темира».

Это заявление не соответствует действительности. Анализ многочисленных европейских и восточных источников показывает, что польское войско под Хотиним насчитывало около 32 000 человек, запорожских казаков было около 42 000 человек в составе 13 полков. Осман II собрал около 200 000 человек без татар. Прибывшая под Хотин орда Крымского хана Джанибек Гирея достигла 50 000 человек, Кантимир Мурза привел 7000 человек. Кроме того, в названных сочинениях совершенно искажены имена предводителей татарских орд¹.

И все же, несмотря на серьезные недостатки комментируемых Анасяном трудов, публикация их на русском языке представит несомненный интерес для дальнейшего изучения истории Хотинской войны.

Из специальных работ, посвященных истории Хотинской войны, укажем на небольшую монографию польского историка Иосифа Третьяка—«История Хотинской войны 1621 года»². Третьяк собрал все доступные ему материалы из польских и немецких источников.

Ввиду того, что Третьяк не был ориенталистом, он не мог использовать ценные восточные источники, как, например, «Сборник документов», составленный Феридун бей Ахмедом³. Документы, помещенные здесь, помогли бы Третьяку глубоко и всесторонне проанализировать основные вопросы, изложенные в первых главах монографии. В этот «Сборник» включены официальные бумаги султанов, крымских ханов. Материалы охватывают период турецкой истории от основания Османского государства до 1687 года. Материалы «Сборника» освещают вопросы военные, политические и дипломатические. В них хорошо показана степень зависимости Крымского хан-

¹ Важнейшие данные из истории Хотинской войны опубликованы нами в «Ученых записках Черновицкого государственного университета». Серия исторических наук, т. XVIII, вып. 1, 1956.

² Она выдержала два издания. Первое издание вышло во Львове в 1889 году. Второе, дополненное и исправленное—в Кракове в 1921 году. Мы пользуемся вторым изданием: Józef Tretiak. Historia wojny Chotimskiej (1621), Krakow. 1921.

³ Феридун бей Ахмед. Сборник документов. Стамбул, тт. 1—2.

ства от Турции, использование турками Крыма и его людских резервов в агрессивных целях.

Третьяк не использовал также и другой важный источник — «Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма»¹. Документы написаны на турецком и татарском языках. В числе 124 документов «Сборника» находятся международные трактаты, ноты европейских государств, Турции и др.

Таким образом, Третьяк ограничился при написании своей монографии по существу лишь только европейскими, по преимуществу польскими источниками. Ссылагается он, правда, на хроникера Наима, однако не на первоисточник, а на польский перевод фрагментов из «Тарихи Наима». Поэтому вполне понятно, что он не мог дать полную картину войны 1621 года. В своей монографии Третьяк не охватывает всех проблем, связанных с историей Хотинской войны: не говорит о роли украинского казачества в войне, о последствиях хотинского поражения для Османской империи, об обострении противоречий между турками и татарами, об усилении освободительной борьбы славянских народов против господства турок после Хотинского разгрома османской армии и др. Автор «Истории Хотинской войны» не в состоянии установить причины многих событий, обобщить факты и сделать соответствующие выводы. В своем труде Третьяк больше описывает, чем анализирует. Поэтому один из важнейших элементов научного исследования — критический анализ широко привлекаемой литературы и источников — отсутствует у него. Существенно снижает значение данного труда то, что автор настойчиво проводит идею польского национализма, мысль о том, что шляхетская Польша выполняет, дескать, некую историческую миссию на протяжении веков.

Тенденциозность и субъективизм сразу обнаруживают себя, как только автор начинает говорить об Украине, о ее героических защитниках — запорожских казаках. Третьяк старается сбросить со счета решающий фактор в обеспечении победы в войне — запорожское казачество. Он слепо повторяет вслед за В. Антоновичем, Д. Эварницким и др. избитые слова о том, что казаки якобы были «грабителями», «разбойниками», «авантюристами» и т. д. Непонимание решающего значения освободительной борьбы украинских казаков, участвующих в войне на стороне Польши против Турции и ее вассала крымского хана, характерно для Третьяка.

Из-за нежелания отдать должное казакам Третьяк не мог осветить ряд интересных вопросов военного искусства казаков: тактические приемы в Хотинской войне, систему обороны, ночные атаки и другое.

¹ В. Д. Смирнов, «Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма», СПб., 1881.

Однако труд Третьяка выгодно отличается от всех работ европейской историографии, затрагивающих проблему истории Хотинской войны 1621 года, как богатством содержания, так и формой изложения исторических событий. Третьяк проделал большую и полезную работу. Он обратил внимание историков на события минувших времен, сыгравших в истории славянских народов большую роль.

Освободительная борьба украинского народа отражена также в украинских летописях XVII—XVIII веков. В летописи Самовидца, в самом ее начале, говорится о борьбе с турками¹: в авангарде освободительной борьбы украинского народа против турок и татар стояли казаки, в задачу которых входило не допустить нападения турок и татар «на русскую землю»².

Перенеся центр тяжести освободительной борьбы на неприятельскую территорию, казаки взяли Трапезунд «и изсекли Синоп до фундаменту опровергли и под Константинополем корысти набрали»³.

Со времени образования запорожского казачества Турция не могла не обратить серьезного внимания на него. Быстрота его численного роста и укрепление военного могущества Запорожья стали угрозой для военных планов турок на Востоке Европы. В летописи Грабянки указывается, какое беспокойство охватило султана в связи с укреплением военной мощи Запорожья. Султан, заявлявший, когда ему говорили о восстаниях окраин его государства, что об этом он ничего и слышать не хочет, признавался: что касается казаков, «мушу единым ухом слухаты»⁴.

Казаки, проживавшие по обеим сторонам Днепра выше и ниже порогов, имели задачей не давать туркам и татарам падать на русские и польские земли⁵.

Запорожские казаки, как патриоты, везде, на море и на земле, не раз громили турок и татар и тем самым «сугубую добродетель творили: едину, яко от хищников татар пленных христиан отъемлюще свободою даровали, другую, яко польское королевство и Русь от всяких им наносимых татарам озлоблений крепко защищали»⁶.

Описывая освободительные походы казаков на Турцию и Крым, Грабянка не раз отмечает их патриотический характер. «Без найму, своєю волею на татаре хождаху»⁷ и, как правило, в большинстве случаев неприятеля «побеждаху»⁸.

¹ Летопись Самовидца, М., 1846, стр. 1.

² Там же, стр. 1.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Летопись Г. Грабянки, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 21.

⁶ Там же, стр. 1.

⁷ Там же, стр. 19, 21.

⁸ Там же, стр. 22.

Как в оборонительных, так и в наступательных боях с турками и татарами на первый план выдвигается легендарный предводитель запорожских казаков под Хотином Петр Канашевич Сагайдачный¹.

«Не осталось почти турецкого и татарского города, — говорит Г. Ф. Миллер, — во всех окрестности Черного моря, который не почувствовал его посещения»². Сагайдачный выиграл сражение у Хотина в 1621 году в войне с самым сильным султаном Османом II³.

Вопросы освободительной борьбы украинского народа нашли отражение в изобразительном искусстве. Выдающееся место в нем занимает картина талантливого мастера И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Величественная картина непреклонной воли к борьбе с турецкими агрессорами встает перед нами, как только мы обращаем свои взоры на эту картину. В образе запорожцев художник отразил целую героическую эпоху, связанную с борьбой украинского народа с турецкими феодалами. В картине «Запорожцы...» можно видеть не только мужественные образы сынов украинского народа, но в ней отражены чаяния этого народа, решимость его обуздать агрессора — турка. Произведение выдающегося русского мастера Репина «Запорожцы...» относится к числу незабвенных памятников героической борьбы украинского народа против султанской Турции. Оно возрождает в памяти нового поколения величественную картину освободительной борьбы украинского народа с врагами нашей родины.

Известное место при изучении борьбы украинского народа против турецко-татарской агрессии нужно отвести дневникам и мемуарам современников-очевидцев. К ним относятся сочинение М. Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян (1550 г.)»; Блез де Виженера «Описание польского королевства и порубежных с ним стран (1573 г.)»; Леонардо Горецкого «Описание войны Ивонии, господаря волошского (1574 г.)»; «Дневник Эриха Ляссоты из Стеблева (1588 — 1594 гг.)»⁴; «История о двух походах султана Османа (1620—1621 гг.)» М. Титловского; «История Хотинского похода 1621 года» Якова Собеского; «Сведения о походе в Крым 1628 г.» Михаила Дорошенко; «Описание Украины» Боплана (1630—1648 гг.); «Сказание о невольниках, освободившихся из

¹ Летопись Самовидца, стр. 3—4, Летопись Г. Грабянки, стр. 25.

² Г. Ф. Миллер. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах, М., 1846, стр. 6.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Все они вошли в Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, Киев, 1890. В дальнейшем ссылка: Мемуары, вып. I.

турецкой каторги» (1643 г.)¹. В них мы находим обильный фактический материал по важнейшим вопросам экономики, культуры Украины и Польши, внутренней жизни и международного положения запорожского казачества, о судьбах невольников и пленных, попадавших в пределы Османской империи, о войнах и набегах турок и татар на Украину с целью захвата земель украинского народа и его порабощения, о борьбе украинского народа против турецко-татарских агрессоров и польско-литовских магнатов и некоторые другие вопросы. Правда, в них имеет место субъективизм и тенденциозность в оценке событий, в характеристике народов и их деятельности. Так, например, М. Литвин наряду с изложением ценнейших сведений о страшной участи христианских невольников², угоняемых в Турцию и Крым, об экономике и торговле³ Украины и по некоторым другим важным вопросам, стремясь исправить нравы своего народа, утрирует недостатки своих соотечественников⁴ и добродетели соседей, в частности турок и татар⁵.

Блез де Виженер, напротив, в характеристике татар, их жестокости договаривается до утверждения, что татары — это не люди, что о них не стоит говорить, тем более не стоит трогать чернила на «такой презренный предмет»⁶. Для «доказательства» своей мысли он обращается к биологическим особенностям татар — цвету кожи, форме носа, разрезу глаз⁷ и т. д. Антинаучность такого обоснования очевидна. Неверны и некоторые сообщаемые им сведения военно-исторического характера⁸. В целом, однако, «Описание» Виженера имеет важное значение для характеристики Речи Посполитой в начальный период ее образования. Описание Виженера было составлено для ознакомления нового польского короля с положением государства и охватывает большой круг политико-экономических, военно-исторических, естественно-географических и некоторых других вопросов.

Сочинение Горецкого представляет памятник, весьма интересный для изучения борьбы Польши с Турцией во второй половине XVI века за гегемонию над Молдавией⁹.

¹ Эти и некоторые другие памятники вошли в Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. II, Киев, 1896. В дальнейшем: Мемуары, вып. II.

² М. Литвин. См. Мемуары, вып. I, стр. 18—23, 43 и др.

³ Там же, стр. 48—52.

⁴ Там же, стр. 25, 22, 43 и др.

⁵ Там же, стр. 23, 24, 25 и др.

⁶ Блез де Виженер. Описание польского королевства..., см. Мемуары, вып. I, Киев, 1890, стр. 79.

⁷ Там же, стр. 79, 80.

⁸ Там же, стр. 80.

⁹ Леонард Горецкий. Описание войны Ивонии, господаря Волошского, см. «Мемуары...», вып. I, стр. 89—136.

В начале XVI века, несмотря на ожесточенное сопротивление турецким захватчикам, Молдавия утратила свою независимость. Начиная с XVI века, в Молдавии устанавливается более чем на три века господство турок. У Турции были серьезные основания стремиться удержать Молдавию в своих руках. Захватив Валахию, турки пошли на Венгрию. В 1526 году, в результате разгрома турками чешско-венгерского войска в битве у Могача, Венгрия была расчленена на три части, из которых средняя превращена в турецкий пашалык. В 40-х годах XVI века Трансильванское княжество также вынуждено было признать свою зависимость от Турции.

Турецкой агрессии в страны Юго-Восточной Европы значительно способствовала политика Франции и Англии¹. Политику этих стран в отношении Турции определяли в XVI веке торговые интересы. Турецкая империя являлась рынком сбыта для этих стран, постепенно вступающих на путь капиталистического развития. Англия и Франция, защищая свои интересы в Турции, оказывали последней дипломатическую и военную помощь.

Русское правительство проявляло некоторую заботу о Молдавии, оказывало молдавскому народу финансовую помощь. Однако борьба русского государства за воссоединение Украины и Белоруссии в конце XV и первой половине XVI веков требовала поддержания мирных отношений с Турцией и предотвращения возможности ведения военных действий на два фронта.

Молдавия, следовательно, в ее борьбе против турок не могла ждать действенной помощи извне. После падения Килии и Белгорода подчинение Ногайской Орды султану и обоснование ее в Буджаке делали сопротивление Молдавии туркам почти невозможным.

В 1484 году турецкие войска захватили Килию (15 июля) и Белгород (20 июля). При этом с турецкой стороны участвовало 100 кораблей больших и малых, 300 тыс. турецких сухопутных войск и 30 тыс. татарских сухопутных войск².

Падение Килии и Ажкермана открыло путь турецким агрессорам на север и закрыло путь северным государствам к Черному морю³. К сожалению, король Венгрии Матвей умышленно не выступил против турок и не воспрепятствовал захвату этих двух городов⁴.

И король Польши сделал очень мало. Хотя он сказал, что не нужно дать туркам укрепиться на берегах Черного моря и

¹ Об этом см. главу нашей работы «Хотинская война 1621 года... Международное значение Хотинской войны».

² N. Jorga, Studii istorice asupra Chilicisi si Cetatii Albe. Bucuresti. 1899, p. 101.

³ Там же, page, 101.

⁴ Там же, page, 101.

Дуная и надо препятствовать их дальнейшему продвижению в глубь Молдавии¹, но дальше дипломатического демарша Польша на сей раз не пошла.

Стратегическое значение Молдавии возросло еще больше в связи с тем, что европейские купцы забросили путь через Килию и Белгород, торговый путь к портам Дуная пролегал теперь через Молдавию².

А два больших порта, Килия и Белгород, остались обслуживать торговлю турок и татар. В большой упадок пришло и было почти заброшено здесь рыболовство. А ранее здесь шла оживленная торговля, рыболовство было знаменитым³. Через Белгород проходил путь, связывающий Запад с Востоком, Краков — Львов с Черным морем и Востоком⁴.

Путь, проходящий через Луцк — Владимир, вел до Кафы. Второй путь через Галич—Коломыю—Снятин—Сирет—Сучаву—Бырлад—Белгород—к Черному морю. После падения Кафы в 1475 году второй путь был наиболее выгодным и полным купцов⁵.

Молдавский вопрос для Польши не был маловажным вопросом. Даже при крайне затруднительном положении Польши, она вела в отношении Молдавии активную политику. В числе причин, нарушающих мирные отношения Польши с Турцией, было неясное и непостоянное отношение зависимости Молдавии от Турции, с одной стороны, от Польши с другой⁶. Над ней по очереди осуществляли протекторат Польша и Турция с видимым перевесом, однако, этой последней.

По единодушному признанию всех исследователей вопросов, связанных с историей Хотинской войны, одной из причин войны как 1620, так и 1621 годов была Молдавия⁷. Она была в данном случае яблоком раздора между Турцией и Польшей. Польские паны совершали в эту страну походы, кончавшиеся обычно весьма грустно (Стефан Потоцкий в 1612 году, Михаил Вишневецкий и Самуил Корецкий в 1616 году). Тратились лучшие силы, чтобы обеспечить Польше «берега Черного моря»⁸.

В свете сказанного выше, «Описание войны Ивонии...» в

¹ N. Jorga, Studii istorice asupra Chilicisi Cetatii Albe. Bucuresti. 1899, page, 101.

² Там же, page, 191.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. (В дальнейшем ссылка на этот труд оформляется так: N. Jorga, page...).

⁶ J. Tretjak. Historja wojny chocimskiej (1621), Krakow, 1921, S. 12.

⁷ Мухоммед Тавфик. Тарихи османи, Константинополь, 1305, стр. 185; Эвлия Челяби Сяхетнамеси, т. 5, первое издание, 1315, стр. 123; Тарихи Нанма, т. 2, стр. 206; К. Челяби. Фезлеке, л. 160, 161 и др.

⁸ М. Бобржинский. Очерк истории Польши, т. 2, СПб., 1891, стр. 171.

исторической литературе второй половины XVI века занимает исключительное место. Леонард Горецкий занимает почетное место наряду со своими современниками Мартином Бельским и Яном Ласицким. Этим трудом в XVII веке пользовался при составлении своих сочинений Семион Сторовольский. Сочинение Горецкого представляет памятник, весьма интересный для истории борьбы Польши с Турцией во второй половине XVI века за гегемонию над Молдавией¹.

Мемуары-сочинения Эриха Ляссоты, Якова Собеского, Боплана и другие, упомянутые нами, являются первоисточниками, на которые ссылаются все европейские исследователи истории Украины, Польши, Крымского ханства и Турции. Значение трудов современников-очевидцев, близко наблюдавших жизнь народов определенного периода, для истории несомненно. В трудах современников верно, точно изображаются нравы и обычаи народов, их жизнь и связь с другими народами, созидательная деятельность народных масс. Ряд из них включает в себе неоценимые сокровища для истории. В них подробно описываются многие события, о которых летописцы только бегло упоминают. Они помогают сделать более полные, более верные и важные выводы по малоизученным или вовсе не изученным вопросам истории. К числу подобного рода памятников относятся «Записки о Московии» С. Герберштейна². Длительное время (с 1515 по 1552 гг.) Герберштейн исполнял обязанности посла, преимущественно по венгерским и польским делам. Два раза был с посольством в Москве — в 1517 и 1526 гг.³. Знал русский и чешский языки. Изучал русские летописи. Был одним из тех, кто знакомил Европу с историей и географией России. Сочинение Герберштейна переведено на многие языки, только в России оно выдержало 6 изданий и до сих пор пользуется большой популярностью. Очень интересные сведения сообщает он о татарах, о их военных приемах, вооружении, пище и т. п.⁴ Весьма ценны его данные о территориальных претензиях татар: татары заботились, чтобы их царство было пространном⁵. О том же, но более конкретно, в октябре 1505 года сообщал из Крыма Алексей Заболотский: «Готовится вторжение в литовскую землю с целью, чтобы литовскую землю завоевать»⁶.

Рельефно проявляются захватнические настроения татар в работах Герберштейна, например, там, где он приводит

¹ См. Мемуары, вып. I.

² С. Герберштейн. Записки о Московии, СПб, 1866.

³ Он был в Москве в качестве посла императора Максимилиана и Римского короля Фердинанда.

⁴ С. Герберштейн, Записки о Московии, стр. 131—137.

⁵ Там же, стр. 138.

⁶ Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв., М., 1887, стр. 163—164.

разговор русского с татаринoм. Однажды один русский (москoвич) взял в плен жирного татарина. На вопрос, откуда у тебя «такой жир, когда тебе нечего есть?» — татарин ответил ему: «Почему это мне нечего есть, когда я обладаю такою обширною землею от Востока до самого Запада; разве от нее я не могу получить всего в изобилии? Скорее тебе нечего есть, потому что ты владеешь такою маленькою частицею земного шара и ежедневно за нее сражаешься»¹.

Характерно сомнение Герберштейна относительно того, могли крымский хан Мехмед Гирей увести с собой из Московии 800 000 пленников и продавать их в Кафе туркам, а частично истребить².

В «Записках...» имеются редкие данные об украинских и русских городах: Черкассах, Перекопе, Могилеве, Орше, Смоленске и др.³ Специальный раздел посвящен вопросу приема послов, обхождения с ними.

Труд Герберштейна является одним из лучших памятников прошлого, он содержит ценные данные о борьбе русского и украинского⁴ народов против турецко-татарской агрессии.

Несомненное значение для изучаемого здесь вопроса имеет «Краткое известие о Московии в начале XVII века» голландского купца Исаака Масса⁵ (1587—1635), проживавшего в Москве в начале XVII века. Записки Масса являются одним из важнейших иностранных источников истории крестьянской войны и интервенции в Московском государстве. Он дает точные сведения о событиях, при которых присутствовал заведомо узкий круг лиц. Например, описание приема нескольких послов, близкое к отчетам и донесениям самих послов.

Приведенные им факты о походах крымских татар на русское государство в 1555 году имеют первостепенное значение. Описывается, например, как огромная орда в несколько сот тысяч человек разоряла все населенные пункты, встречавшиеся ей на пути, совершая «все это по велению турецкого султана, под властью которого находился Крым»⁶.

Направленное против орды русское войско под предводительством Ивана Шереметьева, Льва Салтыкова и Александра Басманова обратило неприятеля в бегство, и при этом много татар было перебито, захвачено в плен. Кроме того, русским достались большие трофеи, в том числе лошади и верблюды⁷.

¹ С. Герберштейн. Записки о Московии, стр. 138.

² Там же, ст. 144.

³ Там же, стр. 158—160.

⁴ Там же, стр. 161.

⁵ Оно выдержало несколько изданий. Мы пользовались Московским изданием 1937 года.

⁶ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII века, М., 1937, стр. 26.

⁷ Там же.

Интересно сообщение о письме султана (1556 г.) царю Ивану IV об уплате дани или подати и об ответе царя султану: в случае, ежели султан еще раз напишет такое письмо, то он может быть уверен в том, что последует, наконец, указание разорить его страну¹. «Разве, — говорил царь Иван, — вы не слышали, какая участь постигла царя казанского и астраханского, ваших союзников, ежегодно вами подстрекаемых к нападению на мое государство; то же будет и с вашею странюю и я начну поход с Тюмени до Азова и Грузии, на сей же раз я вас прощаю»².

Эту сторону самостоятельности политики русского государства широко отразили в своих трудах европейские историки. Например, Цинкайзен, сравнивая прием послов северных держав в султанском дворце, заметил, что обе северные державы, с которыми Порты поддерживала дипломатические отношения, не имели еще в то время своих постоянных представителей в турецкой столице. Но их временным посольствам в мирное время всегда оказывали доброжелательный и даже отличный прием при дворе султана.

Характерно, что посол Московского государства «один из первых отказался преклонить колени перед султаном и вручить требуемый от него почетный дар»³. Затем у Масса следуют подробности событий 1569 года, говорится о новом походе крымских татар на Москву в июне—июле 1591 года, о военных приемах татар, о невольниках и затрагиваются другие вопросы экономического и военно-политического характера. В отношении Польши турки преследовали определенную цель, исходя из ее слабости и склонности любой ценой завоевать покровительство Турции. Как по времени описываемых событий, так и по содержанию труд Исаака Массы представляет большой интерес для историков. Однако без строго критического подхода эта работа использована быть не может.

В нашем труде привлекаются специальные исследования по Турции и Украине Цинкайзена, Гаммера, Энгеля, Йорга, Богдана Барановского и некоторых других.

Немец Гаммер (1774—1856) находился на дипломатической службе на Востоке. Он знал турецкий, арабский, фарсидский языки, работал в области истории ислама и литературы, был ректором Венской академии. Его многотомная история Османской империи переведена на европейские и на турецкий языки.

И. Гаммер в своей «Истории Османского государства»⁴.

¹ Исаак Масса, Указ. труд, стр. 28.

² Там же.

³ J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Bd III. Cotha, 1855, s. 847.

⁴ J. v. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reichs, Bd. I—X, W., 1827—1835.

описывая общий ход исторических событий в Турции, коротко останавливается и на истории Хотинской войны 1621 года. Он не ставил перед собой цель специально изучить эту войну и ограничился только поверхностным изложением фактических данных, не вдаваясь в глубокий анализ причин и следствий этой войны. На общем фоне истории Турции Хотинская война выглядит как эпизод, как исторический факт, имевший место в 1621 году. Гаммер был ориенталистом. Ему доступны были труды крупных турецких историков, которые он широко привлекает в своих исследованиях по истории Турции. При освещении истории Хотинской войны Гаммер ссылается главным образом на «Тарихи Наима» — на труды известного турецкого летописца, общественного деятеля Мустафы Наима. Правда, по этому вопросу Гаммер привлекает и некоторые другие источники.

Изложение Гаммера, в сравнении с другими источниками, обнаруживает хронологическую последовательность и логическую стройность. Высоко оценил работу Гаммера по истории Турции Карл Маркс¹.

Однако работа Гаммера страдает серьезными недостатками. К их числу, в первую очередь, относится приурочивание истории к жизни и деятельности отдельных султанов, визирей и других государственных деятелей.

Таким образом, история и ее периоды подчинены случайным событиям и деятельности лучших, одаренных и худших — неодаренных деятелей. Так, например, во втором томе (1400—1453) его истории охватывается период от второй осады Стамбула султаном Баязидом Иильдырымом до захвата его султаном Махмедом Фатихом. Третий том (1453—1494) от захвата Константинополя до смерти царевича, брата Баязида. Четвертый том (1494—1520) до кончины царевича, брата Баязида, до смерти Селима I и т. д.²

Таким образом, проведенная Гаммером периодизация истории Турции ненаучна. Помимо этого, работа содержит массу фактических ошибок — автор путает договоры с соглашениями, географические наименования, а также допускает немало ошибок при переводе с хиджри на милади (даты). Это обнаружили и турецкие историки, переводившие «Историю Османского государства» Гаммера на турецкий язык. Ошибки и неточности, допущенные Гаммером при использовании восточных авторов, при переводе были исправлены и уточнены, но не все. На труды Гаммера ссылаются все последующие историки по Турции, как правило, механически повторяя его недостатки и ошибки. Поэтому помимо строгого критического подхода к его выводам и обобщениям необходимо осто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, М., 1933, стр. 61.

² В немецком издании каждые два тома объединены в один под единой нумерацией.

рожно относиться к фактическим данным в трудах Гаммера.

К числу хороших работ по истории Турции, в которых отражены и некоторые моменты изучаемого вопроса, являются труды Иоганна Вильгельма Цинкайзена. Его история Оттоманской империи написана на основании многочисленных источников, среди которых значительное место занимают дипломатические документы—депешы, донесения, доклады, наблюдения, сообщения и др.

На наш взгляд, не случаен тот факт, что Цинкайзен так широко привлек в своих исследованиях дипломатические документы, ибо, согласно установившемуся с давних пор в европейских странах обычаю, послам давались определенные задания, вменялось в обязанность в период пребывания в аккредитованных странах составить подробное донесение о состоянии государства. После возвращения в течение 15 дней посол обязан был прочесть на торжественном заседании правящей верхушки *relazioni*—донесение о положении государства, при котором он был представлен. Затем посол передавал полный текст своего отчета самому государю, который помещал его в секретный архив дипломатических актов. Так они сохранились для поколений. Ввиду их важности (в них давались подробные характеристики деятелям правящей верхушки, их внутренней и внешней политики, описывались финансово-экономические ресурсы и военный потенциал государства, положение разных слоев населения и др.), в европейских странах разными путями старались раздобыть их. Копии *relazioni* попадали в обращение. Их использовали не только как источник сведений, но на лучших послы учились выполнять свою службу. Более глубоким содержанием отличались дипломатические акты Венеции, Англии, Франции.

Герберштейн имел конкретное задание дать объективное и правдивое описание Московского государства. Автор признает, что это он выполнял¹. Ввиду того, что в Западной Европе почти не знали Москву, он старался писать, более всего надеясь «на тщательность... исследования и на опытность в языке славянском, что великим... послужило пособием в труде такого рода»². При этом он подчеркивает, что «был очевидцем описываемых событий», много «почерпнул из источников», и со «многими лицами рассуждал об этих делах при всяком случае»³.

К сожалению, многое из того, что имеется у Цинкайзена, даже у Гаммера в этой части, не доступно нам и в наши дни. Может быть, некоторые памятники и вовсе уничтожены в рукописи.

¹ С. Герберштейн, стр. 3.

² Там же.

³ Там же.

Исследования Цинкайзена основаны на многочисленных данных из различных, разнообразных по характеру источников, среди которых имелись сборники исторических, экономических, военных документов. Кроме того, труды его выгодно отличаются широким освещением финансово-экономических вопросов и более точной хронологией. В своих выводах Цинкайзен чаще обращается к документам, старается устранить в оценке событий элементы субъективизма. Так, например, для характеристики наступившего кризиса в столице Оттоманской империи после поражения под Хотинском в следующем, 1622 году, он ссылается на депешу английского посла в Константинополе Т. Роя королю Якову I от 27 июня и 14 июля 1622 года. «Из них,—говорит он,—мы узнаем, что Константинополь находился тогда в самом жалком обороноспособном состоянии и едва ли в силах был бы с успехом отразить отважное нападение казаков»¹.

Подобным образом поступает он в своих основных выводах. Некоторые недостатки его трудов легко обнаруживаются в понимании им характера казацких походов, истинные цели которых остались ему неизвестными, казацкого вопроса во взаимоотношениях между Польшей и Турцией и связанных с ним некоторых других вопросов. Сугубо критического подхода требуют также сообщаемые автором цифровые данные, которые часто передаются неточно, а иногда носят фантастический характер.

В числе работ по истории Украины и казачества, написанных в конце XVIII века, известное место занимает сочинение Энгеля². Это одна из первых работ, написанных на данную тему. В своем труде Энгель использовал мемуарную литературу³, главным образом польскую, и старался охватить важные стороны из истории Украины и украинского казачества. Из трех периодов, на которые он делит историю Украины, более интересным является второй период — Украина под польским господством 1569—1654 гг. В этот период казаки выступают у Энгеля в роли «ангела-хранителя Польши» и используются ею в борьбе против своих неприятелей⁴.

Видное место занимает помощь украинских казаков господарю Молдавии Ивонии в борьбе против турок (1573). Энгель не ограничился описанием этой войны у Леонарда Корецкого, он привлек новые источники и представил ее в более полной форме. При этом он еще раз подчеркнул непоколебимую волю казаков, которые не за деньги, а «стремясь к славе и борьбе

¹ J. W. Zinkeisen, Bd. III, S. 754.

² J. v. Engel. Geschichte der Ukraine und der Cosaken. Halle, 1796.

³ Боплан, Описание Украины; Я Собеский, Хотинская война и др.

⁴ J. v. Engel. Указ. труд, S. 19—20.

с заклятыми врагами христианства»¹, пришли на помощь молдавскому народу.

Если бы не ошибки Ивонии и предательство коменданта Хотина, «то Турецкая империя не была бы, конечно, как это утверждает Горецкий, свалена, но все же основы ее были бы потрясены»². Роль украинского казачества в этой войне, и вообще в борьбе с турками и татарами, отражена неплохо. Автор убедительными данными доказывает широкую хозяйственную деятельность казачества. Видит он в запорожских казаках неутомимых защитников христианства, безопасности которого угрожало нашествие с Востока.

К недостаткам работы Энгеля в первую очередь относятся эмпиризм, некритический анализ источников и преобладание описательного элемента при отсутствии конструктивного, в строго научном смысле этого слова. Кроме того, имеют место грубые фактические ошибки. Так, например, невероятным кажется его утверждение о пребывании Богдана Хмельницкого под Хотином в 1621 году, в то время как Богдан Хмельницкий в 1620 году под Цецорой попал в плен и был увезен в Турцию. Лишь через 2 года его выкупили казаки. Под Хотином он в 1621 году не был и не мог быть.

Некоторое отношение к нашей работе имеет труд румынского буржуазного историка Николая Йорга — «Истории Османской империи, написанные на основании источников»³. В нем освещены военно-политические, финансово-экономические и дипломатические вопросы Турции. Описываются войны и походы Османской империи с целью захватов, источники доходов, международное положение империи.

На основании тщательного изучения финансово-экономической политики империи Йорга пришел к выводу, что «война была для императорских финансов доходным делом»⁴. Финансовых средств для ведения войн всегда хватало, ибо военная система обеспечивала страну нужным количеством войск. Морской флот «не стоил ничего». Ни один из санджарков не прибывал в лагерь «без дорогого подарка», а края, через которые проходило войско, сами должны были обеспечивать его провиантом⁵ и т. д. Помимо положенной ежегодной дани чистыми дукатами⁶, скуди⁷, золотыми, зависимые от Турции страны посылали в Константинополь «для военных целей

¹ J. v. Engel, S. 72.

² Там же, S. 73.

³ N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen dargestellt. Bd. 2, 3, 4. Cotha, 1909, 1910, 1911.

⁴ N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen dargestellt, Bd. 2. Cotha, S. 352—356.

⁵ Там же.

⁶ В 1558 г. валашское княжество платило 50000 дукатов дани. N. Jorga, Bd. 3, S. 65.

⁷ В 1561 г. молдавское княжество платило 50000 скуди. Там же.

деньги сверх упомянутых»¹. Кроме того, посылались 500 000 лошадей и до 15 000 мерок ржи и ячменя. Исключением была Венгрия. Она платила только 10 000 дукатов и была освобождена от военной контрибуции².

Касаясь основы турецкой дипломатии, Йорга отмечает ее специфические особенности — запугивание своей военной мощью, шантаж и одностороннее нарушение любого мира³.

Ценные сведения имеются в трудах Йорги относительно организации таможенной системы у запорожских казаков. Восточных купцов, которые ездили в Москву закупать дорогие меха и другие товары севера, «пропускали они свободно», но турки или христианские подданные султана, должны были «платить казакам пошлину со своего имущества и доходов»⁴. Документально обосновывается одна из важных сторон запорожского казачества, что «часто находили они в лице москвитян союзников в их борьбе с татарами, а иногда и с турками...»⁵.

Как бы осуждая внешнеполитический курс польских правящих кругов, Йорга пишет: «В лице турок поляки видели своих естественных союзников против москвитян...»⁶.

Правдиво раскрываются причины упадка военного могущества Турции. Их он находит в падении военно-ленной системы Османской империи⁷.

Несмотря на целый ряд интересных и ценных сообщений, Йорга допускает серьезные ошибки как методического, так и фактического характера. По вопросам периодизации он слепо, без попытки внести какие-либо новые положения, следует по пути своих предшественников. Важнейшие вопросы социально-экономической жизни, развитие производительных сил и производственных отношений подчиняет он деятельности королей, султанов, излагает военно-исторические события, не вскрывая их побудительных внутренних причин. Вообще чужда Йорге научная концепция в вопросах развития общества, его закономерностей, вытекающих из основ социально-экономических формаций.

В XIX веке больше чем во всех веках написано об Украине и украинском казачестве—запорожском и реестровом. Из всех веков мировой истории, предшествовавших XX веку, XIX век занимает исключительное место. Именно в XIX веке развитие экономики и техники, науки и художественной литературы пошло неслыханно быстрыми темпами. В середине века зародилось бессмертное учение Маркса—Энгельса, новая

¹ N. Jorga, Bd. 3, S. 65.

² Там же.

³ Там же. S. 76—81.

⁴ Там же, S. 111.

⁵ Там же.

⁶ Там же, S. 113.

⁷ Там же, S. 217—228.

революционная теория об исторической неизбежности краха капитализма и наступлении новой эры человечества—социализма, коммунизма. Необходимо было сделать эту теорию достоянием миллионов людей, готовить их к штурму основ капиталистического общества, чтобы разрушить его и создать новое общество, общество без эксплуататоров. Идеологическая борьба обрела острую форму.

Когда К. Маркс и Ф. Энгельс создали диалектико-материалистическую теорию общественного развития, тогда возникла прямая необходимость изучения всей истории с этой позиции, с позиции марксизма.

В 1890 году Ф. Энгельс поставил перед наукой задачу о необходимости критической переработки всего исторического наследия прошлого. Он писал, что «...наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения»¹.

Одним из важнейших источников, имеющих непосредственное отношение к исследуемому вопросу, является рукопись Кятиба Челяби «Фезлеке»². Мустафа Абдулла Кятиб Челяби, или как его чаще называют Хаджи Халифа (Хальфа), был разносторонне образованным человеком. Он всю свою сознательную жизнь прослужил в военном ведомстве. Выполняя различные поручения, он посетил Малую Азию, Месопотамию, Сирию, Персию. Приехав в 1634 году в Константинополь, Кятиб Челяби решил поселиться здесь. Он служил в должности «хальфи» (наместника). Труды, оставленные Кятибом Челяби, касались самых различных областей знаний—истории, географии, библиографии и т. д. Наиболее ценным из его трудов является историческое произведение «Фезлеке». Для изучения истории Хотинской войны этот источник имеет важное значение. Однако по данному вопросу он до сих пор никем из историков не использовался, впервые привлекается нами.

В этой рукописи отражены некоторые походы украинских и донских казаков в Турцию и Крым. Но наиболее полно в ней изложена история Хотинской войны 1621 года. Авторитет Кятиба Челяби является общепризнанным для историков Востока и Европы. На его труды ссылаются многие историки. По богатству содержания и по хронологической последовательности рукопись «Фезлеке», среди других трудов Челяби, безусловно, занимает первое место. Однако следует иметь в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1947, стр. 421.

² Фезлеке означает «резюме, вывод».

виду, что автор стоит на идеалистических позициях и является ярким националистом, активным защитником агрессивной политики правящих кругов Османской империи. В «Фезлеке» проявляются реакционные взгляды Кятиба Челяби при изложении событий Хотинской войны. Эту войну Кятиб Челяби называет «походом ислама против гяуров».

Защищая агрессивную политику господствующей верхушки Османской империи, Челяби пишет, что все делалось «на основе старинного закона», т. е. закона мусульманской религии. В основе мусульманской религии лежит «коран». А «коран» объявляет «всякого чужеземца врагом»¹.

Изучением определенного периода военной и политической истории Османской империи занимался известный турецкий летописец Мустафа Наима (умер в 1716 году). Наима был официальным государственным летописцем при дворе султанов. Его хроника «Тарихи Наима» («История Наимы») ¹ охватывает период Османской империи с 1592 по 1659 год. Хроника Наимы, хотя и носит компилятивный характер, но отличается ясностью мысли и простотой изложения. Как летописец, Наима описывает события истории в строго хронологической последовательности. Не случайно поэтому, что на его труды ссылаются все последующие историки Востока и Европы. Хроника Наимы заняла прочное место в исследованиях, посвященных истории Османской империи этого периода. Такие крупные ориенталисты, как И. Гаммер, В. Д. Смирнов, хотя и подчеркивают ее компилятивный характер, но широко привлекают сообщаемые ею данные в своих трудах.

Польские ориенталисты сделали выборочный перевод некоторых разделов хроники Наимы, касающихся польско-турецких отношений. На них ссылаются многие историки, в том числе и Третьяк.

Несколько ссылок на Наиму имеется и у М. Грушевского в его трудах по истории Украины. Но последний, как известно, не был ориенталистом, пользовался только польским переводом фрагментов из хроники Наимы и поэтому допускает фактические неточности в цитировании.

Из советских ориенталистов на Наиму ссылается А. С. Тверитинова в своем специальном исследовании «Восстание Кара Языджи—Дели Хасаа в Турции»². А. С. Тверитинова пришла к выводу, что, по сути дела, Наима занимался плагиаторством, целиком переписав «Фезлеке» Кятиба Челяби. Она пишет: «...при более детальном знакомстве с историей Наимы становится ясным, что он целиком переписал «Фезлеке» Кятиба Челяби, внося в нее небольшие, главным

¹ Наима Мустафа. Тарихи Наима. Стамбул, 1864.

² А. С. Тверитинова. «Восстание Кара Языджи Дели Хасана в Турции», М.—Л., АН СССР, 1946.

образом стилистические, изменения и только кое-где дополнил новыми фактами из других источников. Это в свое время было замечено В. Д. Смирновым¹. С этим согласиться целиком нельзя. Тверитинова, видимо, судит по части хроники Наима, касающейся восстания Кара Языджи, а делает выводы о «Тарихи Наима» в целом.

Изложение событий восстания Кара Языджи у Наима местами действительно совпадает с текстом «Фезлеке», но этого нельзя сказать относительно его труда в целом. Так, например, Наима в отличии от Кятиба Челяби старается, правда не всегда удачно, более объективно описать события Хотинской войны 1621 года. Мы не станем брать Наиму под защиту, ибо у него много серьезных недостатков. Однако нельзя отрицать того, что сделано им. Мустафа Наима доводит свою хронику до 1659 года, тогда как «Фезлеке» оканчивается 1654 годом. Кроме того, Наима сообщает ценнейшие сведения о морских походах казаков на Турцию и Крым, а в отдельных случаях дает полную картину событий, которые не затрагиваются в трудах турецких историков. Так, например, Наима сообщает исключительно интересные данные о морском походе запорожских казаков на Трапезунд летом 1614 года и ряд других.

Благодаря своему служебному положению Наима был тесно связан со многими государственными деятелями Турции, хорошо знал придворные интриги, многие из которых он описал в своих трудах. М. Наима был защитником агрессивных устремлений господствующего класса Османской империи, и это не могло не сказаться на оценке описываемых им событий. Войну он рассматривал как источник дохода, а ведение войны, направленной против немусульман, — как священную обязанность турок.

Некоторые моменты из истории Хотинской войны нашли отражение в «Тарихи Печеви» («История Печеви»)². Труд Печеви Ибрагима (1574 около 1650 г.) охватывает период с 1520 до 1640 г. Печеви также был связан с военными кругами Турции того времени. Находясь в составе турецкого войска и занимая различные должности, Печеви был очевидцем многих описываемых им событий, как это явствует из его дневника. В своем труде Печеви касается некоторых сторон хотинского похода султана Османа II. Он старается изобразить Хотинскую войну как войну мусульман против «неверных».

Особенно важным является его признание особой роли украинских казаков под Хотинном. Печеви признает, что под

¹ А. Тверитинова. Указ. труд, стр. 18.

² Печеви Ибрагим. Тарихи Печеви, т. 1—2, Стамбул, 1865—1867.

Хотином все внимание турок был устремлено «на табор казаків»¹.

Некоторые ценные сообщения о Хотинской войне содержатся в восьмитомном труде историка, географа и путешественника Эвлия Челяби² (1611—1679). Труды Эвлия Челяби известны под названием «Эвлия Челяби Сияхетнамеси» («Путешествие Эвлия Челяби»). Вопросы Хотинской войны освещены в пятом томе этого сочинения. Этот том изобилует фактическим материалом по Хотинской крепости, описанием ее внутренней части, вооружения, а также содержит данные о войне 1621 года. Эвлия Челяби также вынужден был признать, что решающая роль в разгроме турецкого войска под Хотинском принадлежала украинским казакам. Хотя султан Осман II «с 200 000 войском осадил,— говорил Челяби,— Хотинскую крепость, но захватить ее не смог ввиду того, что королю (польскому) оказана была помощь со стороны»³, то есть со стороны украинского казачества.

Отдельные вопросы из истории Хотинской войны хорошо освещены в трудах современного турецкого историка Ахмеда Расима. Труд Ахмеда Расима «Османская история в рисунках и картах»⁴ охватывает период от основания турецкого государства до образования республики. В отличие от «Тариха» он дает последовательное изложение военно-политической истории Турции. В первом томе своего труда Ахмед Расим специально останавливается на вопросах Хотинской войны 1621 года. В разделе «Султан Осман II» автор освещает «Хотинский поход» султана. Сообщаемые им данные о войне, о поражении Турции и последствиях Хотинской войны для Османской империи представляют большой интерес для историков. Ахмед Расим устанавливает прямую связь между поражением Османа II под Хотинском и тяжелым внутренним и международным положением Турции после Хотинской войны.

Однако Ахмед Расим, как буржуазный историк, не понимает сущности ряда вопросов, затронутых им в своих трудах. Он механически повторяет старую, избитую теорию о том, что война была ошибкой молодого, малоопытного султана Османа II, которого великий визирь Али-паша «подстрекал на войну с Польшей»⁵. Непонимание классовой сущности войны, войны как продолжения политики насильственными средствами, характерно и для Ахмеда Расима. Отсюда и неверное толкование узловых вопросов истории, в том числе и

¹ Печев Ибрагим. Указ. труд, т. 2, стр. 377 и сл.

² Эвлия Челяби Сияхетнамеси, Стамбул, т. 1—8.

³ Эвлия Челяби Сияхетнамеси, Стамбул, т. 5, стр. 123.

⁴ Ахмед Расим. Ресми ве харители османлы тарихи, т. 1—4. Стамбул, 1924.

⁵ А. Расим. Указ. труд, т. I, стр. 566.

истории Хотинской войны. У него, по существу, история Турции сводится к истории «лучших и худших» султанов и визирей. Успех в войне объясняется личными качествами командиров и особенно главнокомандующего войсками.

Идеалистический взгляд на историю утвердился в турецкой историографии. Так, например, Ахмед Рефик говорит: «История исследует и рассказывает самые существенные события между людьми»¹. Этими людьми как раз и являются султаны, шахи, короли, визири и дипломаты. А существенными событиями являются войны, покорение и порабощение других народов. К этому сводятся взгляды авторов «Тариха», А. Расима, К. Челяби, Снай Османа, Эвлия Челяби и многих других турецких историков.

Турецкие феодальные и буржуазные историки в своих работах по истории Турции отражают националистическую идеологию эксплуататорских классов Турции. Они выдвигают реакционное положение о том, что Османское государство должно было господствовать над всеми остальными народами. Они оправдывают захватнические и грабительские войны, покорение и угнетение Турцией других народов.

Подбор, введение в оборот и комментарии фактов русскими буржуазными историками также подчинены были классовым интересам буржуазии.

«В течение первой половины XVII века,—писал Кулиш,—татары ни разу не задавались целью территориального захвата. Они почти не разрушали городов»². В другом месте читаем у него: «Главной целью татарских набегов был захват полона. Татары не стремились к истреблению живой силы и мало убивали людей»³.

Стоит ли стараться опровергнуть эти явно ошибочные сведения Кулиша. Общеизвестным надо считать, что при нашествии татар города не только разорялись, подвергались грабежу, но «упадали, исчезали с лица земли, как города»⁴.

Известно, что в то время, когда запорожцы были заняты в борьбе с Польшей за независимость и свободу, татары и турки, «пользуясь отсутствием казаков, разорили некоторые крепости казацкие по берегу Черного моря и на островах днепровских; увели многие табуны запорожские в свои крымские улусы и овладели большим пространством в степях днепровских»⁵.

¹ Ахмед Рефик. Умуми Тарих, Истамбул, 1929, стр. 1—2.

² П. А. Кулиш. Материалы для воссоединения Руси, т. I, М., 1877, стр. 434.

³ Там же.

⁴ Влахо-Болгарские или Доко-Славянские грамоты, изданные Юрием Венелиным, СПб., 1840, стр. 72.

⁵ И. Срезневский. Запорожская старина, ч. I, кн. 3, Харьков, 1834, стр. 42.

Крымские татары массами убивали невольников. Герберштейн отмечает не только убийство части невольников в Крыму, он рассказывает о методах и способах умерщвления «русского полона» татарами¹.

Порочной была утвердившаяся концепция о том, что до 1560 годов Восточная Украина была пустынной. Апостолом этой ошибочной теории в свое время был М. Грушевский², который старался превзойти даже фанатика этой теории Яблоновского. Однако дело обстоит не так. Исследование советского историка А. И. Барановича «Население предстепной Украины в XVI веке» убедительно доказало, что украинские земли от Сейма, Десны, Киева, Житомира, Винницы до Полтавы, Чигирина, Балты были в XVI веке сравнительно хорошо заселены и рассматривать эти районы «пустынными» нет никаких оснований³.

Тут надо принимать еще во внимание то, что нередко забывают исследователи—время между нашествием на Русь татаро-монгольских полчищ и заключением унии (1569 г.) было длительное. За этот период украинский народ не только восстанавливал разрушенное во время нашествия, но создавал много нового... Этот созидательный процесс никогда не прекращался. Правда, иногда его темпы замедлялись, но сам процесс создания новых городов, сел и освоения все новых районов, шел непрерывно. Это заметили многие современники-очевидцы—Виженер, Герберштейн, Эрих Ляссота, М. Литвин, Боплан и др. Так, например, М. Литвин восхищался многолюдными городами и селами Украины—Киевской земли, вдоль обоих берегов Днепра на его притоках... «На Борисфене и его притоках,—говорит он,—расположены многолюдные города и села, жители которых с детства привычны к плаванию, судоходству, рыбной ловле и охоте».

О многолюдных укрепленных городах и замках юго-восточной Украины сообщает Эрих Ляссота, прибывший в Запорожье к казакам с официальным визитом в 1594 году⁴.

Французский инженер Боплан после 17-летнего изучения Украины, обращаясь к королю Яну Казимиру, писал: «Местное (читай украинское—А. М.) народонаселение, посвятившее все свои заботы на благо Вашего королевства, так далеко отодвинуло его границы и приложило столько усилий к обработке...земель, встреченных им, что их необыкновенное плодородие составляет главный источник дохода для вашего

¹ С. Герберштейн, стр. 144.

² М. Грушевский, История Украины—Руси, т. VII, К.-Л., 1909, стр. 41—42, 43—47.

³ А. И. Баранович. Население предстепной Украины в XVI веке. См. «Исторические записки АН СССР», 1950, № 32, стр. 198—232.

⁴ См. Мемуары, вып. I, стр. 162—164.

⁵ Боплан. См. «Мемуары...», вып. II, стр. 295.

государства»⁵. Богатство Украины, созданное трудом ее народов, теперь прибавило «еще бесчисленное количество богатых лепестков» к королевской короне¹.

В польской и вообще в дооктябрьской историографии общераспространенным было утверждение о том, что запорожские казаки—это «скопище» всякого народа—украинского, польского, татарского и других народов. Это утверждение нужно было для оправдания другого тезиса господствующей верхушки польско-литовских магнатов, что казаки—это народ «без рода и племени», «разбойники», «грабители» и т. д. То, что все это ничего общего не имеет с научной историей запорожского казачества, достаточно полно и документально аргументировано советскими учеными—В. А. Голубуцким, И. П. Крипякевичем, А. К. Касименко и многими другими.

В свое время против теории разнородности запорожского казачества аргументированно выступил один из крупных исследователей истории запорожского казачества Д. И. Эварницкий. Он дал исчерпывающий, истинно правдивый ответ всем сторонникам этой теории. «*Запорожцы*,—говорит он,—не выходцы из Польши и не переселенцы из прикавказских областей, как думали историки в прошлом, да и теперь, а истинные сыны Малороссии, плоть от плоти и кровь от крови» (курсив наш—М. А.).²

Отдельные положения нашей работы аргументированы сокровенными созданиями народа—песнями и думами. Великий Кобзарь украинского народа Тарас Григорьевич Шевченко о народной песне писал:

«Наша дума, наша песня
Не умрет, не сгниет...
Вот в чем, люди, наша сила,
Слава Украины!
Не украшена ни златом,
Ни хвастливой ложью
Громозвучна и правдива,
Будто слово божье» («К.-Основьяненку»).

Великий революционный демократ Н. А. Добролюбов об украинском фольклоре писал: «В песне вылилась вся прошедшая судьба, весь настоящий характер Украины; песня и дума составляют там народную святыню, лучшее достояние украинской жизни, в них горит любовь к родине, блещет слава прошедших подвигов; в них дышит и чистое, нежное чувство женской любви, особенно любви материнской; в них же выражается и та тревожная оглядка на жизнь, которая

¹ Боплан, см. Мемуары, вып. II, стр. 295.

² Д. И. Эварницкий. Число и порядок запорожских сечей см. в «Сборнике по южнорусской истории», т. IV, 1883, стр. 90.

заставляет казака, свободного от битвы, «искать свою долю». Весь круг жизненных интересов охватывается в песне, сливается с нею, и без нее сама жизнь делается невозможной».

Оглядываясь на героическое прошлое украинского народа и думая о той роли, которую он сыграл в истории нашей отчизны, в истории народов Европы, грудью ограждая их от претендентов на мировое господство, от напора нашествия турок, которое угрожало коренным интересам народов Европы, мы видим перед собой страницу истории поучительной и славной. Украинский народ и его славные сыны-запорожцы создали преграду нашествию турок и татар на Европу и с оружием в руках вели против них героическую борьбу. И старый кобзарь поет мелодичным голосом думу о последнем запорожском кошевом атамане, славном Калыше:

Летела бомба моря
Да середь сечи упала.
Хочь пропали запорожцы.
Да не пропала их слава.

Огромный вклад, внесенный украинским народом в историю, глубокими корнями связан с историческими делами великого братского русского народа. Навеки связав свою судьбу в один узел, братские народы Руси создали могучую державу, победили всех своих врагов и, идя под единым знаменем вперед, заняли в истории человечества свое достойное место. Важной была в их судьбе борьба против вновь образовавшегося очага агрессии—против могущественной военно-феодальной Оттоманской империи, с ее хищными воинственными вассалами-татарами.

Воссоединение Украины с Россией сыграло решающую роль и в борьбе против этой агрессии. «Историческое значение решений Переяславской рады для судеб украинского народа заключалось прежде всего в том, что, соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией»¹.

Воссоединение Украины с Россией имело огромное значение для народов нашей страны. Ф. Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1851 года писал: «Россия.., по сравнению с Востоком, действительно прогрессивна. Русское господство... было цивилизующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии, для башкир и татар»².

Особо важное значение воссоединение имело для Украины. «Слившись навеки с единокровною ей Россией,—говорил

¹ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). М., 1954, стр. 10—11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. М., 1932, стр. 52.

В. Г. Белинский,—Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россией ей предстоит теперь великая будущность».

Россия сыграла опромную прогрессивную роль также в судьбе балканских народов.

УКРАИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII вв. ПОЛЬСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Вторая половина XVI—первая половина XVII веков—период напряженной борьбы украинского народа против многочисленных врагов, заливавших народной кровью украинские земли. Развитие этих земель тормозилось жестоким угнетением со стороны польских и литовских панов, венгерских магнатов, турецких султанов и татарских ханов.

Вследствие углубления феодальной раздробленности, а также в результате нашествия татаро-монгольских захватчиков единая древнерусская народность раздробилась на несколько частей, из которых позже образовались русская, украинская и белорусская народности.

Родственные по происхождению восточнославянские народы—русские, украинцы и белорусы—близки между собой «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹. Тесная близость между собой трех восточнославянских народов—русского, украинского и белорусского—исторически обусловлена тем, что они ведут свое происхождение от единой древнерусской народности. Общими предками этих народов были восточнославянские племена, исконно заселявшие территорию от Финского залива до Черного моря и Дуная. Восточные славяне, будучи очень близкими по языку, имея общую территорию, общую религию, одинаковый общественный строй и быт, к моменту создания у них единого государства с центром в городе Киеве, составляли одну древнерусскую народность. Это был самый многочисленный народ в Европе. Древнерусская народность имела единое и сильное государство, единую и высокую культуру. В Киевской Руси—исторической колыбели русского, украинского и белорусского народов—зародилось сознание единства русской земли, которое братские народы пронесли через все века своей

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 74.

богатой событиями истории. «Постепенно из единой древнерусской народности образовались три братских народности—русская, украинская и белорусская—с присущими им особенностями языка, культуры и быта. Несмотря на все исторические превратности и великие испытания, русский, украинский и белорусский народы сохранили и пронесли через века сознание единства происхождения, близости языка и культуры, сознание общности своей судьбы»¹.

Общий период в истории этих народов обусловил их неразрывную близость, которая помогла им бороться совместно против иноземных захватчиков за воссоединение.

Среди трех братских народностей наиболее сильной была русская. В конце XV века Русское государство было одним из крупных и могущественных государств Европы. В дальнейшем оно продолжало развиваться как сильное централизованное государство. Русское государство начало играть большую роль в международной жизни. «Изумленная Европа,—писал К. Маркс,—в начале царствования Ивана III едва ли знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением огромной империи на ее восточных рубежах»².

Образование Русского централизованного государства сыграло прогрессивную роль в исторических судьбах украинского народа.

Судьба древнерусских земель, на которых сложилась украинская народность, была иной. Значительная часть украинских земель была захвачена литовскими феодалами. Галицкую землю, западную часть Волыни и Подолии захватила в XIV—XV вв. панская Польша. Закарпатье находилось под гнетом венгерских феодалов, а Буковина вошла в состав Молдавии. В южных украинских степях кочевали татарские орды. Таким образом, украинская земля насильственно была разорвана на части и попала под иноземное иго.

Положение украинского народа особенно ухудшилось после Люблинской унии 1569 года. В результате Люблинской унии, объединившей Польшу и Великое княжество Литовское, было создано многонациональное государство—Речь Посполитая. После унии часть восточнославянских земель оказалась под властью польских магнатов.

Украина в этот период вела борьбу на нескольких фронтах:

1. После Люблинской унии 1569 года для Украины возникли новые трудности, на пути ее развития встали польско-литовские магнаты, вместе с украинскими феодалами и все усиливающейся агрессивной католической церкви душившие

¹ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией, Госполитиздат, 1954, стр. 5.

² Marx. Secret diplomatic history of the XVIII century, L., 1899, p. 81.

украинскую национальную культуру. Украинский народ вел с врагами упорную борьбу и победил их.

2. В середине XVI века Украина для турецко-татарских агрессоров была как бы источником обогащения. Они грабили украинский народ, города и села Украины, выгоняли скот и вводили в неволю ее население. Все это часто сопровождалось сожжением украинских городов и сел, лесов и посевов. Украинский народ усиливал борьбу против турок и татар. По мере укрепления военного центра украинского народа—Запорожской Сечи, его сопротивление агрессии росло: он отражал натиск неприятеля не только на своей земле, а переносил постепенно военные операции на неприятельские земли, разрушая его оборонительную систему, ослабляя его военные силы и, вместе с тем, напор нашествия турок.

Освобождение от гнета шляхетской Польши и устранение «угрозы поглощения султанской Турцией являлось для украинского народа исторической необходимостью, коренным вопросом его национального существования»¹.

Находясь под игом иноземных держав, будучи разобщен в экономическом и политическом отношениях, украинский народ не имел возможности создать свое государство. Для него существовал лишь один выход—борьба за самостоятельное национальное существование и развитие в союзе с братским русским народом, и при его активной помощи.

Русское централизованное государство сыграло огромную роль в исторических судьбах украинского, белорусского и других народов нашей страны. «С самого начала своего возникновения оно явилось притягательным центром и опорой для братских народов, боровшихся против иноземных поработителей»².

Ведя жестокую борьбу против захватчиков, Русское государство ставило своей задачей также освобождение от иноземного порабощения не только русских, но и украинских земель.

В середине XVI века русским правительством был организован ряд военных походов через территорию Украины для борьбы с агрессией крымских ханов. Эти походы были поддержаны украинским народом. Политика Русского государства была направлена на освобождение русских и украинских земель от иноземцев и на воссоединение их в составе единого Русского государства. Это соответствовало коренным интересам братских народов—украинского и русского.

На рубеже XVII века Украина представляла собой узел сложных социальных, экономических и политических проти-

¹ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954), стр. 7.

² Там же.

воречий. Выражением основных противоречий явилась жесткая политика социального и национального угнетения, которую проводила магнатская Польша на Украине, что задевало основной производительный класс—закрепощенное крестьянство.

Польские магнаты устремились на плодородные земли Украины. Один из идеологов колониальной политики магнатско-шляхетской Польши Иосиф Верещинский, киевский бискуп, взирав на богатства Украины, восклицал: «Украина манит нас и громко призывает словами спасителя: «Придите ко мне все страждущие и обремененные, и я упокою вас»¹.

Особенно притягивал польских магнатов юго-восток Украины. В 80-х годах XVI века на Волыни уже встречается целый ряд новых польских магнатских фамилий: Понятовские, Жолкевские, Бучацкие и другие. Вслед за магнатами на Украину потянулись мелкая польская шляхта и католическое духовенство.

Мелкая и средняя шляхта арендовала у магнатов земли или нанималась к ним на службу и также жила за счет украинского народа. Арендаторы доводили эксплуатацию до невиданных размеров, измышляя все новые и новые поборы и повинности.

Украинские магнаты, боясь потерять свои огромные земельные владения, стали принимать католичество, и уже к началу XVII века известная часть украинских магнатов ополчилась. Установив единый фронт с польскими феодалами, они сообща продолжали угнетать украинский народ. Сеймы принимали специальные законы, которые провозглашали украинские земли «исконными польскими землями».

Рост латифундий польских и украинских магнатов на Украине особенно усиливается после постановления сейма 1590 года о раздаче «пустынь, лежащих за Белою Церковью». Раздача земли магнатам практиковалась и раньше. Но сейм 1590 года узаконивал захват украинских земель магнатами. Теперь сейм официально разрешил польскому королю раздавать «на вечность» заслуженным лицам шляхетского «стану» земли, лежащие «за Белой Церковью, и все степные пространства на обоих берегах Днепра до московских границ»².

После этого стало широко практиковаться пожалование обширнейших земель польским магнатам. Так, в постановлении 1609 года король Сигизмунд III (1587—1632 гг.) писал: «Внесена была просьба к нам, чтобы мы за великие и кровавые заслуги Валентия Александра Калиновского, ста-

¹ Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, вып. I, Киев, 1911, стр. 50.

² История Украины в документах и материалах, Киев, 1941, т. III, стр. 8.

росты винницкого и брославского, пожаловали ему на правах собственности пустыню, называемую: Умань, лежащую в стар. Брославском в тех пределах ее, в кои она заключается по своим урочищам, на что мы соизволяем»¹.

В привилей, данный королем Сигизмундом III князю К. Вишневецкому 29 сентября 1620 года, записано: «Мы нынешним привилеем нашим даем и в нерушимое пользование жалует названного К. Вишневецкого вышеименованным староством Черкасским с местечками Боровицей, Артлеем (Ирклеем), Голтвой, Кропивным и с прочими слободами, хуторами, селами, выселками, корчмами, пивоварнями, мельницами, садками, реками Пслем и Ворсклой и прочими как-либо называемыми полями, лесами, обычными пошлинами и всякими другими издавна принадлежащими этому староству доходами, угодьями, так же, как предшественники его владели, чтобы он, ничего нам не предоставляя, в силу этого привилея нашего владел и спокойно ими пользовался до последнего дня своей жизни»².

Громадные земельные владения были захвачены Вишневецкими, Острожскими, Корецкими, Заславскими, Ружинскими, Данилевичами, Сборажскими и другими крупными феодалами³. Плодородные земли Украины приносили им огромные богатства. Путем захвата земель и эксплуатаций украинского народа многие из них становились богаче польских королей. Боплан, который хорошо знал Украину, писал об этих магнатах, что «не достаает им только права чеканить монету, чтобы стать настоящими монархами»⁴.

В результате таких пожалований, а также прямых захватов в руки крупных феодалов попадали огромные территории. В короткий срок польское правительство раздало магнатам всю юго-восточную Украину. От сейма магнаты получали исключительные права на население пожалованных земель: право суда, сбора повинностей и податей. Магнаты превращались в полновластных владетелей, располагавших своим войском, своей казной, своим придворным штатом.

Коронные земли, т. е. государственные, раздавались местным старостам в пожизненное владение или на два поколения. «Здесь — говорит Боплан, — т. е. в польском королевстве, нет иных ленов, кроме староств, т. е. государственных поместий, которыя король отдает в управление дворянам»⁵.

¹ АЮЗР, ч. VII, т. III, Киев, 1905, стр. 29.

² Воссоединение Украины с Россией, АН СССР, т. I, д. № 5, стр. 10—11.

³ АЮЗР, ч. VII, т. I, Киев, 1886, стр. 315; 295—296; ч. VII, т. III, Киев, 1905, стр. 50.

⁴ Гильом Боплан. Описание Украины, см. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, Киев, 1896, стр. 377. В дальнейшем: Боплан, стр...

⁵ Там же, стр. 375.

Старостами назначались крупные магнаты. Старосты были обязаны выстроить замок, снабдить его гарнизоном, оружием и боеприпасами. Они были свободны почти от всех государственных сборов на все время своего владения. В руки старост переходили государственные функции власти—суд, управление.

В конце XVI века происходит дальнейший рост городов и развитие внутреннего рынка. На ярмарках крупных городов—Киева, Львова, Каменца, Ярослава, Владимира, Луцка и др.—в большом количестве сбывалась продукция сельского хозяйства и местной промышленности. Сюда пригоняли на продажу лошадей, волов, привозили хлеб, кожу, рыбу, полотно, металлические изделия. Возникали ярмарки и торги и в более мелких городах.

Экономическое развитие Украины в конце XVI — первой половине XVII веков, в частности, рост товарно-денежных отношений, способствовало углублению общественного разделения труда, усилению процесса отделения ремесла от сельского хозяйства и росту городов.

В городах увеличивалось количество ремесленников, продукция которых поступала на рынок. Так, по неполным данным, в конце XVI и начале XVII вв. в Каменец-Подольске было около 400 ремесленников, в Белой Церкви—277, Луцк—201, Коломне—143, Остре—138, Галиче—81, Фастове—30 и т. д.

В результате дальнейшего развития ремесленного производства ремесленники объединились в цехи, первые сведения о которых на Украине относятся к XIV веку. В первой половине XVII века во Львове, например, было более 20 разных цеховых организаций, в Белой Церкви—12 цехов, Перемышле—7, Бродах—7, Сатанове—6, Тереховле—5. Цеховые организации ремесленников образовались во всех городах Украины.

Процесс формирования общепольского рынка сопровождался подъемом городов, которые стали играть значительную роль в экономической жизни страны. В ряде городов увеличилось число жителей почти вдвое. Городское население нуждалось в покупном хлебе. Были фольварки, продукция которых шла исключительно на удовлетворение внутренних потребностей магнатского двора, гарнизона замка, монастыря. Это породило фольварки¹ с их барщинной системой хозяйства.

В конце XVI века резко возрастает экспорт зерна и лес-

¹ Фольварк— помещичье хозяйство. В то время, когда в Западной Европе преобладала оброчная система хозяйства, в Восточной Европе утвердилось господство барщины, предполагавшее существование фольварка.

ных материалов в Западную Европу. Польша и Литва становятся основными поставщиками зерна и леса на европейских рынках¹. Экономика Украины приобретает исключительное значение для королевской Польши. Феодалам приходилось приспособлять свое хозяйство, имевшее натуральный характер, ко все развивающимся потребностям рынка и товарно-денежным отношениям. С ростом товарно-денежных отношений увеличились расходы феодалов. У них появились новые потребности, увеличился спрос на западно-европейские товары и предметы роскоши; больших расходов требовала и военная служба. Вопрос об увеличении доходности имений приобретал, таким образом, первостепенное значение. Польские магнаты усиливали барщину и увеличивали оброк, закрепощали свободное население.

В XVI веке основой аграрного строя становится барщинный фольварк. «Под фольварком в это время понималось земледельческо-скотоводческое хозяйство, в котором предприниматель сам не работал физически, а ограничивался чужим трудом. Кроме земледельческого хозяйства, в пределах фольварка могли существовать луговое хозяйство, огородничество, пчеловодство, мельницы, пивоварение и т. д.²».

Фольварочное хозяйство представляло собой преимущественно крупные землевладельческие хозяйства, обладавшие, по меньшей мере, двумя-тремя ланами³ пахотной земли.

Рост фольварочного хозяйства не всегда сопровождался расширением площади пахотной земли, в ряде случаев он происходил за счет уменьшения наделов крестьян, находящихся в крепостной зависимости. Крестьянина сгоняли с его земли, и поля, которыми он владел, присоединяли к фольварку. Широко практиковался принудительный выкуп крестьянских полей для присоединения их к фольварку.

«Для создания фольварка,—говорит Рутковский,—по большей части не нужно было покупать земли, ее можно было отобрать у крестьянина, если же ее и покупали, то по ценам несоразмерно низким»⁴.

Социальная структура фольварка была довольно сложной. Служебный персонал фольварка (должностные лица и рабочие) можно разделить на три категории: постоянных наемных работников, временных наемных работников и крепостных.

Главных факторов развития барщинного хозяйства два: 1) возможность легкого сбыта продуктов сельского хозяй-

¹ В. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии, М., 1940, стр. 38.

² Рутковский И. Экономическая история Польши, М., 1953, стр. 125.

³ Различались два вида ланов: 1) малый—около 17 га и 2) большой—около 25 га.

⁴ Я. Рутковский. Указ. труд, стр. 132.

ства, прежде всего хлеба, и в соответствии с этим 2) усиление процесса закрепощения крестьян¹.

Для возникновения барщинного фольварка обязательным было наличие второго фактора — усиление процесса закрепощения крестьян, прикрепление крестьян к земле, ущемление прав крестьянина на землю и расширение сферы вотчинной юрисдикции.

Барщинная система, основанная на труде крепостных крестьян, гарантировала крупным землевладельцам большие доходы. Не нужно было покупать инвентаря, поскольку крепостные обрабатывали помещичьи земли при помощи собственного инвентаря. При возведении построек также можно было пользоваться барщинным трудом. Крепостным рабочим денежное вознаграждение не выдавалось, не приходилось тратить денег и на покупку разных материалов, необходимых при производстве, — их требовали с крестьян в виде различных податей².

Барщинная система имела огромное преимущество перед чиншевой³. При барщинной системе хозяйство вел сам помещик, оно было источником его доходов. Поэтому помещик мог снижать жизненный уровень крестьянина несравненно больше, чем это было возможно при чиншевой системе.

Главной задачей аграрной политики было подавлять сопротивление крестьян, выступавших против крепостнической системы. Установление крепостного состояния, заключающегося в ряде правовых ограничений в области личной свободы, прав на землю, юрисдикции, было выражением этой аграрной политики⁴.

Крестьяне в силу законов были прикреплены к земле. Этого требовали интересы землевладельцев Польши. Однако государственная власть в Польше была слишком слаба, чтобы осуществить полное прикрепление крестьян к земле. Особенно трудно было прикрепить к земле малоземельное и безземельное крестьянство. Не помогли ни законы о беглых крепостных, ни штрафы, ни телесные наказания. Бегство для известной части крестьянства — это способ, средство освобождения еще в эпоху господства феодализма от крепостничества. Бегство — это протест народа против социального и национального гнета. Особенностью бегства, как формы антифеодального протеста крестьян, указывали К. Маркс и

¹ Я. Рутковский. Указ. труд, стр. 133.

² Там же, стр. 133—134.

³ Чинш — вид феодальной земельной ренты в Европе. Крестьяне, регулярно платившие чинш (продуктами или деньгами), наследственно пользовались участком земли. Неуплата чинша вела к передаче земли другому лицу.

⁴ Еще с 1518 года польское правительство официально отказалось от права рассматривать жалобы крепостных крестьян на их господ-панов.

Ф. Энгельс, является то, что крестьяне этим путем «освобожились не как класс, а поодиночке», причем «они не покидали сферы сословного строя, образуя лишь новое сословие»¹. Бежали не только крестьяне, но и многие состоятельные семьи от притеснения властей и агрессии католической церкви.

Вторая половина XVI—первая половина XVII вв. являются периодом значительного расцвета зернового хозяйства. В этот период сильно возросла площадь пахотной земли. Господствующей системой в земледелии было трехполье².

Несмотря на унификацию повинностей, которая происходила в результате процесса колонизации, эти повинности, особенно на украинских землях, были чрезвычайно разнообразны с точки зрения той формы, в какой несли их крестьяне. Повинности разделялись на денежные чинши, чинши натурой и барщинные работы. Неуклонно возрастает значение барщинных работ. Они становятся основной формой земельных повинностей.

Наряду с основными повинностями, кметы обязаны были платить мелкие подати, также взимаемые пропорционально земельной площади. Ими облагали рогатый скот и домашнюю птицу. Сюда относятся подати сыром, реже молоком, курами, гусями, яйцом³.

Особую группу составляет подать животными, размер которой зависел от количества скота, имеющегося у крестьянина. Чаще встречается так называемая «двадцатая часть» — налог на мелкий скот с каждых двадцати голов соответствующего скота. А также десятина в форме десятого улья.

Бортники вносили особые подати медом, в зависимости от количества имеющихся у них ульев, а рыбаки — ежегодные подати, главным образом деньгами, но часто и рыбой или и тем и другим одновременно. Большой частью увеличение барщины отнюдь не сопровождалось уменьшением денежного чинша⁴.

Захватив богатейшие и обширнейшие украинские земли, польские магнаты установили нечеловеческий режим угнетения и насилия на Украине. Приведем несколько жалоб крестьян на помещиков. Крестьяне села Брюховичи жаловались (10.VIII. 1635 г.) на урядников львовского магистрата за принуждение их к четырехдневной барщине в неделю, к оплате податей сверх «откупного договора на пригороде», а также за избивание, аресты и др. Протестовали против насилия «вельможного и именитого бурмистра, советников, войта, лавников и 40 мужей города Львова», что они посадили в

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, М., 1938, стр. 67.

² Я. Рутковский. Указ. труд, стр. 138.

³ Там же, стр. 150.

⁴ Там же, стр. 151.

мрачную тюрьму двух крестьян (Андрея Белогорского и Андрея Розу). «Там их морили голодом, били, брали штрафы, насильно принуждали к тому, чтобы они выполняли им барщину четыре дня в неделю, ходили сторожить их усадьбу, давали чинши и иные подати, которых никогда не бывало в арендном контракте предместья; и из тюрьмы не выпускают, пока не дадут им на это согласие»¹.

В другом документе (от 17 октября 1635 года) жители пригородного Львовского села Билогорища от своего имени и от имени «всей громады жаловались на почтенного бургомистра Александра Убальдина, советников, войта, лавников и на 40 мужей города Львова». Указанный бургомистр со всеми своими коллегами вышепоименованными, «напав повражески на дома, схватив кого попало, били, наносили раны; шапки, деньги, одежду и другие вещи — все, что попадалось, брали, отнимали, людей вязали. Поймав 9 человек..., связали их² веревками, привели в город и посадили за решетку, в тюрьму для преступников под ратушей, заставляя их отрабатывать барщину по четыре дня в неделю. Тех, которые отказываются работать, долго мучат тюрьмой, побоями, судом отнимают у них дома, пока они не согласятся на это». Некоторых так долго держат «в жестоком заключении, морят голодом, что некоторые опухли и уже не надеются жить на свете»³.

Четырехдневная барщина была явлением, принявшим характер закона. Об этом свидетельствуют, кроме вышеприведенных данных, и другие факты⁴.

Землевладельцы, стремясь выжать из крестьян как можно больше дохода, принуждали их работать иногда по 5—6 дней в неделю⁵.

Говоря о дальнейшем ухудшении положения крестьян в Польше, один из современников писал: «Прежде всего, из каких повинностей состоит барщина? Где раньше работало 20 крестьян или больше, там их теперь [работает] 8 или 10, а ведь 10 велят сделать то, что [прежде] делало 20. Где раньше выходило по одному человеку с дома, потом стало выходить по два, по три, по четыре. Где два дня или три работали в неделю, теперь временами (крестьяне) не имеют ни одного свободного [дня]...»⁶.

Эксплуатация крестьян достигала своей кульминационной

¹ Воссоединение Украины с Россией, М., 1954, т. I, д. № 91, стр. 158.

² Павла Белогорского, Федька Ойчицового, Яремка Турковича, Сенька Костевого сына Игната Грудецкого, Андрея Гаврилового, Процька Дидиковского, Грицька Захаруйного, Луцька Сыркового.

³ Воссоединение Украины с Россией, т. I, д. № 95, стр. 162—163.

⁴ Там же, д. № 211, стр. 341 и др.

⁵ Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов, Киев, 1845, т. I, стр. 1—3, 12, 20, 50 и др.

⁶ Хрестоматия по истории средних веков, т. III, М., 1950, стр. 280.

точки. «Дерут с крестьянина шкуру в городе, в харчевне, в усадьбе и в церкви», — пишет тот же современник... «Сердце трепещет, по телу мурашки идут, когда вспоминаешь об этом рабстве, которое [у нас] тяжелее, чем у язычников»¹

Утверждение фольварочной системы сельского хозяйства на украинских землях не могло не вызвать нарушения связи города с деревней, падения жизненного уровня крестьян, протеста со стороны украинского народа.

Рост крупного землевладения шел за счет дальнейшего захвата крестьянских земель и разорения крестьянского хозяйства. Так, площадь крестьянских земель на Волыни на протяжении 60—80 годов XVI века сократилась на 50—60 процентов. В 1580 году загородники составляли уже 72 процента всех зависимых крестьян. Тот же процесс происходил на Киевщине и Подолии. В руках отдельных польских и украинских магнатов сосредоточивались огромные земельные владения. Магнат Конецпольский только в районе южного Буга владел 740 селами и 170 местечками. Острожским принадлежало 2760 сел и 8 городов и местечек². Огромные владения были у Жолкевских, Вишневецких и др. Крупными земельными собственниками являлись такие православные монастыри, как Киево-Печерский, Николо-Пустынский и др. О тяжелом положении крестьян в Польше в XVI веке красочно писал польский публицист Станислав Ожешовский. «Власть над крестьянами, — пишет он, — у нас суровая, ибо крестьянину нельзя пожаловаться на своего господина даже при самых невероятных притеснениях, а иные паны так жестоки, что обращаются со своими крестьянами, как со скотом... Паны забирают у своих крестьян землю, имущество, а в некоторых уездах продают их, как скот»³.

Усиление крепостного гнета закреплялось государственным законодательством. Артикулы короля Генриха Валуа (1573 г.) и Третий литовский статут (1588 г.) окончательно оформили закрепощение крестьян. По литовскому статуту, крестьянин, проживший на земле феодала 10 лет, становился крепостным. Статут давал феодалам право разыскивать и возвращать бежавших крепостных в течение 10 лет.

Крестьяне поднимались на борьбу против крепостного и национально-религиозного гнета. Классовая борьба принимала острый характер. Это вызвало бешеную злобу магнатов и всех королевских чиновников. Шляхетская Польша усилила борьбу против крестьян, применяя по отношению к ним самые суровые меры.

«Велико в Польше, — писал Старовольский, — живодерство

¹ Хрестоматия по истории средних веков, т. III, М., 1950, стр. 281, 280.

² П. А. Кулиш. История воссоединения Руси, СПб, 1874, стр. 26.

³ Хрестоматия по истории средних веков, т. III, М., 1950, стр. 279.

старост и арендаторов казенных поместий, которые возлагают на убогих королевских крестьян всяческие повинности, работу и подати, а иные и у своих собственных чуть ли не кожу сдирают... Когда же некоторые, более умные крестьяне, надеясь на некоторые улучшения [своего положения], крепко отстаивают свои права и не перестают обращаться ко двору с просьбами, они сейчас же приказывают их убить или утопить, рухлядь же, если они какую-нибудь имели, [они приказывают] конфисковать... утверждая об утопленном крестьянине, что он был бунтовщиком, разбойником, что поддерживал злодейские сношения с пограничными»¹.

Украинское крестьянство страдало от феодальных войн. Частые междоусобные войны, которые вели между собой магнаты, создавали неустойчивое положение в стране. Это отражалось, прежде всего, на положении крестьян. Суды были завалены жалобами крестьян на помещиков, помещиков—на помещиков. Шляхтич Евстафий Стиблий подал в 1613 году в суд жалобу на Криштофа Намирича о том, что по приказанию последнего его урядник Стефан Радкевич со многими слугами и крестьянами в количестве 80 вооруженных людей «напал под видом татар на село жалобщика, разорил крестьянские дома и ограбил их имущество, при этом крестьяне были избиты и изранены»². 4 февраля 1604 года возный доносил об осмотре убитого, а также раненных и замученных панями Шепевскими крестьян, принадлежащих помещикам Третьяку и Сингаевскому³. Сохранилось огромное количество жалоб крестьян на помещиков, которые разоряли и грабили их. Крестьяне королевского села Михалкова жаловались на то, что королевский чиновник Ворона изнурял их «тюрьмой», «голодом», «работой»⁴.

**

Наряду с усилением эксплуатации крестьян со второй половины XVI века идет наступление феодалов на горожан, даже на города, пользовавшиеся «магдебургским правом»⁵.

Своеволие старост и воевод в городах необычайно уси-

¹ Старовольский. Реформа польских нравов, см. Хрестоматия по истории средних веков, т. III, стр. 279—280.

² ЦГИА УССР, фонд II, кн. 9, л. 131.

³ Там же, кн. 10, л. 21.

⁴ Там же, л. 178.

⁵ После установления польского господства над Украиной многие украинские города получили распространенное в Польше немецкое городское устройство, известное под именем «магдебургского права» или «магдебургских привилегий». Сущность этих привилегий заключалась в том, что горожане (мещане) освобождались от подсудности королевским воеводам, старостам, судьям, подсудкам. Они получали своего войта (войт в средние века в Польше—начальник городского поселения), который назначался королем из дворянского сословия. Городу давался особый герб, печать, знамя (хорутвь), каждый ремесленный цех также получал свое знамя.

ливается. Они вмешивались в городскую жизнь, захватывали городские земли и должности в городском управлении, грабили городское население и часто сводили на нет городское самоуправление. Так, например, из жалоб киевлян (1578 г.) следует, что воевода князь Б. К. Острожский всех цеховых ремесленников «с послушенства повинности и присуду меткого... выймуеть, а в присуду и послушенство замкове вряду своего воеводского притягаючи, его милость сам и наместники его тамошние работы непомерные на них вкладают, дармо на себя работы велять, подачки неслушные... повинности и пошлины неизвиклые на них вытяпивають, до везенья без винне сажають и трудности задають»¹.

В 1580 году житомирские горожане заявили, что урядник старосты Черторийского, шляхтич Загоровской, уничтожил королевскую льготу и принудил их «до работы и неслушных повинностей».

Старосты и воеводы пользовались правом на участие в управлении хозяйственной жизнью города. Даже большие города, пользовавшиеся «магдебургским правом», не избавлялись целиком от власти старост и воевод. За старостами и воеводами сохранялись полицейские функции, право устанавливать таксы на товары, следить за мерами и другое.

При этом важную роль играло то обстоятельство, что каждый феодал, намеревавшийся построить в своем владении замок для защиты от набегов татар и для привлечения поселенцев, получал право возвести его в значении города или, по крайней мере, местечка. С дарованием же этого права связана была и передача государством владельцу своего права верховного суда, собирания повинностей и податей. Подобные привилегии получили многие магнаты: князь Вишневецкий для основания местечка в Александрове на р. Суле, Я. Бутович—для основания м. Брусилова в Киевском воеводстве в 1583 г., Г. Стрижевский—для основания города в Янове, в Бусиловском воеводстве, В. Шишкевич—для основания города Нов. Вишневец в том же воеводстве в 1593 году и др.

В конце XVI и начале XVII веков в связи с общим экономическим подъемом Приднепровья происходит здесь увеличение населения, возрождаются старые города (Полтава, Переяслав, Пирятин, Лубны) и возникают новые (Лохвица, Чигирин и др.).

С экономическим ростом украинских городов усиливалась социальная дифференциация городского населения. В конце XVI и первой половине XVII столетий население в городах в общем делилось на три социальные группы: 1) богатая купеческо-ростовщическая верхушка, так называемый патрици-

¹ АЮЗР, ч. VIII, т. V, Киев, 1907, стр. 216.

ат; 2) средние мелкие торговцы и цеховые мастера—бюргерство и 3) плебейство—городская беднота, которая была наиболее бесправной частью городского населения.

Города Украины, безусловно, достигли бы более значительного социально-экономического и культурного развития, если бы не гнет панской Польши. Режим социального и национального угнетения, выражавшийся в самых разнообразных формах и сопровождавшийся феодальной анархией, злоупотреблениями и бесчинствами королевской и городской администрации, специфической системой застав и аренд городов, своеволием жолнеров, а также систематические турецко-татарские опустошения задерживали дальнейшее развитие городов Украины.

Социальный гнет основной своей тяжестью ложился на плечи низших слоев городского населения. Они вынуждены были платить многочисленные разорительные «дани», давать «помирное», «торговое» и другие пошлины и чинши. Мещан принуждали выполнять разные повинности (заготавливать и возить дрова, пахать, сеять, убирать урожай, чистить реки и пруды, ремонтировать городские укрепления, топить бани: во время охоты загонять дичь и т. д.) в пользу королевской и городской администрации, замковых властей, собственников городов, арендаторов, католической и православной церковной и т. д. Население городов также платило общегосударственные подати, которые при этом постоянно увеличивались. Все это вызывало возмущение горожан.

Формы классовой борьбы в украинском городе были весьма разнообразны. Зачастую эта борьба носила легальный характер и проявлялась в подаче населением жалоб и протестаций властям. Одной из наиболее распространенных форм классовой борьбы были также побеги городских жителей, особенно городской бедноты, на Запорожье и территорию Русского государства. С усилением социальных противоречий классовая борьба все более обострялась, проявляясь в форме выступлений низших слоев городского населения против купеческо-ростовщической верхушки города и шляхетской администрации. Особенно острой классовой борьба была в западноукраинских землях и на Правобережье, т. к. население этой территории более всего страдало от шляхетского гнета. Такие выступления имели место в 1589—1590 годах в Белой Церкви, в 1593 году—в Слободище, в 1594—1595, 1607 гг.—в Броцлаве, в начале XVII века—в Корсуни и Остре, в 1601 году—в Добровице, в 1609 году—в Любартове, в 1610 и 1645 годах—в Галиче, в 1637 году—в Остре и Носовке, в 1640 году—в Коростышеве, в 1640 и 1643 годах—в Котельне, в 1646 году—в Снятине и т. д.

Городское население принимало активное участие в крестьянско-казацких восстаниях конца XVI—первой половины

XVII веков. В крестьянско-казацких отрядах, действовавших под руководством Косинского, Наливайко, Тараса Федоровича Павлюка, Скидана, Гуни, Острянина и др., упорную самоотверженную борьбу вело население Киева, Белой Церкви, Богуслава, Броцлава, Овруча, Межиречья, Паволочи, Фастова, Коростышева, Брусилова, Ходоркова, Кодни, Корсуня, Лисянки, Дымера, Копача, Белогородки, Борисполя, Нежина, Гадяча, Черкас, Ирклиева, Лубен, Лохвицы, Глинска, Ромен, Миргорода и многих других городов и местечек.

В ходе героической борьбы отдельные представители горожан возглавляли отряды крестьян и городской бедноты. Выходцами из среды городского населения были талантливым руководителем крестьянско-казацкого восстания 1594—1596 годов С. Наливайко, предводители повстанческих отрядов О. Слуцкий, О. Гуменицкий и многие другие.

В конце XVI века в крупных городах Украины: Киеве, Львове, Владимире и др.—уже существовали такие аристократические роды, как, например, Балыки, Серебковичи, Корнякты, Шольца-Вольфовичи и др. Благодаря своему влиянию и богатству они захватывали городские должности, которые нередко передавали потом по наследству.

Торговое и экономическое значение украинских городов непрерывно росло. В связи с усилением товарно-денежных отношений в условиях феодального способа производства усилилась тяга к хозяйственной эксплуатации новых еще не освоенных или мало освоенных земель.

Земля еще больше концентрируется в руках отдельных магнатов, усиливается феодально-крепостническая эксплуатация крестьян и горожан. Усиливаются налоги, повинности и произвол королевских чиновников.

Время господства панской Польши на Украине — это время жесточайшего классового и национально-религиозного угнетения украинского народа. Здесь крепостничество сочеталось с тягчайшими национальными угнетениями. Польша была одной из тех стран, где, по выражению Ф. Энгельса, имело место «второе издание крепостничества».

В первой половине XVII века, когда крепостническая эксплуатация крестьян достигла невиданных размеров, увеличилось бегство крестьян из западных областей Украины в ее юго-восточную часть.

**

Положение народных масс в юго-восточных районах Украины несколько отличалось от положения народных масс остальной Украины. Основная часть крестьян продолжала еще сидеть на «слободах», уплачивая оброк землевладельцам или государству. А кое-где, особенно в местностях, прилегающих к степной полосе, крестьяне вообще не платили повинностей. Здесь крестьяне искали себе спасения от крепост-

нического гнета¹. Садясь на «слободы», они получали от землевладельцев льготы от повинностей на 20—30 лет.

Однако жизнь здесь не оправдывала надежд крестьян, бежавших от крепостного гнета. Лишенные средств производства и средств существования, они вынуждены были идти в кабалу к шляхте, к зажиточным мещанам и казакам. Таким образом, они снова попадали в руки эксплуататоров.

Рост и усиление казачества, расширение его связей с народными массами Украины имели исключительно большое значение в освободительной борьбе украинского народа против господства шляхетской Польши. Приток спасающихся от классового и национально-религиозного угнетения крестьян и городской бедноты в юго-восточные районы Украины, где казаки постепенно создавали приемлемые условия для хозяйственной деятельности населения, постепенно усиливался. Крестьяне, доведенные до отчаяния непомерной эксплуатацией, произволом и насилием феодалов, изгоняли своих помещиков, объединялись в отряды и переходили к казакам².

В лице запорожского казачества народные массы Украины видели единственную надежду на спасение от социального и национального угнетения. Поэтому бежавшие от крепостного гнета направлялись именно туда, где влияние казачества было сильным.

По данным Люстраций 1616—1622 годов, видно увеличение «непослушного» казацкого населения. В некоторых староставах «непослушных» было больше, чем «послушных». Число «непослушных» казацких хозяйств возрастает по мере приближения к степным районам Украины.

Вот некоторые данные Люстраций 1616 года:

Г о р о д а	Количество „непослушных“ дворов	Количество „послушных“ дворов
Белая Церковь	Более 300	300
Корсунь	1300	200
Чигирин	4500	50
Канев	1500	150
Черкассы	800	150

В 1622 году вокруг Белой Церкви появилось до 35 хуторов. Люстрация отмечает, что «в хуторах живут казаки», а в селах мещане Белой Церкви имеют свои хутора, «с которых не отправляют никаких повинностей». В это же время в Киевском старостве было 10 сел, занятых исключительно казаками³.

¹ Боплан, стр. 304.

² Чтение в истор. общества Нестора-летописца, кн. XV, Киев, 1901, стр. 17.

³ АЮЗР, ч. VII, т. II, Киев, 1890, стр. 63—65.

Из Люстрации Киевского воеводства (1622) возьмем для примера староство Черкасское¹.

Наименование местечек	Количество домов „послушных“	Количество домов „непослушных“ (казацких)	Всего
Боровица	70	—	70
Аркий (Ирклей)	50	400	450
Голтова	20	230	250
Кропивно	60	свыше 200	260
Мандзяля	6	16	22
Богушкова слобода	5	40	45
Всего:	211	886	1097

Польское государство в административном отношении делилось на староства — округа. Во главе их стоял староста. Он был военным должностным лицом, но вознаграждался староста феодальными правами, вызывавшими борьбу и протест со стороны населения.

Польское государство на эти протесты и борьбу отвечало репрессиями и угрозами.

В 1646 году 17 ноября последовал универсал короля Владислава IV к мещанам и крестьянам г. Снятина² и его окрестностей с требованием выполнять феодальные повинности в пользу снятинского староства Потоцкого, от исполнения которых они отказались. Универсал подчеркнул, что все они «взбунтовались», что не хотят «выполнять и отдавать никаких повинностей, издавна полагающихся тому же державце». «И вторично повелеваем вам, чтобы вы были послушны и всем довольствовались своего старосту без затруднений. Иначе будете в немилости нашей и под угрозой строгого наказания»³.

В другом королевском универсале (17 июня 1640 г.) по поводу отказа от выполнения барщины и других повинностей говорится: «Категорически приказываем вам, чтобы вы, не мешкая, выполняли повинности, в противном случае знайте о том, что от суровой кары нашей не уйдете...»⁴.

Казаки занимали большую территорию и упорно защищались от посягательств на них польских властей. Они подчинялись юрисдикции старост, устанавливали свои законы. Один из депутатов польского сейма возмущенно говорил о подневольных казаках: «Ни магистров в городах, ни старост, ни гетманов не слушают, сами себе право устанавливают, уряд-

¹ Воссоединение Украины с Россией, М., 1953, т. I, д. № 17, стр. 38, 36—41.

² Город Снятин входит в Станиславскую область УССР и стоит на пути от Черновиц к Коломые.

³ Воссоединение Украины с Россией, т. I, д. 266, стр. 446.

⁴ Там же, д. № 187, стр. 310.

ников и старшин назначают и в Великой Речи Посполитой вторую Речь Посполитую создают»¹.

Запорожская Сечь представляла прямую угрозу господству шляхетской Польши на Украине. Борьба с турецко-татарской агрессией часто отвлекала силы казаков от борьбы за освобождение украинского народа от господства магнатской Польши, однако эта борьба не прекращалась.

Начиная с 1607 года и в последующие, то есть 1609, 1611, 1613, 1618, 1619, 1620 гг.; в сеймовые конституции включаются постановления, прямо или косвенно относящиеся к казачеству. Они были направлены против нападения казаков и разорений ими королевских и частных имений, против собравшихся в отряды «своевольных людей», против казацких походов на турок и татар. В целом же они свидетельствуют о росте и укреплении запорожского казачества.

Кроме официальных известий о том, что казаки отказываются от подчинения панам и старостам, совершают своевольные походы на берега Турции и Крыма, мы имеем и другие показания на этот счет. Так, например, коронный гетман Станислав Жолкевский не раз заявлял, что много времени посвятил он борьбе с казаками во имя спасения королевской Польши, то идя против них с оружием, то удерживая их от походов на Турцию и Крым.

В начале XVII в. польское правительство принимает ряд предупредительных мер против растущего авторитета и военного могущества запорожских казаков. Например, в 1614 году С. Жолкевский посылает универсал к ротмистрам королевских войск, приказывая им быть наготове для борьбы с запорожцами, не давая последним повода для столкновения, не раздражать их, и сообщает, что для мирных переговоров к казакам отправлены королевские комиссары². 15 октября под городом Житомиром между польскими комиссарами и казаками был заключен договор. Согласно договору казакам запрещалось вести войны с соседними странами, совершать походы на Черное море, запрещался сбор «своевольных людей» и т. д. Кроме того, казакам предписывалось подчиняться старостам, панам и их юрисдикции. В последующие годы аналогичные переговоры возобновлялись.

Само собой понятно, что казаки не могли быть успокоены такими договорами и универсалами. Протесты казаков усиливались, движение продолжало расти и в последующие годы. В 1618 году количество жалоб на казаков, разорявших панские имения, увеличивается, и сами нападения отличаются большой активностью. По свидетельству сохранившихся актов, в то время была «сплюндрована» (разорена) вся тер-

¹ Жерела, т. VIII, стр. 174.

² АЮЗР, ч. III, т. I, Киев, 1863, стр. 196.

ритория Украины, Полесья и Литвы¹. Примечательно, что жители разоренных городов и сел также присоединялись к движению, образовывали у себя казацкие сотни и продолжали нападать на соседние панские имения.

Польским правительством принимались различные меры по борьбе с казаками. Так, например, в 1617 году оно рекомендовало не давать казакам продовольствия, боевых припасов, удерживать крестьян от ухода к казакам в Запорожье и другое. Казацкий вопрос превратился теперь в целую проблему для одряхлевшей магнатской Польши.

В 1618 году польский публицист Пальчовский издал книжку под очень интересным названием «О казаках — уничтожить их или нет?». Отвечая на этот вопрос, автор приходит к выводу о том, что «истребить казаков бесчестно, бесполезно и невозможно». Далее автором обосновывается каждое из этих положений. «Бесчестно: ибо это значит исполнить требование неприятеля-турка истребить христиан, тогда как Украина при дворах европейских считается единственной оградой христианства; бесполезно: если не будем иметь соседями казаков, то будем иметь соседями турок и татар. Что лучше? Невозможно: еще при короле Стефане хотели истребить казаков, да отложили намерение за невозможностью, а тогда их было гораздо меньше, чем теперь»². Это рассуждение о казаках не было вымыслом одного человека. Оно отражало взгляды на запорожских казаков, уже сложившиеся к этому времени в части правящих кругов Польши.

**

Значительной опорой польского государства была католическая церковь. В 1569 году в Польшу был призван католический орден иезуитов. Опираясь на покровительство шляхетской Польши, католическая церковь стала захватывать на Украине земли, православные церкви и монастыри, открывать иезуитские школы, притеснять православную религию.

В конце XVI века непрочность польского порядка на Украине стала очевидна. Укрепление военной мощи Украины, рост крестьянско-казацких восстаний против литовско-польских магнатов ставили некоторые вопросы уже по-новому. В конце XVI века колониальный режим Речи Посполитой оказался бессильным водворить на Украине желанный порядок. Все меры борьбы против украинского народа не обеспечили безраздельное господство польско-литовских магнатов на Украине. Нужны были новые средства, новые меры борьбы с украинским народом, чтобы упрочить колониальные порядки на Украине.

¹ АЮЗР, ч. III, т. III, Киев, 1876, стр. 211.

² См. С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. X, М., 1888 стр. 85.

Большим успехом иезуитов в этом направлении была уния 1596 г. В 1596 году Сигизмундом III был созван в городе Бресте церковный собор, провозгласивший унию православной церкви с католической. Униаты признали своим главой римского папу и приняли основные догматы католической церкви. Униатам был предоставлен ряд льгот.

Провозглашение унии преследовало чисто политическую цель. Польское правительство полагало, что для внутреннего спокойствия в государстве необходимо единство вероисповедания, особенно там, где власть, по своему бессилию, не могла удержать подданных в рамках «закона».

Сигизмунд III приглашал украинский народ к принятию унии, чтобы водворить «в одной нераздельной Речи Посполитой согласие, единство и любовь..., чтобы тем самым охранить и укрепить целостность государственного союза»¹, то есть чтобы упрочить господство шляхетской Польши на Украине.

Подчинение государственных и национальных интересов Польши чужим интересам — Рима и католицизма — усилило анархию в Польше. Стали уже говорить, что «анархией и держится Польша». Да плюс крайняя экономическая слабость Польши. Все это делало совершенно невозможным борьбу против турок и татар. «Борьба с Турцией Польша была не по силе и не по средствам, и татары свирепствовали в ней и особенно в ее русских областях по-прежнему»².

С политическим и экономическим упадком, «с упадком свободы совести и с победою иезуитов, был связан упадок просвещения и образования, и Польша останавливалась на пути культурного движения и оставалась позади остальных европейских народов»³.

Одной из главных целей унии было подорвать все усиливающуюся тенденцию к воссоединению Украины с Россией.

Церковной унией шляхетская Польша стремилась разорвать одно из звеньев, связывающих украинский народ с братским русским народом.

Католическая церковь стремилась окатоличить и ополячить украинское православное население и, таким образом, облегчить себе грабеж украинских земель.

На попытку шляхетской Польши окатоличить Украину украинский народ ответил решительной борьбой. Видную роль в этой борьбе против наступления католической церкви сыграли православные церковные братства. С конца XVI века эти братства вели усиленную борьбу против католицизма и

¹ АЮЗР, Акты, относящиеся к истории православной церкви и Юго-Западной России, т. I, ч. I, Киев, 1859, стр. 468.

² Иосиф Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связь, т. I, Варшава, 1886, стр. 39.

³ Там же.

высшего православного духовенства, которое ради сохранения своего господствующего положения готово было идти на сединение православной и католической церкви.

Борьба украинского народа против церковной унии была борьбой против классового и национально-религиозного угнетения и носила освободительный характер. «Польше, — писал Ф. Энгельс, — никогда не удавалось национализировать иностранные элементы»¹. Борьбу против агрессии католической церкви вели крестьяне, казаки и мещане. Г. Балабан, один из представителей православной церкви, говорил: «будем доносить королю о тех оскорблениях и обидах, которые терпим мы сами и народ православный от высшего католического духовенства в городах и селах, особенно в том, что нам запрещают праздновать праздники по древнему нашему обычаю, не позволяя работать в праздники католические». Затем, касаясь грязных махинаций униатов в Риме, Балабан сказал, что все это направлено «против нас, нашей религии, правам и вольностям нашим...»².

Уния, совершенная насильственно, вопреки воле украинского народа, еще более побуждала украинский народ искать спасения в воссоединении в одном государстве русского и украинского народов. Эти стремления основаны были на близости языка, культуры, религии, обычаев, на общности исторических судеб и взаимных интересов двух братских народов — русского и украинского.

Помимо систематического сожжения и ограбления украинских городов и сел турками и татарами невыносимым бичом для украинского народа были частые неурожаи и голодовки. В 1571 году голодом охвачены были Волынь, Подолия и Литва³. В 1585 году было сухое лето, неурожай, вследствие чего голод⁴ охватил значительную часть Украины.

В 1591 году летописи отмечают «голод великий на Подолии и в Руси», небывалую дороговизну. По «шесть золотых был корец жита»⁵. Семь лет спустя, в 1598 году, от голода и эпидемии умерла огромная масса людей на Подолии и в Руси⁶.

В 1599 и 1600 гг. снова отмечается тяжелый голод, вследствие чего «быдло на голоду здыхало»⁷. Очевидец уверяет,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, М., 1932, стр. 52.

² АЮЗР, ч. I, т. I, Киев, 1859, стр. 9—11.

³ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, Киев, 1888, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 77.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

что в 1601 году Русь пережила большой и тяжелый голод, в результате которого умерло множество людей¹.

Летописи и сочинения современников отмечают на Украине периодические голода, засухи и эпидемии, которые уносили сотни и тысячи жизней. Таковы плоды колониальной политики магнатской Польши и агрессии турок и татар.

Во второй половине XVI века польские магнаты и шляхта усилили национальное угнетение украинского народа, используя для этого самые разнообразные формы и способы, начиная от открытых варварско-разбойничьих актов насилия над народными массами и кончая коварными приемами идеологического воздействия. Польско-шляхетский колониальный режим являлся сильным тормозом на пути социально-экономического и культурного развития Украины.

В конце XVI—начале XVII веков по Украине прокатилась волна крестьянско-казацких восстаний против магнатов Речи Посполитой. Недовольство магнатской властью, охватившее крестьянско-казацкие массы Украины, вылилось в мощное восстание под руководством гетмана реестровых казаков Криштофа Косинского (1591—1593 гг.). Оно охватило огромную территорию — Киевщину, Подолию, Волинь. Повстанцы одержали ряд значительных побед, но не могли устоять против хорошо вооруженных правительственных войск. Восстание было жестоко подавлено, и Косинский погиб в бою².

Притеснение украинского крестьянства, казачества и мещанства польской шляхтой после подавления восстания 1591—1593 гг. значительно усилилось.

В 1594 году вспыхнуло новое крестьянско-казацкое восстание. Крестьянско-казацкое восстание в 1594—1596 гг. под руководством Северина Наливайко распространилось почти на всю Правобережную Украину. Восставшие крестьяне и мещане беспощадно расправлялись со своими угнетателями—убивали шляхтичей, жгли их усадьбы и вводили казацкие порядки: выбирали из своей среды старшин, решали дела на радах. Хотя и это восстание было подавлено панской Польшей, но украинский народ продолжал бороться за свое освобождение.

Вдохновляющим примером для украинских и белорусских трудящихся, боровшихся против иноземного ига и местных угнетателей, явилось крестьянское восстание в России под руководством Ивана Болотникова (1606—1607), в котором активное участие приняли также крестьяне Украины.

Борьба народных масс против социального гнета польских и украинских феодалов тесно переплеталась с освободитель-

¹ Исаак Масса, стр. 59—61.

² Архив ЮЗР, ч. III, т. I, Киев, 1863, д. 12, стр. 31—32. Собрание государственных грамот и договоров, т. II, 1819, д. № 62, стр. 126.

ной борьбой против национального угнетения. Мощный толчок этой борьбе дала славная победа русского народа под руководством Минина и Пожарского в войне против польско-шведских интервентов в начале XVII века¹.

В 30-х годах XVII века на Украине с новой силой вспыхнули крестьянско-казацкие восстания: под предводительством Тараса Федоровича (Трясило)² в 1630 году, Ивана Сулимы в 1635 году, Павла Буга (Павлюка) в 1637 году, Яцко Остриянина, Карпа Скидана и Дмитрия Гуни в 1638 году. Имели место восстания в западных областях Украины — на Буковине и в Закарпатье. В этих восстаниях наряду с украинцами участвовали также русские и белорусские крестьяне. Русское правительство помогало украинскому народу в его борьбе за свою национальную независимость. Очень часто восставшие после поражения переселялись большими группами в пределы российского государства и переходили в русское подданство. Русское правительство оказывало большую помощь украинцам, принимало их на службу, наделяло землей, сужало их хлебом и денежным жалованьем. Русское правительство решительно отказывало польским властям в выдаче украинских крестьян, мещан и казаков, которые переселялись на территорию России. «Помощь русского народа своим украинским братьям осуществлялась также при посредстве донских казаков. Последние были постоянными и верными союзниками запорожских казаков как в отражении турецко-татарской агрессии, так и в крестьянско-казацких восстаниях против польско-шляхетского гнета. Союз и дружба запорожских и донских казаков были скреплены кровью, обильно пролитой в совместной борьбе против общих врагов³.

Несмотря на то, что восстания 30-х годов были жестоко подавлены, борьба народных масс не прекращалась.

Иноземные угнетатели напрасно пытались сломить народное сопротивление, применяя зверские методы феодально-крепостнической эксплуатации и средневекового режима.

Последнее десятилетие кануна освободительной войны украинского народа является временем, когда борьба украинского народа, в том числе запорожского казачества, против магнатов Речи Посполитой, вступает в новую полосу своего развития—принимает жесточайший характер. Это было время непрекращающихся крестьянско-казацких выступлений. Главной и решающей силой этой борьбы становится крестьянство, боровшееся против социального гнета польских и украинских феодалов-угнетателей и иноземного порабощения.

¹ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), 1954, стр. 7.

² Там же, стр. 7.

³ Воссоединение Украины с Россией, т. I, М., 1953, стр. XIII.

Вместе с крестьянством в освободительной войне выступали широкие массы казачества и городского населения. Центром сосредоточения всех прогрессивных сил Украины стало Запорожье.

Во главе украинского народа, поднявшегося на освободительную войну (1648—1654 гг.), стал выдающийся государственный деятель и полководец Украины Богдан Хмельницкий.

Факты показывают, что шляхетская Польша была не только данницей, но почти вассалом Турции. Многие стороны политической и военной жизни Польши были связаны с Турцией и во многом зависели от воли турецкого султана.

«Тарих» отмечает, что Польша была почти подвластной Турции страной¹. В этом отношении турки особенно восхваляют Стефана Батория, в период правления которого не возникало никаких серьезных инцидентов между Турцией и Польшей².

Объединение Польши с Литвой не угрожало позициям Турции, оно было направлено не против Турции, а против Москвы и шведов³. Это объединение, по мнению турок, имело аморфный характер: новое государство, именуемое Речью Посполитой, «по форме» не было похоже ни на королевство, ни на республику. Польша и Литва остались верными старому порядку⁴, то есть слабыми и вне прогресса. С такой страной туркам легче было бороться. Одним из основных спорных вопросов, приведших в конце концов к войне между Польшей и Турцией был вопрос о том, кому владеть путями к Черному морю, прежде всего Молдавией. В этот период турки стремились к восстановлению спокойствия не только внутри страны, но и в области внешних отношений, чтобы можно было сосредоточить силы против Венгрии⁵. Поэтому в Валахии и Молдавии необходимо было восстановить спокойствие, а с королем Польши пока жить в мире. «Политика Сулеймана, — пишет Цинкайзен, — состояла в том, чтобы как можно дольше сохранить нейтралитет Польши»⁶. Однако это не всегда удавалось туркам.

Более напряженными стали отношения между Польшей и Турцией в последние годы правления Сулеймана I, так как польского короля подозревали в том, что «он поддерживает беспорядки в Молдавии и Валахии»⁷.

В ноябре 1564 года в Константинополь прибыл посланник

¹ Тарих, т. 3, Истамбул, 1933, стр. 66.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 66.

⁴ Там же, стр. 66.

⁵ J. v. Hammer, Bd. III, s. 46—47.

⁶ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 516.

⁷ Там же.

Сигизмунда. Он привез богатейшие дары и старался доказать непричастность короля к событиям в Молдавии и Валахии. Кроме того, он просил помощи Турции против русского государства. Польский король просил у султана хотя бы обязать татар на русско-польских границах в случае необходимости прийти на помощь Польше. «Эту просьбу Порты, не раздумывая, удовлетворила»¹. Однако традиционная политика Дивана по отношению к Польше осталась неизменной, а именно: сколько возможно будет, сохранять слабость Польши.

Существующее положение вещей мало изменилось и в первые годы правления Селима II (1566—1574). Мир между Польшей и Турцией не был нарушен, однако при возобновлении договора между ними в 1568 году Диван не утвердил некоторых требований Польши: 1) чтобы Польша не была больше обязана выдавать беглецов из турецких владений; 2) чтобы она была освобождена от ежегодной дани татарскому хану; 3) чтобы воеводы Молдавии назначались только с согласия Польши². Эти требования затрагивали интересы Турции, особенно последнее. Оно имело большое политическое значение и, безусловно, привело бы к разрыву отношений между Польшей и Турцией, если бы последовавшие за этим события не изменили ситуации.

Богдан, ставший воеводой Молдавии в 1566 году, стремился к освобождению Молдавии от Турции. Будучи слишком слабым для осуществления таких планов самостоятельно, он рассчитывал главным образом на помощь Польши. В 1569 году Польша и Молдавия заключают договор о взаимопомощи. По этому договору Богдан обещал быть верным и преданным королю Польши, в случае войны прийти ей на помощь со своим войском. Польша по договору не брала на себя обязательств воевать против Турции, ибо «польское королевство издавна поддерживает с ним (султаном) дружественные и добрососедские отношения». Так или иначе этот договор затрагивал интересы Турции в Молдавии. К тому же, как утверждают, в этом договоре имелась «тайная статья», в которой Сигизмунд обещал поддерживать Богдана 24-тысячным корпусом³. Все это безусловно было известно турецкому Дивану, который решил поэтому посадить на молдавский престол нового воеводу—Ивонию. Султан дал ему 20 000 войско с тем, чтобы тот сам утвердил свою власть в княжестве. Ивония заставил Богдана, укравшегося в Хотине, бежать в Польшу к Сигизмунду⁴. Однако последний побоялся оказать Богдану помощь, опасаясь

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 516.

² J. Zinkeisen, Bd. III, s. 516—517; J. v. Hammer, Bd. III, s. 372—373.

³ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 517—518.

⁴ Там же, стр. 518—519.

открытого разрыва с Турцией. И дело кончилось тем, что Хотин был передан Ивонии, который принял за это на себя обязательство жить с Польшей в дружбе и мире. Все эти события могли привести к серьезным последствиям. Но 7 июня 1572 года Сигизмунд Август умер. Встал вопрос о выборе нового короля.

В своей политике относительно нового короля в Польше Турция преследовала одну цель: Польша и дальше должна была оставаться внутренне слабой страной, должна сохранять нейтралитет «и быть зависимой от воли и мощи султана». Этого можно было достигнуть, если посадить на польский престол какого-нибудь польского магната. Поэтому Турция была против избрания королем Польши иностранца.

В первую же очередь возражала она против занятия польского престола австрийцем либо русским, ибо больше всего Турция боялась усиления этих двух «опасных ее соседей»¹. Турция заявила, что в вышеупомянутом случае она немедленно начнет войну против Польши. Если же король будет выбран согласно ее пожеланиям, то она против Польши воевать не будет².

На чем был основан страх Турции перед русскими и почему она возражала против занятия польского престола московскими кандидатами еще больше, чем против австрийцев? Основная причина заключается в том, что русское централизованное государство было способно устоять против Турции, разгромить турецко-татарских агрессоров и освободить от их господства русские земли и земли других народов. Из других причин надо отметить следующие: 1) вместо слабой и послушной Польши Турция имела бы соединенные силы русского и польского государства; 2) внешняя политика Польши отныне не была бы подчинена интересам турок и носила бы самостоятельный характер.

Непосредственное отношение к решению этих вопросов имела русско-турецкая война 1569 года. Основой этому столкновению послужил задуманный еще султаном Сулейманом план: соединить Волгу и Дон каналом, построить там два города и таким образом обеспечить владычество Турции в этом районе и беспрепятственное плавание по этому водному пути. Одной из целей было установление связи с Каспийским морем и обеспечение удобных путей для перевозки войск, снаряжения и продовольствия на случай войны с Персией, что дало бы возможность избежать долгого и тяжелого сухопутного пути. В этой войне турки потерпели поражение.

Из вышеизложенного видно, что Турция уже в то время вынуждена была считаться с Россией как с сильной держа-

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 521.

² Там же, s. 521.

вой. Известно, что русское государство могло выставить большое, хорошо снаряженное и боеспособное войско¹. «Но еще больше, чем этой материальной помощи,—говорит Цинкайзен,—Порта уже тогда боялась большого морального влияния, которое имела Россия на подвластные Порте христианские народы»².

Джакомо Соранцо в 1576 году писал: «Великий государь (султан) боится князя московского³ главным образом потому, что он принадлежит к греческой церкви, как и население Болгарии, Сербии, Боснии, Морей и Греции, которые в высшей степени преданы ему, поскольку принадлежат к той же греческой вере; они всегда готовы взять в руки оружие и восстать, дабы освободиться от турецкого рабства и подчиниться власти великого князя» (курсив Соранцо)⁴.

Итак, уже тогда всесторонне рассматривалась мысль о том, что Россия является той державой, под чьей защитой и чьей помощью греко-христианское население Турции может освободиться от владычества султана⁵.

Отношения между Турцией и Россией оказывали огромное влияние на политику европейских государств в целом. Отсюда со всей очевидностью следует, сколь весомой могла оказаться именно Россия в решении вопроса о польском королевском троне, и почему Турция решила держать в удалении от польского престола прежде всего русских.

Верным и легким средством для сохранения прежнего положения в Польше Турция считала избрание на престол представителя польской знати. Турция выдвинула брата короля Франции Карла IX герцога анжуйского Генриха Валуа.

В Польше отнеслись к этой кандидатуре благосклонно, однако там и слышать не хотели о вмешательстве Турции в дело выбора нового короля. Польский посол в Константинополе, всеми силами старавшийся помочь герцогу анжуйскому, передал Бишофу (французский посол в Турции), что ходатайство Турции в пользу французского принца является самым верным средством «испортить все дело». Французский же двор все свои надежды на успех связывал лишь с вмешательством Турции. Карл IX засыпал епископа Акса⁶ письмами, в которых указывал, что тот должен употребить все свое влияние на Турцию, чтобы та согласилась поддержать их кандидатуру всеми имеющимися у нее средствами. «Поскольку я считаю великого государя моим верным другом,—писал Карл IX епископу Аксе 30 ноября 1572 года,—

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 528—529.

² Там же.

³ В тексте сказано «московитов».

⁴ См. J. Zinkeisen, Bd. III, s. 529.

⁵ Там же, s. 530.

⁶ Глава христианской церкви в Константинополе.

то буду весьма рад; если юн при данных обстоятельствах даст почувствовать плоды его дружбы. Ибо речь идет о деле, которому я придаю особое значение и за которое я буду чувствовать к нему большую благодарность. Я прошу Вас поэтому пустить в ход всю Вашу искусность и склонить великого государя к тому, чтобы тот отправил в Польшу торжественное посольство, которое призывало бы господ страны и потребовало бы от них, чтобы они избрали моего брата и во всех отношениях оказали бы ему преимущество; в случае же, если изберут другого, пусть разъяснит им это посольство, что он, Великий государь, навсегда останется их врагом. Я думаю, что таким способом мой брат без труда будет избран и назван королем Польши, а кайзер, наоборот, будет исключен»¹. Карл IX спешил заверить султана, что, хотя он будет настаивать на передаче дела назначения господарей Молдавии и Валахии в руки Польши, но при этом и речи не будет о прекращении платежа дани туркам. А герцог анжуйский лично обещал, что он, как только станет королем, объявит войну русскому царю, дабы вернуть Польше пограничные районы Литвы, захваченные царем. Турция не очень верила в эти обещания. Великий визирь ответил Бишофу на все его настойчивые просьбы следующее: «Он, визирь, не слышал; чтобы французские принцы платили кому-нибудь дань. Поэтому он не верит, что герцог анжуйский согласится принять польскую корону. Ведь Польша должна платить татарам 30 000 дукатов ежегодной дани, если же она этого делать не будет: то татары, конечно, начнут против нее войну, а султан должен будет поддержать своих подданных»².

Однако к концу марта в Турции было принято решение поддерживать герцога анжуйского, ибо, с одной стороны, видно было, что выбрать поляка не удастся, а главное, стало известно, что русский царь вступил в Литву и уже подчинил себе Вильно.

Герцог анжуйский был избран королем. 15 февраля 1574 года король прибыл в Краков. Однако четырехмесячное правление страной, раздираемой противоречиями между разными партиями, принесло ему мало радости. Для него, очевидно, спасением оказалось известие о смерти Карла IX (30 мая 1574 года), заставившее его вернуться во Францию.

Тогда Турция посадила в Семиградье воеводой Батория и стала ратовать за его восшествие на польский престол. 15 мая 1575 года султан отправил сейму Польши письмо, рекомендуя избрать Батория. Турки угрожали даже нападением хана в том случае, если покровительствуемый ими

¹ См. J. Zinkeisen, Bd. III, s. 534.

² Там же, s. 538.

кандидат не будет избран¹. Баторий с согласия Турции торжественно выехал в Краков. После обручения с принцессой Анной Стефан Баторий был там коронован как король Польши (май 1576 г.).

Баторий старался убедить турок в своих дружественно-«рабских» намерениях: он сменил казацкого гетмана, казнил многих казаков и т. п. 16 июня во Львове публично был казнен храбрый Подкова. Надолго остались в памяти очевидцев его предсмертные слова: «Люди добрые, знаете ли вы, за что мне сейчас отсекут голову? За то, что я свою саблю обагрив турецкой кровью и не раз шел на смерть, борясь с вашим и всех христиан врагом»². Так низко пал король Стефан, посаженный на престол турками. «И показал себя как крепостной султана»³.

Вскрест Стефан Баторий умер (май 1587 г.). Встал вопрос о выборе нового короля. Вначале Турция, казалось, отдавала предпочтение юному семиградскому вассалу Сигизмунду, затем начала ходатайствовать за его дядю, кардинала Андрея Батория, а потом за старого князя Молдавии Петра, который некоторое время носился с мыслью стать королем Польши. Польский посланник от имени магнатов заявил, что они не согласны избрать королем ни одного из трех воевод: Семиградья, Молдавии и Валахии. В ответ было сказано, что Польша не должна выбрать «немца, испанца, англичанина, француза или москвитя». Турки заявили посланникам, чтобы поляки избрали родственника умершего короля либо одного из своей среды, но не без ведома Турции, в ином случае султан двинется против них «с саблями». В своем ответе магнатам султан употребил форму, принятую по отношению к бейлербеям: «Так должно быть».

Визирь держали совет относительно просьб о поддержке со стороны многочисленных претендентов на польский престол. Великий князь Семиградья обещал великому визирю 40 000 дукатов и каждому из визирей по 10 000, когда он с помощью Турции станет королем. Великий герцог Флоренции предложил еще больше за корону⁴. Корона досталась шведскому принцу Сигизмунду. Из Данцига он через посредство своего секретаря И. Замойского сообщил султану о своем избрании, о сохранении в силе дружественных отношений с Турцией, поддерживаемых его предшественником, о возобновлении договоров и просил отдать необходимые приказы татарскому хану, дабы обеспечить безопасность Польши. Султан в своем ответе удовлетворил эти просьбы.

Политика Сигизмунда состояла в следующем: оказывать

¹ N. Jorga. Bd. III, s. 265.

² N. Jorga. Bd. III, s. 259; Hammer, Bd. IV, s. 539—540.

³ N. Jorga. Bd. III, s. 262.

⁴ J. v. Hammer, Bd. IV, s. 540; N. Jorga, Bd. III, s. 262:

отпор завоевательским стремлениям австрийского двора; сдерживать династические притязания Семиградья; всеми возможными способами ускорить аннексию «вассальных» княжеств Молдавии и Валахии; для достижения всех этих целей старательно поддерживать дружбу с турками с помощью блестящих посольств, многочисленных дорогих подарков и выражения верноподданнической вежливости¹.

Непосредственное отношение к этим событиям имела персидская война. Тяжелая война завершилась в 1590 году заключением мира. В мире были заинтересованы обе стороны — Турция и Персия. Условия мира, правда, были выгодны туркам: все, что было до сих пор завоевано и занято, осталось во владении Турции, т. е. Табриз (Тавриз), Азербайджан, Ганджа, Карабах, Ширван, Курдистан. Захваченные провинции были сразу же разбиты на соответственное число тимаров и зеаметов. «Но никто не хотел их брать», ибо в этой опустошенной стране нельзя было произвести даже того, что требовалось для содержания лошадей, нужных для войска, не говоря уже о аналогах и податях. В результате оказалось, что огромные средства на управление и оборону страны, т. е. на содержание гарнизонов в многочисленных крепостях, «покрывались исключительно только султанской казной»². Персия оставалась уже по одной этой причине «самой чувствительной раной на все больше и больше заболевавшем теле Оттоманской империи»³. И поэтому правительства «северных стран продолжали стараться поддерживать плодотворную связь с персидским шахом, тем более, что при длительном правлении шаха Аббаса (до 1629 г.) Персия настолько окрепла и расцвела, что можно было надеяться «на возможность уничтожения Оттоманской державы ею»⁴. Временами такая попытка сгруппироваться вокруг сильной державы для совместной борьбы против турецкой агрессии принимала определенные формы.

Учитывая неустойчивое внутреннее положение Турции, поляки хотели укрепить свои позиции в придунайских княжествах на 30—40 лет, но Польша надеялась с турецкой помощью забрать в свои руки «принадлежащие ему (польскому королю — А. М.) по историческому праву города в северной Венгрии»⁵.

Польская дипломатия была не только слаба, но она старалась решить сложные международные проблемы без учета тех факторов, от которых они зависели. Когда решалась судьба воеводы валашского Симеона, два польских посла,

¹ N. Jorga, Bd. III, s. 263.

² J. Zinkeisen, Bd. III, s. 580.

³ Там же, стр. 581.

⁴ Там же.

⁵ N. Jorga, Bd. III, s. 360—361.

явившись в Константинополь, потребовали не только сохранения престола Валахии за их претендентом, но и не больше и не меньше как передачи обоих придунайских княжеств Польше, которая таким образом получила бы обратно утраченную южную Бессарабию, захваченную татарами, вместе с Аккерманом, Килией, Измаилом и Бендерами. За все эти провинции король предложил 2000 дукатов ежегодной дани. Послам устроили такую встречу, что им ясна стала ошибочность их расчетов¹.

Совершенно иной была политика России в отношении Турции. Несмотря на неоднократные попытки втянуть Россию в союз с остальными христианскими государствами против Турции либо склонить ее к военному союзу с шахом Ирана, русские цари находили целесообразным поддерживать и сохранять мирные отношения с Турцией, возобновляя их время от времени с помощью посольств: таковые упоминаются, например, в 1584, 1585, 1592, 1593, 1595 гг. и др.².

В изучаемом нами периоде между русским государством и Турцией не существовало «постоянных дипломатических отношений»³. Этот период характеризуется «упорным стремлением России наладить дружеские дипломатические отношения с Турцией»⁴. По мере необходимости отправлялись послы, гонцы и курьеры. Посылка их зависела от характера подлежащих разрешению вопросов: выяснение отношений к международным событиям; взаимоотношения с крымским ханством; поздравление нового султана или же ответ на полученную грамоту и т. п.

Польша; по мнению турок, должна была быть «другом друзей, врагом врагов» Турции. В июне 1588 года Турция отправила в Польшу посла с указанием, дабы та заботилась теперь о том, чтобы платить татарскому хану положенную дань и надлежащим образом держала бы казаков в узде. «Первое король не склонен был выполнять, а второе выполнить был не в силах»⁵.

Украинские казаки широким фронтом переходят в решительное наступление на турок и татар. Они уже не ограничиваются отражением нашествия на территории своей страны—Украины, а переносят центр тяжести борьбы с неприятелем на его территорию. Поэтому резко меняется тон обращения Турции к Польше в казацком вопросе. Казацкий вопрос выступает как вопрос об Украине в целом—стране, ставшей на

¹ N. Jorga. Bd. III, s. 361—362.

² J. Zinkeisen, Bd. III, s. 655.

³ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII веках. Ученые записки МГУ, вып. 94, т. 1, М., 1946, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 4.

⁵ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 656.

путь активной борьбы за свою независимость. Этому сопутствовали не только внутренние факторы. Были серьезные и внешние факторы. Важнейшим из них, определяющим многие стороны международных отношений того времени, было дальнейшее укрепление Русского централизованного государства, тесными узами связанного с братским украинским народом. Что касается Речи Посполитой, необходимо подчеркнуть, что хотя она владела богатейшими и обширнейшими землями, она была крайне слаба в военном и политическом отношениях. Она еще больше была ослаблена вследствие авантюристических военных походов против Русского государства. А стремление временами даже силой оружия установить свое господство над княжествами отталкивало от нее турок и татар, лишая ее таким образом «естественных союзников» в борьбе с Русским государством. Теперь турки не верили в возможность устранения казацкой угрозы на пути их колониальных захватов в Восточной Европе собственными силами и хотели мобилизовать шляхетскую Польшу для борьбы с казаками.

Казацкий вопрос, изолированный от всех других вопросов, был превращен турками в рычаг для оказания давления на Польшу. Турки старались не нарушать мира с Польшей. О том, как сильно была заинтересована Турция, в связи с затруднениями, вызванными возобновлением персидской войны и восстаниями в Азии, поддерживать мир с Польшей, говорит готовность, с которой Турция согласилась на возобновление старых мирных договоров с Польшей в 1607 году. Польским послам, прибывшим к султану, был оказан хороший прием, несмотря на скудность их подарков¹. На этот раз мир был возобновлен на весьма выгодной для Польши основе, т. е. новый договор содержал много положений, которые придавали дальнейшим отношениям Польши и Турции намного более «самостоятельный», «гарантированный» и «почетный характер»².

Принцип равенства прав и взаимности обязательств, до этого «совершенно неизвестный в турецкой дипломатии», нашел здесь свое признание и практическое применение. Ни одна из сторон не должна больше причинять вред краям, замкам, городам и селам другой страны, и точно так же, как султан обязуется удерживать татар от их нападений на Польшу, должен и король не допускать больше действий казаков в турецких владениях. Такое же положение устанавливалось и в вопросах возмещения нанесенного ущерба, выдачи пленных, которая начиная со дня заключения этого договора, должна была производиться без выкупа, преступников и мятежников. Весьма значительные облегчения были сделаны

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 658.

² Там же.

для торговли не только в обеих странах, но и в Молдавии и Валахии. Польские купцы в дальнейшем не должны были платить за свои товары ничего, кроме установленной законом пошлины. Кроме того, был установлен такой порядок, по которому турецкие власти не могли больше вмешиваться «в долговые и наследственные, гражданские и судебные дела польских купцов. Существовавшая до этого пошлина на ввозимые деньги была отменена»¹. Было только установлено, что мяткая польская монета, т. е. неполноценные польские «львиные талеры», не должны употребляться при купле и продаже. Дань, которая выплачивалась татарскому хану, «была сохранена».

Договор, подписанный 16 июля 1607 года султаном Ахмедом I в Константинополе, заканчивался словами: «Сим приказываю, что пока со стороны короля и его беев (читай магнатов—А. М.) не произойдет ничего такого, что нарушило бы сей договор и союз, и пока он будет верой и правдой выполнять эти условия дружбы, то и мое величество, верой и правдой, здесь договоренное нарушать не станет, и что во время моего счастливого правления и властвования сей мир постоянным и крепким и сия дружба верной и нерушимой будет».

Этот мирный договор с Польшей был очень важным не только как основа дальнейших отношений между двумя государствами, но и потому, что он определенным образом завершил установление мирных отношений между Турцией и европейскими государствами. «Наступил один из редких моментов, когда Порты не должна была воевать, по крайней мере открыто, ни с одним врагом в Европе ни на западе, ни на севере; она освободила свои руки для того, чтобы всю свою мощь опять направить в сторону Азии, где уже 4 года ведущаяся опять война с Персией и сильные восстания в Анатолии требовали всех ее сил и возможностей»².

Мир, заключенный с Польшей в 1607 году, был вскоре опять весьма чувствительным образом нарушен. Причин нарушения было три: 1) вмешательство поляков в споры о владении княжеским престолом в Молдавии; 2) вторжение татар в королевство польское, что делалось не по приказу Турции, но «чему Порты не мешала и втайне даже одобряла»; 3) походы украинских казаков на турецкие владения³.

На протяжении изучаемого периода молдавский вопрос послужил одним из основных вопросов, разрешение которого определяло взаимоотношения между Польшей и Турцией. Вмешательство Польши в молдавские дела еще в 1611 году привело к очень серьезному спору между Турцией и Польшей.

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 658.

² J. Zinkeisen, Bd. III, s. 659; Hammer, Bd. IV, s. 712—722.

³ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 730.

И если тогда удалось избежать официального разрыва, то все же этот спор придал дальнейшим отношениям обоих государств «в высшей степени напряженный характер»¹. Дело заключалось в том, что король принял сторону изгнанного при содействии Турции воеводы Радула Шербана и взял его под свою защиту, предоставив ему убежище. Султан расценивал это как нарушение мира. Королю Польши было отправлено письмо в форме фирмана, в котором ему приказано было немедленно отправить в Турцию голову и сокровища Радула Шербана, угрожая в случае отказа вторжением татар². Вскоре после этого в отношениях между Турцией и Польшей еще больше усилились противоречия по той причине, что Турция сместила и преемника Радула, Константина Могилэ, несмотря на то, что последний повысил свою дань с 30000 до 32000 дукаатов, и он, Могилэ, тоже нашел себе убежище в Польше, у своего шурина Потоцкого. Воеводой Молдавии был назначен Штефан Томша. Польша требовала его выдачи, турки на это не обратили внимания. Тогда двое польских магнатов, Самуил Корецкий и Михаил Вишневецкий, которые, будучи родственниками Могилэ, рассматривали его дело как свое личное, вторглись с казачьим войском в Молдавию и прогнали Штефана Томшу еще до того, как к нему прибыла помощь. Посланные турками войска, сначала под командованием Ибрагима-паши, а затем Искендера-паши, нанесли полное поражение польскому войску. Сам Корецкий попал вместе со своей семьей в плен и, закованный в цепи, был отправлен в Константинополь вместе с 500 казаками. Штефан Томша был посажен на княжеский престол³.

Но даже эти кровавые распри Турция, еще слишком занятая Персией, не захотела тогда расценивать как официальный разрыв мирных отношений с Польшей. Эти события рассматривались вначале только как дело Корецкого.

После этого Искендер-паша, поддерживаемый валашским, молдавским и семиградским войском, выступил в поход в Польшу. Через польского посланника султан передал королю свои убедительные заверения в том, что войско турецкое снаряжено не против Польши, а только против казаков, которые и на суше и на море «являются бичом» турецких границ и судоходства. Что касается татар, уверял султан, то он даже отдал приказ татарскому хану воздержаться теперь от всяких нападений на Польшу⁴.

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 730.

² J. Zinkeisen, Bd. III, s. 730—731; Hammer, Bd. IV, s. 743.

³ Hammer, Bd. IV, s. 758.

⁴ Казаки, нападавшие на турецкие суда в Черном море, были вообще-то, говорит Гаммер, русскими поданными, но русский посол, прибывший как раз с дарами, дабы добиться того, чтобы татары в Азии были удержаны, был встречен с большим почетом. Навстречу ему в

Король Сигизмунд III в 1617 году приказал своему войску под командованием Станислава Жолкевского продвигаться к берегу Днестра. Теперь, когда оба войска оказались стоящими друг против друга, разделенные только рекой, дело дошло бы уже до открытой войны, если бы стремления обеих сторон к миру не оказались сильнее. 27 сентября 1617 года был заключен «пресловутый Брусский договор»¹ (Бушевское соглашение — А. М.), согласно которому казакам запрещалось переправляться через Днепр, поляки не должны были больше вмешиваться в дела Молдавии, Валахии и Семиградья, а татары не должны были беспокоить Польшу². Договор был написан на турецком и польском языках. Польский был заверен печатью гетмана и подписями магнатов. Искендер-паша отвел свое войско от границы. Исходя из анализа положения в обеих странах и условий договора, Цинкайзен делает такой вывод: «К несчастью речь шла здесь, как и в большинстве договоров, заключенных тогда Портой с христианскими державами, о требованиях невыполнимых. Ибо кто был теперь в состоянии держать в узде легко подвижные отряды казаков и татар»³. Тем более, что внутреннее напряжение, имевшее место в Османской империи, чрезвычайно затрудняло в это время туркам всякое применение силы за ее пределами. Ибо вскоре после заключения соглашения в Бушеве, которое по времени почти совпадает с венским миром, умер султан Ахмед I (22 ноября 1617 года), и это время явилось началом целого ряда вооруженных восстаний и тех ужасных дворцовых переворотов, которые, хотя они явились выражением «давно существовавшего зла», так ясно, как никогда прежде, раскрыли ставшие уже неизлечимыми заболевания внутренней жизни турецкого государства.

В 1618 году (26 сентября) был заключен мир между Турцией и Персией, по которому последняя обещала ежегодного привоза 200 грузов персидского шелка (Наима, Печевы). Шах отправил турецкому войску в дар 810 верблюжьих караванов с продуктами питания. Великий визирь получил 9 верблюжьих караванов с конфетами, фруктами, лучшей мукой и рисом. Ага янычар, дефтердар получили по три-пять караванов с таким же грузом. Были сделаны другие дары, в их числе шах подарил 4 африканских «чудовища» — слонов⁴. Персидский посол Мирза Мухаммед Хусейн принес

устье Босфора послана была галера, а в Константинополе его встретили чаушбаши и ага силахов (август 1616 г.). Он привез в дар собольи шкуры, 4 соколов и другие ценности, J. Hammer, Bd. IV, s. 758—759.

¹ J. Hammer, Bd. IV, s. 759.

² J. Hammer, Bd. IV, s. 759; J. Zinkeisen, Bd. III, s. 732.

³ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 732.

⁴ А. Расим. т. I, стр. 560—561.

мирную грамоту великому визирю, а Джебхешибаша Мухаммед ага—султану.

Немного позже молодой султан Осман II (1618—1622) оценил мир с Персией как насущную необходимость, осуществленную своевременно.

На следующий год в Константинополь прибыл польский посол, старавшийся успокоить Турцию в связи с бегством Корецкого и походом казаков. Посольство не добилось успеха. Искендер-паша получил приказ выступить против казаков. Мир был опять восстановлен в Хотине через послов Станислава Жоравинского и Якова Собеского и вмешательством влиятельного Каспара Грациани, который сперва был назначен герцогом Наксоса, а затем князем Молдавии¹. Борьба за господство над княжествами Молдавией и Валахией придавала большую напряженность взаимоотношениям между Польшей, с одной стороны, Турцией и Крымским ханством — с другой. Заключив мир с Ираном, Турция усиленно готовилась к войне с Польшей.

¹ J. Zinkeisen Bd. III, s. 735; J. Hammer. Bd. IV, s. 775—776.

ТУРЦИЯ И КРЫМСКОЕ ХАНСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ. СУХОПУТНЫЕ И МОРСКИЕ СИЛЫ ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИИ

Рассматриваемый период—переломный в истории Османской империи. В течение XVI—XVII веков Турция вела открытую экспансионистскую политику в Восточной Европе, на Кавказе и в Иране. Агрессивная политика Турции имеет глубокие корни. Она заложена в социально-экономической основе турецкого государства.

Классическое определение происхождения и сущности этого государства дано К. Марксом. Маркс, говоря о событиях, относящихся к 1231 году, писал, что «почти в это же самое время орда турок-османов вступает в Малую Азию, где они, прежде всего, основывают разбойничье государство *Каракиссар*»¹.

Первоначальной основой этого государства было небольшое ленное владение в районе Сегюта — между Билиджиком и Эскишехиром. Используя слабость Византийской империи, а также соседних небольших эмиратов (княжеств), образовавшихся на развалинах сельджукского государства, первые беи и султаны начали свои захваты.

В короткий срок туркам удалось подчинить близлежащие области. Мелкие и слабые феодальные государства Азии и Европы, раздираемые внутренними противоречиями, не в силах были устоять против орды турок. Турки с самого начала своего государственного существования уделяли большое внимание созданию сильной армии. Они ставили задачу захватить Константинополь и Крым.

18 апреля 1453 года султан Махмед II Фатих² (1451—

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 223.

² Фатих (Эль-Фатих) по-арабски—«завоеватель».

1481), опустошая и разоряя все на пути, появился с огромным войском и флотом перед незащищенной византийской столицей. Константинополь, преданный огню и мечу, 29 мая 1453 года пал. Турки вскоре сделали его своей столицей. В руках у турок оказались, таким образом, важнейшие мировые стратегические и торговые пути средневековья.

Со времени захвата Константинополя русские обратили свои взоры на турок, а первая военная встреча русских с турками заставила русских пристальней «заглянуть во внутреннее положение того гнезда, которое свил себе турецкий царь на развалинах Византийской империи»¹.

«Тарих», коллективная работа современных турецких историков, считает захват Константинополя турками «мировым событием»². «Это событие принято считать концом средних веков и для культуры, и для человечества и началом новой эры»³. Началом новой эры это событие стало потому, что захватом Стамбула Румылия и Анатолия были объединены, и таким образом Османское государство усилилось и стало воротами продвижения в Европу. «Захват Стамбула турками,—пишут авторы Тариха,—в то же время означает поражение всего христианского мира перед Турцией»⁴.

Турки отныне не видели никаких преград в осуществлении своих захватнических планов. Опыленные легкими победами, Османы, превратив свою страну в военный лагерь, готовились к новым завоеваниям. С захвата Константинополя начинается полоса усиления Турции и превращения ее в сильную державу.

Наряду с прямым грабежом покоренных народов, турки приобрели новые источники обогащения в виде откупов и пошлин, которыми облагалась транзитная торговля.

В агрессивных планах турок против стран Восточной Европы большое место занимало Крымское ханство, поставленное в вассальную зависимость от Турции в 1474 году. Стратегическое значение Крыма для Турции было велико. После захвата Крыма турки намеревались покорить все государства Восточной Европы. Захватив Крымское ханство, они получили возможность осуществлять свободное судоходство в бассейне Черного моря. Военный и торговый флот Турции получил новые базы, новые порты. Большое значение для Турции имели экономические ресурсы Крыма и орды татар.

В результате захватов на Черном море и Балканах турки завладели устьями важнейших рек Европы, впадавших в

¹ С. Старовольский. Двор царя турецкого. См. Памятники древней письменности, СПб, 1883, стр. 4—5.

² Тарих, т. III, Стамбул, 1931, стр. 25.

³ Там же, стр. 25.

⁴ Тарих, т. III, Стамбул, 1933, стр. 33.

Черное море — Дуная, Днестра, Днепра, Дона и стремились к захвату устья Волги.

Наивысшей точки своего развития Османская империя достигла в XVI веке. Господство турок распространилось на огромную территорию, расположенную на стыке трех материков — Азии, Африки, Европы. Страна представляла собой конгломерат различных народов, стоящих на различных уровнях социально-экономического развития и жестоко угнетаемых турками. В Турецкую империю входили: Греция, Болгария, Сербия, Венгрия, Албания, Македония, Фракия, Молдавия и Валахия, северное побережье Черного моря до Кубани и часть восточного побережья, южная Грузия, вся Малая Азия, Ливан, Сирия, Палестина, Месопотамия, Аравия, часть Армении и Курдистана, Триполитания, Киренаика, Алжир, Тунис и Египет¹.

Таким образом, границы Османской империи простирались от Будапешта на Дунае до Ассуана в Египте, от Ефрата и Тигра, Багдада и Грузии почти до Атлантического океана. Это была, огромная империя.

К. Маркс отмечает, что государство турок было сильно своей дисциплиной и что, организованное на *«демократическо-деспотических началах»*, оно *«было единственной подлинной военной державой средневековья»*².

На рубеже XVII века заметны стали симптомы упадка этой могущественной державы средневековья.

Совершенно правильно подходят к этому, крайне слабо изученному вопросу, крупные тюркологи — проф. Н. А. Смирнов³, проф. А. Ф. Миллер⁴, А. С. Тверитинова⁵, когда они утверждают, *«что конец XVI и начало XVII вв. являются началом упадка Османской империи»*. Но она была еще сильной державой и в середине XVIII века.

Историческая литература как европейская, так и восточная, хотя и делала попытки найти причины, которые привели к падению могущества турецкого государства, однако оставила этот вопрос в своей основе неразрешенным.

Из русских ориенталистов XIX века изучением этого вопроса занимался В. Д. Смирнов, посвятивший ему специальный труд *«Кучибей Гамюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции»*⁶. Но Смирнов не

¹ После захвата Египта в 1517 году халифат был перенесен в Турцию, и с этого времени султан присвоил себе титул халифа.

² Архив Маркса и Энгельса. т. VI, стр. 177, 189.

³ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI и XVII вв. тт. 1, 2. «Ученые записки МГУ», вып. 94, М., 1946.

⁴ А. Ф. Миллер. Краткая история Турции, Госполитиздат, М., 1948.

⁵ А. Тверитинова. Восстание Кара Языджи-дели Хасана в Турции, АН СССР, М.—Л., 1946.

⁶ В. Д. Смирнов. «Кучибей Гамюрджинский и др. османские писатели XVII века о причинах упадка Турции», СПб., 1873.

мог раскрыть истинные причины упадка Османской империи.

Попытка объяснить экономический и политический упадок Турции развитием коррупции, жадной к наслаждениям и обогащению¹, вмешательством женщин в государственные дела², приходом к власти малолетних и слабоумных султанов³, самоуправством государственных чиновников, нарушением древних законов, соблюдавшихся прежними правителями и т. д. не дает ответа на поставленный вопрос. Все эти факторы, ослаблявшие империю, являются не причиной, а следствием более глубокого кризиса самой экономической основы Османского государства. Начало падения могущества турок надо искать в экономике, упадок которой привел к ослаблению военной мощи страны. Причины всех общественных перемен, говорит Ф. Энгельс, надо искать «в экономике соответственной эпохи»⁴.

Во главе турецкого государства стоял султан. Вся империя считалась его собственностью, а ее население — «рабами султана». Империей управляли представители феодальной знати, которые составляли господствующее, правящее сословие; его интересам была подчинена вся политика султана. Значительную роль в жизни страны играло высшее мусульманское духовенство. Вся страна была разделена на провинции — эйялеты, во главе которых стояли назначаемые султаном бейлербеи, являющиеся в военное время командующими войсками подвластной им территории империи⁵.

Каждый эйялет делился в свою очередь на большее или меньшее число областей, называемых санджаками, которые управлялись санджакбеями. Наконец, каждый санджак делился на определенное число больших и малых феодалов, так называемых зеаметов и тимаров. Тимарами назывались феодальные владения (лен, надел), приносящие до 20000 акче годового дохода, зеаметы — наделы, приносящие до 10000 акче⁶. Количество тимаров и зеаметов зависело от размеров земли и от количественного состава населения данного района. Так, например, Румилийский эйялет (центральный) охва-

¹ Тарих, т. III, стр. 59—60, 115.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 118—119.

⁴ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, М., 1952, стр. 57.

⁵ Что касается внутреннего управления покоренных народов, то турки не всегда ломали его, ограничиваясь сбором дани, налогов. Об этом К. Маркс писал: «Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот, связанных с действительным управлением». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 432—433.

⁶ Акче — мелкая серебряная монета, выпущенная в Турции при Орхан-газы.

тывал 23 сенджака. В числе сенджаков, входящих в этот эйялет, были и такие, как Бендеры, Силистрия, Ак-Керман (Аккерман), Сланики и другие. В Румилийском эйялете было 914 зеаметов и 8360 тимаров (тимариотов)¹. В Боснийском эйялете было 389 тимаров и зеаметов².

Вся земля в государстве делилась на три основных категории: государственные земли, земли вакуфа (или вакуфные) и частновладельческие земли.

Государственные земли в свою очередь делились на три неравные части. Часть принадлежала царствующему дому; другая — государственной казне, доходами которой она располагала; третья, самая большая часть, раздавалась государством на правах ленных пожалований. Эта категория земель играла важную роль в жизни военно-феодального государства турок. Ленниками были представители феодально-военных кругов, тесно связанных с правящей верхушкой страны. Все эти должностные лица при назначении получали наделы, при уходе же с должности их наделы снова поступали в фонд государственных земель. Земли обрабатывались крестьянами и невольниками.

Основные социальные группы в феодальном обществе — это класс землевладельцев, эксплуататоров и класс зависимых крестьян, эксплуатируемых.

«Крепостническое общество, — указывает В. И. Ленин, — представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей»³.

Суть феодальной формы собственности на средства производства состоит в том, что трудящиеся не имеют в своем полном распоряжении земли, то есть главного средства сельскохозяйственного производства, землю они получают от собственника — феодала не в полную собственность, а в пользование, в условное владение, за право возделывать ее они должны работать на феодала. К. Маркс определяет поэтому феодального крестьянина термином «возделыватель-владелец», называют его «... возделывателем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли»⁴.

В Турции основной земельный фонд государства, называемый тимарами и зеаметами, носил характер военно-феодальных ленов, жалуемых за несение военной службы государству.

Владельцы ленных наделов, в роли временных собствен-

¹ А. Расим. Указ. труд., т. 1, стр. 353—354.

² Там же, стр. 355.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 445.

⁴ К. Маркс. Капитал. т. III, 1955, стр. 811, 815.

ников, не имели права продавать, передавать и отчуждать эти земли. Они передавали свои наделы (лены) крестьянам, приписанным к тому или иному тимару или зеамету на правах «тапу» — это «определенная форма феодальной зависимости крестьянина от ленного владельца, в силу которой первый обязан обрабатывать отведенный ему участок земли и уплачивать определенные налоги своему феодалу»¹. Владельцы тимаров и зеаметов на собранные со своих ленов доходы обязаны были поставлять государству вооруженных воинов.

В Румилийском эйялете, в котором было 914 зеаметов и 8360 тимаров, количество воинов-кавалеристов достигало 33000 человек, в Боснийском эйялете было 389 тимаров и зеаметов, число кавалеристов достигало 3000 человек² и т. д.

Таким путем собранное войско и было основой военной мощи турецкого государства. Основная масса его участвовала в войнах и походах. Тимары и зеаметы переходили по наследству только по мужской линии. Наследники, как и их отцы, также не имели права продавать и передавать полученное наследство другим лицам. В случае же отсутствия наследников тимары или зеаметы должны были поступать в руки государства. Лишь в исключительных случаях за услуги султаны изредка отдавали определенным лицам тимары в мюльк, т. е. собственность³.

Вакуфные земли — это земли, пожертвованные государством и отдельными мюлькедерами на благотворительные цели мечетям. Эти земли фактически составляли основную материальную базу духовенства. Получая колоссальные доходы с вакуфных земель, священнослужители становились крупнейшими феодалами в стране, и это обстоятельство еще больше увеличивало роль мусульманского духовенства во всех делах управления государством.

В категорию частновладельческих земель входили земли, принадлежащие отдельным лицам. Эти земли свободно переходили в наследство и могли быть отчуждены по усмотрению их владельцев. Но удельный вес их почти до конца XVI века в общей системе землевладения был незначительный. Количество частновладельческих земель начинает расти в связи с началом разложения системы ленных владений. С одной стороны, феодалы стали присваивать земли, пожалованные им в лен, а с другой — значительное количество земельных угодий путем покупки перешло в руки представителей торгово-ростовщического капитала. Тимары и зеаметы стали попадать в руки лиц, которые не имели никакого отношения к несению военной службы. Военно-ленная система стала утрачивать свое прежнее значение.

¹ А. Тверитинова. Указ. труд, стр. 30—31.

² А. Расим. Указ. труд, стр. 353—355.

³ Там же, стр. 394.

С началом упадка империи стало расти число налогов и податей. Все виды хозяйственной деятельности и имущества облагались налогами. Сбор налогов с крестьян казенных и султанских земель производился финансовыми чиновниками государства, называемыми дефтердарами. С подданных государства взималось четыре «законных» налога: 1) десятина с мусульманского населения, 2) закят — ежегодная мусульманская подать (одна сороковая часть годового дохода на имущество), 3) харадж — налог с немусульманского населения империи, взимавшийся в двух видах — с участка земли и с урожая того же участка; формально он был равен десятине, но взимался до половины урожая плюс поземельный налог, 4) джизье — подушная подать с немусульманского населения.

Рост обмена и укрепление товарно-денежных отношений побуждают феодалов извлекать из земли больше доходов и превращать полученные натуральные налоги в деньги. У феодалов появляется заинтересованность не только в фискальной, но и в хозяйственной эксплуатации земли. Вследствие этого начинает усиливаться крупное феодальное землевладение, к которому приобщается и торгово-ростовщический капитал. Военные лены превращаются в вотчины, не связанные ни с несением военной службы, ни с какой-либо другой обязанностью перед государством.

В конце XVI века в Турции получает распространение откупная система взимания налогов. Турецкое правительство начинает продавать право сбора налогов в целых провинциях, отдавая крестьян в распоряжение алчных откупщиков, более всего заботившихся о своей личной наживе.

Таким образом, основная тяжесть всей феодальной системы Османского государства падала на плечи крестьян. Османская империя вступила в полосу финансового кризиса. В поисках выхода из затруднительного финансового положения правительство все чаще прибегало к отдаче государственных земель откупщикам. Откупная система подрывала финансовую мощь государства. Расход в два раза превышал доход страны. Это приводило к расстройству и разорению ее хозяйственной жизни, ослабляло военную и финансовую мощь государства. Роль и значение денег в политике неуклонно росли. Ростовщический капитал проникал во все поры феодального землевладения, подрывал его устои. «При азиатских формах,—говорит К. Маркс,—ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»¹.

Военно-ленная система землевладения, составлявшая экономическую основу Османской империи, под воздействием ростовщического капитала стала разрушаться.

В связи с разложением системы ленных владений количе-

¹ К. Маркс. Капитал. т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 611.

ство частновладельческих земель стало расти. Тяжесть военно-феодальной системы Османского государства становилась непосильной для народа. Жестокая эксплуатация народных масс как феодалами, так и духовенством, многочисленные налоги, дороговизна жизни и политическое бесправие народа усиливали в стране недовольство деспотическим режимом султаната.

Внутреннему положению Турции во второй половине XVI века посвящена работа буржуазного историка Ахмед Рефика «Еретики и бекташи в XVI веке»¹. Этот сборник состоит из архивных документов, в нем помещены главным образом указы, направляемые в провинции. В предисловии автор делает обзор внутреннего положения Турции во второй половине XVI века. В целом из этой работы мы узнаем о волнениях, охвативших почти всю страну, в которых участвовали крестьяне, горожане, шейхи², даже сипахи³.

В период царствования султана Сулеймана Кануни (1520—1566) волнения усиливаются. Бесперывно то в европейской, то в азиатской части империи вспыхивают восстания. Военное напряжение государства расстроило народное хозяйство, а крестьянство, давно задавленное налогами и повинностями, зароптало. На помещика упоры не было. Крестьянам предлагали безропотно сносить гнет. Бесчинствовали и янычары⁴. Не прекращалась борьба между шиитами⁵ и турками⁶.

В этой религиозной борьбе отражалась борьба крестьян против экономического гнета и политического бесправия.

Против тяжелого экономического гнета, тяжести налогов восставали: Симавнаоглу Бадратдин⁷, Шюглуноглу Коджи⁸.

Один современник, вспоминая о восстании Симавна оглу, говорил: сипахи за кызылбашей; когда был объявлен поход против кызылбашей (еретик, шиит), сипахи предпочли отказаться от тимаров. «Ради сохранения тимаров мы не обнажим мечей», — говорили они. Султанский указ говорит о беспокойстве правительства поведением сипахов. Среди них «злосчастный» чауш⁹ Мустафа, сын Касима, обладатель тимара в 17790 акча¹⁰.

¹ Ахмед Рефик. Уналтинджи асирда Рафизлик ве Бекташилик. Истамбул, 1932.

² Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты.

³ Сипах (сипан) — дворянская конница турецких султанов.

⁴ Янычар — новое войско, султанская гвардия.

⁵ Шииты (ар.) — последователи одного из двух направлений ислама (ср. сунниты).

⁶ Ахмед Рефик. Указ. труд, д. № 29, 49, 45, 53.

⁷ Ахмед Рефик. Предисловие, стр. 7.

⁸ Там же, стр. 10.

⁹ Чауш—курьер, посылаемый в другие страны с важными документами.

¹⁰ А. Рефик. Указ. работа, д. № 46.

В течение столетия — от середины XVI до середины XVII века — во внутренней жизни Османской империи произошли серьезные изменения. Массовые разорения крестьянства в результате усилившегося налогового гнета феодалов и государственной казны, бегство их с земель тех феодалов, к которым они были приписаны по закону, скопление огромных масс голодающих, «черни», в городах и волна массовых крестьянских восстаний — «джедали», — охватившие глубинные районы страны, вызывали тревогу правящей верхушки. Вооруженная борьба султанской власти против движения «джедали» не всегда достигала нужного эффекта; народные волнения, подавленные силой в одних областях империи, начинали бушевать с еще большим упорством в других. С нарастанием антифеодального движения народных масс заметно усиливаются и тревожные ноты в сочинениях не только турецких политиков, но и авторов исторических хроник того времени (Кятиба Челяби, Эвлия Челяби, Мустафы Селяники и некоторых других).

Обилие волнений во второй половине XVI века говорит о разложении феодального строя; классовые противоречия нарастают все больше и больше. Социально-экономические причины побуждали широкие народные массы на восстания.

На рубеже XVII века вся страна была охвачена восстаниями. Наиболее крупным из них было восстание Кара Языджи-дели Хасана, которое до основания потрясло Турцию. В работе, посвященной этому вопросу, А. Тверитинова пишет: «Недовольство султанской властью, охватившее народные массы Османского государства, из края в край выливалось в мощное восстание под руководством Кара Языджи. Волнения повсеместно продолжались в виде многочисленных вспышек на протяжении всей первой четверти XVII столетия»¹.

Это восстание, как и многие другие, было жестоко подавлено. Сто тысяч восставших были уничтожены. Море крови открыло новую кровавую страницу в истории Османской империи. Оно свидетельствовало об обострении классовых противоречий в стране.

Говоря о причинах падения военного могущества турок, необходимо иметь в виду и внешние факторы. В Европе начался процесс капиталистического развития, централизации и укрепления государства. Турки переставали быть грозой, предметом непреодолимого ужаса, престиж их военного могущества падал.

Отставание турок в экономическом развитии от европейских стран породило пренебрежительное к ним отношение. Сравнивая экономическое могущество западно-европейских стран с Турцией, часто говорили «что такое для нас турок,

¹ А. Тверитинова. Указ. труд, стр. 51:

как не олицетворение варварства в самом обширном смысле этого слова—необразованности, грубости, жестокости, лени...»¹. Арабские, персидские предания изображают турок свирепыми и грубыми. В них сказано: «хотя бы турок и татарин и превосходен был во всех науках, но и тогда не отклонился бы он от врожденного жестокосердия»².

Приведем еще несколько положений, характеризующих турок как страстных любителей войны и завоеваний. «Турки, завоевав Константинополь, раскинули в Европе стан военный и до сих пор не выходили из него»,—писали одни³. Сочинитель книги, изданной в 1802 году в Париже под названием: «Рассуждения исторические» и политические о Порте оттоманской», наблюдавший жизнь Турции в течение 25 лет, говорил: «Война есть душа турок»⁴. Лорд Рюссель в 1828 году говорил: «Со времени появления своего в Европе турки ни в чем ни на один шаг не содействовали пользе Европы. Течение веков для них не существовало: они все те же ненавистники человечества»⁵.

Один из военных историков Турции Снай Осман начинает свою «Тарих харб» с изложения взглядов великих полководцев на войну и военную историю. Чтобы стать великим полководцем, изучайте, изучайте повторно походы Александра Македонского, Ганнибала, Густава Адольфа, Фридриха Великого и так далее⁶,—заявляет автор. Он приводит слова Фридриха о том, что «история—это школа государей и полководцев»⁷.

Отсюда автор делает вывод, что первым делом государства является создание войска. Главная задача состоит в том, чтобы изучить прогресс в военном искусстве различных эпох, т. е. раскрыть возникновение, организацию, формы и методы ведения войны⁸. Работа Снай Османа носит подстрекательский агрессивный характер. Несмотря на то, что она появилась почти в конце XIX века, когда туркам уже не раз приходилось сражаться с неприятелем на своей территории, автор, извращая факты, заявляет, что «турки всегда воевали на территории вражеских государств»⁹. Он поучает своих современников

¹ В. Д. Смирнов. Кучибей Гомюрджинский и др. османские писатели XVII века о причинах упадка Турции, СПб, 1873, стр. 1.

² Сергей Глинко. Картина историческая и политическая Порты оттоманской, от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и до падения греческой державы, М., 1830, стр. 5.

³ См. Глинко. Указ. труд, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 10.

⁵ Там же, стр. 11.

⁶ Снай Осман. Тарих харб, ч. I, Константинополь, 1896—1897, стр. 3. (Снай Осман).

⁷ См. Там же.

⁸ Снай Осман. Указ. труд, ч. I, стр. 22.

⁹ Снай Осман. Указ. труд, ч. II, Конст., 1896—1897, стр. 143.

менников: турки всегда шли на войну хорошо подготовленными и с большой армией¹. Кто желает, учит он, стать «знаменитым», «богатым», знатным и авторитетным, тот должен стать солдатом. Поэтому военное дело среди турок занимало «ведущее и священное место»².

Если Снай Осман склонен несколько переоценивать военную мощь Турции, то европейские политики подчас недооценивают ее. Согласимся с Цинкайзенем в том, что ни в одном вопросе, касающемся Османской империи, Европа не допустила столько ошибок, как в вопросе оценки и характеристики ее вооруженных сил.

Ф. Филельфус, который считался лучшим знатоком по вопросам восточного мира, заявил французскому королю Карлу VII, что изгнание турок из Европы — «чрезвычайно легкое дело. Ведь у Европы имеется все необходимое: деньги, умение и отличное войско, а враг (Турция — А. М.) может противопоставить лишь толпу сброда, которая едва составит 60000 человек».

Тот же Филельфус уже после того, как почти вся Сербия и Босния были потеряны, Валахия и Греция были захвачены Турцией, а турецкая конница держала под страхом пограничные города Венгрии и венецианских владений, доказывал Христофору Моро, что турецкая армия насчитывает 52000 плохо вооруженных людей, имеющих плохих коней. Достаточно, заявил Филельфус, 20000 человек пехоты и столь же конницы, чтобы «уничтожить не только турок, но и весь ненавистный мусульманский мир, и что 2000 итальянских конников могут уложить 10000 турецких»³. Это неверное и высокомерное мнение разделялось и другими.

В 1517 году папа Лев X потребовал для крестового похода против турок только 60000 пеших и 16000 конных, собираясь с их помощью уничтожить неверных⁴.

Дорогой ценой, кровью и страшными потерями куплен был Европой тот опыт, который заставил ее исправить ошибки в деле оценки силы неприятеля. Некоторые старались более объективно оценить положение турецкого войска. Преимущество турецкой армии видели в том, что она не была наемным войском, как в европейских странах; преимущество видели в единстве стремлений, господствовавшем и объединявшем турецкую армию; в более строгой дисциплине, в лучших обычаях и даже в религиозности, доходящей до фанатизма и т. п.⁵

Турецкое постоянное войско состояло из ленных (по

¹ Снай Осман. Указ. труд, ч. II, стр. 134.

² Там же, стр. 128.

³ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 139—141.

⁴ Там же, s. 141.

⁵ Там же, s. 142—145.

призыву) и оплачиваемых воинов. Лен, выдаваемый в Турции, был, с одной стороны, наградой за военную службу, которую человек уже нес в прошлом, а с другой стороны, он обязывал к несению военной службы и в будущем. И чем больше была награда, тем больше обязанностей она налагала. Конное ленное войско делилось на два класса—большое и малое—зеамет и тимар, а ленный воин-конник (сипах) был—в зависимости от того, к какому классу он принадлежал, — займу или тимарли. Владелец лена с годовым доходом от 3000 до 20000 асперов относился к малому классу, а с доходом от 20000 до 100000 асперов и выше — к большому. Этим определялись и обязанности. Владелец лена с доходом 3000 асперов или 60 дукатов выделял и полностью снаряжал одного конника. Те, чьи доходы с лена превышали 10000 асперов, должны были представить по одному снаряженному коннику с каждых 5000 асперов. Таким образом, тимарли (тимариот) снаряжал максимум 4-х, а заим — 19 воинов, которых они должны были содержать.

С увеличением числа ленов увеличивалось и количество этого ленного войска (ополчения). При Сулеймане I и Селиме II оно увеличилось до 130000 коней. В 1581 году ленная конница насчитывала уже 150000 человек, а 10 лет спустя, по некоторым данным (например, Лауренцо Бернардо), она насчитывала 200000 человек. Другой корреспондент, современник Л. Бернардо, оценивает ленную конницу в 400000 всадников. Однако надо полагать, что на бумаге оно получалось намного больше, чем на поле битвы. Во всяком случае, к концу XVI века количество ленного войска достигло своего апогея. В XVII веке оно непрерывно уменьшается. В середине XVII века вся ленная конница оценивалась уже в 100000 коней, да и эти лишь малой частью появлялись на поле боя.

Пока ленный порядок сохранял свою силу и крепость, он был «зерном и мощью всей турецкой конницы и всех ее вооруженных сил»¹. Главное командование осуществлялось двумя бейлербеями — анатолийским и румелийским. Один из них находился в Азии, а другой — в Европе. Как только вспыхивала война или объявлялся поход, все займы и тимариоты собирались под знамя своего командующего и тот приводил их в указанное место. Такую боеспособную, хорошо снаряженную конную армию не могло тогда выставить ни одно государство в мире, т. к. для содержания подобной конницы требовалось «по крайней мере 25 млн. золотом в год»². Это понимали сами турки—и этим они гордились.

Великий визирь в ответ послу короля Фердинанда сказал, «что достаточно только мигнуть, как сразу же явится

¹ J. Zinkeisen. Bd. III, s. 145—149.

² Там же, s. 149—151.

400000 вооруженных всадников. При первом зове отзывается каждый воин, при втором опоясывается он оружием, а при третьем садится на своего боевого коня»¹. Все делалось как по щучьему велению, «ибо султану ничего не стоит его войско; — говорит великий визирь, — каждый воин и так добывает свое золото как в мирное, так и в военное время»².

Конница, получавшая жалование, внешне была похожа на ленную конницу, только еще богаче снаряженную. Первая попытка снарядить конницу огнестрельным оружием относится к 1548 г., но она не удалась. К концу XVI века главным оружием нападения турецкой конницы еще оставался лук со стрелами. Оплачиваемая конница пользовалась кольчугами. Она считалась выше по рангу, так как была конной лейб-гвардией султана. Вначале это был небольшой корпус человек в 2500, которому поручена была охрана государственного знамени. Султан Селим I (1512—1520) увеличил количество сипахов до 3500 человек. Они получали по 20—40 асперов в день. Во главе их стоял ага, получавший в день 80 асперов. До персидской войны количество оплачиваемых сипахов не превышало 15000 человек. Но после персидской войны оно резко увеличивается — до 40000 человек. Это было не случайно. «Это значительное увеличение количества оплачиваемой конницы совпадает с упадком ленного войска»³. Уже в 1586 году сипахи отказались нести службу, объявив, что они воевать дальше будут лишь в том случае, если во главе их станет султан. Им обещали тогда выполнить все их требования. Но это привело к плохим последствиям для султана: в 1593 году в Константинополе дело доходит до страшного восстания сипахов. Они добились снятия дефтердара⁴ и великого визиря Сиявуша и посадили на место последнего Синан машу. В 1619 году число их упало до 28000 человек, а лет через 20 оно составляло едва 10000 человек⁵.

Истинной лейб-гвардией султана стали мутеферики, дворцовые курьеры, находящиеся под личным командованием султана и не несущие больше никакой службы. При Селиме I и в первые годы правления Сулеймана I эта избранная лейб-гвардия не превышала 100 человек. Они получали жалование от 40 до 150 и 200 асперов в день. Быть в этой гвардии считалось большой честью, и многие к этому стремились. В середине XVI века ее количество дошло до 250—300 человек, а при Селиме II (1566—1574) — до 500 чел. «Эта гвардия всегда возвращалась из похода с большой добычей и многочисленными рабами».

¹ J. Zinkeisen. Bd. III, s. 151—152.

² Там же, s. 152.

³ Там же, s. 178; 174—177.

⁴ Дефтердар — министр финансов или управляющий финансовыми делами страны (финансовое ведомство).

⁵ J. Zinkeisen. Bd. III, s. 179, 181.

Ограниченным было и количество чаушей. При Селиме II их было около 400 человек¹.

В султанское войско входили неоплачиваемая конница и конные вспомогательные войска.

Первых только освобождали от налога, жалования (содержания) они не получали. Они должны были сами обеспечить себя грабежом. Это делало их наиболее страшными. «Горе стране, на которую они нападали! Огнем и мечом опустошали они края, угоняя в рабство сотни тысяч людей. Спротивляться им было почти невозможно, ибо они никогда не вступали в решающий бой. Они приходили и уходили, как морской прилив и отлив. Они оставляли за собой опустошенные края, сожженные до тла города и села, обезлюдившие местности»².

В середине XVI века легко можно было выставить 200000 таких всадников. При Селиме II в армии их имелось 25—30 тысяч человек. Их число все больше уменьшалось, начиная с того периода (XVII в.), когда Турция перешла «от наступления на европейские страны к самозащите» и, значит, «уменьшилась возможность грабить»³, ибо войну пришлось вести по-иному.

В 1470 году турецкий флот насчитывал 300 парусов. При Баязиде II (1481—1512) число галер было не меньше 320, имелось также большое количество мелких судов, но почти все они были «в очень плохом состоянии». Селим I (1512—1520), наряду с установлением лучшего порядка в войске, занялся вопросом усиления морской мощи страны. Турецкий флот ни по своему количеству, ни по качеству не мог удовлетворить потребности империи. Кроме того, в Константинополе не было арсенала. Со времени завоевания Константинополя турки должны были довольствоваться старыми греческими верфями. Призвав к себе визиря Пири-пашу, султан сказал ему: «В том, что такое скорпионное отродье, как папа, французы, испанцы и венецианцы уже господствуют своими флотами в море франкских стран, виновата только моя снисходительность и твоя лень. Я хочу, чтобы был создан новый большой флот»⁴. Пири-паша обещал через год построить не только верфи, но 500 судов. Султан обложил своих подданных высокими налогами, дабы втрое увеличить императорский флот⁵. Однако увеличить втрое не удалось. При Селиме I флот насчитывал около 400 парусов. На каждой галере обычно находилось 180—200 моряков, 20 орудийных прислуг, 140—150 гребцов-невольников и прочих необходи-

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 183—185.

² Там же, s. 186—187.

³ Там же, s. 188—189.

⁴ J. Hammer, Bd. II, s. 728—730.

⁵ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 310—311.

мых для услуг на корабле людей. На кораблях было по одному большому и 4 малых орудия на каждом. Расходы на содержание арсенала (цейхгауза), где работали почти только одни христианские чевольники, по данным начала 1590 года, равнялись 46 тысячам цехинов, включая сюда и стоимость необходимых материалов.

Капудан-паша представлял для галер от 2 до 3 тысяч «своих рабов» и получал вместо них положенные деньги, что иногда «составляло от 80 до 100 тысяч скуди»¹.

В морских сражениях турки придерживались такой тактики: они подпускали неприятельские суда на расстояние выстрела, а тогда обрушивали на судно целый ливень стрел и пуль. Если натиск был удачен, они со страшным криком врвались на вражескую палубу и вступали в рукопашный бой. Эта стремительная тактика годилась для маленького боя против одного-двух судов. И в таких случаях турки часто побеждали. Но маневрировать, действовать против большого количества судов, прорывать их линию «турки не умели»². В этом они могли убедиться еще при Лепанто (1571 г.)³.

На рубеже XVII века заметны стали симптомы упадка турецкого флота. В 1591 году задумали построить 180 новых галер, дабы как-нибудь заткнуть давно зияющую брешь, но не хватило необходимого материала, искусных мастеров, а главное — экипажа. Замысел остался неосуществленным. Еще хуже обстояло дело в первой половине XVII века. Морские силы Турции в это время (1637 г.) насчитывали 50 галер и 6 маон⁴.

**

По утверждению турецких историков в то время, когда турки создавали новое войско — янычаров, в Европе организованного войска в масштабе государства не было. (Лишь спустя 122 года после организации янычаров французский король Карл VII в 1448 году создал пехоту под названием «Франк-Аршар»⁵ («Francs Arschers»).

Создание нового войска диктовалось расширением «территории государства»⁶ и многочисленными захватническими войнами. Турецкие историки уверяют, что первоначально они создались из военнопленных⁷. Потом стали регулярно отбирать христианских мальчиков, которых воспитывали в спе-

1 J. Zinkeisen. Bd. III, s. 317—320.

2 Ахмед Расим. Указ. труд, т. I, стр. 313—319.

3 Bericht des Don Jhau d'Austria über die Schlacht bei Lepanto. Berlin, 1853, Bd. I, s. 132—177, 172.

4 J. Zinkeisen. Bd. III, s. 324.

5 Ахмед Расим. Указ. труд, т. I, стр. 54 (примечание 14).

6 Там же, стр. 51.

7 Тарих. т. III, Истамбул, 1933, стр. 22; Снай Осман, ч. II, стр. 132.

циальных учебных заведениях. Здесь они принимали ислам, изучали турецкий язык и приучались к порядку и дисциплине.

При создании войска янычаров было принято во внимание, что янычары не будут заниматься никакой другой деятельностью, кроме военной, и будут служить до тех пор, пока им не будет разрешено демобилизоваться¹. Вновь созданное войско получило торжественное напутствие Шейх-уль ислама (глава мусульманского духовенства в султанской Турции до 1924 года). Положив руку на голову одному из янычаров, он сказал им: «Пусть имя их будет янычар... руки сильные, сабли острые, стрелы меткие, а сами всегда побеждают»². В течение двух веков янычары считались самой сильной пехотой в мире. Она долгое время обеспечивала победу туркам в походах на Балканах и в Европе³. В разное время количество янычаров было разным. В 1573 году эта «железная пехота» насчитывала 12—14 тысяч человек, а в 1590—1592 гг. их было 24—25 тысяч человек. Раз в четыре года султанские агенты отправлялись по деревням набирать новых рекрутов в янычары. Часть бедных крестьян вынуждена была бежать, чтобы укрыться от безжалостной жестокости этих агентов. Иногда пустовала целая провинция.

Чтобы заполнить брешь, образовавшуюся в рядах янычаров «из-за коррупции и обезлюдения отдельных районов», начали еще до 1560 года прибегать к помощи и юных турок, а так же «бездельников, преступников, пьяниц», которые, надев янычарскую шапку и получая жалование, «получали право грабить и драться».

Значительная часть янычар располагалась по гарнизонам. Обычно одна треть их находилась в «укрепленных городах», одна треть на войне, если таковая велась, последняя треть — около 10000 — оставалась постоянно в столице в качестве гвардии султана. В лагере они подчинялись дисциплине, но за его пределами внушали «всем страх». Грабили во время пожаров. В ярости они не признавали никого. Они выступали и против султана.

Мурад III (1574—1595) вынужден был отдать янычарам в жертву бейлербея Румилии, дефтердара (глава финансового управления) и заплатить большую сумму денег. Иногда янычары выступали с требованием назначить того или иного кандидата, обещавшего им хорошую награду, князем Молдавии или Валахии. Янычары, которые прежде думали только «о войне, славе и добыче», теперь превратились «в жалкую касту преступников, внушавшую страх гражданскому населению, иноземцам, властям и даже самому государю»⁴.

¹ А. Расим. Указ. труд, т. I, стр. 51, 52 (примечание 14):

² Там же, стр. 52, 53.

³ Тарих, т. III, Истамбул, 1933, стр. 23.

⁴ N. Jorga, Bd. III, s. 215—225.

*
*
*

Среди всех владений османской империи важное место занимало крымское ханство. Военно-экономический потенциал Крыма длительное время служил интересам турецких завоевателей.

Покорение Казани и Астрахани и подчинение Ногайской орды в XVI веке явилось опомным успехом русского государства. Но это еще не было концом борьбы с татарами как русского государства, так и украинского народа. Им приходилось иметь дело еще с сильным крымским ханством. Завоевание Крыма турками переменило направление крымской политики и усилило агрессию татар. Власть хана была усилена влиянием из Константинополя и поставка невольников «на восточных рынках сделалась единственным источником уплаты податей, наложенных на крымские и ногайские орды»¹.

Если захват Константинополя пролагал путь туркам к Балканам и в Европу, то захватом Крыма началась полоса длительных войн против стран Восточной Европы. Константинополь и Крым — вот узловые форпосты турецкой агрессии в Европу. Еще в 1502 году придворный доктор Стефана великого, господаря Молдавии, Матею Муриани, писал об угрозе крымских татар не только из-за орды в 100000 всадников, но и тем, что «они в тесном союзе с Турцией»².

Соединение сил Турции и Крымского ханства усиливало напряжение на Востоке Европы. Огненные ханы Крыма назначались (из рода Гиреев) султанами и подчинялись им. Первым назначенным турками ханом был Мингли Гирей³.

За время турецкого господства над Крымом (1474—1783) таких ханов было назначено 43⁴. Формально хан именовался турками царем, чеканил от своего имени монету. Хотя хан и назначался султаном, но феодалы крымские старались сохранить традиции избрания ханов. Это делало хана как-то зависимым от князей-феодалов. С князьями и уланами (военная знать) ханы решали не только вопросы войны и стратегии, но обсуждали все вопросы дипломатии внешней политики.

Крымское ханство занимало менее половины острова. Более богатые и плодородные районы Крыма находились в руках у турок. Главнейший порт Кафа принадлежал туркам и в нем правил турецкий бейлербей. А хану оставалась только внутренняя степь полуострова вместе с неплодородными се-

¹ Л. Львов. Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1895, стр. 9—10.

² Documente p rivotoare la istoria romanilor culese de Eudokin de Hurmuzaki (1376—1650), Bucuresti, 1894, стр. 36—37.

³ Тарих, т. III, 1933, стр. 39.

⁴ А. Расим, Указ. труд, т. I, стр. 221.

верными побережьями¹. Немало крымских кочевий было за пределами полуострова.

Границы крымского юрта во времена Мехмед Гирея за пределами полуострова определяются «с восточной стороны рекою Молочной, заходя может быть и дальше к Миусу. На севере, на левом берегу Днепра, юрт заходил за Ислам Кермень² и шел до Конских вод. На западе крымские кочевья уходили степью за Очаков к Белгороду, простираясь к северу до Синей воды»³.

Крым был неоднородным по природным условиям, и не могли быть однородны хозяйственные основы крымского юрта. Северные склоны крымских гор, долины Салгира, Альмы с их садами и виноградниками, наконец, степи в самом Крыму и за его пределами создавали особые своеобразные условия для развития хозяйства. В Крыму мы встречаем виноградники, сады, мельницы, деревни, где живут испольтчики и барщинные или оброчные крестьяне. Хан освобождает от повинностей с виноградников, от амбарных пошлин, от платы за гумно, от ясака с арыков. Перед нами картина земледельческого быта. Но эта картина относится к определенному району Крыма—южное побережье полуострова⁴.

Керченская область была вторым районом оседлой и земледельческой культуры с признаками феодальных отношений. «Корни этих отношений,—пишет В. Сыроечковский,—следует искать не в прошлом крымских татар, а в наследии, идущем от греческих и итальянских времен»⁵.

Во второй половине XVI века обработанные поля, оседлые улусы, «сидячих людей» мы встречаем также между Перекопом и Бахчисараем. В начале XVII века в районе ханских дворцов перед нами выступает татарская сельская община (джамаат) и крупное бейское землевладение. Мы наблюдаем, как пастбище уступает место пашне. Как свидетельствуют современники, в начале XVII века имело место татарское оседлое земледелие. Современники видели, как «пашню пашут на сей стороне Перекопа». Далее от Перекопа до Бахчисарая по обе стороны дороги встречались татарские деревни. «А у татар во всех деревнях пашни пашут, а сеют пше-

¹ Bohdan Baranowski. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624—1629. Lodz, 1948, s. 18.

² Ислам-Кермень — северная пограничная крепость, построенная в начале XVI века.

³ В. Е. Сыроечковский. Мухаммед Гирей и его вассалы. «Ученые записки МГУ», т. 2, вып. 61, 1940, стр. 9.

⁴ В. Е. Сыроечковский. Мухаммед Гирей и его вассалы. «Ученые записки МГУ», вып. 61, т. 2, 1940, стр. 9—10.

⁵ Там же, стр. 10. Татары встречались в Крыму с рядом народностей, хозяйственный уклад которых определялся многовековым опытом. В Крыму татары жили с греками, итальянцами и др. народами. Совместная жизнь повлияла на хозяйство татар, скотоводов-кочевников.

ницу, ячмень и полбу»¹. В Крыму в XVI веке совершался далеко не законченный переход от кочевого скотоводства и земледелия к оседлому сельскому хозяйству.

Однако земледелие не только оседлого типа, но и полуоседлого внедрялось среди татар очень медленно. Это подтверждает и М. Литвин. «Землю, даже самую плодородную, они не обрабатывают, довольствуясь тем, что сама приносит, то есть травой, служащую кормом для скота»².

Производительные силы Крыма были настолько слабо развиты, что он не мог прокормить свое население и нуждался в привозном хлебе³. Между тем природные условия Крыма давали широкую возможность для развития производительных сил. М. Литвин говорил, что вся страна очень плодородна, может производить много хлеба, вина, мяса, соли⁴.

Однако выход из хозяйственных затруднений татары видели не в развитии производительных сил, а в ограблении соседних с ними стран, в первую очередь Украины. Большинство населения полуострова длительное время не занималось полезным трудом. «Заниматься же другими житейскими делами и промыслами, — говорит М. Литвин, — считают делом недостойным, — ...нарушающим их закон, который предписывает пропаганду исключительно силою оружия»⁵. Большинство населения Крымского полуострова постоянно принимало участие в походах на Персию, в страны Европы, в том числе и на Украину.

Участие татар в частых войнах Турции с другими странами, а также их самостоятельные набеги истощали производительные силы страны. Отсутствие прочной экономической базы оказывало существенное влияние на все стороны хозяйственной и политической жизни Крыма и на идеологию общества. Низкий уровень состояния производительных сил и крайне медленное их развитие обусловлены были также пребыванием турок в Крыму в качестве оккупантов.

В Крыму барщина бывала не больше 8—9 дней в году. На первом месте стояла десятина, затем «сауга» — оброк с дыма и некоторые другие. Можно согласиться с тем, что именно «оброчная форма была характерна для татарского феодализма и прочно держалась на протяжении нескольких веков»⁶.

¹ В. Е. Сыроечковский. Указ. труд, стр. 13.

² М. Литвин, см. «Мемуары...», вып. I, стр. 14.

³ А. А. Новосельский. Указ. труд, стр. 417.

⁴ М. Литвин, см. «Мемуары...», вып. I, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 14—15.

⁶ В. Е. Сыроечковский. Указ. труд, стр. 15.

Со времени Хаджи Гирея ханская власть в Крыму неизменно оставалась в руках Гиреев¹. Турция требовала точного и безотлагательного выполнения ханами султанских фирманов и получения санкции по вопросам связи с другими странами, по вопросам войны и мира, всякое стремление или уклонение от выполнения своих обязанностей в любое время повлекло бы за собой смещение хана.

Турки со времени захвата Крыма, включали почти во все международные трактаты специальные статьи в пользу хана. Этим они хотели еще раз подчеркнуть перед миром вассальную зависимость Крымского ханства от Турции. В «Сборнике документов» Феридун-бея помещено много документов, которые также показывают, с одной стороны, зависимость Крыма от Турции, с другой — как султанское правительство использовало материальные ресурсы и людские резервы Крымского ханства в своих военно-политических интересах. Так, например, в письме к крымскому хану Джанибек Гирею великий визирь повелевал татарским войскам в связи с военными приготовлениями Турции быть наготове в ожидании приказа о выступлении. При этом он требовал, чтобы для подготовки к походу «не было потеряно ни одной минуты». Письмо написано в форме военного приказа, где в заключение предлагается немедленно сообщить о проделанной работе «шахиншаху» — султану².

Назначение и смещение ханов производилось турецкими султанами. Каждый вновь назначенный хан, хотя смиренно и называл себя «рабом шахиншаха», покорным слугой его, но, получив престол, требовал известной самостоятельности в решениях ряда вопросов внутренней и внешней жизни страны. М. Наима приводит содержание беседы между султаном и вновь назначенным ханом Крыма.

«Видишь, — говорит султан хану, — вот я тебя сделал ханом. Посмотрю, какой ты! Ты должен быть другом моего друга и врагом моего врага». Хан в ответ ему сказал: «Мы питомцы милостей и щедрот государя и рабы его...» Потом хан, обращаясь к великому визирю, говорил: «Так как вы меня сделали татарским ханом, то впредь прислушивайтесь к тому, что буду писать».

Под конец хан просил не осаждать его предупреждениями, как вести себя в отношении к неприятелям: «И не пугайте меня, — сказал он, — чтобы я знал, как мне надо действо-

¹ В начале XV века в связи с разложением и распадом золотоордынского государства Крымский улус одним из первых отделился от Золотой орды. В Крыму возникло самостоятельное татарское ханство. Во главе этого ханства с 1427 года стала династия ханов из рода Гиреев.

² Феридун бей Ахмед. Сборник документов, т. 2, Стамбуль, 1275, (хид), стр. 114 и др.

вать. У меня немислима дружба с гяурами. На будущее время у нас с ними посредничать будет сабля. Дружить с ними, желать мира с ними немислимо»¹.

Турки старательно устанавливали свои порядки в Крыму, как в подчиненной стране. Так, например, Кафийский эйялет был разделен на 554 тимара и зеамета².

Кроме Кафы, турки имели в Крыму укрепленные места: Керчь, Еникала, Перекоп, Мангуп, Ин керман, Балаклаву. Это были так называемые султанские города, в которых турки устраивали крепости, держали гарнизоны, жестоко эксплуатировали народные массы.

Турецкие солдаты вели себя там как оккупанты. Население городов, в которых стояли султанские гарнизоны, жаловалось хану на турецких солдат и сборщиков податей — на оскорбления, притеснения и унижения с их стороны. Турки смотрели на Крым как на свое владение.

Крым, превращенный в военный лагерь, имел большое количество крепостей. Главное внимание было направлено на возведение укреплений в устье Днепра. Важные военные базы были также сконцентрированы на перешейке. Здесь, особенно в районе крепости Ферах-Керман, находился пункт ханских войск. Вместе с крепостью Ором, Ферах-Керман был первым сторожевым пунктом полуострова и сухопутной станцией на пути из Крыма на материк.

Роль Крымского ханства в системе Османской империи была велика. Турецкое правительство всеми мерами старалось держать его в повиновении. Это была нелегкая задача. Не всегда помогали туркам их гарнизоны в Крыму и назначенные ими ханы.

Чтобы добиться повиновения Крыма, турецкие султаны всегда держали при себе братьев, сыновей крымского хана, которых могли в любое время посадить на ханство. Члены рода Гиреев попадали и в другие страны. Рассеянные по соседним странам, братья Гиреев внушали вечные опасения хану. Каждый из них был готовым кандидатом на крымский престол, которого всегда могла поддерживать сильная рука одного из соседей Крыма. Чтобы обезопасить Крым от вмешательства его соседей, турки старались держать всех членов рода Гиреев у себя — одних на воле, других в «почетных ссылках».

При жизни хан назначал своего преемника — калгу. Калгой назначался брат хана, при его отсутствии — старший сын хана. Улусы и ясаки хан распределял между членами своего рода. Кроме того, они получали от султана разные награды в виде «язлыка, кишлыга, байрамлыка»³.

¹ Тарихи Наима, т. 2, стр. 44.

² А. Расим. Указ. труд., т. 1, стр. 366.

³ В. Д. Смирнов. Крымское ханство, СПб., 1887, стр. 398, 396.

Итак, Гирей — первая группа крымских феодалов, из которых у каждого было право на долю власти, улусов и доходов. Принцип старшинства должен был определять отношение между членами рода и степень прав каждого из них. В период турецкого господства этот принцип не всегда соблюдался. Это было время, когда сила управляла правом.

Ахмед Ресми Эфенди, характеризуя турецких правителей того времени, их высокомерие и надменность, писал: известно, что «народы во все века и во всех странах мира беспрестанно вели войну между собою. Но люди, умные и опытные и твердо изучавшие историю, во все века знали также, что в то же время, благоденствие и прочность государств зависят от умения в нужном случае жить с неприятелем в мире и дружеских отношениях... То ли дело наши государственные мудрецы! Не дал им аллах ни ума, ни опытности, — чтение истории не их занятие, — и, не зная цены этому великому правилу, они, сердечные, добродушно уверены, будто первый и священнейший долг мусульманского народа — истребить неверных на всей земной поверхности или, по крайней мере, пользоваться всяким случаем, чтобы свернуть шею врагу и научить его почтению. Вот они и завопили: ... Это государство мечом добыто, и мечом только может быть поддержано! У нашего правоверного султана звезда высока, мужи храбры, сабли остры: будь только у нас визирь человек благочестивый, набожный, да распорядительный как Аристотель; который бы регулярно пять раз в сутки творил со своей армией молитву, ... как нам ... не мудрено завоевать весь свет»¹.

После установления турецкого господства над Крымом политическое равновесие в Восточной Европе было нарушено. Вечная угроза турецкого нашествия нависла над странами Восточной Европы. Вся «политическая история Крымского ханства, — говорит В. Д. Смирнов, — со времени утверждения над ним верховенства Османской Порты складывалась и протекала при постоянном действии двух начал: местного, национального — татарского, стремившегося к полной самостоятельности и самобытности, и внешнего, постороннего, турецко-османского, старавшегося с возможно меньшими для себя хлопотами и затруднениями сохранить за собой верховенство над Крымом в чисто политических видах международного свойства»².

Не случаен тот факт, что Крымское ханство явилось одним из узлов, вокруг которого впервые запутывается нескончаемый восточный вопрос. Своими захватами русских и украинских земель и побережья Кавказа турки разъединили сла-

¹ См. «Библиотека для чтения», 1864, т. СХХIV, стр. 4; В. Д. Смирнов. «Кучий Гамюрджинский...», стр. 31.

² В. Д. Смирнов. Крымское ханство, стр. 307.

вянские земли. Они упряжались экономическим и политическим центром государств Восточной Европы. Роль Крыма как стратегической базы неизменно росла.

Крым служил в руках турок одним из рычагов давления на страны Восточной Европы. После захвата Крыма турки составляли планы новых захватов за счет стран Восточной Европы, в первую очередь украинских, русских, польских земель. Давно мечтали турки «згладити и сказити весь закон христьянский, и панства и земли их по сести»¹.

Турки в войнах преследовали широкие цели: захват новых земель, уничтожение государственной самостоятельности и независимости народов, истребление их культурно-материальных ценностей и насильственное насаждение ислама среди них. Крымское ханство служило проводником агрессивной политики правящей верхушки Турции. Пользуясь покровительством султана, орды татар грабили соседние страны, истребляли ее народы.

К формам агрессии турок и татар на Украине можно отнести: захват украинских земель, разрушение и сожжение городов и сел, всеобщее ограбление населения, стремление истребить украинский народ путем увода его в неволю и продажи его в рабство. Но попытки турок захватить украинские земли встретили решительное сопротивление со стороны украинского народа.

Шляхетской Польше безразлична была судьба украинского народа. Польша искала союза с Турцией в войне против Русского государства. С 1511 года Польша становится данницей Крыма. Она должна была ежегодно платить крымскому хану 15000 злотых в виде 400 поставов сукна, по расчету на 13000 червонцев и 2000 червонцев наличными деньгами².

После Цецорской войны 1620 года размер ежегодной дани был пересмотрен и определен по соглашению с Турцией в 40000 злотых³. За турками оставалось право контролировать выполнение условий договора. Часть этой дани поступала султанам, визирям.

Война была источником обогащения военно-феодальной верхушки Османской империи, поэтому военное дело занимало у турок важное место⁴. Из этого следует, что режим

¹ См. «Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI веках», собрал В. А. Уляницкий, М., 1887, стр. 177.

² См. П. А. Кулиш, История воссоединения Руси, т. I, СПб, 1874, стр. 52—53.

³ Ахмед Хамд Мустафа Мехсин. История Турции от захвата Стамбула до наших дней, Стамбул, 1924, стр. 165 (на турецком языке).

⁴ Снай Осман. Тарих харб., ч. 2, стр. 128.

ограбления и истребление мирного населения побежденных стран не представляли собой эксцессов со стороны отдельных воинских частей, отдельных лиц из Турции и Крыма. Это была определенная система, заранее предусмотренная и поощряемая правительствами этих стран, которые сознательно развивали в своих войсках самые низменные зверские инстинкты.

Войны и набеги, в которых турки и татары часто терпели поражение, не могли принести неиссякаемого богатства. Между тем для содержания ханского двора и его окружения требовались большие средства. Правящая верхушка крымского ханства, разыскивая другие доходные источники, жестоко эксплуатировала свой народ. Для ханской казны был важен крымский вывоз. Его главным предметом были невольники, количество которых с каждым годом уменьшалось. На основных отраслях крымского хозяйства — скотоводстве и земледелии — базировались другие доходы Гиреев. Подымная подать, ясок и калон, десятина с хлеба и скота, — вот те доходы, которые получали Гиреи от своих улусов. Обязанности кормить приезжих ханских послов, гонцов, слуг и других людей, снабжать их фуражом, давать волов и коней для их подвод ложились на все население ханства, за исключением тех, кто «получал от хана тарханную грамоту»¹.

Наряду с внутренней торговлей определенное значение имела транзитная торговля. Как в транзитной, так и во внутренней торговле Крыма известное место занимает Запорожье. Близкое соседство очень быстро выявило необходимость разносторонних отношений между Запорожьем и Крымом. Причины невозможности для Запорожья обходиться без сношений с Крымом были как экономического, так и политического характера.

Украинский народ боролся против польско-литовских магнатов и католицизма. Запорожское казачество искало в таких случаях помощи у своих северо-восточных, в меньшей степени южных соседей. Вся политика казачества состояла в сущности в старании уравновесить, насколько возможно, силы своих соседей: Польши, Крыма и Турции.

На протяжении всей своей истории Запорожье становится к Крыму попеременно то в положение врага, то союзника. Казаки покупали в Крыму разные предметы, среди них видное место занимала соль. Запорожцы-пастухи и еще больше запорожцы-рыболовы не могли обходиться без этого продукта. М. Литвин в числе товаров (мясо, меха, мед и др.), доставляемых в Киев, упоминает «также соль из таврических лиманов».

¹ Сыроечковский. Указ, труд, стр. 25.

нов..., где¹ погрузка солью целого корабля стоит 10 стрель»²! «Главный недостаток Украины в соли», — говорил Боплан! Обмен продуктов и положил начало торговле Запорожья и транзитной через него торговле всего севера с Крымом. В этой последней Запорожье, как владелец единственной более или менее безопасной дороги в Крым и наследник древнего пути «из варяг в греки», является неизбежным посредником³. Через Крым купеческие караваны шли в Кафу и в «заморье» (малоазиатские и стамбульские берега Турции). Северные товары, главным образом меха, лишь отчасти оседали на рынке крымского ханства. Точно также на обратном пути караваны купцов вступали в пределы ханства с уже готовым грузом шелка и шелковых тканей, пряностей и красок, жемчуга и других камней, которые везли дальше. Этот транзит был важен для ханской казны и вызвал организацию таможенного дела, к которому были привлечены «опытные купцы»⁴.

Надо отметить еще одну доходную статью крымских ханов—это пошлины, связанные с внутренней торговлей—«перевоз» и рыночные сборы весовщика, мелкие сборы с продажи сафьяна, соли, меди, краски, досок, хлеба и муки, осенних плодов на городских и улусных базарах⁵. Турки и татары, по свидетельству современника и очевидца, владеют областями, «привозящими вино, но сами его не пьют, а продают христианам, получая за него средства для ведения войны...»⁶.

Значительное место, занимаемое Крымом в большой торговле, объясняется и его географическим положением. В середине XVI века современник писал: «Киев изобилует иностранными товарами, ибо нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога, ведущая из черноморского порта, города Кафы, через ворота Таврики, на тованский перевоз на Днепре, а оттуда степью в Киев; по этой дороге отправляют из Азии, Персии, Индии, Аравии и Сирии на север в Московию, Псков, Новгород, Швецию и Данию все восточные товары, как-то: дорогие камни, шелк и шелковые ткани, ладан, благовония, шафран, перец и другие пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы, они составляют отряды, иногда в тысячу человек, называемые караванами, и сопровождают обозы, состоящие из многочисленных нагруженных возов и навьюченных верблюдов»⁷.

Польские магнаты пристально следили за казаками.

¹ Вблизи нынешней Одессы.

² М. Литвин. Указ. труд, стр. 49—50.

³ Л. Львов. Указ. работа, стр. 7.

⁴ Сыроечковский. Указ. труд, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 25—26.

⁶ М. Литвин. Указ. труд, стр. 25.

⁷ Там же, стр. 51.

Всеми силами старались они не допустить сношения казаков с другими странами. В 1625 году начала свою работу королевская комиссия по делам казацким. Было решено «вернуться на путь вооруженной борьбы»¹ против казаков. Важное значение при этом имел тот факт, как будут относиться Турция и Крым к попытке ограничения прав запорожского казачества.

Опасаясь Турции, Станислав Конецпольский развил широкую дипломатическую переписку с турками, подчеркивая, что в ближайшее время расправится с казаками, если только будет видно, что Турция придерживается нейтралитета. Турки обещали полякам на время войны с казаками соблюдать полный нейтралитет².

Чтобы обеспечить безопасность со стороны крымских татар, им были уплачены «дары» — часть деньгами, а часть мехами, серебром и сукном³. Все это доставлено было поляками до самого Бахчисарая. Конецпольскому было очень важно обеспечить себя от диверсии со стороны Крыма. Выступая походом против запорожцев, гетман уже не боялся нападения со стороны татар. Исследования Богдана Барановского показывают, что Конецпольский еще перед самым походом принимал в своем обозе послов Крыма, господаря валашского, семиградского и турецкого. Следует думать, что «они договорились о поддержании нейтралитета»⁴.

В войне Польши против запорожских казаков в 1625 году татары сохранили полный нейтралитет. Для изучения польско-турецко-крымско-казацких отношений не лишены известного интереса некоторые статьи Куруковского договора, заключенного на Медвежьих лозах в 1625 году, подводящего итог польско-казацкой войны.

Король и Речь Посполитая предписывали запорожскому войску, чтобы они «не заключали договоров с посторонними государствами, не принимали их послов, не отправляли к ним посольств и не дерзали поступать на службу к иноземным государям»⁵. По другой статье того же договора они не должны были «без приказа короля и Речи Посполитой начинать войны с соседними державами ни на суше, ни на море»⁶. Казацкий флот подлежал сожжению. Как видно, острие этого договора направлено было против запорожских казаков, их военно-политической деятельности.

Хотя поляки поспешили известить султана об усмирении

¹ Bohdan Baranowski. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624—1629, Lodz, 1948, s. 40.

² Там же, стр. 40—41.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Bohdan Baranowski, s. 42, 41.

⁵ Мемуары, вып. II, стр. 146.

⁶ Там же, стр. 145.

казаков, в Турции не совсем верили польским утверждениям «о покорении казаков». Да как же можно было верить в это, если одновременно с письмами, говорящими об успокоении казаков, поступали сведения о походах казаков на Черном море.

В отместку в 1626 году Турция направила на Польшу огромную татарскую орду¹. Это была немалая война. Кроме крымских татар, в ней участвовали белгородские орды. Татары вошли в пределы Речи Посполитой «кучманским шляхом»² и через Бар двинулись на Тарнополь и дальше в глубь страны. Конецпольский собрал большие силы. К нему присоединились и отряды казаков. Война очень дорого обошлась Польше. Много было разрушено «сел и городов», в неволю угнано «множество людей», татары награбили всякого добра³.

После войны началась переписка между Конецпольским и турецкими государственными деятелями—визирями, бейлербеями. Гетман обвинял их, что это по указанию турок татары напали на Польшу. Турки на это ответили, что получилось недоразумение. Султан советовал хану выступить против общего врага—казаков, которые согласно польским сведениям все ликвидированы и остались только «Между водами»⁴. Кроме того, турки обвиняли и самих поляков за то, что они послали «дары» хану не за три года, а всего лишь за полгода и то не деньгами, а товарами⁵.

Немного спустя стало известно, что к новому походу на Польшу готовится Кантимир Мурза со своими ордами.

Львовский каноник Ян Юзефович, описав поражение казаков при Куруковом в 1625 году и усмирение польскими войсками восстания Павлюка, переходит к рассказу о походах татар, справедливо приписывая их успех мерам, принятым Польшей против казаков. В известной мере эти же мероприятия поляков толкали казаков на союз с татарами. Некоторые признавали в Польше, что «притеснение Малороссии и казаков заставляли последних «брататься с татарами»⁶.

В обвинительных статьях договора 1625 года на Медвежьих ложах говорилось, что запорожцы дружат с Крымом, заключили союз с ним и людей на помощь посылали хану. «Из последующего,—говорит Юзефович,—выяснилось, как гибель-

¹ Bohdan Baganowski, s. 44.

² Шляхи: черный и кучманский составляли пути, по которым крымские татары вторгались в южную Русь; первый проходил вдоль водораздельной линии между бассейном Днепра и Буга; второй по той же линии между бассейнами Буга и Днестра.

³ Bohdan Baganowski, s. 49.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ Там же, стр. 51.

⁶ Летописи Яна Юзефовича. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, Киев, 1888, стр. 120.

ны были для отечества (Речи Посполитой) советы тех, которые хотели силою уничтожить свободу казацкого войска...»¹.

Запорожцы не раз использовали Крым в своих военно-политических интересах. Богдан Хмельницкий больше всех своих предшественников пользовался помощью татар. При нем сношения с ханом идут уже от имени самого гетмана и Запорожья.

Договор Хмельницкого с султаном в 1650 году давал казакам такую свободу плавания и торговли на Черном море, какой Россия добилась только в 1773 году по Кючук-Кайнарджийскому трактату. По торговому договору Хмельницкого с султаном, последний позволяет казакам и «народу малоросийскому» свободное плавание по всем морям и рекам «для торговли и мень»². Султан не имел права использовать ни на какую службу казацкие галеры. По-новому рассматривались вопросы флота и свободного мореплавания украинцев.

Экономические и политические интересы Крымского ханства скорее диктовали союз и дружбу с северными соседями, чем с Турцией. Однако, связанные военно-феодальным строем Османской империи и религией, руководимые агрессивными устремлениями правящей верхушки Турции, крымские эксплуататорские круги совместно с турецкими султанами длительное время заливали народной кровью русские и украинские земли.

Украина длительное время подвергалась разрушениям и грабежам. Агрессоры ни перед чем не останавливались. В войнах и набегах турки и татары стремились опустошать, сжигать все на своем пути. Уничтожены почти все памятники письменности этого периода. Большой знаток этого периода истории и экономики Украины Боплан сообщает: «сколько ни расспрашивал я ученых украинцев, узнал только, что непрерывные войны, опустошение Украины не пощадил книгохранилищ и предали их в жертву пламени»³.

Развитие и укрепление запорожского казачества явилось серьезным препятствием на пути турецко-татарских агрессоров. Турки и татары не могли теперь безнаказанно подвергать Украину разорению и ограблению, а украинский народ — физическому истреблению.

Огромное значение в деле защиты Украины и ее народов от всех их врагов имело укрепление международного положения Русского государства.

¹ Летописи Яна Юзефовича. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, Киев, 1888, стр. 120.

² Н. Маркевич, История Малороссии, М., 1842, т. III, стр. 51.

³ Л. Боплан. Описание Украины, СПб. 1834, стр. 11.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКАЯ АГРЕССИЯ НА УКРАИНЕ. ПОЛОЖЕНИЕ НЕВОЛЬНИКОВ И ПЛЕННЫХ В ТУРЦИИ И КРЫМУ

Турецко-татарские нашествия, мешавшие мирному развитию в течение длительного времени, относятся к числу тяжелейших бедствий в истории народа Украины. Татарские набеги, начатые ранее, продолжались до второй половины XVIII в. Ежегодно, а иногда по несколько раз в год, орды татар, вторгаясь в страну, разоряли города и села, грабили и сжигали все имущество жителей и угоняли в «ясыр» множество людей.

Известный историк-исследователь Энгель писал в связи с захватом Крыма Турцией: Менгли Гирей был объявлен «перикопским ханом под покровительством Турции. Уже в 1474 году Польша на себе ощутила эти перемены». Орды татар, предводительствуемые Карзык Айдор Чигереем, «превратили в пустынные поля Каменец, Галич, Глиняны, Дунаев и... увели в плен 100 тысяч человек»¹.

Советский историк А. И. Баранович, сравнивая истребление городов в годы тяжелых войн в разных странах, в том числе и войнах с Турцией, делает вывод: «Трудно сказать, меньше ли претерпела опустошений Украина во второй половине XVI и начале XVII веков, чем Франция во время религиозных войн; один татарский набег стоит нескольких лет опустошительной войны»².

Особенно тяжела была неволя. Каторжный труд, жестокие наказания и бесчеловечное обращение доводили несчастных невольников до крайнего предела человеческих страданий. Самая тяжелая участь выпадала на долю тех пленников, которые поступали в собственность морского ведомства и становились гребцами. Каторга—так назывались функции

¹ J. v. Engel. Geschichte der Ukraine und der Cosaken, Halle, 1796, s. 39.

² А. И. Баранович. Население предстепной Украины в XVII веке, «Исторические записки АН СССР», М., 1950, № 32, стр. 212.

гребца на галере—в представлении украинского народа была синонимом беспредельной скорби и безнадёжного несчастья.

Мы располагаем многочисленными источниками, освещающими эти вопросы. Среди них самым ценным являются рассказы немногих невольников, случайно возвратившихся из Турции и Крыма на родину. На их основе созданы прекрасные произведения народного творчества.

Формы агрессии турок и татар на Украине были разнообразны. Наиболее тяжелой из них являлся захват и увод людей в восточные страны, в неволю, зверская их эксплуатация и физическое истребление.

Блез де Виженер составил в 1575 году для нового польского короля Генриха Валуа «Описание Польского королевства и порубежных с ним стран». В нем автор считает правдоподобным, что турки на Украине впервые появились в 1476 году, когда они «произвели большое разорение»¹.

Говоря об особенно тяжелом положении Украины, находящейся в непосредственной близости к владениям турок, Виженер писал: «Вообще эта несчастная страна (Украина—А. М.) подвержена жестокостям восточных варваров: подобно скале, открытой для морских волн, и было бы чрезвычайно трудно гарантировать ей безопасность...»².

Татары нападали на Киевскую Русь и разоряли ее города и села еще до захвата Крыма турками, но особенно опустошительными становятся набеги татар после того, как они попали под власть турок.

Длительное время Крымскому ханству платили дань Польша и Московское государство. С 1511 года Польша должна была ежегодно платить хану дань в виде 400 поставов сукна (15000 злотых) и 2000 червонцев (золотая монета) наличными деньгами³. После захвата Крыма турецкое правительство стало включать в международные договоры и соглашения пункты, особенно экономические статьи, в пользу крымского ханства, затем добивалось их выполнения. Стоило Польше чуть задержать дань Крыму, как сразу же следовали напоминания, а иногда и угрозы из Стамбула о немедленной уплате условленной дани хану.

Татары не только брали поголовную дань и разнообразные поборы со всего населения Польши, но еще уводили в Крым часть местного населения. Известно, что турки и татары требовали от Польши и русских государей десятины в людях и со всех видов имущества. Уже в первые годы ига, при

¹ Блез де Виженер. Указ. труд, см. «Мемуары», вып. I, стр. 69.

² Там же.

³ См. П. Кулиш. «История воссоединения Руси», т. I, СПб, 1874, стр. 52—53.

Батые была произведена перепись «южнорусского населения». По словам Платано-Корпини, проезжавшего тогда через Южную Русь, туда был послан от хана Батыя человек для производства переписи и набора людей. От каждой семьи, имевшей трех сыновей, он брал одного; кроме того, забирал несемейных мужчин и женщин, также нищих и всех несостоятельных плательщиков дани. Все остальное население должно было платить дань мехами¹.

По сообщению европейских путешественников, татары из местного населения отбирали в первую очередь искусных мастеров, ремесленников и других кустарей. Если ко всему сказанному добавить и массовый увод населения во время частых нашествий турок и татар, то «не преувеличим, предполагая, что татары действительно успевали иногда уводить в орду не меньше требуемой ими десятой части русского населения, особенно в первый век ига, наиболее тяжелый по причине многократных опустошительных нашествий татарских; т. е. до Ивана Даниловича Калиты. В этом-то уводе людей и обложении поголовной данью всего остального населения, да в уплате различных ордынских проторей заключается особенная тяжесть ига: оно было в собственном смысле слова порабощением².

После свержения татарского ига перед Московским государством встала задача воссоединения старых русских земель: Киевщины, Волыни, Смоленщины, Северной земли, входивших раньше в состав Киевской Руси. Началась упорная вековая борьба Русского государства с польскими и литовскими магнатами, как нельзя более выгодная для султанской Турции и Крымского ханства. Роли меняются: теперь султаны и ханы вмешиваются в отношения между Польшей и Русским государством, вступают в союз то с Москвой, то с Варшавой, смотря по тому, какая сторона платит больше дани, поминков; и в то же время непрерывно грабят русские и украинские земли, истребляют и уводят в неволю сотни тысяч людей. Крупный дипломат своего времени Сигизмунд Герберштейн правильно понял причину силы Крымского ханства. Она заключалась не в чем ином, как в соперничестве русского и польского государств, старавшихся поднимать крымскую орду друг на друга и откупиться подарками от ее нападений на собственные пределы. И Герберштейн стоит на той точке зрения, что все татарские ханы «Тавриды ведут свое происхождение» от заволжских ханов³, и сами ханы счи-

¹ Собрание путешествия к татарам. Перевод Д. Языкова, СПб., 1825, стр. 184—185.

² М. Н. Бережков, Русские пленники и невольники в Крыму, «Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г.», т. II, Одесса, 1884, стр. 343.

³ С. Герберштейн. Записки о Московии, СПб., 1866, стр. 154.

тают себя прямыми наследниками их и открыто претендуют на это наследство. После истребления заволжских ханов погибли и ханы астраханские, которые вели свое происхождение от первых. После всего этого, пишет Герберштейн, «мужество царей таврических весьма усилилось и сделалось страшным. для соседних народов то, что они принудили и короля польского платить известную сумму с тем условием, что он будет пользоваться их содействием во всех затруднительных обстоятельствах. И князь московский частью присылкою даров старался привязать их к себе; потому что оба этих государя постоянно воюют между собой, и каждый надеется уничтожить другого при помощи татарского оружия»¹. В заключение Герберштейн говорит: «Зная это, он (хан крымский) маанил того и другого пустою надеждою, принимая дары от обоих».

Веками продолжалась такая политика, и татарское иго в виде ежегодной дани крымским ханам продолжало тяготеть над обоими государствами вплоть до падения Польши и Крымского ханства. Два вопроса, связанные между собой — польский и крымский — разрешались для Украины и Русского государства одновременно. Их тесная внутренняя связь проявилась и в том, что как только приблизилась к концу борьба со шляхетской Польшей за древние русские земли, так пало Крымское ханство. Можно сказать, что освобождение Украины из-под гнета Речи Посполитой и воссоединение Украины с Россией решительно повлияло на судьбу Крымского ханства.

Украинские земли, захваченные литовско-польскими магнатами, были почти совершенно беззащитными. Кроме того, шляхетская Польша не всегда хотела защищать украинские земли от нашествий турецко-татарских агрессоров.

В то время, когда Украина была разорвана на куски и захвачена литовскими и польскими магнатами, против которых украинский народ вел жестокую борьбу, оставалось мало сил для охраны своей жизни и имущества от нашествия восточных агрессоров — турок и татар.

**

Вопрос об украинских невольниках в Турции и Крыму связан с проблемой Киевской Руси, с судьбой вышедших из этой колыбели трех народов — русского, украинского и белорусского. Турецко-татарские агрессоры не только захватывали земли народов Руси, воспользовавшись ее политической раздробленностью и ослаблением, но грабили ее богатство, разрушали ее культуру и истребляли ее народ.

Излагая сущность этого вопроса, необходимо оговориться.

¹ С. Герберштейн. Записки о Московии, СПб., 1866, стр. 155.

что он является сложным и самостоятельным вопросом. Поэтому автор не может претендовать на глубокое и всестороннее освещение его. Мы затронем здесь лишь те стороны вопроса, которые помогут нам осветить одно из направлений турецко-татарской агрессии на Украине.

Прежде всего обращает на себя внимание многочисленность невольников и пленников, о чем свидетельствуют как современники, так и крупные исследователи истории Украины и связанных с ней вопросов. Так, автор «Истории Украины и казачества» Энгель сообщает о том, что в 1515 году татары в количестве 30 тысяч «решили поразвлечься в Подолии»¹. Когда они встретили сопротивление и были остановлены в своем движении вперед, «то отомстили за это, убив всех детей, женщин, стариков и больных, которые не смогли убежать. 60000 здоровых и сильных людей увели они в рабство»². Отправленные Польшей послы спросили хана, почему он нарушил мир с королем. Хан на это ответил, что это сделал не он, а его люди, «которые самовольно, тайно, не обращая внимания на его приказ, решили устроить себе такое развлечение»³.

Известный знаток Украины первой половины XVII века Боплан свидетельствует как очевидец о том, что крымские татары иногда в количестве до 80000 всадников вторгаются в пределы Польши и Московского государства жгут, грабят и опустошают все, что встречается на пути, и приводят иногда от 50 до 60 тысяч русских пленников в свою страну, где и продают их для галерной работы»⁴. Как уверяют современники, на всех военных галерах нельзя было найти почти никаких других гребцов, кроме украинцев и русских. И действительно, большинство из пленных и невольников оставалось в пределах Турецкой империи.

По единодушному признанию современников, самые сильные, крепкие, молодые использовались на галерах, а также на земляных и строительных работах. Николай Йорга также считает, что в Турции было много невольников. «В 1640 году, — пишет он, — в Константинополе находилось не меньше 200000 польских рабов»⁵.

Крупный ориенталист и исследователь истории Турции Гаммер также неоднократно отмечает наличие в пределах Турецкой империи большого количества невольников. «Все страны оттоманской империи, — говорит он, — как в Европе, так и в Азии изобиловали польскими рабами»⁶.

¹ J. v. Engel, s. 52.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Боплан. Описание Украины, см. Мемуары, вып. II, стр. 325.

⁵ N. Jorga. Bd. 4, s. 7.

⁶ J. Hammer, Bd. II, s. 646.

Правящие круги Турции и Крыма смотрели на Украину как на неистощимый источник обогащения. Они не только систематически грабили культурные и материальные ценности Украины, разрушали ее города и села. На русских, украинцев, белоруссов, литовцев, поляков они смотрели как на товар — уводили их в неволю, дарили, продавали, использовали на самых тяжелых работах и убивали. После захвата Крыма турками ханы Крыма обязаны были после каждого удачного набега отдавать султану в виде обязательной дани около 20% угнанных в неволю. Затем выдавались «дары» визирям, гизларагасы, дефтердару, а также хану. Остальных продавали. В свою очередь султан и хан в знак уважения дарили соседним государям некоторое количество самых красивых девушек и юношей¹. Продажа невольников и пленников приняла в Крыму определенную форму, тесно связанную со всей государственной системой управления Турецкой империей.

В Крым к татарам, свидетельствует очевидец М. Литвин, «приходят многочисленные корабли с того берега Черного моря (из Турции — А. М.), из Азии, привозят им оружие, одежды и лошадей и возвращаются, нагруженные рабами»².

Торг невольниками производился во всех городах Крымского полуострова, преимущественно в Кафе. Этот город очевидец называет не городом, а скорее «ненасытной и мерзкою пучиною», поглощающею христианскую кровь³. Сборщик пошлины, стоявший у ворот Крымского полуострова и увидевший массовый угон людей туда, спрашивал М. Литвина: «Осталось ли еще сколь-нибудь людей в нашей стране, или их уже совсем нет? А также откуда берется такое их множество?»⁴.

В Турции главным невольничьим рынком был Константинополь. По словам греков «к Константинополю иногда приставали по 3, по 4 корабля ежедневно, наполненные русскими невольниками; на торговых площадях города стояли священники и монахи, юноши и девушки, которых потом отвозили в Египет на продажу»⁵.

На рынках Кафы, Евпатории, Карасубазара, Бахчисарая турки и татары, греки и евреи занимались торговлей людьми. «Заместь торгу хлебом почався на узбережжі з Черного моря торг невольниками»⁶. Иностранцы привозили в Крым

¹ J. Hammet, Bd. II, s. 646.

² М. Литвин. Указ. труд, стр. 18.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ См. С. Соловьев. История Руси, т. XI, стр. 290.

⁶ М. Дрогоманов. Про українських казаків, татар та турків, Киев, 1876, стр. 8.

оружие, одежду, лошадей, а возвращались на кораблях, «нагруженных рабами».

Различные формы сделок, связанных с вопросом торговли невольниками, более детально освещает М. Литвин¹.

Таким образом, часть людей попадала в очень отдаленные страны, но основная масса «ясыра» и пленных оставалась в Турции и Крыму. Одна категория их занималась на строительных работах — строительстве крепостей, дорог, мостов, арсеналов, портов, галер и т. д. Другая, гораздо более многочисленная, использовалась в земледелии. Кроме того, некоторые невольники несли всякую хозяйственную службу: добывали соль, собирали в степи навоз, удобряли поля, возили и рубили дрова, прали шерсть и лен, ухаживали за детьми, стирали, мыли, убирали, ткали, ухаживали за скотом и птицей. По своему этническому составу невольники состояли из русских, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, молдаван, попадались адыгейцы, осетины, чечены и другие народности.

Приведем несколько фактов: Блез де Виженер жалуется на то, что Украина мало-помалу опустела и обезлюдела вследствие «постоянных набегов и вторжений татар не только перекопских, но и заволжских...»². Последние в 1469 году перешли реку Борисфен (Днепр — А. М.) и рассеялись «по всей Литве, Валахии и Подолии» и везде причинили массу бедствий «и увели в плен бесчисленное множество народа»³. Они возвращались еще раз в 1474 г. и, хотя их было мало, ограбили Украину на пространстве «более ста миль в длину и 30 в ширину до городов: Каменца, Галича и Дунаевец и еще дальше, захвативши более 40000 пленных...»⁴. В 1516 году татары напали на Русь и увели оттуда в неволю до 5000 человек взрослого населения, в 1537 году увели 15000 человек только из Волыни⁵.

Татары специально охотились за людьми из знатных и богатых фамилий, за которых можно было получить большой выкуп. Так, например, в 1482 году киевский воевода Иван Ходкевич был взят в плен со всей семьей; в 1549 г. было взято в плен все семейство князя Вишневецкого; в 1589 году — князь Сборажский с семьею и множеством шляхты. Об этом рассказывается в думах и песнях украинского народа⁶.

В 1575 году турки и татары захватили и увели до 35000 невольников, 40000 коней и до полумиллиона голов скота.

В целом ряде европейских источников встречаются указания на то, что после 1482 года почти ежегодно, а иногда по

¹ М. Литвин. Указ. труд, стр. 17—23.

² Блез де Виженер. Указ. труд, стр. 68.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Kronika Marcina Bielskiego, t. 1, Sanok, 1856, S. 533, 571.

⁶ Исторические песни малорусского народа, т. 1, стр. 84—85 и др.

несколько раз в год татары проникали на Украину, и уводили из нее в неволю множество людей, большинство которых продавали в рабство. «Все их рынки и гавани,—говорит современник,—славятся этим товаром (рабами—прим. автора), который у них всегда находится и для себя, и для продажи, и для залога, и для подарков...»¹.

Все эти факты и цифры свидетельствуют о многочисленности невольников и пленных, попадавших в Турцию и Крым. Однако необходимо подчеркнуть, что некоторые данные, приведенные современниками, нельзя признать полностью достоверными, а в отдельных случаях их следует считать совершенно фантастическими. Некоторые современники, приводившие данные о количестве невольников и пленных, захваченных и угнанных из восточнославянских стран, сами сомневаются в их достоверности². Поэтому необходимо иметь в виду ряд обстоятельств, обусловленных историческими особенностями эпохи.

Во-первых, современники могли преувеличивать число пленных под влиянием ужаса, внушаемого им частыми опустошительными набегами турок и татар, в которых иногда участвовало 40—60 тысяч человек и до 120—150 тысяч лошадей.

Во-вторых, современники, быть может, хотели этим побудить правительство принять радикальные меры по защите страны, в первую очередь — спасению ее населения от физического истребления турками и татарами. Поэтому огромные цифры о количестве невольников и пленных, которые приводятся современниками, нужно признать сильно преувеличенными, а иногда совершенно неверными.

В-третьих, не следует забывать, что официально зафиксированных реестров невольников и военнопленных не имеется. Если иногда встречаются данные относительно последних, то и они — лишь со слов «авторитетных лиц». В странах, откуда уводились невольники, перепись населения была налажена исключительно плохо. И, наконец, нужно иметь в виду то обстоятельство, что не все набеги были одинаковы. Были удачные и неудачные набеги. Но зато некоторые из удачных набегов напоминали времена Батыя. Такие набеги давали повод хвастливым ханам, визирям, часто самому султану преувеличивать свои успехи. В 1533 году крымский хан Сахиб-Гирей хвастался, что он вывел в этом году из пределов Московского государства не менее 100000 народу³. В 1571 году Довлет Гирей похвалялся, что сжег Москву, наполненную людьми и имуществом, что людей погибло в ней яко-

¹ М. Литвин. Указ. труд, стр. 18—19.

² С. Герберштейн. Указ. труд, стр. 144.

³ Н. М. Карамзин. История., т. 7, стр. 98.

бы до 800000, кроме того, уведено было до 150000 человек¹. Несомненно, что и здесь имеет место явное преувеличение. К этому надо добавить, что и позднейшие исследователи истории Турции и Крыма также преувеличивали число невольников и пленников. Однако остается несомненным, что потери людей были значительными. Было две категории людей, которые попадали в неволю. Первая — военнопленные, вторая — насильственно угнанные. Первых всегда бывало меньше, чем последних. Турки и татары сознательно старались смешивать эти две категории, считая всех их военнопленными. Они это делали даже тогда, когда было совершенно ясно, что они имеют дело с мирным населением, а не с военнопленными. Как первая, так и вторая категория — военнопленные и угнанные в Турцию и Крым русские и украинские люди — становились невольниками.

Выше были приведены из различных источников фантастические цифры людей, угнанных в неволю. Теперь, чтобы иметь некоторую возможность судить о степени достоверности этих цифр невольников, необходимо принять во внимание количество неприятельского войска, выступавшего в походе, и некоторые другие условия, связанные с набегами татар на Украину.

В европейских источниках максимальное количество татар, участвовавших в набегах, определяется в 80000 человек. Численность войска зависела от военного и политического значения похода, а также от того, кто возглавляет поход — хан или сам султан.

Описывая события конца XVI в., Эрих Лассота (в июне 1594 г.) указывал, что татары с двумя царевичами выступили в поход, имея в своем распоряжении 80000 человек. Они должны были вступить в Венгрию и идти, нигде не останавливаясь. Причем Лассота делает чрезвычайно важную оговорку относительно того, что среди них (80000 татар — А. М.) «вооруженных и способных к военному делу было немного более 20000...»².

Другой современник, длительное время (1630—1648) наблюдавший жизнь татар, Боплан, говорит, что крымские татары, которые так часто совершают набеги на Украину и в пределы Русского государства, в своем количестве достигают «иногда до 80000 человек».

Получив от султана повеление вторгаться в Польшу, — говорит Боплан, — хан собирает тысяч до 80 всадников, если сам намерен громить неприятельские области; если же посылает мурзу, дает ему около 40 или 50 тысяч³. Эти данные

¹ Н. М. Карамзин. История..., т. 9, стр. 107—108, примеч. 356.

² Путевые записки Эриха Лассота, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594, СПб. 1873, стр. 31.

³ Г. Боплан, Описание Украины, Мемуары, вып. II, стр. 333.

вызывают сомнение, так как противоречат некоторым другим фактам, показывающим максимальные возможности татар собирать способную к походу орду.

Самым крупным событием, потрясшим до основания всю Османскую империю, была знаменитая Хотинская война 1621 года. В ней участвовала вся сила турецкой империи. Из европейской, азиатской и африканской части государства было собрано около 250 тысяч человек, в том числе 50 тысяч крымских татар. При этом надо принимать во внимание ряд обстоятельств: во-первых, в этой войне Турция преследовала цель окончательно разгромить Польшу, захватить Украину и открыть себе дорогу на Москву, а затем на Запад, в Европу. Поэтому все здоровые и способные носить оружие люди поставлены были на достижение этой главной цели; во-вторых, в этой войне татарским ордам, как опытным и хорошо знающим своих соседей, отводилось особое место; в-третьих, следует иметь в виду и то обстоятельство, что кроме хана, в походе участвовал сам султан, в качестве главнокомандующего всеми вооруженными силами империи; и, наконец, очень важно помнить, что все это происходит не в XIV—XV веках, а в 1621 году, когда могущество турок и татар было неоспоримым.

В «Фезлеке» Кятиб Челяби указывает, что крымский хан Джанибек Гирей присоединился к войскам султана под Хотинном, имея орду около 50000 человек¹. Мустафа Наима пишет о том, что «татарский хан с войском в 50000 человек в районе Днестра присоединился к Шахиншаху»². То же самое утверждает современный буржуазный историк Турции Ахмед Расим³.

Участие орды в походах в количестве 50000 человек надо считать предельным, максимально возможным и — очень редким явлением. Самостоятельно хан мог собрать для похода не более 20—25 тысяч человек.

Мы не можем отрицать, что татары совершали частые походы, иногда по два похода в год. Для столь частых набегов татары не могли собирать каждый раз орду в 20—30—40 тысяч человек. Это немыслимо, если учесть состояние тогдашней техники, качество дорог, потребности такого количества людей и лошадей в корме, снабжение водой и другими необходимыми предметами в походе. Подготовка такого похода потребовала бы долгого времени и известных материальных затрат. Мыслимо ли все это для Крымского ханства того времени? Безусловно, нет. Здесь можно говорить только о набеггах, в которых участвовали 3—5 или 5—7 тысяч человек и

¹ Институт Востоковедения. Библиотека. Отдел рукописей, Фезлеке № С 537, л. 160.

² М. Наима. Тарихи Наима, т. 2, стр. 193.

³ А. Расим. Ресмли ве Херители османли тарихи, т. I, стр. 567.

несколько тысяч лошадей. В хорошо подготовленных походах на Украину и соседние с ней страны могло участвовать около 20—25 тысяч человек. Причем такие походы не могли быть частыми. Трудно, даже невозможно представить себе, чтобы толпа татар в 20—25 тысяч человек успела забрать равное себе число, а иногда и больше, а затем угнать по его же родным землям, через города и села, леса и болота, горы и реки. В этом случае «покорность» христианского «ясыра» кажется фантастичной.

Многочисленные факты убедительно говорят о том, что татары теряли в подобных походах значительное количество своего состава. Здесь нужно иметь в виду формы и методы организации сопротивления неприятелю. Это было оповещение жителей края, организация засад, организация погони за неприятелем и др. Сюда принадлежат также групповые и индивидуальные побеги схваченных неприятелем людей. Огромное количество орды, лошадей и захваченные в «ясыр» люди двигались не по пустыне, а по более удобным и хорошо известным местному населению дорогам и полям. Сильные засады в сочетании с хорошо организованными погонями сводили иногда на нет результаты вначале успешных походов неприятеля. Только при самых удачных набегах, когда орда по требованию султана вторгалась внезапно в значительных количествах и уходила без погони, каждый вооруженный турок или татарин уводил в среднем по одной голове.

Весьма специфична тактика вторжения и продвижения татар в чужих странах. Татары, вторгнувшись в пределы Украины, не чувствуют себя в безопасности. Неприятель всегда мог встретиться на Украине с вооруженным сопротивлением. Проникнув на территорию Украины, татары недалеко от границы отдыхали два или три дня. Здесь же они разделяли орду, участвующую в походе, на три отряда. При этом две трети составляли главный корпус, а одна треть образовывала крылья — левое и правое. «В таком порядке, — говорит Боплан, — татары устремляются на неприятельскую землю»¹. Проникнув вглубь на 80 или 100 миль от границы, они поворачивали назад. Ядро отступает в таком же порядке, но крылья удаляются от него на 8—12 миль, частью в сторону, а частью вперед. Начинаются грабежи, поджоги, насилия и убийства. Татары, говорит Боплан, «окружают селения со всех четырех сторон, и, чтобы не ускользнули жители, раскладывают по ночам большие огни; потом грабят, жгут, режут..., уводят не только мужчин, женщин с грудными младенцами, но и быков, коров, лошадей, овец, коз и пр.»². Затем они соединяются с главным корпусом, тогда два свежих

¹ Г. Боплан. Описание Украины, СПб, 1832, стр. 49.

² Там же, стр. 50.

крыла снова отделяются от ядра вправо и влево, и они творят то же самое «точно так же, как и первые»¹. Отступают шагом, чтобы не утомить нагруженных коней и быть готовыми к отражению неприятеля, хотя они избегали встреч с ним². Настигнутые населением или казаками, татары «обороняются, но только тогда, когда вдесятеро сильнее неприятеля». Впрочем, и в этом случае, говорит очевидец, не решаются «первые напасть на врагов: ибо сии разбойники... вторгаются в Польшу единственно для грабежа и опустошения, а не для ратных подвигов»³. Если же татары чувствовали превосходство выступавшего против них населения, то бежали сломя голову, спасая каждый свою жизнь. А в случае сопротивления обе стороны несли жертвы. Мы можем сказать, что при исключительно благоприятных условиях, т. е. при внезапности вторжения, при отсутствии защиты жизни и имущества района, подвергнутого нападению, при отсутствии погони на обратном пути и т. д. и т. п. татары могли забирать несколько тысяч человек в неволю и захватить их имущество и увести скот.

Неприятель проникал в глубь страны на 80—100 миль, продвигаясь по 5—6 миль в сутки. Следовательно, это расстояние могло быть покрыто в течение 18—20 дней при благоприятных условиях. Допустим, что эта громадная масса добралась до места назначения никем не замеченной. Дойдя до этой точки, неприятели готовились в обратный путь. Как правило, они возвращались иным путем. На обратном пути неприятель начинал грабить, захватывать, жечь, убивать и брать людей в «ясыр». Нельзя представить дело так, будто татары пришли, ворвались в дома со спящими людьми, связали всех и скомандовали: «За нами!». При этом, захватив все ценное имущество, скот и птицу, пустились спокойно в обратный путь. Нет. Не так. Дело обстояло совершенно иначе. Татары должны были искать каждого человека в селе, в городе, в поле, в лесу, на охоте, на различных работах. Они охотились за людьми, встречая на каждом шагу сопротивление. Затем, забрав все ценное имущество, скот и птицу, татары покидали населенные пункты. На обратном пути турки и татары чувствовали себя более напряженно, нежели в начале похода. Во-первых, они были обременены захваченным имуществом, скотом и особенно людьми, независимо от их количества; во-вторых, они должны были менять маршрут, чтобы не встретиться с вооруженным сопротивлением народа, что сильно удлиняло путь отступления. Таким образом, в течение 50—60 дней агрессоры находились в чуждой им стране, в которой они чувствовали себя постоянно под страхом. Иной

¹ Г. Боплан. Описание Украины, СПб, 1832, стр. 50—51.

² Там же, стр. 51.

³ Там же.

раз им приходилось вступать в сражение с вооруженным народом, оставлять не только захваченных в «ясыр» людей и все награбленное добро, но и свою голову.

Мы не приняли здесь во внимание оборонительную систему южных границ Украины, службы гарнизонов, городов-крепостей. Большие походы неприятеля готовились долго. Поэтому о них узнавали иногда много раньше, чем они начинались. О них сообщали послы Польши из Турции и Крыма, разведчики и бежавшие из неволи жители Руси.

До сих пор речь шла о крупных походах турок и татар на Украину, совершаемых ими в зимних условиях. Что касается летних походов неприятеля на Украину, то они отличались от зимних. В летних походах у турок и татар участвовало меньшее количество всадников, они разделялись на несколько отрядов в 1000 лошадей каждый. Растянув половину из них вправо, а другую влево, татары занимали фронт в 10—15 миль. Отряды удаляются друг от друга на одну или полторы мили, не задерживаются в набеге, не удаляются от границы более чем на 6 или 10 миль и через два дня уходят в степи, где, разделив добычу, возвращаются в свои улусы¹.

Другим важным моментом, обращаящим на себя внимание, является то, что неприятель всегда встречал на Украине сопротивление — только с той лишь разницей, что оно в одном случае было слабым, мало организованным и, следовательно, мало эффективным, а в другом более эффективным и организованным, особенно начиная со второй половины XVI века.

Начиная со второй половины XVI века походы неприятеля на Украину приобретают несколько иной характер. Особенно мало успешными они делаются к концу XVI века. Прежде всего походы становятся более редкими. Это было обусловлено рядом причин внешнего и внутреннего порядка. Главные из них следующие: дальнейшее укрепление русского централизованного государства, которое выступало как могучий оплот против нашествия турок и татар; укрепление военной силы и организованного сопротивления всего украинского народа против нашествий, которые шли со стороны Азовского и Черного морей; укрепление оборонительной системы южных границ Украины, налаживание работы разведки, усиление мобильности работы русских и польских послов в Турции и Крыму. Все эти факторы сыграли важную роль в деле укрепления единства силы Украины для более активного отражения нашествий турок и татар. Позиция королевской Польши в этих вопросах определялась традиционной политикой правящей верхушки Польши в отношении Турции и Крымского ханства. Случалось, что в порядке поощрения

¹ Г. Боплан. Описание Украины, СПб, 1832, стр. 52—54.

королевская Польша сознательно отдавала на разграбление татарам оказоченные районы Украины и свободно пропускала их в пределы Русского государства. Так, например, в 1633 году крымские орды проникли на территорию Русского государства и причинили там значительный ущерб¹. Татары, переходя границы, не разбирали, где поляки, где украинцы и другие народы. Они грабили всех, забирали всех и убивали всех христиан. Нередко жертвами турецко-татарской агрессии становились видные полководцы и общественные деятели Польши. Когда нашествие неприятелей принимало слишком опасный оборот для самой Польши, тогда она искала союзников против Крымского ханства, но воевать с Крымом и Турцией шляхетская Польша не собиралась. Необходимо учитывать и то положение, что западноевропейские державы, особенно Франция и Англия, поощряли и поддерживали турок в их устремлениях к захватам в Восточной Европе. В январе 1769 года крымские татары совершили большой поход на Украину. Хана сопровождал французский консул барон Тотт, оставивший в своих мемуарах ценные сведения об этом походе. По его словам, татары продвигались тремя колоннами: одну в 10000 человек—вел сам хан (Тотт был при нем), другая—в 4000 человек—была под командованием Нураддина и третья, под командованием Калги, насчитывала 6000 человек. Кроме крымских татар, в этом походе принимали участие турецкие войска и ногайские орды. «Полону» было взято «свыше 20000 человек»². Если этот поход считать последним, то надо сказать, что ханы Крыма со времени присоединения Крыма к Турции совершали походы, заключали соглашения или договоры только с разрешения султана. Прежде чем приступить к подготовке набега, хан обязан был «спрашивать позволение у султана». «Получив от султана повеление вторгнуться в Польшу, — говорит Боплан, — хан собирает войско»³. Турки и татары, готовясь к походам на Украину, обращали внимание прежде всего на средства, которые были нужны для захвата и увода пленников.

Захватчики в походе на Украину всегда имели при себе— кроме сабли, лука со стрелами и ножа на поясе—пять-шесть сажень ременных веревок «для вязания пленных»⁴. Украинское народное предание сохранило память об одном способе, употреблявшемся татарами при уводе людей: «Бывало татарин навяжет людей за руки к жерди, да так и гонит». Захватив людей, изверги гнали их с чрезвычайной жестокостью и свирепостью, окружив цепью верховых и подхле-

¹ См. у С. Соловьева, т. IX, стр. 202 (издание третье).

² Записки барона Тотта. «Киевская старина», сентябрь—октябрь 1883.

³ Г. Боплан. Описание Украины, СПб, 1832, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 45.

стывая их ногайками, клеймили тавром, раскаленным в огне. Эту страшную картину рисует украинская дума¹.

О крайне жестоком обращении с пленными рассказывает посол Герберштейн: хан Мехмед Гирей захватил много «ясыра» и частью продал его «туркам в Кафе, частью умертвил, ибо старики и слабые, за которых нельзя много выручить и которые не годны для работы, отдаются у татар юношам», учащимся на них военному делу².

Раздел «ясыра» и всего награбленного происходил на подступах к Крыму. Описывая отношения турок и татар к дележу людей, очевидец подчеркивает их крайнюю жестокость. Самое жестокое сердце тронулось бы,—говорит Боплан,—жалостью при виде, как разлучаются муж с женою, мать с дочерью, без надежды когда-нибудь увидиться; самый хладнокровный человек пришел бы в содрогание, слыша дикое веселие татар, плач и вой несчастных русских³. Одни из них попадали в Турцию, другие оставались в Крыму.

Агрессия турок и татар оставила в памяти украинского народа неизгладимый след. В народном творчестве отражена тяжелая доля родины и ее народа.

Зажурилась Україна, що нігде прожити:
Гей витоптала орда кіньми маленькі діти,
Ой маленьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана погнала⁴.

За річкою вогні горять,
Там татари полон ділять.
Село наше запалили,
І багатство разграбили,
Стару неньку зерубали,
А миленьку в полон взяли.
А в долині бубни гудуть,
Бо на заріз людей ведуть:
Коло шні аркан вється,
І по ногах ланцюг бьється⁵.

В странах, куда попадали русские и украинские невольники и пленники, их ожидало бесправие и рабский труд. По словам очевидца, более сильных невольников-мужчин подвергали кастрации, нередко им отрезали уши и ноздри, клеймили им щеки и лоб и, заковав в пута и кандалы, заставляли днем томиться на работах, а ночью запирали в темницу. Что касается их «одежды», «жилища», то надо сказать, что они не поддаются описанию. Невольники принуждены были довольствоваться «скудной пищею, состоящею из мяса пада-

¹ Исторические песни малорусского народа, изд. В. Антоновичем и М. Драгомановым, т. I, К., 1874, стр. 86—87.

² Герберштейн. Указ. труд, стр. 144.

³ Г. Боплан. Указ. труд, Мемуары, вып. II, стр. 336.

⁴ Исторические песни малорусского народа, т. I, 1874, стр. 73.

⁵ Там же, стр. 75.

ли, гнилого, покрытого червяками и вселяющего отвращение» даже животным¹. Большая часть невольников, в том числе пленники, попадали в турецкий флот, где их положение было исключительно тяжелым. Для турецкого флота невольники составляли живую силу, заменявшую пар или же другой механический двигатель современных кораблей. Невольники становились гребцами. Гребцы (около 300 человек) сидели, прикованные цепями, на 25 или 30 скамьях, пересекавших и загораживавших палубу с левой и правой стороны. Пять или шесть гребцов на каждой скамье приводили в движение одно весло, которое опиралось на подставку, торчавшую над палубой. Левые скамьи отделялись от правых переходом — узким помостом, служившим для перехода с задней части корабля в переднюю. Вдоль корабля расхаживал надзиратель, ключник галерский (или галерный пристав), с кнутом в руке, управлял гребцами. Ударами бича он возбуждал последние силы измученных гребцов. Морские волны постоянно хлестали несчастных невольников, прикованных к очень низкой палубе и обнаженных во всякую погоду до пояса. Спали и ели они по сменам, не оставляя своих скамей, и не останавливая хода галеры².

Турецкие султаны строго следили за тем, чтобы определенный процент здоровых мужчин и некоторое количество девушек из числа невольников поступало в их распоряжение. «Часть пленников и пленниц ежегодно посылалась из Крыма султану в виде некоторой дани ему; сверх того султан посылал в Крым подарки от себя, прося за них лишнее количество рабов»³. Сильные и молодые рабы нужны были султану для использования в качестве гребцов. Так, в 1646 году султан Ибрагим, который приказал построить 100 новых каторг, послал к крымскому хану грамоту, в которой требовал, чтобы хан шел немедленно на польское и московское государство набирать невольников на новые его каторги. Султан спешил тогда выручить свое войско, осажденное венецианцами на Крите⁴.

Такие требования султана были очень неприятны крымским татарам, видевшим в них часто наиболее тяжелую сторону своей зависимости от Турции.

В 1666 году султан решил прислать в Крым нового хана. Узнав об этом, хан с калгой и Нураддином и преданными им татарами в количестве 25 000 человек ушли в Запорожье, имея при себе знатного пленника боярина В. Б. Шереметьева.

¹ М. Литвин. Указ. труд. см. Мемуары, вып. I, стр. 19.

² Исторические песни малорусского народа, т. I, стр. 221—222, 208—220.

³ Жак де Люк. Описание перекопских и ногайских татар. Записки Одесского общества истории и древностей, т. XI, стр. 482, 349, прим. 3.

⁴ С. Соловьев, т. X, стр. 121—122.

Вскоре в Крым прибыл новый хан. В благодарность султану хан начал набирать для него в Крыму невольников в количестве 20 000 человек. Узнав об этом, татары взбунтовались. Они не только не дали невольников, но угрожали свергнуть самого хана. Дело кончилось тем, что новый хан бежал сначала в Кафу, а потом в Константинополь. Часто вопрос о де-леже «ясыра» и военнопленных служил предметом спора и вызывал трения. Султаны в Турции, ханы в Крыму смотрели на все, в том числе и на государственную казну, как на свою личную собственность. Если татары открыто не могли выступить против султана, то против хана они выступали часто. Орда утверждала, что хан не может отбирать у них «ясыр»: «то им дано за службу, за кровь и за смерть: кто что возьмет на войне, тем он и живет»¹.

В некоторых доступных нам источниках указывается, что невольники и пленники освобождались после определенного срока работы. При этом никто не дифференцирует, касается ли это военнопленных или «ясыра» — или же тех и других. Совершенно неясен также вопрос, распространялось ли это положение на тех, которые оставались в Турции и в Крыму, или же охватывало всех пленников и «ясыр», проданный в другие страны?

Герберштейн говорит, что «те же, которые продаются, принуждены целых шесть лет пробыть в рабстве; по истечении этого срока они становятся свободными, однако не смеют уйти из страны»². По словам Дж. Карраро, константинопольские христиане также отпускали своих рабов на свободу по истечении семи лет, если только раньше они не делались жертвой эпидемии, чумы или какой-либо другой болезни. М. Литвин, как очевидец, сообщает, что рабов, приобретенных войною или куплей, татары не держат в рабстве дольше семи лет. В неволю попадали разные люди—офицеры и солдаты, священники и крестьяне, ученые и ремесленники. Турки частично их использовали на разных работах: одни под наблюдением служили в войсках, другие в госучреждениях, третьи становились женами султанов и ханов и т. д. Такое непосредственно служебное и семейное отношение с «неверными» противоречило догматам ислама. Поэтому турки старались отуречить попавших им в руки христианских невольников и невольниц. Видимо, желающих принять ислам не было, если не считать насильственно отнятых у родителей мальчиков, которые отдавались на воспитание в янычары, и части тех, которые служили в госучреждениях, становились женами высокопоставленных лиц в Турции и Крыму. Послед-

¹ С. Соловьев, т. XII, стр. 82

² С. Герберштейн. Указ. труд, стр. 44.

ние могли принять ислам ради успокоения своих хозяев, оставаясь убежденными христианами.

Доминиканский монах, вышеупомянутый нами Жак де Люк, бывший в Крыму в первой половине XVII века, говорит в описании своего путешествия, что татары стараются принудить своих рабов принять ислам, обещая под этим условием свободу, чем некоторых и соблазняют. Но лишь отдельных лиц удавалось туркам обмануть. Документы свидетельствуют о том, что ренегаты были единичны. И эта сторона жизни невольников нашла отражение в народном творчестве. Они дожидались времени, когда можно будет либо убежать, либо же когда кто-нибудь выкупит, освободит их. Надежда вернуться на родину никогда не покидала их. Невольники сложили такую жалобную думу:

Стали землю турецьку, віру бусурманську клясти-проклинати:
«Ти, земле турецька, віро бусурманська,
Ти, розлуку християнська!
Не одного ти розлучила з отцем з матерью,
Або брата з сестрою,
Або мужа з вірною жоною!
Визволь, Господи! всіх бідних невольників
З тяжкої неволі турецької,
З каторги бусурманської,
На тихі води,
На ясні зорі,
У край веселый,
У мир хрещений,
В города християнські!
Дай, Боже, миру царському,
Народу християнському,
Славу на многі літа»¹.

Ряд авторов сообщает, что более красивые невольницы, «приняв мусульманство, становились женами и госпожами дома» знатных людей Турции. Как европейская, так и восточная литература, пишет по этому поводу много, но вся она ограничивается единичными примерами. Так, например, жена султана Сулеймана Хуррем, иначе называемая Роксаланою (т. е. русскою), имела большое влияние на мужа и на политику страны². Роксалана была главным советником султана. Крымский хан Сахиб Гирей родился от христианки и сам был женат на христианке. Визирь Соколлу был христианином (Соколов). Литвин делает общий

¹ Драгоманов. Про українських козаків, татар та турків, К, 1876, стр. 15—16.

² Роксалана была похищена татарами в городе Рогатине, где отец ее был священником. См. об этом Петрушевич. Сводная летопись, стр. 511; В. Д. Смирнов. Крымское ханство, стр. 425; А. Расим, т. I, прим. 115, стр. 390, 393.

вывод: «Равно и все министры этих тиранов, их евнухи, секретари и сведущие люди, а также воины, особенно янычары, из числа которых потом назначаются вожди и начальники, происходят из нашей христианской крови»¹. К такому же выводу приходит и Ламанский: «Если не все, а часть высшего класса в Турции и Крыму происходила от женщин славянского племени, то и в таком случае мы должны признать великую важность христианского женского элемента в Турции, этом хищном, во всех отношениях чужездном царстве; через этот женский элемент мусульманство количественно и качественно усиливалось, так как ренегатки вливали в него свежую кровь и вносили ревностный дух»².

Однако эти рассуждения несколько аморфны и абстрактны. Авторы упускают из виду другую сторону проблемы: отношение ренегатов-христиан к своему ренегатству и к пленникам-христианам. М. Литвин и ряд других авторов поступают неверно, огульно обвиняя христианских девушек в «ренегатстве», заявляя, что якобы все они, попав в неволю, принимали ислам и становились мусульманками, служили туркам и татарам и тем самым укрепляли мир мусульман.

Разберемся в этом на примере известной Маруси Богуславской. Обычно, когда говорят о ней как о «ренегатке», забывают главное, основное, а не кажущееся. В числе дошедших до нас дум имеется дума о Марусе Богуславке, на которую ссылаются литераторы и историки. К сожалению, в основном они подчеркивают те слова, в которых говорится, что Маруся «отуречилась», стала мусульманкой. Она же проклинаят себя и всех себе подобных. Маруся была замужем за знатным человеком—пашой. И несмотря на роскошную жизнь, она, вопреки всему тому, что произошло с ней, все же сохранила немало хорошего, приобретенного ею в родном краю, в родной семье. В день христианской пасхи она тайком освобождает более 700 человек своих соотечественников-христиан из турецкой неволи, помогает им убежать, снабжает их необходимым в пути. Она стыдилась того, что омусульманилась

Для роскоші турецької,
Для лакомства нещасного!

Чрезвычайно тяжелое положение невольников и пленных в странах Ближнего и Среднего Востока, их тоска по родине, воспоминания о родных и близких, безграничное желание

¹ М. Литвин. Указ. труд, см. Мемуары, вып. 1, стр. 20—21.

² В. Ламанский. Указ. труд, стр. 359—364.

вернуться домой усиливали их ненависть к туркам и татарам, побуждали их искать средств и путей избавления от неволи. Пусть нелегко было положение крестьян на Украине, пусть было хорошо известно, что украинский народ мучился у литовских и польских магнатов, как в аду, что украинские крестьяне находились в худшем положении, чем невольники на «каторге» (турецкое судно), при всем этом родина оставалась для невольников и пленников олицетворением их человеческого достоинства.

Отдельные стороны тяжелой жизни невольников и пленных описаны ими самими. Среди памятников такого рода по богатству содержания первое место занимают «Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века»¹, челобитная Василия Полозова, донесение киевского воеводы князя Юрия Петровича Трубецкого царю Алексею Михайловичу² и труд неизвестного автора, написанный на турецком языке: «Эсирлерине Эзалери». Он помещен в сборнике, собранном и изданном известным русским ориенталистом В. Д. Смирновым³.

Имя автора «Описания Турецкой империи...» до сих пор неизвестно. Но из оставленного им документа можно установить, что он русский, из средней полосы России и имел офицерский чин и соответствующее военное образование. О времени пребывания автора в плену можно судить по следующим данным. Автор свидетельствует: 1) что островом Критом владеют турки (покорение острова совершилось 18 сентября 1669 года); 2) что Венгрия, в частности Буда-Пешт, входит в состав Турецкой империи, что, как известно, было с 1541 по 1686 год⁴; 3) из описания также видно, что город Каменец-Подольск в то время находился в руках у турок. Этот город бы захвачен турками в 1672 году. В их руках город оставался 27 лет, т. е. до 1699 года. Таким образом, эти факты не оставляют сомнения в том, что автор «Описания Турецкой империи...» был в Турции во второй половине XVII века. Автор рассказывает, что он обошел Турцию в 62 месяца и 20 дней. Видимо, он знал турецкий язык, ибо в «Описании Турецкой империи...» встречаются турецкие и арабские слова⁵. Сообщаемые автором данные показывают, что он исходил Турцию из конца в

¹ Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века, СПб, 1790 (Описание Турецкой империи).

² Православный палестинский сборник, т. X, вып. III, СПб, 1890.

³ Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма, СПб, 1881.

⁴ J. v. Hammer, Bd. VI, S. 225—252.

⁵ В то время турки употребляли много арабских слов.

конец, близко наблюдал многие стороны жизни Турецкой империи. По-видимому, он не испытал всех ужасов турецкой неволи, не был на турецких галерах и каторгах, не сидел в темницах и не работал под палящими лучами солнца. Может быть, он был в турецком обозе, участвовал в походах. Турки использовали в различных ведомствах, в том числе и в военном, христианских пленников, которые по уровню своей культуры, знаниям и грамотности стояли выше турок и татар. Так что и наш автор, как военный специалист, мог быть использован в военном ведомстве. Надо отметить еще одну важную деталь: автор был образованным человеком. В этом можно убедиться, сопоставляя его сообщения с сообщениями известных в то время в дипломатическом мире лиц.

Как выше было сказано, категория невольников и пленников по истечении нескольких лет освобождалась либо за самоличней выкуп, либо же за какие-либо выслуги или по иной причине. Основная масса их возвращалась на родину. Так вернулся и автор «Описания Турецкой империи...». Можно допустить, что автором «Описания Турецкой империи...» и был тот Федор Феоктистов Дорохин, о котором сообщается в донесении киевского воеводы князя Юрия Петровича Трубецкого царю Алексею Михайловичу от 17 июля 1674 года. Это предположение приближает нас к той действительности, которая характеризует крайнюю напряженность положения в России и на Украине, созданную частыми нашествиями турок и татар с их пагубными последствиями для народов Руси и вытекавшими отсюда взаимоотношениями между державами. «Донесение» Трубецкого есть официальный документ, поэтому он может сообщить о важной персоне, какой окажется Дорохин. Родом Дорохин был из города Ельца, именовался боярским сыном. По профессии он был военным, в 1660 году в чине рейтора служил в полку Ивана Шепелева и попал в плен к татарам под Чудновом, вместе с воеводою В. Б. Шереметьевым. Пробыв в Крыму около 2 лет, он был продан. Хозяин-турок отдал его вместо себя в солдаты и, таким образом, он стал служить в Константинополе в войсках в чине рейтора. Будучи турецким солдатом, Дорохин побывал в разных городах. В 1674 году он откупился за 150 левков и выехал в Киев. По прибытии Дорохин рассказал о себе: «Попал в плен к татарам, в Крыму был два года», был продан туркам в Стамбул, где «служил вместо турчанина в рейторах, и нынешнюю зиму у турчанина откупился, дал за себя откупу 150 левков»¹.

¹ Донесение киевского воеводы князя Ю. П. Трубецкого царю Ал. Михайловичу от 17 июля 1674 года. См. «Православный палестинский сборник», т. X, вып. III, СПб, 1890, стр. 52, 51.

Если сопоставить данные, сообщаемые о себе автором «Описания Турецкой империи...» с «Донесением» Трубецкого о Дорохине, то обнаруживается их почти полное тождество. И тот и другой из России, оба они военные, были в турецком плену, оба откупались и вернулись на родину. «Описание Турецкой империи...» написано по определенному плану и носит чисто деловой характер. Не о себе говорит автор, а о виденном. Более подробно описывает он физико-географическое положение значительной части виденных им городов и крепостей (градов), рельеф местности, расположение и состояние населенных пунктов — Константинополя, Каира, Адрианополя,¹ а также Белгорода, Силистрии, Сараева и других². Сравнительно подробно описываются им крепостные стены с указанием длины и укрепления городов.

Таким образом, сообщаемые в «Описании Турецкой империи...» сведения приобретают военно-политический характер и составляют важный источник знаний об оборонительной системе Турецкой империи. Автор старательно отмечает стратегическое положение и практическое значение того или другого пункта, доступность или недоступность его с военной точки зрения, а также какими боевыми и оборонительными средствами обладают укрепленные пункты: гарнизоном, пушками, пороховыми запасами, аммуницией и прочим вооружением и припасами, с указанием их количества и качества. В «Описании Турецкой империи...» сообщается даже о числе ворот и укрепленных мест в городах. Так, например, в Константинополе было 26 ворот³. Автор также старался определить этнический состав населения той или другой местности. В Константинополе соотношение турок и христиан (православных) определяется: первых «две части великие», а вторых «одна часть малая»⁴. Жили там и другие народы.

Военные качества той или другой народности служат у него критерием для ее характеристики. Хорошо отзывается автор о воинственном духе албанцев, босняков; между тем турок и арабов он считает весьма слабыми с военной точки зрения.

В «Описании Турецкой империи...» автор затрагивает почти все стороны жизни турок, в том числе деятельность государственного аппарата. Таким образом, «Описание Турецкой империи...» является важным историческим документом для изучения ряда вопросов истории Турции XVII века.

Иной характер носит «Челобитная Василия Полозова», адресованная «Государю, царю и великому князю Феодору

¹ Описание Турецкой империи..., стр. 29.

² Там же, стр. 30, 32, 40, 41—42.

³ Там же, стр. 21, 22.

⁴ Там же, стр. 22.

Алексеевичу». Как сообщает Полозов, попал он в «полон» к крымским татарам, где находился полтора года, затем его подарили турецкому султану. У султана «перед самим ходил в шатре 12 лет». Султан обнаружил, что Полозов продолжает верить в «свою христианскую веру, а не в их бусурманскую», разгневался и велел казнить его, только просьба мурзы Ахмета спасла Полозова от смерти. Тогда отдали его на каторгу, на которой он работал 9 лет¹. Буря, разбившая каторгу, унесла много жизней. Его и одного его «брата товарища» с кусками бревен волна выбросила на берег². Попадает он в Иерусалим, завязывает дружбу с греческим попом³. После больших мытарств он попадает в Грузию, а затем с двумя московскими послами⁴ следует в Москву.

Сообщения людей, вернувшихся из турецкой неволи, разнообразны по своему характеру. Что касается их содержания, то в них много общего с точки зрения фактических данных—о нечеловеческом обращении с невольниками, пленными, о тоске по родине и родным, о стремлении как можно скорее покинуть «край бусурманский».

О христианских невольниках писали и восточные авторы, в том числе и турки. Следует отметить здесь документ под названием «Эсирлерине эзалери», написанный неизвестным автором. Он написан на турецком языке и освещает очень важный для нас вопрос—об участии «ясыра» в Турции. Автором этого документа был образованный и гуманный человек. Малограмотный и негуманный человек не мог бы написать такую работу, ибо она является обвинительным актом против турецких извергов и насильников, которые так жестоко обращались со своими жертвами, христианскими невольниками. Этот документ показывает, что наряду с эксплуататорской верхушкой в Турции были разумные и гуманные люди, которые также страдали от тяжести военно-феодального государственного строя, не разделяли взглядов правящей верхушки Турции. Будучи современником описываемых фактов, автор близко наблюдал жизнь и положение невольников. Этот труд для исследования данного вопроса имеет первостепенное значение. В нем подчеркивается, что крымские татары большую часть времени занимались уводом людей из Руси в «ясыр». В этом документе обращает на себя внимание одно очень важное обстоятельство—вечное стремление невольников убежать из Турции и Крыма. Поэтому турки принимали особые меры в отношении сильных и подозрительных, которые могли бы в любое время организовать групповой или индивидуаль-

¹ Челобитная В. Полозова. См. «Православный палестинский сборник», т. X, вып. III, СПб, 1890, стр. 45—46 (В. Полозов).

² В. Полозов, стр. 46.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 50.

ный побег. Для таких людей строилось нечто вроде колодца в рост среднего человека, яма. В ней стоял крепкий, закрепленный столбик. На столбике были прикреплены ремни сверху, в середине и снизу. Нижними ремнями привязывали ноги, средними—руки, а верхними—голову. В таком состоянии он «отдыхал» примерно в течение четырех часов. Пятнадцать часов он работал¹, пять часов уходило на дорогу, еду и на другие надобности невольника. По дороге на работу он шел с кандалами на ногах. При малейшем подозрении о подготовке побега или же за содействие побегу невольники сурово наказывались. Часто эти люди получали удары «лале» («дубины»)² по голове или спине, а в случае болезни или полного истощения их оставляли в своем «доме», куда свободно проникала всякая тварь—скорпионы, ящерицы, мошара, чтобы мучить несчастных³. Не поддаются описанию страдания людей, попавших в турецкую неволю. Самая богатая фантазия не может представить тех страданий, какие терпели русские, украинские невольники и пленники в султанской Турции и Крымском ханстве.

Весьма разнообразными были формы, методы и средства освобождения украинских и русских невольников из турецкой и татарской неволи. По свидетельству некоторых европейских историков, по договору, заключенному между Польшей и Турцией в 1607 году, предусматривалась выдача пленных, которая должна была производиться «без выкупа»⁴.

Выше сказано, что были две категории невольников — военнопленные и насильственно угнанные турками и татарами из Украины в результате разбойничьих набегов и войн. В Турции и в Крыму две этих категории невольников сознательно смешивали. На них смотрели как на ценность, которую надо было реализовать. Поэтому от обмена пленниками Турция всячески уклонялась, хотя наличие подобной возможности не исключалось, особенно с конца XVI века, когда постепенно и неуклонно чаша весов перетягивала в сторону активной борьбы против турок и татар.

Более надежным средством для освобождения невольников был выкуп их или государством или же самими невольниками и их родственниками⁵. Выкуп имел разные формы. Совершался он на основании различных сделок: этим занимались родные невольников, а также уполномоченные правительствами. Турки и татары в отношении части военнопленных и невольников поступали так: не уводя их на свою терри-

¹ Эспирлерне эзалери. См. сборник, стр. 31.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 31—32.

⁴ J. Zinkeisen. Bd. III, S. 658.

⁵ Этот вопрос должен решаться самостоятельно, автор затрагивает его лишь попутно, а не в порядке его окончательного разрешения.

торию, разрешали их выкупать. Так, например, в 1671 году, ограбив Волинь и Подолию, турки и татари составили список «усіх бранців» и посылали его в города, с вопросом, не выкупят ли кого-нибудь, чтобы не возвращаться «з усім полоном до Криму».

В «Думе о невольниках» так поється о выкупе:

Поклоняється бідний невольник
Із землі турецької, із віри бусурманської
У города християнської, — до отця, до матусі.
Що не можеть він їм поклонитися, —
Тільки поклоняється голубонькам свеньким:
«Ой ти, голубонька свенька!
Ти далеко літаєш, ти далеко буваєш;
Полеми ти в городе християнської,
До отця моєго, до матусі.
Сядь, пади на подвір'ї отцевскім,
Жалібненко загуди:
Об моєй пригоді козацкої припом'яни.
Нехай отець і матуся
Мою пригоду козацьку знають,
Статки, ма етки збувають
Великі скарби собирають, —
Головоньку козацьку із тяжкої незолі визволяють!
Бо як стане Чорне море согразати,
То не знатиме отець либонь матір
У которі каторзі шукаги:
Чи у пристані Козловської,
Чи у городі Царьграді на базарі.
Будуть ушкали, турки-яничари набігати,
За Червоное море у Арабську землю запродати,
Будуть за них срібло, золото, нелічачи,
Сукна дорогі поставами, не мірячи,
За них брати.
Тогді далася бідному невольнику
Тяжкая неволя добре знати:
Кайдани кури—ноги позыдали,
Сирая сириця до жовтої кості
Тіло козацьке проїдала».
То бідні невольники, на кров, на тіло поглядали,
Об вірі християнській гадали,
Землю турецьку, віру бусурманську проклинали:
«Ти земле турецькая, віро бусурманская,
Ти єсь наполнена сріблом, золотом,
З дорогими напитками;
Тільки ж бідному невольнику на світі невільно,
Що бідний невольник у тебе пробуваєть,
Праздника Рожества, будь ли Воскресення не знаєть.
Все у неволі проклятої, на каторзі турецької
На Чорнім морі пробувають,
Землю турецькую, віру бусурманську проклинаять:
«Ти земле турецька бусурманська,
Ти розлуку християнська!
Уже бо ти розлучила не єдиного за сім літ войною:
Мужа с жоною, брата с сестрою,
Диток маленьких з отцем і маткою.
Визволь, Боже, бідного невольника

На Свято-Руський берег,
На край веселий, меж народ хрещений!...¹

Иногда пленный сам вступал в договорное соглашение со своим «хозяином», или этим занимались состоятельные родители или родственники. Если подобные операции совершались до увода за пределы Украины или русского государства, то выкуп обходился намного дешевле. Когда невольник попадал в Крым, затем в Турцию и в другие отдаленные страны, тогда дело усложнялось. Даже если разыскиваемый был жив, его не так легко было найти на территории огромной империи или в более отдаленных странах. Когда невольники и пленники попадали в чужие страны, то надежда на возвращение на родину считалась неосуществимой фантазией. Более знатных пленных и богатых невольников разыскивали как родственники, так и послы Русского государства и Польши. Послы занимались выкупом или же совершали эквивалентный обмен пленных на пленных и «ясыра» на «ясыр». Послы в Турции и в Крыму договаривались на месте о лицах, о размере выкупной платы, о сроке, о времени выдачи пленных, а иной раз послы тут же, на месте выкупали определенное количество пленных за наличную сумму, отпускаемую государством. Эта форма выкупа через послов была самой распространенной, общеизвестной и как государственное мероприятие более эффективной формой освобождения людей из рабства.

М. Броневский, бывший в Крыму послом от Стефана Батория и близко знавший порядок выкупа невольников, в своем донесении сообщает, как трудно было выкупиться самому невольнику без посторонней помощи, особенно без помощи посла. Бывало и так, что «хозяева» невольников приказывали «своим рабам» самим написать письмо родным и знакомым. Однако выкуп по таким письмам совершался крайне редко². С огорчением надо констатировать тот факт, что на Украине организованного выкупа не было. Если польские магнаты иногда занимались этим вопросом, то они думали только о «знатных фамилиях» и состоятельных людях. И то не всегда. На то были многие причины политического и экономического характера. Среди последних важное место занимала страшная бедность Польского государства.

Вопросами выкупа в России занимались государственные органы. Более вероятно, что Русское государство этим делом занималось с середины XVI века. Русский царь Иван IV (1530—1584) положил начало организованному выкупу пленных и невольников. Правда, у Соловьева мы встречаем ука-

¹ М. Драгоманов. Про українських козаків, татар та турків. Київ, 1876, стр. 17, 18, 19.

² М. Броневский. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VI, стр. 363—364.

зание о выкупе русских невольников в более ранний период¹, чем указанное время. Земский собор приговорил, что русские невольники в Турции, в Крыму, Казани, Астрахани должны быть выкуплены русскими послами из царской казны. Невольники и пленники, привезенные в Москву на откуп турками, греками, армянами и другими², должны выкупаться также на казенный счет и ни в коем случае не должны быть вывезены обратно не купленными. Что касается вопроса о средствах для выкупа, то было определено: выкупную сумму раскинуть на «сохи». В дальнейшем уложении Алексея Михайловича «полоняничный сбор становится подворным и для всех обязательным». Затем были установлены нормы, отпускаемые казной за каждого выкупаемого: за дворян и детей боярских от 20 до 50 рублей за каждого, за менее знатных—10—20 рублей и т. д.³ Иногда на выкуп казна расходовала до 150 тысяч руб.

По уложению определено было собирать полоняничные деньги в размерах: с посадских людей, с ямщиков и городских жителей, также с крестьян патриарших, архиепископских и монастырских по 8 денег со двора, с крестьян остальных категорий бралось по 4 деньги со двора, со служилых людей: стрельцов, казаков, пушкарей, казенных плотников и кузнецов — взималось по две деньги со двора⁴.

Стремление к возвращению было всеобщим. Русские, украинские невольники и пленники из Азии и Африки стремились к родным очагам.

Большую лепту в дело освобождения невольников внесли казаки. Говоря о той роли, которую сыграли украинские казаки в деле защиты своего народа от физического истребления его турками и татарами, Бережков писал: «Весьма важные услуги в деле освобождения пленных оказало казачество. Мимо государства, часто вопреки приказаниям правительства московского и польского, казаки вели войну с крымскими татарами и турками; цель этой войны была не только в том, чтобы добыть зипунов, но и в том еще, чтобы освободить своих единоверцев из мусульманской⁵ неволи»⁶.

Чем сильнее наступали украинские казаки на берега Турции и Крыма, тем активнее выступали против своих господ турок и татар невольники и пленники. Вот два документа, весьма вероятно написанные двумя участниками одних и тех же событий. В них говорится о том, что большая группа невольников сумела в лучшей, крупной турецкой галере совер-

¹ С. Соловьев, т. VII, стр. 179—180.

² Бывало и так, что выкуп делали сначала купцы.

³ С. Соловьев, т. IX, стр. 277.

⁴ А. Лавицкий. О пленных по древнему русскому праву, М., 1855, стр. 15, С. Соловьев, т. XIII, стр. 388—389.

⁵ В тексте бусурманской.

⁶ М. Н. Бережков. Указ. труд, стр. 356, 357.

шить взрывы и освободиться из неволи. Эти документы оригинального и богатого содержания имеют большое историческое значение. Они сообщают достоверность некоторым сведениям о борьбе невольников и пленников за свое освобождение, в частности эпизоду захвата невольниками турецкой галеры, на которой они томились, о чем рассказывает дума о Самуиле Кишке¹. Это прекрасное произведение народного эпического творчества долгое время не могло быть приурочено к точно определенному историческому событию². Отчеты в основных вопросах совпадают, однако некоторые детали, приведенные только в отчете Мошкина, имеют существенное значение. Из содержания документа, составленного участником событий Сильвестром из Ливорно, мы знаем, что известный русский офицер Иван Семенович Мошкин находился в плену у турок длительное время и задался целью освободиться из неволи. Для этого он в течение трех лет обдумывал и проводил в жизнь «план избавления своего совместно с товарищами»³. Содержался он в каторге «на известной и отборной царьградской галере», находившейся под начальством жестокого Анти-паши. Еще в ноябре 1642 года Мошкин и его товарищи в тайне начали подготавливать средства для освобождения. Прежде всего приобретали оружие и порох. Все приобретенное хранилось у Микулы. Этого Микулу Анти-паша считал «вполне верным себе слугой и предоставил ему должность эконома, поручив ему заведовать съестными припасами» на галере⁴. Микула расхаживал «без цепей по галере и только на ночь на него налагали оковы»⁵. Пользуясь своим положением, Микула припрятал мешок с порохом до 40 фунтов, положив его среди мешков с сухарями. Это он сделал, когда галера находилась у крепости Азова. В ноябре того же года галера, совместно с шестью другими, снялась с якоря и приплыла в Стамбул. Вследствие сложившихся обстоятельств Анти-паша 9 ноября в полночь снялся с якоря константинопольской гавани, распустил все паруса и отправился в путь. Когда галера достигла Мраморного моря, «капитан Иван Семенович»⁶ и его товарищи сочли, что им представился случай

¹ Известие о замечательном происшествии — о том, как взята была лучшая турецкая галера, бывшая под начальством Анти-паши Мариеля, как получили свободу 207 человек невольников-христиан из Польской Руси и 70 невольников из других христианских стран, как взяты были в плен 40 турок и 4 богатых еврейских купца, как убит был упомянутый Анти-паша со многими другими турками и какая богатая добыча найдена на галере: челобитная калужского стрельца Ивана Семеновича Мошкина. См. Мемуары, вып. II, стр. 389—405.

² Однако мы должны допускать, что подобное событие могло произойти в другое время и на другой турецкой галере.

³ И. С. Мошкин. Челобитная. См. Мемуары, вып. II, стр. 393.

⁴ См. Мемуары, вып. II, стр. 393.

⁵ Там же, стр. 393.

⁶ Сильвестр из Ливорно так называет Мошкина.

освободиться из плена даже раньше, чем они надеялись. Они решили воспользоваться тем обстоятельством, что галера одна. Обстановка требовала решительных и неотложных действий. Каждый отдал себе отчет в том, что его ждет в случае провала. Договорившись между собой, они приготовились: каждый запасся камнем, лопатой или же топором. Некоторые имели сабли, которые были вложены между скамьями; сабли эти роздал юноша по имени Сильвестр из Ливорно, которого и Султан, и Анти-паша считали искренним и убежденным «ренегатом», между тем он был искренним пособником заговора. События развернулись следующим образом: этот юноша с наступлением ночи улегся среди турецких солдат и притворился спящим. В глубокую ночь Мошкин, прикованный цепью к первой скамье, начал фитилем поджигать порох, который был подложен под доски в задней части галеры, под то помещение, где спал сам Анти-паша и 37 его солдат. Шесть солдат несли службу часовых на галере. Они заметили огонь, спросили Мошкина, что делает он, тот ответил им, что курит трубку. Турки были удовлетворены ответом Мошкина. Но заговорщиков постигла неудача—«порох оказался отсыревшим и, несмотря на двукратную попытку, не вспыхнул»¹. Заметив это, Сильвестр незаметно прополз по галере и «принес русскому капитану горящих углей, обернутых в тряпку». Мошкин бросил угли вниз, в то место, где был заложен порох; наконец, последовал взрыв, от него взлетело в воздух 28 турок и загорелись каюты и паруса; часть турок бросилась в море; оставшийся в живых Анти-паша выбежал на палубу в ярости, стал громко браниться и кричать: «Не трогаться с места, изменники! Сидеть смирно!»². Но невольники схватили камни, сабли и другое оружие и бросились на кровожадных турок с криками: «Вот, вот, сейчас овладеем галерою!» В это время Мошкин схватил саблю и бросился «с неотразимой отвагой на пашу и нанес ему смертельный удар» со словами: «Не спасти тебе голову, проклятый»³. Шла жестокая схватка. «Вся задняя часть галеры открыта была оторванными членами и отсеченными головами», которые сбрасывали в море⁴. После продолжительной схватки «невольники одержали полную победу». Когда закончили разбивать свои оковы, бросились к канатам, желая распустить паруса, но при этом они обнаружили в парусах укрывшихся там турок. «Последние просили о помиловании, и невольники согласились даровать им жизнь и объявили их пленниками»⁵. Из общего числа 280 освобожденных невольников было

¹ См. Мемуары, вып. II, стр. 394.

² Там же, стр. 395.

³ Там же, стр. 395.

⁴ Там же, стр. 395.

⁵ Там же, стр. 395—396.

207 «христиан из польской Руси», т. е. из Украины, 20 человек служивых людей московского государства, а остальные из других христианских стран. В схватке с турками был убит «всего один русин и ранено до 20 человек»¹.

Освободившимся невольникам достался богатый трофей—самая лучшая галера турецкого флота: вся она была позолочена, снабжена 15 прекрасными парусами различной величины, 8 большими канатами, 7 большими пушками и 12 меньшими медными. «Кроме того, на ней оказалось 250 мушкетов, большой запас сабель, из которых более 20 были оправлены в золото и серебро, два полных набора лошадиной сбруи, с седлами, позолоченные, отделанные серебром и украшенные жемчугом и дорогими камнями в прекрасной оправе; одна золотая булава, украшенная также дорогими камнями; 20 пурпурных кафтанов, пдбитых сободем, 20 одеял из златоглава, 40 кинжалов с серебряными рукоятками, украшенными драгоценными камнями»; цельный рог единорога—предмет весьма редкий и ценный; 8000 талеров, 600 венгерских червонцев, обломок серебра, 60 мешков пшеницы и множество других припасов; 20 богатых знамен и множество прекрасного и тонкого белья; по два полных мундирных костюма для 250 солдат; 15 ковров, множество отрезков материи и другое добро².

В «Челобитной калужского стрельца Ивана Семеновича Мошкина» на имя великого князя Михаила Федоровича автор рассказывает, как он попал в плен к крымским татарам и был продан туркам для работы на галерах, где пробыл 7 лет. В числе ценных сообщений имеется указание на то, что когда Мошкин «стал подговаривать своих товарищей, всех невольников», то они выразили единодушное согласие вернуться всем на родину, домой, в чем и присягнули³. Затем он уточняет количество убитых и взятых в плен турок. Очень интересным является сообщение, каким путем они вернулись на родину: через Испанию, в Италию, Венгрию, Польшу (Варшаву) и через Вязьму в Москву. До пленения многие служили на Дону, недалеко от Азова, откуда попали в плен⁴. Но среди них были пленники и из других районов Украины.

Из «Челобитной» узнаем, кто сколько лет находился в неволе. Так, например, Яким Васильевич Быков — 40 лет; Богдан Иванович Саковнин — 7 лет; Н. Б. Жилин — 7 лет; М. Я. Сенцов—15 лет; И. О. Климов—16 лет и так далее⁵.

Известную лепту в дело освобождения невольников и пленных вносили греки, испанцы и итальянцы. Итальянцы,

¹ См. Мемуары, вып. II, стр. 396.

² Сильвестр. Указ. труд. Мемуары, вып. II, стр. 396—397.

³ Челобитная Мошкина, см. Мемуары, вып. II, стр. 398.

⁴ Там же, стр. 398—399.

⁵ Там же, стр. 401—402, 407.

победив турок в морском сражении, захватили 130 турецких галер. Пленных турок они поделили между собой, «а 15000 христиан невольников отпустили на свободу»¹. Анализ исторических актов показывает, что, начиная со середины XVI века, неуклонно идет процесс уменьшения числа невольников и пленных из Украины и Русского государства. В известной мере это доказывается такими, например, данными: гребцов-невольников при султанах Селиме II хватало на 40 галер, в 1576 году их хватало всего на 20 галер. В 1579 году общее число невольников в арсеналах и на галерах достигало 6000 человек. В 1590 году оно падает до 4000, а в 1637 году — составляет уже только 700 человек. «Вначале и до тех пор, пока победоносные походы султана давали возможность все время заполнять тюрьмы... пленниками из всех христианских стран, в Турции было достаточно рабов для галер. Но чем больше изменяло счастье турецкому оружию, тем меньше становилось число рабов на галерах»².

В завершение скажем, что бежали не только галерные узники, землекопы, униженные в человеческом достоинстве люди, но и попавшие, казалось бы, в лучшие житейские условия. Бежали все, как могли и когда могли. Смерть предпочитали они жизни в Турции и Крыму. Например, вот что рассказывает в народной песне «Полоняночка».

«Не белая лебедка в передет летит —
 Красная девушка из полону бежит;
 Под ней добрый конь растягивается,
 Хвост и грива у коня расстилаются,
 На девушке кунья шуба раздувается,
 На белой груди скат-жемчуг раскатается,
 На белой руке злат перстень как жар горит.
 Выбегала красна девушка на Дарью-реку,
 Становилась красна девушка на крутой бережок
 Закричала она своим зычным голосом:
 Ох ты гой еси, матушка Дарья-река!
 Еще есть ли по тебе броды мелкие?
 Еще есть ли по тебе калины мосты?
 Еще есть ли по тебе рыболовнички,
 Еще есть ли по тебе перевозчики?
 Неоткуль взялся перевозчикек,
 Она возговорила своим нежным голосом:
 — «Перевези-ка ты меня на ту сторону,
 К отцу, к матери, к роду-племени,
 К роду-племени, на святую Русь,
 Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
 А мало покажется — восемьсот рублей.
 А еще мало покажется — ровно тысячу.
 Да еще плачу я добра коня,
 Да еще плачу с плеч кунью шубу.

¹ М. Драгоманов. Про українських козаків, татар та турків, Київ, 1876, стр. 17.

² J. Zinkeisen. Bd. III, S. 281, 282, 285, 300, 301.

Да еще плачу с груди скат-жемчуг,
Да еще плачу свой золот перстень,
Свой золот перстень о трех ставочках:
Первая ставочка во пятьсот рублей,
А вторая ставочка в восемьсот рублей,
А третья ставочка ровно в тысячу,
Самому перстню сметы нету-ка!»
—А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня? —
«Сватались за меня князя и боярины,
Так пойду ли я за тебя, за мордовича?».
Бежали за девушкой два погонщика,
Два погонщика, два татарина.
Расстилала красна девица кунью шубу,
Қидалася красна девица во Дарью-реку,
Тонула красна девица словно ключ ко дну¹.

Турецко-татарские агрессоры веками совершали беспримерные злодеяния на Украине, истребляли ее народ, грабили ее богатства, разрушали культуру. Со второй половины XVI века положение постепенно изменяется. Борьба украинского народа против нашествия турок и татар принимает более организованный, всенародный характер.

¹ Исторические песни, Ленинград, 1956, стр. 161—162.

МОРСКИЕ И СУХОПУТНЫЕ ПОХОДЫ ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА НА ТУРЦИЮ И КРЫМ И ИХ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Борьба против турецко-татарской агрессии носила всенародный характер. Военной силой, противостоящей в XVI—XVII веках нашествию турок и татар, было украинское казачество, центром которого в XVI веке стала Запорожская Сечь. О ее существовании первый раз говорится в грамоте Сигизмунда Августа под 1568 годом, где, подчеркивается, что казаки на низу, на Днепре не только ходят, как прежде бывало, но перемешкивают (т. е. обитают) ¹.

О наличии у казаков укреплений за порогами сообщает Мартин Бельский в своей хронике в разделе «О казаках». Из его данных явствует, что казаки постоянно занимались на низу, за порогами, рыбной ловлей, сушением рыбы и транспортировкой. Основная масса этих промышленников зимой уходила в город (Киев, Черкассы и др.), оставив на острове лодки и несколько тысяч казаков на коше, как они говорят, «при стрельбе, так как имеют у себя и пушки, взятые у турецких крепостях и отбитые у татар»².

Уже в это время запорожские казаки вели активную борьбу с турками и татарами на суше и на море. Автор известной монографии «Запорожское казачество»³ профессор В. А. Голобуцкий затрагивает этот вопрос. Основываясь на данных хроники М. Бельского, он полагает, что к 40-м годам XVI столетия у казаков за днепровскими порогами уже существовала определенная, сложившаяся организация, представленная Кошем. «Основание казаками Коша за порогами следует считать не чем иным, как образованием Запорожской Сечи»⁴.

¹ Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, Киев, 1863, стр. 4.

² Кроніка Мареіна Бieleвіеґо, т. III, Сапок, 1856, стр. 1358.

³ В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, Госполитиздат, Киев, 1957.

⁴ Там же, стр. 67.

Этот вопрос связан с историографией освободительной борьбы украинского народа против иноземных поработителей, и особенно турок и татар.

Разрешением этого вопроса проф. В. А. Голубуцкий сделал важный шаг вперед по пути уточнения вопроса времени более активной борьбы украинского народа против иноземных захватчиков.

Военное устройство, вооружение и военные приемы запорожского казачества также свидетельствуют о наличии государственного элемента в Запорожье. Жизнь рыболовов и звероловов на Днестре и на его южных притоках сочеталась с чисто экономической и военной деятельностью промышленников в этом районе.

Со времени татаро-монгольского нашествия набеги татарских орд на Украину с юга шли по возрастающей линии. Поэтому небезопасна была жизнь рыболовов и звероловов, которые вынуждены были иметь наготове оружие, чтобы защитить себя и свое имущество. В дальнейшем взаимоотношения пограничных районов с татарами усложнились. Начался длительный процесс хозяйственного освоения этого района. Земля здесь весьма плодородная, пригодная для разведения всевозможных культур, что начинает играть решающую роль не только для населения этого района, но и в жизни Польши и Литвы. Район приобретает важное торгово-экономическое значение как для внутреннего рынка, так и для стран Западной Европы. Широкая торговля велась с Востоком—Турцией, Персией и Крымом.

Запорожье в силу исторических условий стало военно-хозяйственным центром с необходимыми атрибутами классового общества и с весьма прогрессивными методами управления.

Запорожское казачество, возникшее под воздействием двух начал—внутренних и внешних,—было явлением исторически обусловленным и представляло из себя определенную социальную форму, которую Маркс назвал казацкой республикой¹.

Татаро-монгольское нашествие, охватившее и Украину, как ураган, и его последствия — утрата Украиной своей независимости, породили возможность организованной борьбы украинского народа против своих врагов за независимость и единство. В огне этой борьбы цементировалась мощь Украины.

Вечная угроза быть поглощенной татаро-турецким элементом с одной стороны, и литовско-польским—с другой, придали особую остроту освободительной борьбе украинского народа за единство, независимость и свободу.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 154.

В авангарде этой борьбы во второй половине XVI века выступило запорожское казачество, поддерживаемое украинским народом.

Возникнув на гранитном фундаменте исторического прогресса, украинское казачество сыграло свою всемирно-историческую роль защитника Украины и ее народов от всех врагов и на определенном этапе развития этого же общества с естественно-исторической неизбежностью должно было уступить свое место новому, соответствующему эпохе явлению. Так случилось, на наш взгляд, с украинским казачеством.

Изучая разные периоды истории украинского народа, мы обращаем свои взоры на его героическое прошлое. Украинский народ внес достойный вклад в дело борьбы против нашествия турок на Европу. Богатейшая по экономическим возможностям, разделенная и захваченная европейскими и азиатскими колонизаторами, расположенная в непосредственной близости к татарским улусам и другим владениям Турции, Украина стала объектом грабежа и разбоя. В силу этих исторических условий она принимала на себя первые удары восточных агрессоров. Во время длительной борьбы против нашествия украинский народ выработал разнообразные формы и методы защиты своей отчины и ее народов.

Центром запорожского казачества была Сечь. Она делилась на курени. Курень представлял собой казарму, где жили казаки. Курени были деревянные или плетеные из хвороста и обмазанные глиной. Эрих Ляссота рассказывает, что он и сопровождающие его лица были помещены в шалаше, который был сплетен из хвороста и покрыт лошадиными кожами для защиты от дождя¹. В 30-х годах XVII столетия, как свидетельствует другой очевидец Боплан, лично побывавший в Сечи, курени уже представляли благоустроенные казармы. Курень являлся военно-административной единицей и представлялся определенным личным составом как в мирное, так и в военное время. Курень являлся также и хозяйственной организацией, располагавшей разными хозяйственными приспособлениями, запасами продовольствия, одежды и боеприпасов. Курень регулировал хозяйственную деятельность казаков, организовывал питание. Во главе куреня стоял куренной атаман.

Все должности в Сечи—от куренного атамана до гетмана—были выборными. Во главе всего запорожского войска стоял гетман. Он соединял в своих руках административную, военную и судебную власть. «Верховная власть,—свидетельствует современник,—принадлежит гетману, который носит трость как символ своего достоинства»². Гетман командовал

¹ Эрих. Ляссота. См. Мемуары, вып. 1, стр. 167.

² Я. Собеский. Указ. труд. Мемуары, вып. II, стр. 91.

запорожским войском, утверждал избрание старшин, утверждал ежегодно раздел между куренями угодий, мог по своему усмотрению созывать раду, сноситься с иностранными державами. Он выносил смертные приговоры. «Власть его,—пишет Боплан,—неограниченная, он имеет право рубить головы и сажать на кол всех непокорных»¹. Он должен был быть мужественным, отважным, справедливым и требовательным, за что пользовался большим авторитетом у казаков.

Высшим органом в Запорожской Сечи являлась рада, перед которой отдавал отчет в своих действиях гетман. В общественных делах он ничего не мог предпринять «без военного совета, называемого радою»². Рада собиралась ежегодно 1 января, где распределялись между куренями реки и озера для рыбной ловли, угодия для охоты, земли, сады для хозяйственной деятельности³. На раде решались также вопросы о войне и мире. Затем происходили выборы гетмана и старшины. Выборы гетмана описаны Бопланом. «Собираются все старые полковники и старшины,—пишет он,—пользующиеся уважением среди казаков, каждый подает голос за того, кого считает наиболее способным, и получивший наибольшее количество голосов признается избранным»⁴.

Избрание гетмана происходило в обстановке острой классово-борьбы⁵. В выборах гетмана главную роль играла казачья верхушка—«старые» и «богатые» казаки. Они избирали угодных им лиц.

Представление о военных чинах в Запорожской Сечи начала XVII века дает записка о выплате «жолду» запорожцам во время ливонской войны. В ней, кроме гетмана, называются такие чины: полковники, есаулы, сотники, десятники; писарь, обозный, прапорщики, сурмачи, барабанщики, трубачи⁶.

Основным источником сведений о военных чинах запорожцев служит сообщение Я. Собеского. «Следующую ступень (после гетмана—А. М.) в военной иерархии занимают четыре есаула и наместник гетмана, наказной гетман. Затем идут: обозные, заведующие артиллерией и предводители отрядов. сотники и генеральный писарь, который ведет счет приходам:

¹ Г. Боплан. Указ. труд. Мемуары, вып. II, стр. 343.

² Там же, стр. 343.

³ «Сечь—мать, а Великий Луг—батько»—было на устах каждого запорожца. Знаменитый Великий Луг тянулся по обоим берегам Днепра. Низменные долины были покрыты сочной травой, всевозможными деревьями, лесами. Леса были богаты дичью и животными. Поэтому запорожцы могли заниматься широкой хозяйственной деятельностью. См. Мемуары, вып. II, стр. 295.

⁴ Г. Боплан. См. Мемуары, вып. II, стр. 342.

⁵ Этот вопрос в советской историографии полно освещен в монографии В. А. Голобуцкого «Запорожское казачество», Киев, 1957.

⁶ Киевская старина, 1896, кн. 2, стр. 54.

и расходам и составляет письма к королю и знатнейшим панам...»¹.

Запорожское войско делилось на полки, сотни и десятки. Основной военной единицей казачества являлся полк. Во главе полков стояли полковники. Сотнями командовали сотни, десятками — атаманы. Запорожское войско было хорошо вооружено. Это признавали и поляки. Яков Собеский отмечает, что «если бы польское войско было так хорошо вооружено, то могли бы померяться с сильнейшей в свете пехотою»². Вооружение казаков состояло из ружей, пистолетов, сабель, пик; употреблялись также лук, кинжал, ножи. Казаками применялись еще рогулы, т. е. куски железа с заостренными концами, которые разбрасывались на дорогах для ранения лошадей.

Имелась в Сечи и артиллерия. Она была легкой, подвижной. По свидетельству Боплана, в войсковой «скарбнице в тайне» держалось множество пушек, о которых знали только немногие казаки.

Был у казаков также и флот, состоящий из челнов, называемых чайками. Запорожцы сами строили флот, изготовляли оружие, добывали селитру и делали из нее «превосходный порох»³. Среди казаков встречались люди самых разнообразных профессий.

На раде, избрав предводителя экспедиции, казаки начинали готовиться к походу. Для этого они отправлялись в «войсковую скарбницу»⁴, сборный пункт и начинали строить суда «около 60 футов в длину, 10 или 12 в ширину и до 12 футов в глубину»⁵. Судно строилось без кормы. Чайки⁶ снабжались двумя рулями, по одному на каждом конце, так как вследствие значительной длины судна при одном руле потребовалось бы слишком много времени на поворотах, чем сильно затруднялась свобода и быстрота движения в случае отступления. Эти чайки имели от десяти до пятнадцати весел с каждой стороны и на ходу были «быстрее турецких гребных галер»⁷. Кроме того, на каждой была мачта, на которой подымали парус, но только в хорошую погоду. Чайки были окаймлены толстым слоем тростника⁸. В походе казаки ели сухари, вареное пшено и «саламаху». Каждую лодку строили 60 человек и оканчивали ее в две недели. В течение

¹ Я. Собеский. Указ. труд. Мемуары, вып. II, стр. 91.

² Там же, стр. 92.

³ Г. Боплан. Указ. труд, стр. 301.

⁴ В сокровищницу.

⁵ Г. Боплан. Описание Украины, Мемуары, вып. II, стр. 343.

⁶ По-разному называют их — челн, судно, лодка, чайка.

⁷ Г. Боплан, Мемуары, вып. II, стр. 344.

⁸ Это имело определенное значение: 1) в случае заполнения водой тростник не давал тонуть лодке, 2) при ударе охранял ее от повреждений.

двух-трех недель казаки изготовляли от 80 до 100 судов. В лодке помещали 4—6 фальконетов (пушек) и 50—70 человек, вооруженных каждый двумя ружьями и саблею. Сверх того полагалось иметь по шести фунтов пушечного пороха и свинца, а также запас ядер для фальконетов. Каждый казак имел запасы белья. Очевидец отмечает, что «каждый казак «имел часы»¹.

Окончив все приготовления, казаки спускались вниз по Днепру. Передняя чайка разукрашивалась более других. На носу у нее водружали на красном древке голубое знамя с изображением на нем скачущего на коне казака и с нашитою надписью:

«Куда схочет, туда и скачет.
Никто за ним не заплачет».

«Атаман,—говорит Боплан,—плывет в передней лодке, вывесив свое знамя на мачте»².

Чтобы пройти незамеченными мимо неприятельских крепостей, казаки использовали ночное время. С целью отвлечения турецких галер, они использовали такой маневр: высылали вперед две-три чайки и, пока турки были заняты ими, основные силы казаков выходили незамеченными в открытое море. Казацкий флот отличался большой скоростью и маневренностью. При появлении казацкого флота на море султан рассылал гонцов, чтобы предупредить жителей, что казаки на море и чтобы все держались настороже. Но все эти меры оказывались напрасными. Казаки быстро достигали берегов Анатолии и устремлялись на прибрежные города, брали их приступом, а иногда и жгли. Если попадались навстречу турецкие галеры или другие корабли, казаки преследовали их, атаковывали и брали приступом. Преимущество казаков было в том, что их лодки были низкие и поэтому, замечая неприятельские суда, они сами оставались почти незамеченными. Казаки тотчас убирали мачты, старались держаться за солнцем до вечера. За час до солнечного захода они начинали усиленно грести в направлении галеры, пока не подходили на короткое расстояние, чтобы не потерять судна из виду, и держались так до полуночи; тогда казаки по сигналу принимались грести изо всех сил, между тем как половина их была наизготове к битве и ждала только абордажа, чтобы проникнуть на корабль противника. Так они овладевали галерами. Забрав все ценности и вооружение, пускали «ко дну корабль вместе с людьми»³.

При встрече с одной-двумя галерами (днем) казаки ста-

¹ Г. Боплан. См. Мемуары, вып. II, стр. 345.

² Там же, стр. 345.

³ Там же, стр. 346.

рались уничтожить их, а потом уже плыть дальше. При встрече с крупными силами неприятеля в открытом море казаки вынуждены были вступать с ними в бой. В таких сражениях казаки теряли много чаек. Поэтому запорожцы избегали боя с крупными силами противника, особенно на обратном пути. Но это не всегда им удавалось.

После победы нужно было возвратиться в свою страну. При устьях Днепра их ожидала теперь удвоенная стража. Но казаки мало беспокоились об этом. Они входили в залив, находящийся в трех или четырех милях к востоку от Очакова. Здесь казаки в количестве 200—300 человек вместе перетаскивали волоком свои чайки и в течение двух-трех дней переходили в Днепр. Иногда казаки возвращались через пролив между Таманью и Керчью в Азовское море и дальше по рекам Миусь—(Кальмиус)—Волчья вода—Самара—Днепр.

В удачных походах, кроме вооружения, казакам доставались богатые трофеи—ковры, шерстяные и шелковые материи, золотые и серебряные вещи¹.

Способы ведения войны на суше у казаков также были отличны от способов ведения войны у турок и татар. Запорожцы проявляли большую стойкость и храбрость в сухопутных сражениях. Их тактические приемы отличались гибкостью и маневренностью. Казакам часто приходилось встречаться с далеко превосходящими силами противника. Казаки хорошо знали военные приемы турок и татар. Чтобы преградить путь хищническим ордам султана и хана, требовалась хорошо вооруженная и боеспособная армия. А военное дело в Польше было поставлено плохо. Единственной мощью Украины было запорожское казачество. Поэтому от казаков требовалось умение наиболее эффективно использовать свои силы и свое вооружение. Современники свидетельствуют, что пехота у казаков была более сильной, чем кавалерия. В сражении с превосходящими силами противника у них очень важную роль играл табор. «Подвижный лагерь их (казачков—А. М.), называемый табором, состоит из возов, расположенных в известном порядке, и служит им последним могучим оплотом при внезапных нападениях неприятеля»². Табор имел форму четырехугольника, составленного из возов, которые скрывались между собой цепями. Боплан, знавший жизнь казаков, восхищался исключительной стойкостью их, храбростью, мужеством. «Они чрезвычайно крепкого телосложения,—говорит он,—легко переносят холод и зной, голод и жажду, на войне отличаются неутомимостью, мужеством и дерзновенностью и вообще не дорожат жизнью. Больше всего обнаруживают они ловкость и спокойствие, сражаясь

¹ Г. Боплан. См. Мемуары, вып. II, стр. 347—348.

² Я. Собеский. Указ. труд, стр. 92.

в таборе, т. е. под прикрытием возов (ибо они очень метко стреляют из ружей, составляющих их обычное оружие), а также при обороне укреплений и на море, но верхом на лошадях они менее искусны»¹.

То, что казаки отличались в оборонительных боях, не является случайностью. Сами исторические условия их жизни обусловили это. Казаки могли быстро возвести полевые и окопные укрепления. Среди укреплений казаков последним бастионом было укрепление возами. Под прикрытием табора сотня казаков могла отбиваться от 1000 и более турок и татар. Измотав силы противника, запорожцы переходили в решительное наступление. При этом они действовали так: оставив небольшой отряд в таборе, остальную часть своих войск направляли в тыл неприятеля и окружали его с флангов. Прежде чем начинать атаку, сосредотачивали огонь всей своей артиллерии на вражеском таборе. Расстроив ряды неприятеля и посеяв панику, артиллерия прекращала огонь. Тогда казаки начинали штурм неприятельского войска, а конница атаковала конницу противника.

Чтобы лишить врага средства передвижения, казаки дружно стреляли из ружей по обозным лошадям².

На важнейших путях нападения неприятеля казаки несли охранную службу. В Сечи находилось постоянное войско, которое охраняло ее от внезапного вторжения врагов. Больших и прочных укреплений, по сведениям, которыми мы располагаем, казаки не имели. Правда, сведения наши в этой области весьма поверхностны, так как специально этим вопросом никто не занимался. Запорожские казаки имели некоторые предупредительные средства. Для предупреждения об угрожающей опасности со стороны турок и татар выставлялись бикеты (бекеты), сооружались редуты, фигуры и использовались могилы.

Бикетами у казаков назывались пограничные разъезды на южных и юго-восточных границах Украины, особенно у приднепровского и бужского лиманов. По-видимому, здесь казаки постоянно держали свои отряды для наблюдения за всеми приготовлениями и передвижениями татар. В задачу бикетов входило доставление в Сечь сведений о военных приготовлениях неприятеля.

Редуты представляли собой помещения для сторожевых постов. Они ставились вдоль левого берега Днепра на расстоянии 20 или 30 верст один от другого, в зависимости от рельефа местности с таким расчетом, чтобы с одного редута

¹ Г. Боплан. Указ. труд, Мемуары, стр. 303.

² В. Каховский. Опыт изучения войн Богдана Хмельницкого, год 1862, стр. 129, 130 и др.

на другой можно было передать нужные сигналы. Редуты выполняли также роль казарм для казаков. Они вмещали в себя до 50 человек. При редутах находились и конюшни для лошадей.

Для быстрого сообщения известий о внезапном появлении войск неприятеля применялись фигуры. Последние состояли из 20 осмоленных однодонных бочек, определенным образом расположенных. Бочки устанавливались кругами из 6, 5, 4, 2 бочек. Один ряд ставился на другой, образуя конусообразную фигуру. Пустое пространство, образующееся внутри фигуры, заполнялось смолой. Фигуры устанавливались у редутов на расстоянии $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ версты от другой вдоль границы. Они охранялись 2—3 хорошо вооруженными казаками. При появлении неприятеля казаки зажигали, в зависимости от его силы, одну или две фигуры, чтобы предупредить заставы и население о грозившей опасности. Фигуры обеспечивали скорость передачи сигнала и быстроту организации отпора врагу.

Могилами казаки называли курганы, земляные насыпи, старые могилы, которые служили им для наблюдения за войсками неприятеля. Они совершенствовались валами и другими искусственными укрытиями, за которыми казаки держали свои пушки¹. Заметив орду, казаки пушечным выстрелом предупреждали всю линию и окрестное население о появлении неприятеля. Все они являлись постоянными пунктами охраны границ. Они давали возможность быстро мобилизовать силы страны для организованного отпора противнику.

Частые набеги турок и татар создавали постоянную угрозу для населения Украины. Поэтому каждый способный носить оружие не выходил без него из дома, так как в любое время мог подвергнуться нападению. Для защиты от татар в ряде городов Украины имелись специальные строения с бойницами. О таком строении в Прилуках рассказывает Ляссота. «Город этот,—говорит он,—окружен прекрасными, обширными и плодородными полями и пашнями, *среди которых разбросаны одиноко стоящие маленькие странные домики с бойницами, куда спасаются крестьяне, застигнутые врасплох татарами, и защищаются от них* (курсив наш—А. М.). Для того каждый крестьянин, выходя на полевые работы, всегда имеет ружье на плече или тесак у пояса: ибо они весьма часто подвергаются набегам татар и почти никогда не бывают безопасны от них»².

Мы коротко ознакомились с оборонительными мерами и

¹ См. Д. И. Эварницкий. История запорожских казаков, т. I, СПб, 1892, стр. 433—436.

² Эрих Ляссота, см. Мемуары, вып. I, стр. 153.

средствами запорожских казаков от нападения от турецко-татарских полчищ. Но казаки не ограничивались оборонительными средствами борьбы с неприятелем. Они совершали героические сухопутные и морские походы на Турцию и Крым. Цель этих походов—уничтожение оборонительной системы черноморского побережья, разрушение важнейших турецких крепостей, уничтожение турецкого флота в бассейне Черного моря, освобождение христианских невольников. Все это имело огромное значение. Во-первых, центр военных действий переносился на неприятельскую территорию; во-вторых, по примеру казаков, угнетаемые турками народы усиливали свою борьбу против военно-феодальной верхушки Османской империи. И, наконец, с переходом к наступательным операциям против турецко-татарских агрессоров казаки создавали условия для концентрации главных сил украинского народа на борьбу против магнатской Польши за свободу и за воссоединение с Россией.

Берега Черного моря были опоясаны турецкими крепостями. А многие из них имели сильные гарнизоны. Это зависело как от места нахождения, так и от значимости самой крепости. Тут принимались в расчет экономические и военно-политические мотивы. Значение Аккермана и Килии общеизвестно. Они были захвачены турками в 1484 году. Турки укрепили их вооружением и сильным гарнизоном. «Падение Килии и Аккермана открыло путь турецким агрессорам на север и закрыло путь северным государствам к Черному морю»,—пишет Н. Йорга¹.

До начала наступательных операций запорожских казаков не встречается жалоб со стороны турок на нанесении ущерба турецким интересам в этом районе. Со времени перехода запорожцев к активным формам борьбы с турецко-татарскими агрессорами в договоры и соглашения между Польшей и турками стали включаться и специальные статьи. Турки и татары «должны были постоянно преграждать путь казакам», ибо теперь «для обеспечения границ и пограничных турецких крепостей не помогал никакой договор»². Редко турки соблюдали международные договоры. Как правило, в это время со стороны турок действовала грубая сила, а не международные трактаты. Если соблюдали они какой-нибудь международный трактат, то до поры до времени, пока он приносил им выгоду. Турки иногда бывали щедры в отношении обещаний, но считали, что можно обещать, но не выполнять. В отношении Ук-

¹ N. Jorga, Studii istorice asupra Chilicii si Cetatisi Albe. Bucuresti. 1899, p. 101. При захвате Аккермана турками участвовало 100 кораблей (больших и малых), 300 тыс. турецких сухопутных войск и 30 тыс. татарской орды.

² N. Jorga, Studii istorice..., p. 217.

раины и ее народов, турки преследовали захватническую цель. Это хорошо знали народы Украины, в том числе запорожцы.

Готовясь выступить в то время против могущественной державы, казаки не могли сразу совершить морской поход к берегам Анатолии или подступам Константинополя. Они начали развивать активную борьбу с наступательными операциями с походов на близкие крепости неприятеля. В 1538 году запорожские казаки дошли до опорного пункта турок на севере черноморского побережья до Очаковской крепости и причинили ей значительные разрушения¹. В 1541 году запорожцы повторили свой поход. Жестокие схватки кончились разрушением части замка и порта. При этом были убиты многие из гарнизона крепости, в том числе санджак крепости с двумя помощниками². В сентябре 1545 года казаки на 32 чайках вновь явились под Очаково. Эта экспедиция была проведена более эффективно. На этот раз запорожцы не только нанесли неприятелю урон, но и захватили в плен множество турок³. В 1557 году казаки, эта храбрая народность, проживающая на границах ханства, «беспокоили мусульманскую торговлю на Черном море». В 1562 году казаки появились под Кафой. В 1563 году турецкий султан жаловался польскому королю на то, что казаки причиняют большой ущерб белгородским землям, «разоряют турецкую государственную казну в этой области»⁴. В 1572—1574 гг. запорожские казаки неоднократно ходили на земли Буджака. В 1574 г. казаки своим обычным путем на 25 чайках появились под стенами Белгорода, «разорили и подожгли его так, что сгорела половина города»⁵. Вскоре после этих событий в Польшу прибыл один чауш с жалобой на то, что «подданные короля сожгли Белгородскую крепость». На это он получил примерно такой ответ: до прихода посла султанского этот факт не был известен королю. Кроме этого, казаки не являются польскими подданными⁶.

25 ноября 1576 года великий визирь Селима II Мухаммед Сокоглу свидетельствовал, что по сказанию Резвана (Ризвана), «наизвестнейшего и наичестнейшего санджака Белгорода» 35 чаек «со злодеями» дошли до города Белгорода, представили лестницы к стенам и поймали 28 мусульман. После этого они были в Тягине, разоряя все, дошли до Очакова. Одно письмо без даты этого же периода сообщает, что эти люди

¹ Жерела, т. VIII, стр. 4.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 21.

⁴ N. Jorga, *Studii istorice...*, pag. 199.

⁵ Там же, pag. 200.

⁶ Там же, p. 200.

из Бара, Брацлова и Винницы продолжают нарушать условия мирного договора. Затем, разделившись на два отряда, один напал на село возле Бендер. Другая тысяча спустилась вниз до Аккермана и Очакова, они «беспокоили мусульманскую торговлю в этих местах»¹.

Говоря о Белгороде этих времен, польский чиновник Сенинский выражался примерно так: через Белгород ведет главный торговый путь на Очаков, где часто проходят караваны судов турецких и татарских купцов. Здесь по королевскому приказу часто нападают казаки, чтобы от купцов добывать сведения. Захваченных спешно доставляют к своему начальнику, провожая иногда «лицом назад», чтобы потерялись их следы.

Белгород был когда-то известным рынком, «и наши люди ходили сюда часто. Во время короля Казимира они плыли кораблями до Кипра, доставляя туда пшеницу с Подолии. Сейчас же поляки еле спускаются по Днестру, и то рискуя жизнью»².

Несмотря на то, что король Стефан в 1576 году взялся реорганизовать казаков, принял против них все меры, уже в 1578 году он слышал новые жалобы от султана. Письмо султана гласило: «Они разрушали крепость Ислам-Керман, воздвигнутую ханом...»³.

Несмотря на усиленные протесты поляков, турки в 1579 году соорудили новую крепость по эту сторону Днестра, возле Бендер, мотивируя так: «чтобы могли обороняться «от казаков». Поляки требовали, чтобы ни турки и ни татары не строили крепости. Турки не соглашались разрушить крепость возле Бендер. Поэтому Польша в июле 1583 года «бросила казаков за Днестр». Теперь их было не менее 8 тысяч (по турецким источникам — 9 тыс.). Соединенные примерно с 2 тысячами поляков, они «по всем правилам» осадили Бендеры и сожгли окраины города. Город Бендеры был подожжен и взят казаками, а санджак, раненый, бежал.

Турки подготовили флот из 5 галер, тысячи янычар и 500 снапов и отдали приказ хану готовиться к походу. Тем временем казаки дошли до Дуная, делая вид, что намереваются перейти его. Белгород и все прилегающие к нему селения были основательно разорены, а его бек Туркалы, командующий дунайской флотилией, вместе со своими «был убит»⁴. Поляки снова принесли свои извинения султану. Но осенью запорожцы снова собираются в поход. Турки решили отом-

¹ N. Jorga, *Studii istorice...*, p. 201.

² Там же, pag. 202.

³ Там же говорится, что казаки за два года угнали с полей Белгорода 700 тыс. овец. См. N. Jorga, p. 203.

⁴ N. Jorga, p. 203.

стить на следующий год, послав в 1587 году 7 тыс. татар грабить Украину. Но казаки первыми напали на Очаков, взяли там 30 пушек. Потом,—пишет канцлер Замоийский,—подожгли дворец Бендеры со всей Белгородской землей. Многих убили, многих взяли в плен. Кроме этого, казаки поймали корабль, груженный товарами из Константинополя, забрали весь груз, убили всех находящихся на корабле, а корабль подожгли¹.

К осени 1588 года 4000 казаков напали на четыре села возле Бендер и разорили их. Но возле Днестра при возвращении казаков настигли турки. Одних порезали, других потопили в реке, а некоторые отбились от турок. Ожидая казаков к зиме, татары готовились уже с октября месяца.

В июне 1589 года запорожцы напали на Козлов (Газлеви) во время ярмарки². Освободили много невольников и благополучно возвратились с ними в Сечь.

В 1590 году хорватский священник Комулович³ получил задание провести молодых, которые летают словно орлы, появляясь то тут, то там, держа в страхе все окружение. Нужно было им неожиданно ударить на Белгород или Козлов «и проследовать огненным путем вдоль черноморского побережья»⁴.

В 1593—1594 гг. запорожцы малыми и большими группами появлялись в районе турецких крепостей. В одном из своих донесений Кумолович восторженно писал: «Теперь (после получения пушек от молдавского господаря—А. М.) казаки с имеющимися у них пушками направляются к Манкастру, Килии и другим крепостям султана и достигнут хороших успехов там»⁵.

Совместно с молдаванами казаки, приглашенные молдавским воеводою, участвовали в битве за Белгород и Бендеры в начале 1595 года. Румынский источник 1595 года говорит, что «казаки сами взяли Бендеры, говоря, что по праву эта добыча принадлежит им». В Белгороде был в то время санджаком Гасан, имевший войско в количестве 20000 человек. Город Белгород тоже был взят казаками⁶. Очень активными стали запорожцы в это время, видя прекрасную перспективу «за счет развивающихся на Востоке событий... Еще зимою (1595 г.) они наложили руку на Очаков. Неожиданно в июне появилось 300 чаек казацких под Белгородом». Четыре турецких галеры были взяты, и казацкие пушки на-

¹ N. Jorga. Studii istorice..., p. 204.

² Там же, p. 206.

³ Итальянизированное Комулео.

⁴ N. Jorga, p. 207.

⁵ Там же, p. 208.

⁶ Там же, pag. 209.

чали обстреливать крепость, которую надеялись взять. Уже шли слухи, «что Белгород взят так же, как Бендеры»¹.

Успешная борьба запорожцев поднимала антитурецкий дух в Европе. По венским известиям от 24 июня 1600 года, территория до Белгорода или Монкастро, где есть турецкие гарнизоны, которая «была ранее занята татарами, сейчас опустошена в результате последних войн с казаками»².

Морские походы казаков в первой половине XVII века приняли крупные размеры, они отражали возросшую силу запорожского казачества. На рубеже XVII века завоевательная сила турецкой армии стала ослабевать. Вехами проявления этой слабости Турции были морское сражение при Лепанто 1571 года и особенно сухопутная война под Хотинем 1621 года. При Лепанто турки, потерпев поражение от соединенного испано-итальянского флота под начальством доня Хуана, потеряли чуть ли не весь свой флот, а вместе с ним престиж морской державы.

На рубеже XVII века дружественные отношения Турции и Польши сменились напряженным отношением соперничества. Война из-за Венгрии (1593—1606 гг.) и новая война с Персией (1603—1612 гг.) отразилась самым непосредственным образом на ослаблении позиции Турции в Европе. Однако Турция не отказывается от своих захватнических планов. Турецкие агрессоры готовились к новым захватам в Восточной Европе. Грабительские походы турок и татар на Украину носили систематический характер. С конца XVII века турки и татары усвершенствовали методы своей агрессии. Их походы тщательно подготавливались, совершались большими силами и возглавлялись крупными и опытными начальниками.

С начала XVII века борьба украинского казачества против турецко-татарских агрессоров усилилась. Запорожцы ведут наступательную борьбу, выражающуюся в организации ряда крупных и успешных морских походов на Турцию и Крым. Они успешно боролись против агрессоров и на суше. В своей борьбе запорожские казаки опирались на широкую поддержку украинского народа и на народные низы Речи Посполитой.

В борьбе с турками и татарами украинские казаки часто выступали совместно с донскими казаками.

Донские казаки сыграли исторически прогрессивную роль в освободительной борьбе русского и украинского народов против татаро-турецкой агрессии. «Донские казаки, — пишет проф. Н. А. Смирнов, — сыграли определенную и очень заметную роль в организации отпора турецкой военной экс-

¹ N. Iorga, pag. 211—212, 213.

² Там же, pag. 216.

пансии XVI—XVII веков. Вот почему султанское правительство неоднократно и настойчиво, в течение ста с лишним лет, требовало удаления казаков с Дона, выдвигая это требование в качестве важнейшего условия для поддержания добрососедских отношений. Донские казаки не только честно и бескорыстно в течение двух веков выполняли роль охранителей русских рубежей, но своими активными действиями до известной степени парализовали значение Азова, этого передового форпоста турецкой агрессии¹.

В борьбе с турецко-татарской агрессией запорожские и донские казаки выполняли одинаковую роль, что сделало их естественными союзниками в этой борьбе. Русское правительство не раз приказывало донским казакам вести совместно с запорожскими казаками борьбу против турок и татар. Так, например, 20 марта 1593 года в грамоте к донским казакам царь Федор требовал собрать лучшие силы пехоты и кавалерии и совместно с запорожцами разгромить Османова, Дивеева и другие улусы, раздобыть сведения о военных планах и намерениях хана².

Для обеспечения безопасности границ и пограничных турецких крепостей, турки и татары должны были «постоянно преграждать путь казакам...»³. В 1601 году казаки, преследуя турок, появились в Сороках, где расправа с турками была жестокая. В том же году главный советник крымского хана Ахмед-калга сообщил послу Речи Посполитой Пясочинскому, что «низовые казаки» нападают на Крым. Пясочинский объяснил, что казаки не подданные польского короля и король не может принимать обязательств «за своевольный народ, живущий в пустынях»⁴.

В 1602 году казаки разорили Констанцу и турецкие крепости в Бессарабии⁵. 12 мая 1602 года Пясочинский доносил королю из Белгорода: «Тут все в великой тревоге. Говорят, что из Днепра вышло на море 30 чаек и в каждой по 50—60 казаков, а за чайками несколько галер, взятых казаками у турок. Недалеко от Килии бились они с турками во главе с Гасан-агою, 13 мая казаки подошли к Белгороду и стали около Бугаза, там, «где Днестр впадает в Черное море Овидовым озером». Тут казаки захватили корабль, что плыл из Кафы с имуществом. Турки сами убежали, а греков казаки

¹ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, стр. 56.

² Собрание государственных грамот и договоров, кн. II, М., 1818, стр. 126.

³ N. Jorga, p. 217, 216.

⁴ Н. Костюмаров. Богдан Хмельницкий, т. I, СПб., 1876, стр. 52.

⁵ N. Jorga, p. 217.

отпустили¹. Ввиду непогоды казаки простояли около города два дня, наводя страх на жителей. 16 мая казаки пришли к устью Днепра². На турок это событие произвело серьезное впечатление. Когда в Константинополь прибыл польский посол, турки набросились на него с угрозами и упреками. Ответ польского посла туркам был такой же, какой был дан татарам: казаки не подданные короля, они вольные люди и так же не слушаются поляков, как турок, и не раз сами поляки должны были остерегаться их. Турки возражали, указывая подвластные Польше города, откуда приходили казаки. Посол ответил: Что же? У вас, в самом Константинополе, при вашей бдительности, случаются беспорядки. Так и у нас. В заключение посол подчеркнул: «Да казаки-то и моря не знали, пока ваши же турки... не показали себя и не научили их мореплаванию, а потом с ними заодно вас воюют. Сами виноваты, что таких учителей им дали. Следует бить казаков, когда они появятся у вас, но следует также бить их учителей...»³. Такого рода заявления повторялись часто.

В 1603 году зафиксированы были «неоднократные налеты казаков в Крым» и на ряд турецких крепостей. Они дошли до Дуная, «превратили в пепел Измаил и Обличцу»⁴.

В королевской инструкции сейму 1604 года Сигизмунд III отмечает, что «за короткий срок казаки разрушили у турок три города»⁵ и что это угрожает осложнениями между Польшей и Турцией. Король вместе с тем обращает внимание сейма на то, что «татары постоянно сидят на коне» и вечно угрожают безопасности страны»⁶.

Крымские ханы иногда пытались «обосновать» набеги на Украину неуплатой дани. Однако мы должны констатировать, что неуплата или задержка дани могла послужить лишь поводом для грабительских набегов татар. В той же инструкции Сигизмунд говорит, что татары заверяют в дружбе, но требуют подарков. «Однако примеры прошлого заставляют нас не доверять заверениям татар»⁷. Если бы шляхетская Польша аккуратно уплачивала дань и посылала, отказались ли бы татары от набегов на Украину? Конечно, нет. В это время ни турки, ни татары не связывали уплату дани с миром или войной, поскольку выплату дани в пользу Турции они считали обязанностью Польши при любых условиях.

В том же 1604 году хан Газы Гирей направил Сигизмунд

¹ Антонович и Драгоманов. Исторические песни малорусского народа, т. I, стр. 244—245.

² П. А. Кулиш. История воссоединения Руси, т. II, стр. 173—177.

³ Н. Костомаров. Б. Хмельницкий. т. I, СПб, 1870, стр. 53.

⁴ N. Jorga, p. 217.

⁵ Жерела..., т. VIII, № 76, стр. 104.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 104.

ду III (1587—1632 г.) из Бахчисарая письмо, в котором с циничной откровенностью писал, что «мир есть тогда, когда нет на Днестре казаков»¹. Хан заявил, что хочет иметь «спокойного соседа». В таком случае хан обещал королю «быть другом друзей, врагом врагов»².

С каждым годом походы казаков учащались, а удары их становились более эффективными. Чем больше убеждались турки и татары в неспособности Польши справиться с казаками, тем больше опутывали ее разными обязательствами. Деятели шляхетской Польши не раз указывали туркам и татарам, что Польша не в силах справиться с казаками. Это «племя непостоянное, непослушное,—читаем мы в одном из польских документов,—для чужого опасное, никакой власти над собой не признают и не терпят»³. Несмотря на многочисленные заявления польского правительства о неподвластности казаков Польше, этот вопрос не снимался с повестки дня турками.

Длительные войны Турции с Австрией и Персией тяжело отражались на внутреннем положении страны. Это учитывало украинское казачество. Оно усилило свою борьбу против турецко-татарских агрессоров, предпринимая смелые походы на собственно турецкие области и Крым⁴. В 1605 году запорожцы разбили татар на Днестре. В этом же году они совершили крупный поход на одну из сильнейших крепостей черноморского побережья—Варну, хорошо укрепленную турецкую крепость, разрушили ее. В варнском сражении казакам, кроме славы, достались большие трофеи—10 турецких галер, вооружение, имущество и военнопленные. Убытки, нанесенные казаками туркам, исчислялись в 180 тыс. червонцев⁵. Эта славная победа запорожского казачества—взятие Варны—воспета украинским народом:

«А в неділю пораненьку
Зібралися громадоньки
До козацкої порадоньки.
Стали ради радувати,
Відкі Варни діставати:
Ой, чи з поля, ой, чи з моря,
А чи с річки невелички?
Біжуть, плинуть човенцями,
Поблискують весельцями;
Ударили з самопалів,
З семипяденных запалів,
Півсоткою із гармати
Стали її добувати

¹ Жерела, т. VIII, № 80, стр. 105.

² Там же, стр. 106, 107.

³ Там же, стр. 80—85 и др.

⁴ Военный энциклопедический лексикон, т. XIII, СПб. 1857, стр. 35.

⁵ Золотая монета.

Стали турки нарікати,
Стали Варни діставати,
Стали Турки утікати,
Тую річку проклинати:
«Бодай річка висихала,
Що нас, Турків, в себе взяла».
Була Варна здавна славна.
Славнійшії козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в ній Турків забрали»¹.

Набеги татар на Україну не прекращались. В январе 1606 года стало известно, что ногайский султан Бухар подошел со своими ордами к городу Корсунь. Польша обратилась за помощью к казакам через коронного гетмана Станислава Жолквского. Казаки оттеснили Бухара от Корсуны. В 1606—1607 годах царевич Сафат Гирей напал на Польшу с крымскими ордами². Эти набеги татар были настолько опустошительными, что султан Ахмед опасался ответного появления на берегах Анатолии. Он обратился к Сигизмунду III с письмом, в котором старался снять с турок вину за столь разрушительные набеги татар на Украину. Газы Гирей,—писал он королю,—не послушался и пошел со своими ордами на польские земли и неожиданно забрал невольников, как бы из-за этого ваши рыцари не подняли сабель на султана³.

Немало сказано было «о дружбе» и «мире», сообщалось о принятых мерах по укреплению «мира» с королем. «Приказал всем своим подданным,—писал он,—в том числе и татарам, не делать неприязности полякам, всех пленных поляков отпустить, приказал карать виновников нарушения перемирия»⁴. Как видно, султан прекрасно понимал, что нарушителями являются не казаки, а сами турки с татарами. Из контекста письма также видно, что султан строго отграничивал поляков от остальных народов, населяющих королевство. Он приказал «перекопскому хану не брать в плен поляков»⁵.

Султан обвиняет Сигизмунда III в нарушении древних правил обновления договоров и соглашений при вступлении на престол новых султанов. «Зная об этом, татары грабят польские земли». В соответствии с нашей старой дружбой пришлите послов и обновите договор, чтобы татары не имели возможности уничтожать ваши замки, разорять ваши земли⁶. Однако, наличие этих причин не помешало султану потребо-

¹ Исторические песни малорусского народа, т. I, стр. 246.

² См. А. А. Новосельский. Борьба московского государства с татарами в XVII веке. АН СССР, М., 1948, стр. 48.

³ Жерела, т. VIII, № 87, стр. 113.

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 113, 114.

вать от короля «строго покарать казаков так, чтобы для других послужило примером»¹.

Как видно, правящие круги Турции прямо говорили: разрушайте крепости, уберите казаков, не мешайте нам грабить Украину и истреблять ее население.

Нельзя сказать, чтобы государственные деятели шляхетской Польши не понимали, чего добиваются турки, что их агрессивные планы угрожают не только Украине, но и самой Польше. Однако растущая сила казачества угрожала и господству шляхетской Польши на Украине. Это обстоятельство мридавало внешней политике Польши неустойчивость, склоняло ее к уступчивости.

В длительной борьбе с Русским государством Польша была естественной союзницей Турции.

В 1607 году запорожцы организовали удачный поход на Крым. Осведомленные о концентрации войск в Крыму и усилении турецкого флота в Черном море для вторжения на Украину, казаки решили предупредить их, совершив поход. Петр Сагайдачный снарядил отряд из казаков, вышел в море, разбил татар под Очаковым и рассеял турецкие охраняемые суда на море. Испуганный появлением казаков, хан бежал в Туцию. Эти события произвели на турок огромное впечатление. Хан вернулся в Крым под турецкой охраной.

Внутреннее положение Турции оставалось тяжелым. Недовольство султанским режимом нарастало повсеместно. Страна охвачена была восстаниями².

Ряд походов казаки совершали с учетом международной обстановки. Турция искала мира с Польшей, который был ей необходим, чтобы освободить силы для войны с Персией. Такое стремление турок ослабляло напор нашествия татар на Польшу. «Мир между Турцией и Польшей был заключен 16 июля 1607 года с включением в него особых пунктов, касающихся польско-турецких отношений»³.

Договор и соглашение между Турцией, Крымом и Польшей были направлены против Русского государства и запорожских казаков. Татарские набеги на Украину не прекращались. В 1608 году запорожцы под предводительством Сагайдачного ходили на Перекоп, взяли его с боем, сожгли и

¹ Жерела, т. VIII, № 87, стр. 113; 114.

² Очень показателен для понимания внутреннего положения Турции разговор султана Ахмеда I (1603—1617) с схваченным янычарам мальчиком. Султан спросил мальчика: чем занимался твой отец? Он ответил, что его отец играл на лютне. «Значит, — сказал султан, — он возбуждал энтузиазм у мятежников». Когда солдаты отказались казнить мальчика, тогда султан собственноручно задушил ребенка и сказал: «Вожди мятежников не вышли из материнской утробы с лошадьо и копьем в руке: они все были такими же детьми, как этот мальчик». См. Лависс и Рамбо. Всеобщая история, т. V, стр. 764.

³ А. А. Новосельский. Указ. труд, стр. 49.

принудили крымского хана бежать в Турцию. Крепости Перекоп и Очаков имели важное стратегическое значение. Первая преграждала дорогу казакам в Крым, вторая ставила целью не допустить их к морю. Очаков принадлежал Турции. Это была хорошо укрепленная крепость, имеющая «каменную одежду»¹. Замок господствовал над городом. Его назначение было обстреливать устье Днепра. На берегу имелось береговое укрепление, усиленное артиллерией. На противоположной стороне Днепра возвышался караул, наблюдавший за продвижением казаков. Перекоп имел каменный замок, окруженный крепостной стеной. От города до западного морского берега шел ров. Кроме того, турки и татары охраняли Черное море и его побережье флотом и гарнизонами. Гарнизоны стояли в Крыму и во многих причерноморских городах Анатолии и зависимых от Турции стран. Только один крымский хан, не говоря о других вассалах Турции, «все время держал наготове 50000 человек, которых султан умело использовал для того, чтобы постоянно угрожать Польше и беспокоить московского царя»².

Таким образом, как видно из всего до сих пор изложенного, турки создали целую систему укрепленных баз вокруг всего черноморского побережья. Разрушение этой системы было важнейшей задачей запорожских казаков.

В период с конца 1608 года и на протяжении 1609 года запорожцы совершили несколько успешных походов на Турцию и ее владения, разрушили порты и укрепления³.

Из документов начала 1610 года видно, что казаки на 16 чайках появились в устьях Дуная, сожгли придунайские города Измаил, Килию и Белгород. Турки выслали против казаков большой флот. Казаки вынуждены были отступить. В это же время казаки разрушили укрепления городов Облучи, Новоседло⁴.

За первое десятилетие XVII века запорожцы своими систематическими эффективными походами нанесли турецко-татарской укрепленной системе ряд чувствительных ударов. Одновременно укрепились и сами казаки, обогащаясь их опыт ведения войны с крупными силами неприятеля. Особенно успешными были морские и сухопутные бои с противником в последующие десятилетия XVII века. Второе и третье десятилетия — время наибольшего размаха борьбы казаков против турецко-татарской агрессии. Казаки совершают необыкновенно смелые и удачные операции на берегах Анатолии

¹ В. С. Каховский. Опыт изучения войн Богдана Хмельницкого, 1862, стр. 79.

² J. W. Zinkeisen. Bd. III, s. 185.

³ Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, кн. 15, К., 1901, отд. 2, стр. 11.

⁴ Жерела, т. VIII, д. № 93, стр. 121—122.

и Крыма, появляются они в непосредственной близости Константинополя.

В 1612 году запорожские казаки совершили несколько удачных походов на крепости Турции и Крыма. В одном из них казаки дошли до Евпатории, нанесли значительные потери туркам и татарам в живой силе, разрушили ряд военных объектов, освободили много невольников и пленных христиан¹ и с богатыми трофеями вернулись обратно. В том же году казаки на 60 чайках появились в Черном море. Они разрушили Бабадаг, переходя и сжигая «все на берегу Черного моря до Варны и Месембрий»². Осенью того же 1612 года запорожцы ходили на помощь донским казакам. В совместной борьбе запорожские и донские казаки разбили буджакских и крымских татар, разорили Козлово и обратили неприятеля в бегство, добившись больших успехов.

Турецкое правительство было напугано этими походами казаков. Иностранные послы в Константинополе — английские, французские, венецианские, — описывают панику, охватившую турецкое правительство.

Взаимоотношения между Турцией и Польшей были довольно напряженными. Однако, причиной этого были не казачьи походы, а «молдавские дела»³. В Стамбуле была влиятельная группа, которая добивалась «мира с Персией и войны с Польшей». Польша была сильно ослаблена в войне с русским государством. Неудачная для Польши экспедиция Потоцкого в Молдавию и ее разгром турецкими войсками свели на нет все договоры и соглашения, заключенные Польшей с Турцией и ее вассалом крымским ханом. Томша, молдавский господарь, которого поддерживали турки, разбил Потоцкого и взял его самого в плен. Коронный гетман С. Жолкевский был вынужден заключить с Томшой договор и признать его государство. Поздно Жолкевский признал ошибку, допущенную в молдавской экспедиции. Она состояла в том, что экспедиция была совершена без участия казаков.

Вражда между Турцией и Польшей достигла кульминационного пункта в молдавских событиях 1612 года. Турки были крайне раздражены экспедицией Потоцкого. Этими событиями открывается полоса военных столкновений между Турцией и Польшей, которые завершились войнами 1620 и 1621 годов. Молдавское поражение продемонстрировало крайнюю военную слабость Польши и ее неспособность выиграть такую даже незначительную войну, какой была экспе-

¹ Летопись самовидца, стр. 3; Летопись Г. Грабянки, стр. 25; Бантыш-Каменский, История Малороссии, ч. 1, Полтава, 1817, стр. XXV.

² Н. Ягга, р. 217.

³ Ф. Суvara. Причина и результаты цецорского поражения 1620 г.: Краков, 1930, стр. 67 (на польском языке).

дия Потоцкого. Поэтому турки по-прежнему не боялись Польши, а боялись казаков. Поэтому главной целью Турции в войне с Польшей было истребление казаков. Все силы Турции отныне мобилизовывались на разгром казаков. В осуществлении этого плана крымскому хану отводилось видное место.

Таким образом, запорожцы своими походами на Турцию и Крым ослабляли военную мощь Турции, приковывали ее внимание к казакам; осложнения между Турцией и Польшей отвлекали не только Турцию, но и шляхетскую Польшу от событий на юге страны. Главным образом этими причинами определяется благоприятное положение, создавшееся для Русского государства в 1612 года. «Необходимо принять во внимание, — справедливо подчеркивает А. А. Новосельский, — что установленное нами ниже изменение взаимоотношений Турции и Польши и возобновление борьбы между ними с 1612 года отвлекло основные силы крымских татар от нападения на московскую Украину; с этого года нападение на Русь совершается почти исключительно силами ногайских орд»¹.

После разгрома экспедиции Потоцкого было особенно крупное «нападение крымского хана Мехмед Гирея на Подолию»². Орда татар во главе с ханом, ворвалась на Подолию, опустошая все на пути продвижения, забирая и увозя людей в «ясыр» («неволю»).

Польские гетманы, в частности Станислав Жолкевский, были в это время заняты солдатскими конфедерациями. Но против татар выступили запорожцы. Под Белой Церковью казаки вступили в бой с татарами и разбили их, освободили около 5000 невольников и изгнали остатки орды из Украины. Орда крымских татар в том же году совершила еще два набега со значительными силами, но была разгромлена и отогнана казаками.

Усиление татарских набегов свидетельствует о подготовке Турции к войне с Польшей. В начале 1613 года полчища татар, направленные султаном для опустошения «области польского короля», были разгромлены у Конских вод казаками, возглавляемыми Петром Сагайдачным. Турки стали концентрировать войска и флот под Очаковом. Запорожцы, узнав об этом, решили помешать им. С этой целью они в 1613 году совершили поход на море и нанесли удар военно-морским силам турок. Хотя С. Жолкевский восхищался победами казаков над турками, но не совсем верно освещает причины концентрации неприятельского флота под Очаковом. «Турецкий император, — пишет Жолкевский, — выслал в

¹ А. А. Новосельский. Указ. труд, стр. 75.

² Pisma Zolkiewskiego, 1865, стр. 302.

Очаковский порт большой флот из галер и чаек, чтобы возвращавшихся казаков¹ в том порту разгромить, так как им сюда дорога назад на низ. Но вышло наоборот. Казаки ночью подсидели неосторожных турок и разгромили 6 галер и захватили немало чаек². Эта победа казаков произвела огромное впечатление на турок, татар и на Польшу. Турки были крайне возбуждены. Польша боялась войны с Турцией. К этому времени вся Украина была оказачена. Обосновавшись на территории королевских имений, казаки вербовали людей, собирали продовольствие и готовились в 1613 году выступить против турок. Сигизмунд III специально изданным универсалом удержал их от этого похода.

Польскому послу в Константинополь была направлена большая инструкция по урегулированию этого вопроса. В ней, в частности, указывалось, что казаки за своеволие будут наказаны, однако подчеркивалось, что походы казаков обусловлены татарским вторжением на Украину, которые причиняют народным массам Речи Посполитой неисчислимые бедствия. Нужно настоять, чтобы султан отвел свой флот с войсками от границы польских владений. Посол обязан был обстоятельно изложить, какой ущерб за короткое время понесли подданные короля от татар, которые нападают на Польшу «не только тайком, а целым войском, уничтожают, жгут, грабят и опустошают» все на своем пути. Поэтому необходимо, чтобы султан запретил крымскому хану нарушать мир, запретил такие набеги, которые вызывают законные ответные меры. Король призывает султана к разуму и справедливости³.

До 1614 года турецкие и польские источники о казаках говорили в той или иной связи с польско-турецкими, польско-крымскими отношениями, как о жителях королевских земель, «грабителях», «своевольных» людях и т. п. А начиная с 1614 года в тех же источниках говорится о казаках, как о сильной и дисциплинированной армии. В том же году запорожские казаки предприняли несколько походов на Турцию и Крым⁴ — удачных и неудачных. В 1614 году с наступлением весны казаки предприняли морской поход, но, как рассказывает казацкая дума, они были застигнуты бурей, и много казаков погибло⁵.

Но это не остановило казаков. Летом того же года они

¹ Здесь Жолкевский смешивает повод с причиной. Поэтому он оговаривает, что это было в момент *возвращения* казаков из Крыма: якобы там они были до концентрации турецкого флота. Это — неверная интерпретация.

² Pisma Zolkiewskúgo, стр. 508.

³ Жерела, т. VIII, Д. № 99, стр. 129—130.

⁴ N. Iorga, pag. 217.

⁵ Антонович и Драгоманов. Исторические песни малорусского народа, т. I, стр. 186.

на 40 чайках, примерно около 2000 человек предприняли блестящий поход на берега Турции. Запорожцы пересекли Черное море по направлению к Трапезунду¹. Высадившись на берег, богатый городами и селами, казаки начали разрушать укрепленные районы и крепости. Это был район, где жили турки со времени основания в Малой Азии, не зная страха военного нападения. Теперь казаки мстили туркам за сожженные и разрушенные города и села, за грабеж и насилие, которые творили турецко-татарские агрессоры на Украине в течение длительного времени.

В том же году запорожцы предприняли новый более смелый поход на берега Малой Азии. Внезапно напали на крепость Синоп, известную своей роскошной окрестностью под названием «города влюбленных», захватили старинный замок, истребили гарнизон, затем вошли в город, разгромили дома богачей. Сожгли арсенал, захватили и сожгли галеры, с богатыми трофеями вернулись назад. Наима говорит, что казаки забрали с собой, кроме имущества, и людей².

По свидетельству современника, убиток, причиненный туркам, исчислялся в 40 миллионов³. Узнав об этом, султан приказал повесить великого визиря Насух-пашу. Турки снарядили погоню за казаками в составе 60 кораблей во главе с шахшахи Ибрагим-пашой. Объединенными силами турок и татар они напали на казаков у Очакова и причинили им значительные потери. Потери казаков в синаопском походе составили около 200 человек и две-три чайки⁴. По этому поводу С. Жолкевский в письме к румелийскому бейлербею Ахмеду-паше просил передать султану свои поздравления⁵. Султан лицемерно обещал польскому королю «быть другом друзей, врагом врагов»⁶ и в то же время посылал войска на польскую границу, создавая угрозу войны. Турки настоятельно требовали наказать казаков за Синоп. Переговоры между Польшей и Турцией происходили в напряженной обстановке. И если турки тогда не начали войну с Польшей, то только потому, что они не были готовы к ней.

Весной 1615 года запорожцы разрушили вновь построенные турками замки в устьях Днепра. В этом же году они на 80 чайках появились у ворот турецкой столицы и сожгли портовые сооружения у Мизевни и Архиоки. Затем казаки

¹ По свидетельству С. Жолкевского, в этом походе участвовало несколько тысяч казаков. См. Жерела, т. VIII, Д. № 105. Письма Жолкевского от 26 сентября 1614 года.

² М. Наима. Тарихи Наима, т. 2, Стамбул, 1864, стр. 118.

³ Очевидно, он имеет в виду 40 миллионов золотых. Письма С. Жолкевского, стр. 302, 513.

⁴ Тарихи Наима, т. 2, стр. 118—119; Гаммер, т. IV. 753. Письма С. Жолкевского, стр. 303.

⁵ Жерела, т. VIII, д. № 109, стр. 150.

⁶ Жерела, т. VIII, д. № 110, стр. 154.

отправились в обратный путь. Посланный султаном флот достиг их у устья Дуная. Казаки вступили в бой с турецкими галерами, разбили турок, рассеяли их флот и взяли в плен раненого адмирала. Последний предложил за себя 30-тысячный выкуп, но умер от раны. Взятые в бою казаками галеры были сожжены ими на виду у Очаковского гарнизона. Затем казаки разрушили некоторые укрепления вокруг Очакова.

В течение 1615 года турки силами татар организовали три похода на Украину. В одном из них участвовал сам хан «Джанибек Гирей с огромным войском, в котором, кроме татар, были и турки. Они жестоко опустошили Украину»¹. Жестокость татар превосходила человеческое воображение. Опустошением была охвачена Подолия, местность до Тарнополья и Львова. В депешах русских посланников говорится об огромном полоне².

Татарские орды прошли по украинским землям, «по локоть купая руки в нашей крови», — говорилось на сейме. После этого похода хан в письме, отправленном польскому королю, в издевательском тоне писал, что он собрал 180 тыс. татар, которыми разорил 200 городов и поселений³. «Завоевывать государства — писал хан там же, — это наследие, завещенное нам отцами. Где вам братья за войну? Это не ваше дело; кто хочет нападать и воевать — вот так надо воевать...»⁴.

В Польше хорошо понимали характер турецко-татарской дипломатии. Касательно этого периода в документах 1615 и 1616 годов он раскрывается более рельефно. Сигизмунд III в 1615 году с возмущением говорил, что турки требуют того, чего поляки им и раньше не обещали и выполнить явно не смогут (например, уничтожить казаков), лишь бы только иметь повод для войны. Касательно татар король подчеркнул: «разве татары когда-то откажутся от своего нападения и своей добычи», хотя хан и калга заверяют поляков о дружбе, но все же вредят «нашему государству»⁵. Король призывает собрать силы. «Трудно речами предотвратить опасность», только силой можно «предотвратить истребление наших братьев»⁶, — говорил он.

В королевской инструкции на сейме (нач. 1616 г.) сущность турецкой агрессии раскрывается более глубоко.

Мы можем очень легко представить себе, «что дружба султана турецкого не есть и не была искренняя», султан

¹ См. А. А. Новосельский. Указ. труд, стр. 86.

² Там же, стр. 86.

³ Жерела, т. VIII, Д. № 115, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же, Д. № 116, стр. 165.

⁶ Там же, стр. 165—166.

всегда только о том и думал, «как бы расширить свое государство»¹. Далее король раскрывает суть дела. Турки и татары выдвигали казачество как причину нарушения мира. Под этим предлогом они захватили украинские земли, о чем не раз говорилось. «Теперь они указывают на какие-то новые, придуманные границы и присвоили себе» особым правом «несколько десятков украинских поселений»². Вообще трудно надеяться на мир с турками, — заключает король³.

Из документов этого периода узнаем мы о том, что турки хотели иметь границу в таких пределах, о каких не могли мечтать даже и «их предки»⁴. На каждом шагу мы наблюдаем действие грубой силы. Чауш доносил королю в том же году, что турки «желают уничтожить несколько крепостей: Белую Церковь, Канев и Черкассы». На сей счет король образно выразился о давних намерениях турок относительно захвата украинских земель: «Давно тот враг волчьего желудка точит зубы на нас, ожидая только времени и удобства, а сегодня он имеет и то и другое: с персами мир заключен, имеет войско наготове»⁵.

В начале 1616 года турецкое правительство направило против казаков значительный флот во главе с Али-пашой, который следовал со своим флотом к днепровскому лиману. Казаки вышли навстречу турецкому флоту и разгромили его. Сам Али-паша едва не был взят в плен и спасся бегством. Казаки взяли около 20 галер и до 100 мелких судов. Полный разгром турецкого флота произвел большое впечатление на турок.

Воодушевленные этими поистине замечательными успехами, запорожцы направились к крымским берегам, разрушая военные сооружения побережья. Они дошли до Кафы (Феодосия), взяли и сожгли военные объекты этого форпоста и невольничьего рынка, освободив при этом большое количество невольников. Неприятельский флот был сожжен и потоплен. Эта победа казаков обошлась туркам и татарам в 14000 человек. Об этом говорилось в посмертном панегирике Петру Сагайдачному:

«За своего гетманства взяли в турцех место Кафу,
Аж и сам цесарь турецкий был в великом страху,
Бо му четырнадцать тысяч там люду збил;
Каторги едины палил, другиі потопил;
Много тогда з неволе христиан свободил»⁶.

¹ Жерела, т. VIII, Д. № 117, стр. 166.

² Там же, стр. 166.

³ Там же, стр. 167.

⁴ Жерела, т. VIII, Д. № 119, стр. 168.

⁵ Там же, стр. 169.

⁶ Сакович. Вирше на жаласный пограб зацного рыцера Петра Канашевича-Сагайдачного..., Киев, 1622, стр. 19.

Военные успехи казаков расстроили захватнические планы агрессоров. Турки вынуждены были отказаться от своих намерений итти в 1616 году войной на Польшу. Осенью 1616 года запорожцы в количестве 2000 человек снова совершили поход на малоазиатское побережье. По достигнутым успехам этот поход был не менее эффективным, чем предыдущие. Казаки, высадившись на берег, овладели Трапезундом, взяли и сильно разрушили его укрепления. Здесь ударил на них турецкий флот под командованием Соколлу-паши. Казаки вступили в бой с турецким флотом и разбили его. Затем направились к Босфору, где нанесли турецким укреплениям ряд ударов, и вернулись обратно.

Мнение о том, что турки в 1616—1617 гг. действительно стремились к миру с Польшей, является ошибочным. О характере предлагаемого турками «мира» свидетельствуют официальные документы, в частности дипломатическая беседа, которая состоялась 17 сентября 1617 года между главнокомандующим турецкими войсками и польским послом Петром Ожга.

После длительного и бесплодного разговора Искендер-паша сказал собеседнику: «Хорошо. Ну как же нам строить дела?». Ожга ответил ему: «А вот как: вы унимаете татар, пускай они не делают наших людей казаками», а гетман Жолкевский по приказу короля должен «унять казаков, чтобы не ходили на море».

Паша: «Положим, но уплатите же условленную дань татарам, или когда они у вас воюют, не трогайте (их) в султанских владениях, а воюйте их самих».

Ожга: «С удовольствием! Мы готовы воевать татар! Только бы нам знать, что император (султан) не сочтет этого за нарушение мира; мы вскоре сделаем так, что татары не будут воевать нас»:

Паша: «Что же вы сделаете?».

Ожга: «А вот что: пошлет король войска свои в их землю и станет воевать их не украдкою, а открытою войною».

Паша: «Нет, этому не бывать! Орда живет на земле оттоманской... А вот что сделайте: уничтожайте казаков, чтобы не ходили на море, и платите падишаху то, что вы даёте татарам, тогда падишах станет удерживать татар от набегов на Польшу».

Сильно раздраженный паша продолжал: «Уничтожайте сперва казаков, тогда будем говорить о татарах: ведь они во власти падишаха (султана)».

Ожга: «Надобно делать, а не говорить, дело покажет способ».

Паша: «А я тебе скажу, что не уничтожить вам казаков до тех пор, пока не уничтожите палонок, а именно: Бершадь, Канева, Корсуня, Чигирина, Черкасс, Белой Церкви».

Ожга: «А что за договор, уничтожить замки?»

Паша: «Это необходимо сделать, во-первых, потому, что там гнездятся казаки, а во-вторых, потому, что замки стоят на турецкой земле».

Ожга: «Доказал бы я тебе где граница в этой крайне, да меня послали не граничиться...»¹.

Не трудно убедиться, какого мира добивались турки. Они добивались уничтожения казаков, разрушения крепостей, стоящих на пути турок на Украину, и захвата украинских земель, чтобы открыть себе дорогу на север и запад — к новым захватам. Это были явно агрессивные устремления. В это время внутреннее положение Польши было тяжелым, напряженным. В силу этого в 1617 году Польша вынуждена была отказаться от московского похода. Казаки не соглашались под командованием польских гетманов выступить в поход против турок и татар. Шляхетская Польша не верила в возможность удачного окончания войны с Турцией без участия в ней казаков. Поэтому она всячески старалась избежать войны с турками. Именно потому Жолкевский вынужден был пойти на заключение мира под Яругой (на Днестре), невыгодного для Польши².

Турции же мирная передышка была необходима. Во-первых, потому, что не была достаточно хорошо подготовлена к войне; во-вторых, антиказацкие статьи договора должны были исключить возможности союза поляков с запорожскими казаками в случае войны.

Заклучив мир, турки усиленно готовились к войне с Польшей. «Турция, — пишет А. Новосельский, — имела свои собственные очень веские основания для возобновления войны с Польшей. Перед Крымом была поставлена новая задача — воевать с Польшей»³. Это превращало Крым из союзника Польши во врага. «С выходом Крыма из союза с Польшей выпало одно из самых важных звеньев враждебного московскому государству окружения»⁴.

В феврале 1618 года янычары низложили султана Мустафу I (1617—1618) и возвели на престол старшего сына султана Ахмеда, молодого воинственного Османа II. Весной того же года между Османом II и персидским шахом Аббасом было заключено перемирие. Турки начали готовиться к войне с Польшей. В 1620 году произошла война между Турцией и Польшей, в которой последняя потерпела жестокое поражение под Цецорой.

¹ См. П. А. Кулиш, История воссоединения Руси, т. II, стр. 233—234.

² И. Гаммер, т. VIII, стр. 759 (на турецком языке); Новосельский, стр. 87.

³ А. А. Новосельский, стр. 88.

⁴ Там же.

В том же 1620 году казаки на 300 чайках атаковали охранный флот (турок—А. М.) на Черном море, потопили 12 галер, остальные «гнали до самого Константинополя»¹.

Необходимо отметить еще важный момент, отражающий одну из сторон деятельности казаков в период морского похода,—это тесный контакт запорожских казаков с христианским населением Турции. Христиан, которые помогали казакам, турки называли «отступниками». Эти «отступники» показывали расположение оборонительных укреплений, склады боеприпасов, места скопления невольников, концентрацию неприятельского войска, продвижение их флота. А в период самого похода стерегли казачьи лодки, извещали казаков о приближении турок, скрывали их и пр.²

Накануне Хотинской войны—весной и летом 1621 года — казаки не давали туркам возможности сосредоточиться на собиращии сил для войны.

«В 1621 году, — говорит де ла Валле, — казаки польские (т. е. запорожские—А. М.) вошли в устье Черного моря и проникли до самой тюремной башни... и предместья Константинополя, где они захватили огромное количество рабов (читай невольников—А. М.), так что вельможи турецкие не смогли с этой стороны ходить для прогулок в свои сады, при виде казаков, бегавших повсюду с саблями в руках и нигде не встречавших сопротивления»³. В июле того же года запорожские казаки на море причинили туркам и татарам большой ущерб, потопили несколько галер.

Хотя по условиям соглашения между турками и поляками, посвященным итогам Хотинской войны, запорожским казакам запрещалось совершать морские походы на Турцию и Крым, однако казаки не могли придерживаться статей соглашения—прекратить или же приостановить борьбу с агрессорами. Тем более, что события, происходившие в это время в Турции,—волнения в различных частях империи, свержение и умерщвление Османа II (1622) вторичное возведение и низложение слабоумного Мустафы I (1662—1623), возведение на престол Мурада IV (в 1624 году) и война с персами, начавшаяся в 1623 году, сепаратизм отдельных бейлербеев — благоприятствовали этому.

В письмах английского посланника в Стамбуле в 1620—1626 гг. Фомы Роя сохранились ценные сведения о запорожских казаках, «почти совершенно овладевших тогда Черным морем»⁴, а также в письмах и записках известного путешественника Петра де ла Валле, находившегося несколько лет при дворе персидского шаха, имеются некоторые важные сведения

¹ N. Jorga, p. 217.

² См. Ламанский, стр. 44—45.

³ Там же, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 90.

о деятельности запорожского казачества в первой половине XVII века. В поисках могущественных средств борьбы с турецкими агрессорами Петр де ла Валле приходит к выводу о необходимости консолидации самых могущественных, по его мнению, сил того времени для борьбы с турками—запорожских казаков с Персией. «Я убедился, наконец, — говорит Петр де ла Валле,—что самое лучшее для того средство — взаимный союз шаха персидского... с казаками, которые живут у Черного моря, при устьях реки Днепра»¹. При этом он отмечает ряд положительных сторон в деятельности запорожских казаков—храбрость, рыцарскую честность, постоянную готовность к борьбе «на страх своим соседям-врагам, туркам и мусульманам (читай татарам—А. М.)»². Учитывая именно эту особенность запорожских казаков, Петр де ла Валле ищет союза только с ними. «Потому-то постоянно моею мыслью был союз казаков польских с персиянами, именно тех, что живут при устьях Днепра, в палатках и хижинах, недоступных никому по причине вод и болот, их окружающих, так что их невозможно беспокоить или тревожить, ни подойти к их лагерю ни с суши, ни с моря»³. Далее там же: «В этом месте всегда находится более 2000 отличных солдат, которые зимою охраняют суда и оружие». В летнее время они занимаются хозяйственной деятельностью. В случае необходимости, выбрав из своей среды самых храбрых в начальники, они пускаются в море «с многочисленными силами на 300 и 500 лодках или маленьких галерах (читай чайках—А. М.) и даже более; на них помещаются четыре, шесть, семь и восемь тысяч отборных солдат, которые в то же время отличные моряки и матросы»⁴.

Вслед за Эрихом Лясотой, Бопланом Петр де ла Валле отмечает еще одну важную особенность казака запорожского. Это его универсализм, т. е., говоря устами народа, казаки были «мастера на все руки». «И в этой огромной массе людей нет человека, который бы не был способен к исправлению нескольких должностей». Такие воины участвовали в освободительных походах на берега Турции и Крыма. Нет теперь турецкой местности на Черном море, которой бы они не посетили. «Между прочим, Синоп, город весьма населенный и прославленный Митридатом, испытал их гнев. Кафа, хотя и отличный город татарских ханов в Европе, не мог избежать их насилия, и сам Трапезунд несколько раз был доводим ими до последней крайности, и если не пал перед ними в последние

¹ См. В. Ламанский, стр. 93—94.

² Там же, стр. 94.

³ Там же, стр. 95.

⁴ Там же, стр. 95.

годы, то некогда, вероятно, будет принужден им сдаться и уступить превосходной силе»¹.

Казаки сковывали силы турок. По свидетельству того же автора, турки ежегодно высылали против казаков из Константинополя военные силы. «Так, между прочим, они отправили такие силы в то время, когда я был в Сирии, в 1616 году, под начальством генерала Мехмед-паши, сына Соколлу? и двоюродного брата султана. Кроме огромного количества небольших судов, он взял с собой десять больших и самых лучших галер, бывших тогда в Константинополе. Со всем тем его участь не была счастливее его предшественников; напротив, он испытал величайшее несчастье, потому что казаки разбили его флот, овладели между прочим двумя его большими галерами и обратили его в бегство. После таких побед и прекрасных успехов, которые не могут не внушать храбрости и гордости победителям, я вам предоставляю подумать, имеют ли казаки право надеяться некогда на что-нибудь более возвышенное. Я вам скажу только, что я слышал от них, что они надеются со временем овладеть Константинополем, и уверены, что освобождение этой страны предназначено их храбрости... Как бы то там ни было, но в настоящее время они весьма могущественны на Черном море, и нет сомнения, что если они останутся на своем, то никто и никогда не осмелится его оспаривать у них». Это могущество их идет не с нынешнего дня, и не недавно стали они страшны на этом море, так как султан Мурад³ вступил с ними в договор и некоторые мирные положения (ассоциации) касательно этих дел, подписанные его собственной рукою, сохраняются теперь у меня. Хотя прошло уже более тридцати лет с тех пор, но турки не могут их не только истребить, но и одержать над ними какую-либо победу: напротив того, с каждым днем они становятся все могущественнее: есть поэтому основание надеяться, что отныне значение их станет все более и более возрастать и что они станут под конец непобедимыми»⁴.

Петр де ла Валле долгие годы занимался изучением деятельности запорожского казачества. После близкого знакомства с запорожцами он писал: «Я не сомневаюсь, что они образуют некогда весьма могущественную республику, так как, по моему мнению, знаменитые спартанцы, точно так же, как сицилийцы, карфагеняне и даже римляне, а в наше время голландцы, не имели таких прекрасных и столь счастливых начатков»⁵. Затем, отметив целый ряд других преимуществ

¹ См. В. Ламанский, стр. 96.

² Вместо Соколлу в источнике ошибочно написано Чикаллы.

³ Петр де ла Валле имеет в виду султана Мурада III (1595—1602).

⁴ См. В. Ламанский, стр. 96—97.

⁵ Там же, стр. 97—98.

казаков, он заключает: «Вот по всем этим-то причинам я решил всячески стараться об этом союзе». Де ла Валле уже сам думал было ехать к казакам для заключения союза, как услышал, что один из христианских государей то ли владелец Мингрелии, то ли Гуриэль, уже давно желал вступить в союз с казаками, с той же целью посылал к ним «письма и подарки, а в знак своей верности, он одарил их маленькими золотыми крестиками...». «Предложение это казаками было принято весьма охотно и с радостью»¹. Де ла Валле свидетельствует о прибытии в Иран представителя запорожских казаков Степана, хорошо владевшего русским языком. Сперва казак Степан находился в городе Фербаде. Казачий посол долго не мог добиться приема, тогда он, улучив момент, встретился с шахом на улице. Шах, обращаясь к своим беям, сказал: «Вы не цените этих людей, их храбрости, не знаете, как надо с ними обращаться. Ведь это из тех, что повелевают на Черном море, что взяли столько городов». В заключение шах сказал: «Они могут нам быть весьма полезны и оказать большие услуги». Поэтому приказал шах обращаться с этим послом «вежливо и ласково» и велел выдать из казны 50 цехинов на личное удовлетворение, «в ожидании другого подарка, более значительного, когда он отправился назад»².

Казаки оказывали большую помощь торговому флоту Грузии. «Еще в начале XVII столетия князья Грузии сносились постоянно с казаками запорожскими, — писал Фома Рой, — дарили и жаловали их, а те в свою очередь защищали и буксировали торговые суда грузинские, плававшие в Черном море»³. Казаки выступали носителями лучших традиций своего народа.

Как было сказано выше, более интенсивно казаки боролись с турками и татарами в первой половине XVII века. В июле 1622 года запорожцы спустились в Черное море, где захватили много турецких кораблей: Кафа находилась в великой опасности, даже в самой Порте была тревога⁴. В том же году летом казаки в Черном море нанесли туркам много вреда.

В 1623 году казаки разоряют крепость Самсун в Малой Азии⁵; 9 июля 1623 года казаки появились у Босфора на 70—80 чайках, в каждой по 50 человек. В это время турецкий флот отправился в Крым для восстановления там порядка.

¹ См. В. Ламанский, стр. 99.

² См. В. Ламанский, стр. 100—101. Сообщение Петра де ла Валле, к сожалению, до сих пор не было использовано советскими исследователями истории запорожского казачества:

³ См. Ламанский, стр. 45.

⁴ Фома Рой. См. В. Ламанский, стр. 90.

⁵ N. Jorga, p. 217.

Казачи вошли в Босфор и нанесли значительный ущерб турецким укреплениям.

Столица и предместья были в большой тревоге. Турки мобилизовали и морской флот и сухопутное войско для защиты берегов. «Редкость, — говорит Фома Рой, — увидеть подобную тревогу и сумятицу. Мы думали, что эти бедные казаки тотчас удалятся, но они, заметив приближающиеся к ним турецкие лодки, сомкнулись по середине канала близ замков и, выстроившись полукругом, стояли в ожидании битвы». Турки открыли по ним ураганный артиллерийский огонь. Положение казаков было крайне тяжелое, и ветер не сопутствовал им. Турки имели большое количество войска, превосходящее казаков в несколько раз и все же не рискнули напасть на казаков. «Таким образом, целый день до захода солнца они (казаки — А. М.) смело стояли и грозили великой, но тревожной столице света и всему ее могуществу»¹. Приводя эти данные, из личного наблюдения Фома Рой делает такой далеко идущий вывод: «Это незначительное обстоятельство и это дерзкое предприятие открыли удивительную истину об этом великом государстве, что оно, казавшееся столь грозным и могущественным, на деле слабо и беззащитно...»². Турки вынуждены были удвоить охрану берегов и укрепить оборонительную систему империи.

Блестящие морские операции казаков, при неустойчивом внутреннем положении Турции, еще больше усиливали послевоенный (1621 г.) кризис в Турции.

Победа украинского казачества под Хотином явилась чрезвычайно важным событием в длительной борьбе украинского народа с турецко-татарской агрессией. Удар, нанесенный Турции в этой войне запорожскими казаками в союзе с польским войском, углубил политический кризис и, таким образом, усилил внутреннее ослабление турецкой империи.

В конце сентября 1624 года казаки с большим количеством чаек спустились в Черное море. В одной миле от Константинополя высадились на берег, подошли на расстояние $\frac{1}{4}$ мили к Константинополю, сожгли много домов и «передовых укреплений» и навели такой ужас на всех, что «пристань Константинополя закрыта была цепью, — впервые в истории этого рода за все время турецкого владычества»³. В Константинополе сочли недопустимым оставаться без защиты на будущее. Возвратившийся из Крыма капудан-паша получил приказ оставаться со своими кораблями в Босфоре и у Варны, куда в течение зимы еще отправлены были значительные подкрепления судами и членами экипажа.

¹ Фома Рой. См. В. Ламанский, стр. 91—92.

² Там же, стр. 92.

³ J. Engel, s. 120.

Все жители столицы, способные сражаться, были снабжены оружием. Уже в марте 1625 года недалеко от Босфора появилось 300 казацких чаек, которые нагнали такой страх, что все население бежало в столицу, ища там защиты. Сначала казаки двинулись восточнее, разрушая укрепления вокруг Трапезунда. Турки стянули свои силы из архипелага, количество галер достигло 60, но турки не могли сразу атаковать казаков. Шли слухи о том, что казаки идут с Очакова, «дабы напасть на Константинополь и сжечь арсенал»¹.

В июле того же года турецкий флот натолкнулся на казацкий флот в районе Кара Кермене. Казацкий флот, насчитывавший 350 парусов, не колеблясь, принял бой, навязанный ему сильным неприятелем в открытом море. «Сразу же начат был один из самых достопримечательных морских боев, которые когда-либо имели место в этих водах».

Недостаток всех боевых средств казаки возмещали отчаянной смелостью атак и превосходством своей личной отваги. Как фурии, набрасывались маленькие лодки казаков на тяжелые турецкие галеры — по 20—30 лодок на одну галеру. Казаки брали ее на бордаж, вскарабкивались на палубу и дрались, как львы, в рукопашном бою, часто гибли все до последнего или, уступая превосходящей силе врага, бывали отброшены обратно в свои лодки. Самым жарким был бой на адмиральском корабле. Он был окружен со всех сторон. На его палубу вскарабкалось несколько сотен казаков. И он, очевидно, погиб бы, если бы не пустил в ход свою тяжелую артиллерию. Тяжелая артиллерия и неблагоприятный ветер, необычайно затруднявший казакам ведение боя, решили судьбу этого дня в целом в пользу турок. К концу боя, который длился с раннего утра до позднего вечера, турки уничтожили 70 и взяли 170 чаек и около 700 пленников². Остальные спаслись. «Но и враги понесли значительные потери, а именно в живой силе. Янычары были убиты почти до последнего человека»³. Понятно, что турки хотели извлечь из этой победы значительные выгоды и думали опять занять более решительную позицию по отношению к татарскому хану и королю Польши. Хан тотчас же получил от султана приказ вторгнуться в Польшу, а короля Польши принуждали поднять оружие против казаков. «Однако, эта обоюдоострая политика не достигла своей цели». Махмед Гирей поддерживал казаков, а король Сигизмунд III, имея в своих руках приказ Каймакана, подстрекающий татар к нападению на Польшу, поднял крик по поводу «столь открытого и вероломного нарушения мира и со своей стороны, вместо того, чтобы воевать».

¹ J. Zinkeisen. Bd. IV, s. 495—496.

² Турецкие источники сильно преувеличивают потери казаков. То же самое делает Гаммер в V томе.

³ J. Zinkeisen. Bd. IV, s. 497.

с казаками, еще больше стал их подстрекать против турок и поддерживать их»¹.

К 1626 году казаки собрали значительную силу, около 700 чаек, намеревались «взорвать турецкий флот в Босфоре и двинуться на Константинополь»². Однако казаки в 1626 году ограничились действиями в районе Очакова и Босфора, потеряв при этом 25 чаек³. Энгель, говоря об этом же, считает, что потоплено было до 20 чаек и захвачена «дюжина казаков». Какой это, наверное, «было радостью для жителей Константинополя увидеть этих отважных людей, хоть раз попавшими в беду»⁴.

В 1627—1628 гг. турки принимают серьезные меры к обороне от казаков устья Днепра. Энгель свидетельствует, что «турки в 1627 году опять заложили две крепости в устье Днепра»⁵.

Казаки не прекращали борьбу. В 1628 году запорожцы появились на Черном море и «осмелились обложить Кафу». В письме к польскому королю от 9 июня 1628 года господарь Молдавии М. Барновский писал, что его послы, которые дня три назад вернулись из Константинополя, «принесли множество писем с жалобами турок, что казаки не слушают твоего приказа, не подчиняются воле договоров и непрерывно нападают на турок в море и даже на земли турецкие, наносят им большие потери. Эти нападения казаков не прекращаются и сейчас»⁶.

М. Барновский в другом письме к Стефану Хмелецкому от 20 июля 1628 года вторично сообщает о бесчисленных жалобах турок, которые обвиняют его и поляков в непрерывном нападении казаков⁷.

В 1629 году казаки добились некоторых успехов в борьбе с турками, разрушая оборонительную систему неприятеля, «вплоть до столицы Османской империи».

В 1634 году поляки были вынуждены опять «извиниться перед турками за новые нападения казаков».

В 1640 году «в союзе с Русью казаки организовали экспедицию: *при слухе о которой дрожала вся турецкая империя*»⁸ (курсив мой — А. М.):

¹ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 498.

² Там же.

³ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 501. По свидетельству N. Jorga, в казацкой экспедиции участвовало 400 чаек. См. N. Jorga, p. 217.

⁴ J. Engel, s. 121.

⁵ Там же.

⁶ Gn. Duzinchevici. Miron Barnovschi Moghila si Polonia. Bucuresti, 1938, page 213.

⁷ Там же, p. 214.

⁸ N. Jorga, page 217—218.

Борьба украинского народа с турецким нашествием как на территории Украины, так, особенно, на неприятельской территории имела исторически прогрессивное значение:

1) она сковывала военные силы Турции и тем самым ослабляла напор нашествия турок на Европу;

2) она развеяла миф о том, что Турция всегда будет воевать только «на вражеской» территории, ибо турки сильнее всех. Важное значение имело перенесение центра тяжести военных операций на неприятельскую территорию, разрушение его оборонительной системы вокруг Черного моря. Отважные морские и сухопутные походы казаков на берега Турции и Крыма показали возросшую силу сопротивления Украинского народа турецко-татарской агрессии.

В ходе этой борьбы запорожское казачество закалилось, накопило опыт, усовершенствовало свое боевое мастерство. Казачество в борьбе с турецким нашествием приобретало новые черты, оно выступало в роли защитника не только украинского, но и других народов Европы от турецкой опасности.

ХОТИНСКАЯ ВОЙНА 1621 ГОДА. РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ УКРАИНСКОГО НАРОДА В ВОЙНЕ. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХОТИНСКОЙ ВОЙНЫ

Хотинская война 1621 года является определенным переломным моментом в истории Османской империи.

Подобной войны не знала турецкая империя со дня своего основания, как по количеству участвовавших в ней войск, так и по размаху военных действий, по их результатам. Она развеяла миф о могуществе и непобедимости турок. Отныне турки перестали быть предметом непреодолимого ужаса для народов Европы и Азии. Неслыханное поражение, понесенное турками в Хотинской войне, вселяло в сердца поработанных народов уверенность в освобождении от турецкого гнета.

В 1620 году между Турцией и Польшей происходила война, известная в истории под названием Цецорской. Она, по сути дела, была начальным этапом Хотинской войны.

Перед началом этой войны, в феврале 1618 года в Турции произошел дворцовый переворот. Янычары низложили султана Мустафу I и возвели на престол старшего сына султана Ахмеда, молодого, воинственного Османа II. Весной того же года между Османом II и персидским шахом Аббасом было заключено перемирие. Султан, заключая перемирие с Персией, решил свести счеты с Польшей. Антипольское настроение среди военных кругов и особенно среди янычар росло с каждым днем. В Турции делались большие расходы на военные приготовления и увеличение армии. Осман II направил в Польшу орды татар.

Первым совершил поход Кантимир Мурза со своими белгородскими татарами. Вслед за тем на польские владения напали орды крымских татар во главе с калгой Девлет Тирем. Нападение татар на польский лагерь под Каменцем не имело успеха, но татары в течение полутора месяцев опустошили обширную территорию под Винницей, Баром, Тернополем, Синявцем, Дубнами и Львовом¹.

¹ А. А. Новосельский. Борьба московского государства с татарами в XVII веке, стр. 99.

В том же 1618 году на заседаниях сейма обсуждались вопросы внутреннего и международного положения Польши. На сейме было отмечено, что главная угроза Польше идет со стороны турок и татар, опасны и украинские казаки¹.

В Польшу прибыл персидский посланник (после заключения шахом перемирия с турками), который известил польское правительство, что шах Аббас намерен продолжать войну с Турцией и просил помощи в 12 000 казаков². Однако польское правительство не реагировало на это предложение. В Польшу составлялись проекты мирных договоров с Турцией и Крымом. Для переговоров в Стамбул был направлен Петр Ожга, а Олешко—в Крым. Однако попытка заключить мир не удалась. Турки готовились к войне, а не к миру с Польшей.

Татарские нападения на Польшу участились, особенно сильными были они в январе и апреле 1619 года.

В 1620 году Турция решила начать войну с Польшей. Придворные круги уверяли султана в необходимости ускорить войну с Польшей. Искендер-паша запугивал султана Османа II готовящимся морским походом казаков на 300 чайках³. Турки боялись, что запорожские казаки заставят их изменить планы и сроки начала войны.

Польское правительство, надеясь, как и раньше, на мирное урегулирование отношений с Турцией, послало в Константинополь Отфиновского, но султан отказался даже принять его. В Крым с той же целью был направлен Олешко. Но с ним обошлись еще хуже. Он был задержан и содержался как заключенный.

Только теперь в Польше поняли, что дело идет к войне. Станислав Жолкевский стал готовиться к ней. Но шляхетская Польша не имела ни времени, ни возможности собрать большую армию. На помощь запорожцев Польша не могла рассчитывать, ибо все мероприятия последних лет, направленные против казаков, оттолкнули последних, исключили возможность совместного выступления их с поляками против Турции.

Отважные запорожцы, предводительствуемые Петром Канашевичем-Сагайдачным, удачно разгромили татар под Перекопом (1620 г.), послали послов в Москву к русскому царю Михаилу Федоровичу. Посланцы гетмана Петра Сагайдачного сообщили о желании всего войска запорожского служить русскому правительству. Они говорили в Москве: «Прислали их все Запорожское войско, гетман Сагайдачной с товарищи, бити челом государю, объявляя свою службу, что

¹ Жерела, т. VIII, № 130.

² Fr. Suwara. Przyczyny i skutki kleski clocorskiej. Krakow, 1930, s. 23.

³ Жерела, т. VIII, № 138; Ф. Суваря. Указ. труд, стр. 67.

Оне все хотят ему, великому государю, служить головами своими попрежнему, как оне служили прежним великим российским государем, и в их государских повелениях были, и на недругов их ходили, и крымские улусы громили, а ныне они потому ж служат великому государю»¹. Посланцы сообщили еще, что казаки ходили под Перекоп в большом количестве, добились много татар, «и народ хрестьянской многой из рук татарских высвободили...»². В доказательство они представили двух «языков» и заявили, что «всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его царские милости к себе ныне и впредь искать хотят»³.

Всем посланцам запорожского войска были выданы подарки. Кроме подарков, посланцам была вручена грамота царя Михаила Федоровича гетману Петру Сагайдачному и всему войску запорожскому о посылке им жалования. В царской грамоте говорилось: «А вы и вперед нашему царскому величеству прямо и верно служите будете. И мы, великий государь, тебя, гетмана Петра, и все войско за то похваляем, что вы нынешние государские милости к себе поискали, и службу свою к нам, великому государю, оказываете, и вперед нам службу свою и раденье хотите оказывати»⁴.

Обращение запорожских казаков в Москву имело большое международное значение. Оно показало не только рост и могущество Русского государства, которое было притягательным центром для украинского народа, но и содействовало усилению и укреплению Запорожской Сечи.

Каждая из великих держав того времени по-разному относилась к запорожским казакам. Шляхетская Польша думала использовать запорожское войско для охраны границ своих владений, для отражения нашествия со стороны турок и татар. В то же время она сдерживала казаков от морских и сухопутных походов на Турцию и Крым.

Турки хотели уничтожить запорожское казачество, разгромить его как военную силу, чтобы беспрепятственно совершать свои опустошительные набеги на Украину.

Запорожские казаки ненавидели всех захватчиков, как турок и татар, так и шляхетскую Польшу. Казаки хотели положить конец опустошительным набегам восточных варваров и изгнать панскую Польшу со своей Родины — Украины. Все это можно было осуществить, опираясь на силу, могущую устоять против нашествия, которое шло со стороны Турции

¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. АН СССР, М., 1953, т. 1, док. № 1, стр. 3.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, д. № 1, стр. 5.

⁴ Там же, д. № 3, стр. 6—7.

и Крыма. Такой могучей силой было централизованное Русское государство.

В первых числах сентября 1620 года Станислав Жолкевский с немногочисленным войском перешел Днестр и двинулся вглубь Молдавии, под Яссы, чтобы соединиться с войском господаря Молдавии Грациани. С. Жолкевский расположился лагерем под Яссами, на Цецорских полях, и стал ожидать турок. Он имел 10 000 воинов, из них 7000 кавалерии.

Во второй половине сентября 1620 года туда же прибыл Искендер-паша с крымским ханом Джанибек Гиреем. Точных данных о количестве их войск, участвовавших в этой войне, нет. Ф. Суварка определяет численность турецкой армии в 30 000 человек, Станислав Жолкевский называет цифру в 60 000, а Матвей Титловский доводит ее до 107 тысяч. Наима определяет численность армии сторон следующим образом: Польша имела 53 000 человек, Осман имел армию в 100 000 человек¹. При всей разноречивости цифровых данных разных источников несомненным остается одно — силы турок превосходили польские.

Цецорская война была жестокая. На 17-й день она закончилась². В первых двух сражениях основные силы С. Жолкевского были разбиты. Грациани бежал с поля боя, но был пойман и убит, и голова его была отослана Искендеру-паше³. Гетману С. Жолкевскому, хотя и с трудом, удалось вырваться из окружения и дойти до Днестра, но он остался почти без войска. В польском лагере быстро наступил кризис. Преследуя Жолкевского, турки и орды татар беспощадно истребляли воинов польской армии и мирных жителей. В этой войне был убит Михаил Хмельницкий, отец Богдана Хмельницкого, а сам Богдан Хмельницкий попал к туркам в плен, где находился два года. Калиновский во время бегства утонул в Пруте, гетману С. Жолкевскому Кантимир Мурза отрубил голову. Голову С. Жолкевского носили напоказ в турецком лагере, а потом послали в Стамбул, где вывесили ее над дворцом султана. Ахмед Расим говорит, что за головой С. Жолкевского «прибыла его жена и просила ее, которую ей отдали»⁴. Конецпольский был взят в плен и заключен в Босфорскую тюрьму. Турки и татары захватили много вооружения, в том числе 120 пушек, тысячи возов с имуществом⁵.

Потери турок также были значительны. По свидетельству Матвея Титловского, они составляли около 30 000 человек⁶.

¹ Тарихи Наима, т. 2, стр. 190.

² Изучение Цецорской войны не входит в нашу задачу, мы лишь для связи берем некоторые моменты ее.

³ А. Расим, Указ. труд, т. I, стр. 565.

⁴ Там же, стр. 564.

⁵ Там же.

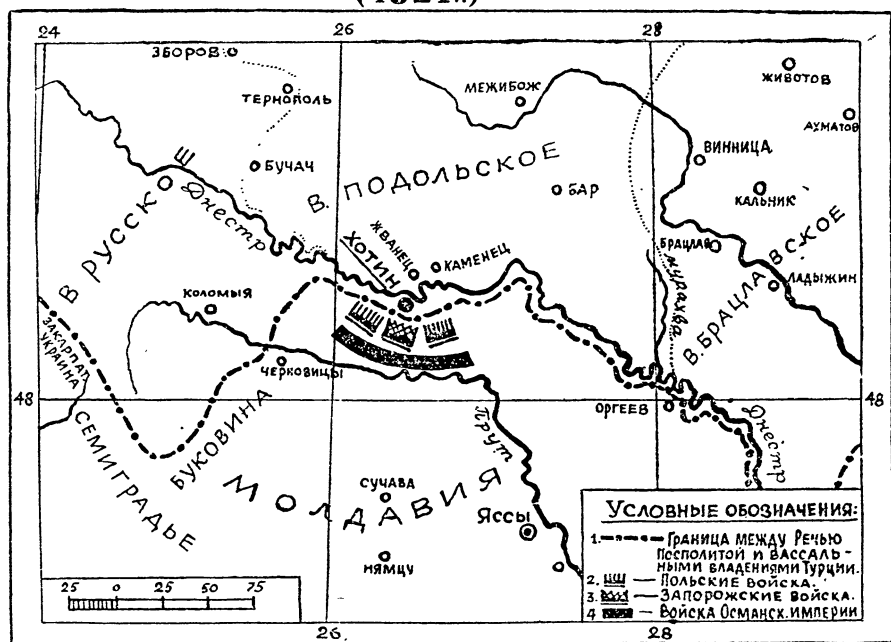
⁶ М. Титловский, Указ. труд, стр. 157.

Так окончилась под Яссами, в районе деревни Цецора, война между Турцией и Польшей.

«Причиной катастрофы, — говорит Ф. Сувара, — было полное разложение польской шляхты, включая ее предводителей»¹. Не отрицая наличия разложения польской шляхты, мы не можем согласиться с Ф. Суварой, что причиной поражения Польши был только этот фактор. Причин, приведших к поражению Польши в Цецорской войне, много. Но одна из главных, приведшая к катастрофе польской армии, — та, что поляки вели эту войну без участия запорожских казаков.

Разгромив армию Жолковского, турки и татары ворвались в глубь Украины, на Подолье, продвинулись к Львову и Перемышлю, совершая грабеж и насилие. Тогда против них вы-

ХОТИНСКАЯ ВОЙНА (1621г.)

ступили запорожские казаки. Часть казаков, громя неприятеля, вышла на границу Молдавии. Другая часть казаков вышла на крымское побережье и уничтожила 15 татарских местечек, в их числе Бодзек, Баксей, Зухарей, Земзу и др. Казаки уничтожили также 9 турецких галер. В этом крымском походе участвовало 15000 казаков².

¹ Fr. Suwara. Przyczyny i skutki., s. 113—114.

² Там же, стр. 113—114.

Между тем Осман II, окрыленный легкими победами под Цецорой, форсировал подготовку новой войны с Польшей. Султан хотел не только разгромить, но и поглотить Польшу¹.

Вопрос о причинах войны 1621 года является одним из нерешенных вопросов истории. Говоря о непосредственных причинах войны, исследователи выдвигают различные мотивы. Так, например, Яков Собеский пишет: «Первый повод к войне подали запорожские казаки, предпринимавшие целый ряд морских походов; они доводили султанов до бешенства нападением на их приморские города, опустошением и грабежом самых богатых турецких провинций в Европе и Азии»².

Совершенно другие мотивы выставляет И. Гаммер. Он пишет: «Главной причиной польской войны является предательство господаря Молдавии Грациани»³. Предательство заключалось в том, что Грациани, получив письма Бетлена Габурского, адресованные османскому правительству, сообщил казакам и Польше все то, что касалось их.

Иосиф Третьяк также останавливается на этом вопросе. Его мысли сводятся к следующему: в течение XVI столетия Польша находилась в дружественных отношениях с Турцией. Это объясняется тем, что она не представляла интереса для захвата ввиду ее бедности. Однако в конце XVI и начале XVII в. эти мирные отношения между Польшей и Турцией были испорчены тремя обстоятельствами. Во-первых, непрерывные нападения татар на польские владения; во-вторых, неопределенные отношения зависимости Молдавии от Турции с одной стороны и от Польши—с другой стороны. И, наконец, нападения запорожских казаков на турецкие владения⁴.

Последнее представляется нам, хотя на этот вопрос мы и ответили в предыдущих разделах, весьма существенным. Усиление и укрепление запорожского войска как крупной военной силы, способной вести не только оборонительные войны, но и наступательные, изменило обстановку в Восточной Европе не в пользу турок. Поэтому ясно, что Турция обязана была концентрировать свое главное внимание теперь в этом направлении.

Не подлежит никакому сомнению, что именно запорожские казаки положили предел наступательным, опустошительным набегам турецко-татарских агрессоров. Не случаен тот факт, что постоянным пунктом переговоров между турками и поляками стал казацкий вопрос, вопрос о том, как быть с

¹ М. Титловский. Указ. труд, стр. 159.

² История Хотинской войны Якова Собеского. См. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, Киев, 1896, стр. 46.

³ И. Гаммер. Указ. труд, т. VIII, стр. 188 (на турецком языке). В дальн. И. Гаммер, т. VIII, а если будет ссылка на J. Gammer, Bd. IV, (и др.), это значит—цитируется немецкое издание.

⁴ J. Tretiak, s. 12.

казаками. Турки хорошо видели военную силу запорожских казаков, опасную для Турции и вассальных ей сторон.

Касаясь вопроса о намерении султана вести войну с Польшей, проф. Н. А. Смирнов не совсем верно указывает сроки войны и количество турецкого войска. «Султан,—говорит Н. А. Смирнов,—решил создать армию в 700 тысяч, чтобы вести с Польшей войну в течение 10 лет. Узнав об этом, польский король запросил мира. Ходатаями за него выступили Цесарь и французский король. Они рекомендовали мир с Польшей и войну с Россией. Однако султан в этой просьбе отказал, заявив, что с Польшей у него мира не будет»¹.

В том, что султан Осман II усиленно готовился к войне с Польшей, нет никакого сомнения, но собиравался ли он воевать с Польшей 10 лет и это ли намерение султана послужило причиной для Польши просить мира у турок? Эти вопросы Н. А. Смирновым были поставлены в виде тезисов, но не разрешены.

Ответ на эти вопросы дают сами события первых двух десятилетий XVII века. Как известно, в это время турки и поляки вели тяжелые войны: первые — с Персией и Польшей; вторые — с Русским государством и турками. Войны истощали ресурсы этих стран, усиливали в них недовольство широких народных масс, и самое главное — войны теперь не служили источником обогащения и прочных захватов, как это было раньше. Кроме того, внутреннее положение Турции, а равно и Польши, было тяжелое. В шляхетской Польше бушевали казацко-крестьянские восстания. Турция была охвачена пожарами восстания Кара Языджи-дели Хасана в период с конца XVI в. и в течение первой четверти XVII в. Поэтому не в интересах Турции были непрерывные длительные военные действия против Польши, да и результаты Цецорской войны не предполагали необходимости таковых. Турки стремились выправить свое неустойчивое внутреннее положение и добиться военных и политических успехов путем новых *быстрых* войн. Длительная, тем более 10-летняя, война не входила в их планы.

Польша не только в это время, но и раньше старалась различными путями и средствами избежать войны с Турцией. Об этом говорят многочисленные и унижительные обязательства Польши по выплате туркам и татарам ежегодной дани, об «Обуздании» запорожских казаков, даже об уничтожении их далеко не мощного, самодельного флота и т. п. Шляхетская Польша после московского похода 1618 года готова была заключить с турками и крымскими татарами какой

¹ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 2, М., 1946, стр. 12.

угодно договор, лишь бы обеспечить мир на границах своих владений. Особенно после цецорской катастрофы 1620 года деятели шляхетской Польши не могли мечтать о чем-либо другом, кроме мира с турками.

Осман II действительно намеревался собрать большую армию, ибо это соответствовало его планам молниеносной войны. Султан никак не мог думать о длительной войне. Этого не позволяло ему ни внутреннее, ни международное положение Турции. Мир с Персией был далеко не прочным. Персы искали удобного момента и надежных союзников, чтобы ударить по туркам. Непрочным было положение Турции и в оккупированных европейских странах. Турки могли лишь некоторыми молниеносными военными успехами создать иллюзию своего уже пошатнувшегося могущества.

В период подготовки к войне Осман II придавал большое значение моральным факторам. Об этом свидетельствовали посылки дервишей по мусульманским странам, широко рекламированные поездки султана по стране для инспектирования и проверки войсковых частей, его многообещающие речи, щедрое награждение военачальников золотом и другими драгоценностями и т. д.¹

Великий визирь Али-паша, с одной стороны, занимался накоплением денег, с другой — подстрекательством султана к войне с Польшей. Осман II мысленно уже владел Польшей, распределяя ее города, замки между визирями, бейлербеями как несомненную добычу. По выражению одного из иностранных послов, молодой Осман «заранее делил шкуру льва, еще не убивши его». «Решено было,—пишет Крымский,—мобилизовать возможно сильнейшую сухопутную турецкую армию из всех частей света: Европы, Азии, Африки, чтобы завоевать Польшу и раз навсегда с нею покончить»².

Смещение многих бейлербеев, новая расстановка сил в стране, многочисленные и суровые фирманы также говорили о том, что султан готовится к большой войне. Вместо внезапно умершего Али-паши великим визирем был назначен Хусейн-паша. И, наконец, Осман II приказал убить своего брата Шахзаду Мухаммеда³.

После этого султан безоговорочно принял решение о хотинском походе. Перед султанским дворцом было поднято государственное знамя Турции. «Бунчук из конской гривы, поставленный перед дворцом, означал, что Осман лично примет участие в предстоящей войне»⁴. Он приказал объ-

¹ А. Расим. Указ. труд. т. I, стр. 557—558.

² А. Е. Крымский. ГПБ АН УССР, отдел рукописей, д. 25239, л. 28.

³ А. Расим. Указ. труд. т. I, стр. 566.

⁴ Яков Собеский. Указ. труд, стр. 50.

явить во всех эйялетах империи о войне с Польшей. Все мужчины, проживавшие в пределах империи, обязаны были принимать участие в этой войне.

Турция постепенно превращалась в могучий военный лагерь. Чего не хватало для военных приготовлений в самой Турции, то закупалось в далеких странах, несмотря на тяжелые для страны расходы. Турки приказали болгарам и молдаванам построить мост через Дунай.

В вопросе о войне с Польшей не было единства в Диване. Осман II имел против себя сильную оппозицию. Некоторые скрыто, а некоторые открыто выражали недовольство стремлением султана развязать войну с Польшей. На совете у султана более опытные и влиятельные деятели страны старались отговорить последнего от похода против Польши. Они опасались, что с возникновением войны с Польшей персы нарушат мир, а казаки усилят свои морские походы. Персы, доказывали они, уже беспокоят границы Турции и могут начать войну, узнав о беззащитности государства. На это султан ответил, что не изменит принятого решения, «даже в том случае, если бы персидский шах был в 10-дневном пути от Константинополя»¹. Султану высказали также опасения, что украинские казаки, договорившись с христианскими жителями страны, могут напасть на столицу империи. На это султан ответил: «В таком случае нужно перед походом из Константинополя вырезать всех христиан в столице»². В это время Константинополь был большим и многолюдным городом. Он насчитывал около 100 тысяч жителей. Тогда придворные обратили внимание султана на то, что подобные мероприятия вовлекли бы Турцию в войну со многими государствами Европы. Хотя на этот раз султан умолк, но вышел сердитым из Дивана.

В другой раз, когда шел разговор о войне с Польшей, ряд членов Дивана указывал, что она будет длительной, трудной и едва ли принесет славу могучему султану. Но Осман II был глух к этим советам. В гневе бросался на всех, как разъяренный тигр. «Визирь Мустафа, усиленно высказывавший невозможность победы, получил рану ножом от руки самого Османа II»³.

Молодой Осман II с уверенностью в успех дела готовился к войне, которая должна была расширить границы государства, а имя молодого властелина «навсегда покрыть вечной славой». Он не только хотел бросить на Польшу все вооруженные силы Турции, но сам решил стать во главе армии, желая в этом подражать своим предкам, в особенности султану Сулейману. Конечно, в этом было много фатального,

¹ Jozef Tretiak, s. 91.

² Там же, s. 91.

³ Я. Собеский, Указ. труд, стр. 50.

ибо в Турции периода правления Османа II не было ничего похожего на Турцию времен Махмеда и Сулеймана.

Хотя внешне Турция выглядела благополучно, но внутри она уже разлагалась. Агрессия и коррупция подтачивали ее силы. «Агрессия и продажность,—говорит Третьяк,—становились второй религией турок»¹.

Турки усилили охрану черноморского побережья. Было решено направить на Черное море 40 галер под командованием капудана-паши. Последний, боясь казаков, всеми силами пытался отказаться от командования, а турецкие солдаты так боялись морской встречи с казаками, что их нужно было палками загонять на галеры, которые отправлялись против казаков. Сам султан также больше всего опасался казаков и стремился к их физическому истреблению. Али-паша и Халил-паша получили приказ охранять турецкие морские караваны, перевозившие по Черному морю войско, артиллерию; боеприпасы.

Опасение турок было не случайным. В первой половине мая в районе Днестра внезапно появились запорожские казаки. Халил-паша, вступив в бой с казацкими челнами, потопил 5 и захватил 18. Турки захватили около 200 казаков и зверски замучили их: часть казаков янычары посадили на кол, часть убили из лука, некоторых растоптали слонами, остальных вешали и рубили на части. Все это происходило на глазах кровожадного султана, который давал щедрые подарки тому, кто приносил казацкие головы.

Турецким войскам было приказано собираться возле Константинополя, 29 апреля в лагерь под Константинополь отправился Осман II с войском—янычарами, сипахами. Шесты тысяч верблюдов везли деньги и провиант войскам. Несколько дней султан находился в этом лагере, а затем отправился со всем войском в Адрианополь. Под Адрианополем султан произвел смотр войска. В его присутствии производилась «выборочная стрельба» из различных видов оружия. Отличившиеся получали подарки. «Все слабые,—говорит Кятиб Челяби,—заменялись сильными, все старые—молодыми»².

В начале июня турецкая армия через Балканы отправилась в поход к Дунаю. Этот путь был трудным для огромной армии. Подошедшие к Дунаю войска остановились, так как не было моста. Ожидая переправы, Осман II занимался войсковыми маневрами. Сам он тренировался в стрельбе из лука. Сюда стали посылать пленников. Им предлагали принять ислам, а в случае отказа угрожали отрубить голову. Желających принять ислам не было³. С пленниками обращались крайне

¹ Jozef Tretiak, s. 87.

² К. Челяби, Фезлеке, л. 159.

³ J. Tretiak, s. 99.

зверски. Взятых в плен казаков, в кандалах подводили к султану, часть из них он сам пронизывал стрелами, а часть отдавал янычарам как мишени при стрельбе из лука; других приказывал закапывать живьем в землю, давить слонами, разрывать на части, рубить пополам.

Для защиты устья Дуная против казаков был отправлен капудан-паша, но казаки его обошли и сожгли небольшой город Ахиоль. 12 казацких лодок дошли до Босфора, наводя страх на жителей Константинополя. Многие собирались покинуть город. Каймакан-паша—помощник великого визиря, Бостанчи-паша—начальник дворцовой охраны начали собирать войска для защиты Босфора от казаков. Имея 3 галеры и 40 небольших кораблей, турки не решались напасть на 16 казацких чаек и позволили казакам разрушить деревушку у себя на глазах.

Бейлербеи Очакова, Кафы поджидали возвращения казаков. Капудан-паша послал значительный флот против них. Произошел ряд сражений.

У турок хорошо была организована разведка, доставлявшая сведения о противнике, добывавшая языков. На границу в специальных разведывательных целях был послан также Сланикейский бей Абдул Керим-паша (у Ахмед Расима—Абдулла-паша).

В период подготовки к войне Осман II широко использовал православную церковь. В Польшу и на Украину было отправлено 12 шпионов с письмом патриарха, чтобы они возбуждали православных против короля¹.

В различные части империи были посланы особо доверенные лица султана для мобилизации людей, реквизиции продуктов, транспорта, лошадей, мулов, верблюдов и т. п. Тысячи деревней разъехались по городам и деревням империи, агитируя население за войну против Польши. Страна приняла вид военного лагеря.

Осман II надел панцирь султана Сулеймана, старался во всем ему подражать. По жестокости он был достоин своих предков. Гордость его не имела пределов; он воображал себя властителем всего мира, полагал, что его могущество беспредельно.

Закончив проверку частей, султан приступил к войсковым маневрам. Из султанской казны войскам раздавались денежные подарки. Все полки прошли перед глазами Османа II. Выступая перед армией, султан обещал ей «победу и добычу».

По свидетельству бежавшего из турецкой неволи Юрия Ворощкого, на 16 июля султан имел армию в составе 75 000

¹ J. Tretiak, s. 98.

турок, 30 000 арабов, 47 000 греков и других немусульман, 10 000 янычар, 260 орудий¹. С каждым днем количество войск и средств передвижения увеличивалось. Насчет численности турецкой армии имеется большая путаница. Так, например, Гильом Левассер де Боплан безоговорочно утверждает, что Осман II в 1621 году выступил против Польши с войсками в 600000 человек². Подобного рода преувеличенные данные встречаются и в других трудах. Более реальные данные о количестве турецкой армии имеются лишь в некоторых источниках. По данным турецких источников, султан под Хотиним имел 200 000 войска без татар³. Что касается татар, то почти все историки указывают, что хан крымский Джанибек Гирей прибыл под Хотин с пятьюдесятьютысячною ордою.

Если оставить без внимания сообщения различных лиц (бежавших от турок) о прибытии пополнений к султанскому лагерю под Хотин, то можно сказать, что против поляков и казаков под Хотиним стояла более чем 250000 армия. Она была хорошо вооружена, одета и обута. Многие из воинов султана и орды хана имели большой военный опыт. Кроме того, на вооружении турецкой армии было более 300 пушек крупного и среднего калибра, огромное количество верблюдов, мулов, лошадей и слонов.

Подготовка и переброска огромной армии, боеприпасов, вооружений, животных требовали времени и большого количества кораблей, чтобы морем доставить все это в район Днестра. Бассейн Черного моря был опасным местом для турок: на караваны турецких кораблей нападали запорожские и донские казаки.

11 июля 1621 года запорожские казаки были на море. Халил-паша, находившийся в Килии, узнал о приближении казацких чаек и направил против них 150 кораблей. В морском бою казаки разгромили турок. Затем казаки имели сражение с ордой Кантимира Мурзы в районе Прута и нанесли ей большой удар. Султан Осман, узнав об этих поражениях, пришел в ярость. В это же время казаки угрожали турецкой столице. Боясь, что они могут захватить Стамбул, визири и улемы советовали султану возвратиться в столицу. В конце августа запорожцы действительно появились в окрестностях Константинополя⁴.

Казаки своими систематическими действиями мешали Осману II осуществить свой план летнего наступления.

В начале июля мост на Дунае был готов, и армия султана, к которой присоединился бейлербей Анатолии, начала пе-

¹ Жерела до истории Украины—Руси, Львов. 1908, д. № 144, стр. 225.

² Г. Боплан. См. Мемуары, вып. II, стр. 324.

³ К. Челяби. Указ. труд, л. 160. Наима. Указ. труд, т. 2, стр. 193, А. Расим. Указ. труд, т. 1, стр. 567.

⁴ Жерела, т. VIII, № 146, стр. 228, 230—231.

реправу. Осману II советовали оставаться с частью войска здесь, не переправляясь через Дунай. Это предложение было отклонено.

В конце августа, закончив все военные приготовления, султан расположил свои войска лагерем в заранее выбранном месте на Днестре. Султанские войска были разбиты на три группы: правую, левую и центральную. Справа к реке расположились бейлербеи: Диарбекира, Анатолии, Сиваса со своими войсками; в центре янычары, сипахи; слева сконцентрированы были орды крымских татар и остальные полки из подвластных стран.

Турецкое правительство твердо не знало, примет ли запорожское войско участие в этой войне совместно с поляками или же, как в Цецорской войне, Турция будет иметь дело только с одной Польшей, без казаков.

Осман II, готовясь к войне с Польшей, старался скрыть истинные цели войны, ввести в заблуждение как казаков, так и польское правительство. Готовящаяся война с Польшей изображалась, турками, как война из-за дани татарам или же только из-за молдавских дел. В действительности же султан рассчитывал сначала воевать с Польшей, разгромить ее, а затем обрушиться на казаков, уничтожить их.

Один из участников Хотинской войны, Яков Собеский так рассказывает о появлении диких полчищ молодого тирана—султана Османа II на Днестре. «Наступил день, памятный полякам на вечные времена, когда появились несметные полчища султана Османа и хана Джанибек Гирея, собранные из многочисленных областей и народов. По мановению могучего властелина явились на Днестре неожиданные гости от берегов Евфрата, Нила и соседнего Дуная; Азия и Африка, словно поколебленные в своих основах, готовились ринуться на Подолию. Бесчисленные и разноплеменные войска шли к сарматским границам, где иное небо, иной климат, иной характер природы, где все, одним словом, поражало взоры пришельцев»¹.

Еще свежи были в памяти поляков результаты цецорской катастрофы. Королевская казна была пуста. Польские войска во главе с лучшими полководцами были разгромлены. Рассчитывать на помощь европейских держав в войне с турками Польша в это время не могла. Война надвигалась неминуемая, неизбежная. Долгие молитвы в костелах не пополнили пустую казну и не могли успокоить нервы шляхты.

Для подготовки страны к обороне в первую очередь нужно было пополнить королевскую казну. Естественно возник вопрос о введении военных налогов. Были введены новые тяжелые налоги, которых Польша раньше не знала.

¹ Я. Собеский. Указ. труд. Мемуары, вып. II, стр. 67.

В начале в Польше думали собрать 60000 войско. После длительных дискуссий в сейме состав регулярного войска был определен в 35—36 тысяч человек. Существовало еще два источника возможной помощи: помощь европейских стран и помощь запорожских казаков.

На варшавском сейме обсуждался вопрос о выборе главнокомандующего. Сначала было три кандидатуры: Любомирский, Сборажский и Замойский. По установленному в Польше порядку, должность главнокомандующего принадлежала великому коронному гетману, а в его отсутствие—гетману полному коронному. Но в Цецорской битве великий коронный гетман Жолкевский погиб, а полный коронный гетман—Конецпольский был взят в плен турками. Положение было серьезное. Польша стояла перед лицом грозного врага. Необходимо было вверить судьбу страны опытному полководцу и политически зрелому человеку. Выбор пал на Карла Ходкевича, воеводу Виленского и гетмана великого княжества литовского. Первые три кандидатуры отпали. Помощником главнокомандующего был назначен исполняющий должность полного гетмана Станислав Любомирский. Затем сейм назначил комиссаров, из коих одни должны были оставаться при королевском дворе в качестве военных советников, а другие должны были сопровождать войско. В числе последних были Михаил Синявский, Матвей Лесковский, граф Михаил Тарновский, Яков Собеский и др. В их полномочия входило: беречь военную казну, уплачивать жалование солдатам, вести мирные переговоры, заключать перемирие. Все они входили в военный совет армии.

Польское правительство отправило послов в страны Западной Европы и к папе римскому в надежде получить широкую помощь. К папе римскому был послан секретарь короля Граховский, который просил у папы денежную помощь, и, прежде всего, того, чтобы он, папа, склонил короля испанского, французского и итальянских князей оказать помощь Польше в войне с турками.

Могла ли Польша организовать коалицию против турок? Вероятно, нет. Во-первых потому, что она не располагала денежными средствами, во-вторых, социально-экономические изменения, происходившие в Англии, Франции, исключали возможность союза с Польшей. Папа обещал королевскому секретарю ежемесячную денежную помощь в размере 10 000 злотых. Это было только обещание; но если бы его и выполнил папа, оно не изменило бы положения, ибо месячный расход на содержание армии составлял около одного миллиона злотых. Что же касается помощи других возможных союзников, то большинство из них были заняты главным образом своими внутренними делами. Французы поддерживали дружественные отношения с турками. Англия тоже скорее оказа-

ла бы помощь туркам, чем Польше. Европейские монархи отказали Польше в помощи в предстоящей войне с турками и татарами, они ограничились лишь добрыми пожеланиями.

Третьяк говорит, что Польша могла бы организовать коалицию против турок, если бы занималась длительное время этим делом¹. Третьяк выдвигает на первый план фактор времени и религиозный мотив—«война веры против веры». В этом вопросе Третьяк целиком и полностью находится в плену положений Якова Собеского. Последний пишет: «Все христианство извещено было о предстоящей войне за веру и предложен общий союз против общего врага. Справедливость требовала, чтобы монархи, находившиеся во главе христианского рыцарства, не одними пожеланиями, но действительными подкреплениями помогли Польше, чтобы все те, кто носит имя христианина, соединенными усилиями оказали поддержку нашему государству, стоящему на страже христианского мира, как бы щит от язычников»². Конечно, не религиозные мотивы, а социально-экономические и политические факторы играли главную роль в решении вопроса, поддержать или не поддерживать Польшу против турок.

Плохо обстояло дело и с вербовкой регулярных войск, с авансированием на вооружение и боеприпасы. Поэтому привлечение казаков становилось прямой необходимостью. Польское правительство придавало исключительно большое значение вовлечению казаков в войну с турками на стороне Польши. Однако в польских правящих кругах опасались, что запорожские казаки, которые были недовольны решениями Ольшанской (октябрь 1617 г.) и Ростовицкой (октябрь 1619 г.) комиссий и репрессиями против православной церкви, не согласятся на это.

Хотя в Польше хорошо понимали, что казаки недовольны мероприятиями короля Сигизмунда III, направленными против них, но надеялись на то, что они не откажутся выступить в защиту страны от ненавистных турок и татар. Поэтому не требовалась большая подготовка для заключения соглашения с казаками о совместном выступлении против неприятеля.

Проводя против запорожцев агрессивные мероприятия, польское правительство вызывало недовольство и протест со стороны казацкой массы. Однако для борьбы с агрессией турок и татар украинские казаки всегда были готовы забыть обиды.

Украинское казачество понимало, какую цель преследуют турки в войне 1621 года.

Наивно было думать, что турки и татары, захватив Польшу, пощадили бы Украину. Как было сказано выше, турки и

¹ J. Tretiak, S. 60.

² Я. Собеский. Указ. труд, стр. 50.

татары на протяжении длительного времени в своих официальных письмах к польскому правительству и к отдельным государственным деятелям Польши, в официальных дипломатических переговорах и актах подчеркивали подвластность украинского казачества Польше. Это им нужно было не только для того, чтобы найти повод разгромить Польшу, но и для того, чтобы попутно решить и украинский вопрос.

Украинские казаки правильно понимали замыслы турецко-татарских агрессоров, поэтому они готовились к войне более организованно, чем когда-либо, независимо от того, будут ли они воевать с неприятелем самостоятельно или совместно с поляками.

Сигизмунд III посылает В. Обалховского с предложением и просьбой к патриарху Феофану, человеку, пользующемуся среди казаков популярностью, склонить казаков помочь королю в войне. Получив королевское предложение, Феофан обратился к казакам с письмом, призывая их идти на помощь королю.

Для обсуждения предложения Феофана 15 июня 1621 года была собрана казацкая Рада в Сухой Дубраве. Кроме казаков, в Раде принимали участие митрополит Иов Борецкий, епископ Курцевич и др. Иов Борецкий, окруженный тремястами попами и пятьюдесятью монахами, просил казаков помочь Польше в войне с «бусурманами». То же самое сказал выступивший на Раде Петр Сагайдачный¹. Казаки торжественно обещали помочь в войне против турок. На следующий день Рада приняла польского посла Обалховского, сообщив решение казаков.

Рада постановила послать послов к королю с просьбой уладить религиозный вопрос, отменить универсалы, изданные за последнее время против православной церкви, дать гарантии по другим вопросам. Казаки выбрали посольство в Варшаву, в состав которого вошел Петр Сагайдачный. Посольство было принято очень тепло и даже торжественно. Но король на требования послов дал уклончивый ответ, не обещая ничего определенного. Король был вообще против восстановления прав православной церкви. Однако Яков Собеский уверяет, что Петр Сагайдачный был доволен результатами посольства. «Канашевич, — пишет он, — возвратился из Варшавы, куда ездил в посольство к королю, и привез для своих желанный ответ и верную надежду на прибытие казаков в стан Ходкевича»².

Известие о решении запорожского казачества участвовать в войне против Турции расстраивало планы Османа II. Турки старались помешать этому союзу, вбить клин между

¹ J. Tretiak, s. 80—81.

² Я. Собеский. Указ. труд, стр. 58.

казаками и Польшей, концентрировали все свои силы на Днестре, спешили выиграть время.

Имеются данные, свидетельствующие о том, что «раньше, чем казаки соединились с поляками при Хотине, от султана они получили предложение соединиться с турками; казакам обещано было, в случае завоевания польской державы, дать всякие льготы и представить им, как столицу казачества, на выбор—или Киев, или Каменец-Подольск. Предложение... это не было Сагайдачным принято»¹. Петр Сагайдачный хорошо понимал, чего добивался турецкий султан: бить своих противников поодиночке.

В войсках Ходкевича была немецкая пехота, венгерская и польская легкая и тяжелая конница. Эта армия была наскоро собрана, плохо снаряжена и насчитывала около 35 000 человек. По данным турецких историков, королевич Владислав в своем лагере под Хотином имел 40 000 войска². Имеются и другие данные. Матвей Титловский уверяет, что Ходкевич в своем лагере имел войска: «конницы в латах железных с копиями 10 000, панцирных 3 000, казаков с гетманом казакским Петром Сагайдачным 40 000, пехоты польской 30 000, прусов и помаранцев 50 000, венгров платных 3 000, всего 136 000. С тем войском, переправляясь через Днестр, в волоской земле, недалеко от города Хотина; на месте пристойном, последняго числа августа, свои обозы поставил, перваго числа сентября окопами и рвами укрепил»³. Таким образом, получается, что в польском лагере под Хотином без казаков было 96-тысячное войско. В действительности польское командование имело, не считая казаков, не более 35 000 войска. Самые достоверные данные, на наш взгляд, имеются у современника, участника войны, королевского комиссара Собеского, который указывает, что К. Ходкевич имел под своим командованием всего 34 987 человек⁴.

В последних числах мая польское войско во главе с Любомирским прибыло в Скалу⁵ и расположилось лагерем по берегу р. Збруча. Отсюда посылались разведчики, чтобы раздобыть сведения о противнике, о его войске и вооружении. Выделены были люди для изучения местности, остальные занимались войсковыми приготовлениями. Сюда же к Любомирскому вскоре явился К. Ходкевич с литовским войском. Необходимо было всем войском перейти за Днестр. Но прибыв на берег Днестра под Хотином, польские войска не смогли переправиться из-за отсутствия моста, постройка которого была начата с большим опозданием. Построить мост

¹ ГПБ АН УССР, отд. рукописей, д. 25239, л. 28.

² К. Челяби. Фезлеке, л. 160; Наима. Указ. труд, т. 2, стр. 191.

³ М. Титловский, Указ. труд, стр. 164.

⁴ Я. Собеский, Указ. труд, стр. 52.

⁵ Скала—местечко на берегу р. Збруча.

через скалистый Днестр оказалось делом трудным. Эту задачу решил один «русин», и вскоре мост был готов.

Вначале Ходкевич опасался переходить Днестр с войсками. Во-первых, казаки ультимативно объявили ему, «что присоединятся к польскому войску лишь после вступления его в Молдавию; они опасались, чтобы, в случае примирения Речи Посполитой с Турцией, все могущество врагов не обрушилось на них самих»¹. Во-вторых, наблюдалось неустойчивое положение в самом лагере Ходкевича, волнение среди солдат из-за невыплаты жалования и стремление солдат подждать с переправой до похода запорожских казаков. Ходкевич решил все же переправить свои войска через Днестр.

21 августа в польский лагерь прибыл Петр Сагайдачный. Он был встречен польским командованием торжественно, с подарками. После совещания Петр Сагайдачный по пути к казакам, расположенным в районе Могилева на Днестре, натолкнулся на турецкий лагерь, едва избежав смерти. Перед казаками на Раде выступил Сагайдачный с отчетом о результатах переговоров с польским гетманом в Хотинском лагере. С тяжелыми боями он стал пробиваться на соединение с Ходкевичем.

Пока Ходкевич ожидал появления казаков во главе с Сагайдачным, турки также ждали прибытия татарского хана Джанибек Гирея с татарами. В «Фезлеке» говорится, что султан получил от татарского хана письмо, в котором тот сообщил, что с войском около 50 000 человек он вступил в бой с казаками и якобы много их уничтожил, а остальных взял в плен². Видимо, поэтому до польского лагеря дошли ложные слухи о том, что запорожцы якобы вовсе не придут. Очевидец следующим образом описывает панику, охватившую весь польский лагерь: «Пронесся слух, будто запорожцы совсем не придут; стчаяние выражалось на лицах солдат и старшин; головы опустились; слышен был тихий ропот, когда печальная новость передавалась по палаткам»³.

«Авторитетные лица», посланные из лагеря Ходкевича, чтобы узнать, где казаки, что с ними, находясь в плену ложных слухов, доносили, что татары⁴ отрезали путь приближавшимся казакам. На самом же деле запорожские полки, преодолевая сопротивление татар, двигались вперед. Они нанесли татарам чувствительные удары, об этом был осведомлен визирь Османа II. Поэтому татарский хан опасался встречи с султаном. Но султан встретил его подарками.

Когда запорожские казаки подошли к польскому лагерю,

¹ Я. Собеский. Указ. труд, стр. 55.

² К. Челяби. Фезлеке, л. 160.

³ Я. Собеский. Указ труд, стр. 63.

⁴ В одних источниках сказано татары, в других турки, в целом же речь идет о турецкой армии.

трубач подал сигнал, и предводители начали строить войска в боевой порядок для встречи казаков. Королевский комиссар не мог скрыть радости, вызванной появлением казаков. Они появились в лагере в то время, когда Кантимир Мурза со своими ордами наводил страх на польский лагерь¹. Прибытие казаков прибавило польскому войску немало отваги. Все, от гетмана до солдата, воспрянули духом, укрепилась надежда на победу.

Запорожских казаков под Хотином было около 42 000, в составе 13 полков². Кроме того, как указывается в летописях, в подчинении Петра Сагайдачного находилось 6 000 реестровых казаков³. Однако Яков Собеский и вслед за ним И. Третьяк, явно извращая факты, утверждают, что под Хотином «запорожских казаков насчитывалось до 30 000...», притом якобы «большая часть их, выйдя из пределов Польши, уклонилась от Хотинской войны». Эти утверждения не соответствуют фактам. Согласно решениям польского правительства казаки должны были обеспечить себя всем — вооружением, конями, питанием, фуражом и т. д. По пути в лагерь казакам приходилось заниматься сбором провианта. Для этого они должны были останавливаться в населенных пунктах и, разъяснив народу положение, получать нужное количество продуктов. Все это требовало немало времени. Естественно, что казаки подходили в лагерь вплоть до начала военных действий.

**
*

Польское войско расположилось под Хотином следующим образом: лагерь раскинулся в направлении с северо-запада на юго-восток. Фронтом он был обращен на запад и юго-запад, а тылом прилегал к хотинскому замку и берегам Днестра. Польское войско в составе 9 полков было разделено на две группы и расположено по флангам. Правым крылом (северным) командовал Любомирский, левым крылом (южным) командовал сам Ходкевич, впереди стоял казацкий табор. Таким образом, на самом опасном и на самом ответственном участке лагеря были расположены запорожские полки.

Закончив все приготовления, Карл Ходкевич призвал солдат быть бесстрашными, храбрыми и отважными. «Пусть нас не тревожат эти шатры, которые вы видите разбитыми для удовлетворения тщеславия тирана и для возбуждения в вас страха,—говорил он, обращаясь к войскам,—большинство из

¹ Кантимир Мурза прибыл со своей ордой в 7000 человек под Хотин раньше турецкой армии.

² Жерела, т. VIII, № 51, стр. 250.

³ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, Киев, 1888, стр. 5; Летопись Г. Грабянки, Киев, 1854, стр. 26.

них пусты и поставлены только напоказ. Не думайте, чтобы слоны и верблюды составляли боевую силу; они слишком обременены вьюками и гнутся под их тяжестью. Считайте бессильными, ничтожными тенями эти толпы азиатов — слабые духом и силами, изнеженные роскошью, подобные толпам женщин. Не устоять им при первом звуке польской трубы, при первом залпе вашего оружия, ибо вы природные сарматы, воспитанники могучего Марса...»¹.

Лицом к лицу стояли две армии — одна подготовленная для наступления, другая — для отражения этого наступления.

Но ослабленная в предыдущих войнах Польша не могла рассчитывать на победу своими силами, и все ее расчеты были построены в этой войне в надежде на помощь казаков. Поэтому Ходкевич предполагал за спиной запорожских казаков «держаться в оборонительном положении и осторожно выжидать военного счастья. Вся его боевая сила заключалась в шанцах, из-за которых он рассчитывал безопасно обстреливать неприятеля, равно как с неравными силами выдерживать их приступы»². Польское командование до самого конца войны придерживалось этой тактики. Петр Сагайдачный и все казацкие полковники стояли на иной позиции, а именно: активная оборона в сочетании с решительным контр-наступлением, наступление с учетом выбора времени и места, разрушительная атака днем и ночью, рассчитанная на истребление живой силы неприятеля. Все это давало возможность ослабить, а потом и разгромить противника. Ряд ценных начинаний Сагайдачного неизменно встречал противодействие со стороны польского командования, вернее говоря, со стороны Ходкевича. Поэтому П. Сагайдачному с самого начала кампании приходилось проводить свои военные операции почти самостоятельно, силами казаков. Карл Ходкевич вместо поддержки его начинаний часто оставлял казаков в беде, был причиной многих лишних жертв запорожцев. Он хотя и хорошо знал Петра Сагайдачного как талантливого полководца, общественного деятеля, но не хотел признать его равным себе, представителю «благородных семей» и «законных властей».

Во время Хотинской войны слава Сагайдачного с каждым днем возрастала. Это был человек «смелый умом, искавший опасности, пренебрегавший жизнью, первый в нападении, а в отступлении последний; рука его никогда не давала промаха; он был бдителен в лагере, не любил изнеженности»³.

Запорожские казаки не были похожи ни на солдат польской армии, ни на турок и татар. Они имели мужественный,

¹ Я. Собеский, Указ. труд, стр. 70.

² Там же, стр. 74—75.

³ Там же, стр. 59.

суровый вид, переносили все невзгоды. Это были люди, призванные самой жизнью стать стальными воинами, с ясным умом, умением распознавать замыслы неприятеля. Этим они отличались от войск многих стран того времени.

В турецком лагере все выглядело иначе. Султанская гвардия—янычары—имела вид парадного войска в прекрасных одеждах. Турецкая конница, сиявшая роскошными уборами, поражала взоры наблюдателей, представляя прекрасное зрелище. Кроме того, было большое количество персонала, обслуживающего огромное войско султана, включая гадалок и мулл. Турецкий лагерь ослеплял своим блеском и пышностью. Даже орды татар на этот раз, в отличие от обычных походов, имели иной вид. Джанибек Гирей и Кантемир Мурза походили на маленьких царей.

Осман II предсказывал своим войскам верную победу и полное истребление неприятельского войска. Он вынашивал планы молниеносной войны. Верный себе, султан «покаялся ничему не есть, пока не отправит в ад к ужину всех поляков до последнего, явил пример, невиданный и неслыханный до того в истории военных действий, а именно: едва завидев наши силы,—пишет очевидец,—и не давши отдыха своим войскам, усталым от похода, он давал приказ атаковать поляков и в то же самое время устраивать лагерь»¹. Мысленно он видел перед собой «жалкого», «просящего пощады» короля польского Сигизмунда III, над которым собирался посмеяться.

Наступил день начала Хотинской эпопеи. Это было 2 сентября 1621 года под седыми стенами Хотинской крепости, которая своим величием, своей красотой вдохновляла воинов казацко-польского лагеря на ратные подвиги, на славу.

Война началась нападением турецко-татарского войска на лагерь запорожцев. Запорожские полки встретили неприятельские войска дружным огнем. Совсем не случайно, что турки всю свою ярость направили в первый же день войны против запорожцев. Покончив с казаками, султан думал закончить войну. Прежде чем встретиться с казаками на поле боя, турки произвели некоторую перестановку в своих силах. Немусульманские части², а их было мало по сравнению с мусульманскими, были отведены назад. Затем были приняты и другие меры предосторожности.

У некоторых историков, например, у Гаммера и Якова Собеского, имеется тенденция делить историю Хотинской войны

¹ Я. Собеский. Указ. труд, стр. 70—71.

² Большинство восточных источников с негодованием отмечает, что среди славянских войсковых формирований турецкой армии была большая тяга к сдаче в плен казакам. Факты показывают, что запорожцы своими походами к берегам Крыма и Турции для освобождения славян завоевали любовь славянских народов.

на два периода. Первый период, к которому они относят события до 3—4 сентября, выступает у них не основным периодом войны. Мотивируют это они тем, что боевые действия в этот период происходили между турками и запорожцами, а не между войсками Ходкевича и турок. Нельзя искусственно разделять Хотинскую войну на такие периоды. Эта ошибка привела к неверному освещению начала войны. Именно первые бои показали, что решающей силой Польши является украинское казачество, которое с первого же часа своего участия в войне стало неприступной крепостью для турецкой армии. Султан усматривал в уничтожении казаков благоприятный исход войны.

С самого раннего утра 2-го сентября до вечера шли ожесточенные бои. Битва приняла такой характер, что наступившая ночь едва могла приостановить ее. Турецкая артиллерия непрерывно обстреливала запорожские окопы. Татары яростно атаковали передовые отряды запорожцев, стремясь отрезать их от остального войска.

Временами сражения принимали угрожающие для передовых казацких отрядов формы. Долго наблюдали в этот день полководцы польской армии за ходом боевых действий. Уже к исходу дня, когда казаки начали наступать на неприятеля, они глубоко вклинились в ряды вражеских войск и легко могли очутиться в котле, в окружении. В это время «спасли» положение посланные Ходкевичем на помощь наступающим казакам части, которые «неожиданным ударом успели поддержать уже ослабевших запорожцев»¹.

Запорожские казаки вели с войсками турецко-татарских агрессоров смертельную борьбу, принимая на себя удар главной силы неприятеля, поэтому, надо полагать, Ходкевичу было неудобно ограничиваться лишь наблюдением, и он решил поддержать казаков.

Бой кончился поздно вечером. Неприятель в этот день потерял более 1000 человек убитыми и еще больше ранеными. **Казакам** достались ценные трофеи—большое количество лошадей, богатая конская сбруя, добыча, состоящая из одежды, различного рода оружия и боеприпасов. Гаммер указывает, что у турок были взяты в качестве трофеев 12 полевых пушек, 32 знамени². Кроме того, запорожским казакам и польским солдатам досталось много драгоценностей. «Даже лагерная прислуга возвращалась в стан, обогащенная деньгами, золотом и драгоценными сосудами»³.

В этот же день турецкое войско потеряло ряд видных военачальников. В их числе — правителя Силистрии, видного

¹ С. Собеский. Указ. труд, стр. 71.

² И. Гаммер, т. VIII, стр. 204—205.

³ Я. Собеский. Указ. труд, стр. 72.

полководца Турции Хусейна пашу. Первый день дал некоторые основания для предположения благоприятного исхода войны в пользу Польши. Результаты первого дня были неожиданностью для многих.

Вечером после боя собрался военный совет. По некоторым данным, Ходкевич якобы был склонен дать решительное сражение туркам, чтобы выиграть кампанию быстрее, но, выслушав комиссаров, он отказался от генерального сражения, намереваясь сообразовать свои дальнейшие действия с учетом слабых и сильных сторон противника, а равно и с учетом своих сил. В польском лагере тогда не могли по настоящему осознать, что произошло, в чем причины всех этих «неожиданных» успехов. Следует иметь в виду то обстоятельство, что свежа была в памяти трагедия Цецоры.

Блестящие успехи первого дня Хотинской войны коренятся, главным образом, в том, что запорожские казаки оказались на главной линии фронта. Запорожское казачество в это время переживало полный расцвет своих сил. Это было время, когда запорожцы являлись вооруженной силой украинского народа. Они стремились сохранить свою самостоятельность в отношении шляхетской Польши. Они требовали для Украины свободы национального развития, защищали интересы своего народа.

Турецкая армия уже теряла свою былую мощь. Воспитанная на легких победах, грабежах чужого добра, насилиях, она уже разлагалась. Войны уже не приносили богатства, офицерский состав турецкой армии был заражен коррупцией. Коррупция проникла даже в султанский дворец. Это было время, когда за деньги в Турции можно было сделать все, даже купить высокие должности в стране.

После неудачного боя султан Осман II послал к польскому командованию, к Карлу Ходкевичу, нескольких знатных валахов с тем, якобы, чтобы приветствовать его. На самом деле посланные султаном люди были снабжены «зажигательными материалами»¹ для диверсии. Они должны были отвлечь внимание командования «приветствиями» и зажечь польские обозы. Когда обозы начнут гореть, когда лагерь будет охвачен паникой, турки совершат нападение. Пойманный в момент преступления при попытке сжечь обоз, один из посланных турками выдал весь план турецкого командования. Он рассказал, а все остальные подтвердили, что они посланы с целью диверсии, чтобы дать возможность султану напасть на лагерь объединенных сил. Когда это стало известно польскому командованию, Карл Ходкевич собрал экстренный военный совет, где присутствовали командиры всех подразделений. Сообщив план турецкого командования, он приказал

¹ М. Титловский, стр. 160.

казакам в количестве 8000 человек занять позицию перед обозами на главном направлении наступления турок. По другим направлениям с таким же заданием было расположено несколько частей польского войска. Надежно обеспечив занятые позиции на пути наступления неприятеля, Ходкевич приказал недалеко от обозов жечь костры и всему войску быть готовым к отражению наступления противника.

Когда турки увидели высокое пламя огня, они ринулись в атаку, полагая, что это горят польские обозы и польский лагерь охвачен паникой. Польское командование, подпуслав неприятеля близко к обозам, приказало окружить его и истребить. Обманутые турки устремились назад, но были встречены дружным огнем казаков. Всю ночь громили турок.

Очевидец по этому поводу пишет: «Скоро те турки к обозу польскому близко пришли, зараз козаки их окружили, из другой стороны пруская пехота обще их рубыли; кололи и убивали»¹. Турки и татары, успевшие убежать, возвращались в бой, либо их убивали на месте.

3-го сентября в польском лагере кипела работа по укреплению обороны. В турецком лагере усиленно готовились к новой атаке. Султан мечтал о мщении, придумывал всевозможные варианты боя. Наконец, Осман II решил атаковать казаков с трех сторон—с фронта и с флангов и добиться решительного успеха. Весь день шел жестокий бой. Турки обстреливали казацкий лагерь из пушек. Только наступление темноты ослабило напор турок. Ходкевич, который с неослабным вниманием следил за ходом боя, не решался поднять остальные полки на поддержку казаков, боясь новой авантюры со стороны турков.

Запорожцы, руководимые талантливым полководцем, были сконцентрированы на флангах. Это дало им возможность уменьшить эффективность огня артиллерии неприятеля, которая обстреливала передний край обороны запорожских шанцев, и предотвратить возможность окружения с флангов. Близко подпустив неприятеля, казаки успешно стали поражать его ружейным и артиллерийским огнем. 3 сентября турки понесли большие потери в живой силе и вооружении. Казакам достались большие трофеи, в том числе пушки. Об этом, как последнюю новость, спешил сообщить королю Сигизмунду III Карл Ходкевич. Он писал, что татары и турки три раза огромным войском атаковали казацкий обоз, но, потеряв 20 000 человек, отступили назад².

Неприятель потерял веру в возможность восстановить потерянный престиж и отступил под натиском казаков. Выполняя приказ польского командования, части, преследующие врага, возвратились назад в свой лагерь с захваченными тро-

¹ М. Титловский. Указ труд, стр. 161.

² Жерела, № 149, стр. 248.

феями. Именно в это время произошло «чудо». «Обозная прислуга,—пишет Собеский,—...на этот раз решила судьбу сражения и довершила нашу победу; ...эта толпа черни своим натиском и криком навела такой страх на турецкое войско, что оно смешало строй и в беспорядке искало спасения в ближайшем лесу.. Таким образом, простая случайность, а не оружие могущественного рыцарства поколебало грозную турецкую силу»¹. Несостоятельность этого утверждения не вызывает сомнения. Вообще надо сказать, что недооценка противника и его силы характерна для Собеского. Турецкое войско понесло серьезное поражение, однако не от крика «обозной прислуги», а из-за мощного огня запорожских полков.

4 сентября султан готовился дать решительный бой. В этот день утром он напал на казачий табор. Сначала турки открыли ураганный огонь из пушек и ружей, а потом перешли в атаку. Казаки встретили неприятеля дружным огнем. В течение 4—5 часов шли напряженные бои. Не сломив сопротивления казаков, турки отступали. Затем они напали на польское войско, но, встретив сильное сопротивление, вынуждены были вновь отступить. Султан снова направил огромное войско на казаков. Разгорелся жестокий бой. Турки, оставив без внимания польский лагерь, всеми силами устремились на запорожцев. Выдвинув пушки крупного калибра, они в продолжение нескольких часов безостановочно штурмовали запорожские окопы. Воздух был переполнен дымом, темно было в глазах, и Карл Ходкевич, опытный в сражениях, признавался, что «в течение целой жизни не слышал подобного грома орудий».

Казаки из своих окопов сначала пушечным и оружейным огнем нанесли врагу большой урон, а затем перешли в решительное наступление. В этом бою польский отряд под командованием Русиновского оказал большую поддержку казакам, отвлекая частично неприятельские силы на себя. Преследуя отступающего противника, казаки сильно оторвались от своего лагеря. Солнце уже было на закате. Казаки решили перегруппировать силы, просить подкрепления у Ходкевича и снова атаковать деморализованного неприятеля.

Не разгадав замысла казаков, турки подумали, что ввиду наступления темноты они прекратили бой и неорганизованно вернулись в свой лагерь.

Петр Сагайдачный, перестроив ряды, поднял казаков на штурм султанского лагеря. Появление казаков в турецком лагере было полной неожиданностью для султана. Паника охватила османское войско. Люди всех званий и сословий были в ужасной тревоге. Сам Осман II, считавший, что нет

¹ Я .Собеский. Указ, труд стр. 74.

никого могущественнее его в мире, теперь стал свидетелем своего бессилия.

Однако Ходкевич отказал Сагайдачному в помощи. Хотя современники—участники Хотинской войны—и стараются придумать оправдательные причины отказа в помощи казакам, но и они не могли скрыть того, что это было непростительной ошибкой польского командования. Охарактеризовав положение в турецком лагере и общее положение вещей, Собеский пишет: «Это не была еще окончательная победа, но если бы поляки сумели тогда воспользоваться ею, то один час принес бы им больше добычи, нежели все эти сорок дней...»¹.

Героизм и мужество, проявленные запорожскими казаками во главе с Петром Сагайдачным в этот день, навеки прославили их. Запорожцы деморализовали вражеское войско, изменили ход войны и направили дальнейший ход событий в сторону полного разгрома неприятеля.

Сагайдачный решил отступить в силу отсутствия боеприпасов и крайней усталости казаков, которые легко могли быть окружены и уничтожены опомнившимся противником. С боями и большими трофеями казаки организованно стали отходить в свой лагерь. В этом бою Сагайдачный потерял немало казаков; павших в борьбе с врагами.

Несмотря на панику, охватившую турецкий лагерь, султан имел большой резерв, огромное вооружение, большое количество опытных военачальников.

Разрозненные орды османского войска вступили в бой с отходящими казаками, но в небольшом количестве, так как основные части еще не оправались от паники. Собеский, стараясь сгладить ошибку гетмана Ходкевича, пускается в длинное рассуждение. «Нужно допустить,—говорит он,—что в умах великих полководцев живет какой-то особый гений, который подает им спасительные советы». Далее он приводит слова Ходкевича, сказанные им рыцарям, о том, что «войны, поражения и победы» зависят не от воли людей, а от «всевышнего»². Гетман все свалил на небо, стараясь снять с себя ответственность за столь преступное отношение к событиям этой войны.

На следующий день, 5 сентября было достигнуто обоюдное соглашение подобрать убитых и похоронить их. Днем и ночью турки хоронили убитых солдат и командиров, редко соблюдая правила мусульманского обычая ввиду большого количества убитых³ и ограниченности во времени. В этот же день турки перенесли свой лагерь на новое место.

¹ Я. Собеский. Указ. труд, стр. 76.

² Там же, стр. 76—77.

³ М. Титловский уверяет, что в этот день пало турецкого войска более 15 тысяч человек, притом янычар было убито свыше 3000 человек. См. Титловский. Указ. труд, стр. 162.

6 сентября из турецкого лагеря бежал в казацко-польский лагерь казак, бывший в неволе в течение семи лет, и рассказал, что за время последних «приступов» убито янычар 4000, сипахов—3000, а остального войска, включая орды татар,— более 40 000 человек.

Положение в лагере султана было тяжелое. Вера в победу утрачивалась. Появилось много дезертиров. Тот же казак сообщил, что среди турок распространились слухи о появлении казацкого флота под стенами Константинополя и о панике в столице. Султан занялся смещением военачальников. Были выделены карательные отряды для истребления дезертиров.

Решительным ударом по казацко-польскому лагерю султан думал поправить свое пошатнувшееся положение. По некоторым данным, в эти дни в лагерь Османа II прибыло подкрепление в 160 000 человек¹. Орды татар, действуя в южных районах Украины, причиняли большие бедствия населению этого края. Их вылазки ослабляли также тылы польской армии.

Петр Сагайдачный, решив разгромить татар, организовал ночную атаку в район их расположения. Кятиб Челяби описывает эти события следующим образом. От Джанибек Гирей было получено тревожное донесение, в котором он сообщал, что «казаки, в ночь, когда татары спали, ворвались в их лагерь», перебили многих, захватили лагерное имущество и причинили ордам значительный ущерб. Опомнившись, орды вступили в бой с запорожцами. В «бою было истреблено около 1000 казаков»². В своем донесении хан просил султана о помощи, особенно артиллерией. Такая помощь была оказана. Татарский хан получил 20 пушек. Но казаки в это время отошли в свой лагерь. Татары взяли в плен около 100 казаков, 50—60 из них они послали султану в качестве языков, остальным отрубили головы и тоже послали султану³.

После этого Джанибек Гирей в свою очередь приготовился к ночной вылазке, но казаки об этом были заранее предупреждены, и в результате хан не смог осуществить задуманный план.

Первые успехи казацко-польской стороны вскружили головы многим, даже ряду опытных польских военачальников. Ослаблена была и военная дисциплина. Один из политических комиссаров, отличавшийся большим опытом и знанием военного дела, Яков Собеский, тоже оказался в плену преждевременных восторгов. Подводя итоги первых дней войны,

¹ Жерела, № 150, стр. 249.

² К. Челяби. Фезлеке, л. 161.

³ К. Челяби. Фезлеке, л. 161; Н а и м а, т. 2, стр. 196.

он стремился изобразить их как триумф польских войск¹. Противник передвинул свой лагерь настолько близко к польскому лагерю, что передовая его часть почти соприкасалась с запорожскими окопами.

После основательной подготовки, изменив свою тактику, 7 сентября турки начали новое, сильное наступление. Султан решил ударить с разных сторон, сперва на один фланг, затем на другой и наконец в центр противника. В этот день на рассвете турки с заранее подготовленного рубежа, находящегося против казацкого табора, открыли по казакам ураганный огонь из 150 пушек. В течение нескольких часов летели над казацкими окопами огненные ядра. Вслед за этим турецкая конница с ужасным криком устремилась на казацкие обозы. Запорожцы, мужественно выдерживая сильный огонь турецкой артиллерии, успешно отбивали атаки неприятеля. Неоднократные попытки турецкого войска ворваться в казацкий табор, не удались. В полдень турецкое войско под натиском запорожских полков начало отступать. В тот же день султан направил свои свежие силы против польского лагеря. Разгорелся жестокий бой. До сих пор польские гусары не были введены в бой, они стояли в резерве, однако к вечеру их вместе со всем войском направили против неприятеля. Сам Карл Ходкевич с отрядом телохранителей в 200 сабель принял активное участие в битве, неся впереди свое гербовое знамя². В это время запорожцы во главе с Сагайдачным «от другой стороны своего лагеря, — говорит очевидец, — через трупы их (турок—А. М.), в кучах лежащие, как через болото кровью их наполнено, переступая, турков и татар даже до лагира их гонячи, мертвили»³.

До поздней ночи продолжался бой. Султан думал, независимо от исхода этого боя, ночью совершить вылазку в польский лагерь. Однако единодушное выступление всех полков — казацких и польских и их героическое сражение сорвали замыслы Османа II. Неприятель потерял большое количество убитых солдат и несколько видных военачальников, большое количество лошадей, мулов, боеприпасов и различного имущества. Боевой дух его был сломлен. По утверждению очевидца, враг потерял много войска, вооружения, боеприпасов и животных⁴.

Султан, пока это было возможно, старался всю вину за неудачи свалить на татарского хана, на отдельных бейлербеев. После каждого неудачного боя он смещал некоторых бейлербеев, взамен назначал новых, а иных убивал «султан-

¹ Я. Собеский, Указ. труд, стр. 72.

² J. Tretiak, s. 146.

³ М. Титловский. Указ. труд, стр. 163.

⁴ Титловский сообщает, что неприятель потерял в этот день более 40000 человек. См. М. Титловский, Указ. труд, стр. 163.

ским судом». Это еще больше обостряло кризис в турецком лагере.

Взаимные распри ослабляли турок и татар. Так, Джанибек Гирей, не посоветовавшись с турками, послал своего младшего брата Нуреддина вместе с другими верными ему и опытными в военном деле людьми опустошать украинские земли¹. Карл Ходкевич сообщал королю Сигизмунду III о том, что татары, минуя Каменец, возможно дойдут до Львова².

После успешного боя 7 сентября Карл Ходкевич решил дать генеральное сражение, тем более это было необходимо теперь, когда султан неоднократно обращался с предложением о мире. Осман II думал, правда, «о почетном мире».

Готовясь к битве, запорожцы совершенствовали свои окопы. 8 сентября султан направил свои полки в атаку. Войска шли широким фронтом на казаков с целью их окружения. В центре были турки, на флангах—орды татар. Запорожцы решили подпустить к себе противника на близкое расстояние, а затем обрушиться на него. Татары начали пускать стрелы из луков, янычары и сипахи приблизились к оборонительной полосе казаков. В это время «казаки, стройно ставши, такой сильный огонь с мушкетов на них сблизка дали, что обозы казакские, огнем горящие, казались тут в дыму и в пиле»³. Неприятель был обращен в беспорядочное бегство. В этот день, говорит Челяби, османским войскам был нанесен большой удар. И действительно, одних янычар насчитывалось убитыми более 3000; татары потеряли еще больше.

9 сентября обе стороны готовились к решительному бою. Однако этот день прошел почти спокойно. Шла только небольшая перестрелка. Поздно вечером янычары начали штурм казачьего лагеря, но, встреченные сильным огнем казаков, понесли значительные потери.

Славные победы, одержанные в первый период войны над турецкими ордами, обошлись дорогой ценой, было много жертв и с казацко-польской стороны. Насчитывалось немало тяжелораненых и больных. Шли дожди, свирепствовали ветры. Не хватало боеприпасов и питания для войска и фуража для лошадей. По уверению участников войны, свирепствовали какие-то странные болезни, которые уносили многие жизни «от знатнейших шляхтичей и до простых солдат...».

Незначительная часть шляхтичей, принадлежащих к знатнейшим фамилиям, стала уклоняться от боя, некоторые даже дезертировали из лагеря⁴. Положение было тяжелое. Но, по единодушному признанию всех современников, в поддержа-

¹ Я. Собеский. Указ. труд. стр. 73.

² Жерела, № 194, стр. 248.

³ М. Титловский, Указ. труд, стр. 164.

⁴ Я. Собеский. Указ. труд, стр. 84—85.

нии высокого боевого духа и бодрости все равнялись на запорожских казаков. Их пример, их мужественная борьба за отчизну вдохновляли всех в польском лагере на ратные подвиги.

10 сентября произошли события, которые поставили польские войска в крайне затруднительное положение. В этот день орда Кантимира Мурзы переправилась через Днестр по мосту, построенному польским войском, Расположившись лагерем, она разорвала сообщение польского лагеря с Каменцем. Положение польского войска, а вместе с ним и казаков, стало тяжелое. Всякая связь с Польшей была прервана. Это ставило под угрозу прежде всего снабжение польского войска. Теперь турки думали бросить на противника всю свою силу.

11 сентября они открыли по казацкому укреплению артиллерийский огонь, продолжавшийся в течение нескольких часов. Затем кинулись в бой янычары, сипахи, пошли орды татар и остальное войско Османа. Несмотря на все, запорожцы блестяще отразили атаки неприятеля. Тяжелые дни переживали казацкие полки. Они ощущали недостаток во всем—в вооружении, особенно в боеприпасах, в питании. Но боевой дух их был по-прежнему высок.

Казаки стояли за решительную атаку. Они хорошо знали повадки турок и татар, умели правильно оценить обстановку. Неприятель боялся казацких атак, особенно ночных. Уже первые ночные атаки казаков дали хорошие результаты, враг вынужден был признать, что «казаки всегда думали о ночных атаках¹».

Петр Сагайдачный придавал тактике ночного боя особое значение. По настоянию Сагайдачного, вопрос о ночной атаке неприятеля обсуждался польским сеймом и был санкционирован. Но Карл Ходкевич остался верен выжидательной тактике. Несмотря на то, что сеймом был назначен даже срок ночной атаки (12 сентября), Ходкевич все же старался оттянуть его. Он чинил всяческие препятствия Сагайдачному в осуществлении его плана ночной атаки крупными силами. Петр Сагайдачный решил воспользоваться постановлением сейма, он начал самостоятельно готовиться к атаке лагеря султана.

У запорожцев хорошо работала разведка. По донесениям разведчиков, султанский лагерь не был укреплен ни валом, ни рвом. Войска Османа II были расквартированы в белых палатках, над которыми всю ночь горели фонарики. К этому еще прибавлялись особенности поведения турок в вечернее время. После вечерней молитвы, очень плотно поевши, они ложились спать, как в обычное время. В Турции, Персии и

¹ К. Ч е л я б и. Фезлеке, л. 162.

др. странах Ближнего и Среднего Востока издавна принято днем довольствоваться легкой пищей, а вечером есть тяжелые блюда. После вечерней еды мусульмане погружались в крепкий сон. Эта привычка, передаваясь из поколения в поколение, превратилась в традицию. Казаки приняли во внимание и это обстоятельство. Когда турки и татары погрузились в сон, Сагайдачный повел казаков без шума и, сняв всех караульных, вошел в неприятельский лагерь. Запорожцы должны были истребить как можно больше живой силы, захватить оружие, боеприпасы, продукты врага. Так оно и произошло. Ворвавшись в палатки, они перебили много войска. Тревога охватила весь лагерь султана. Трудно было разобрать, что происходит вокруг. Только на близком расстоянии можно было видеть янычар, бежавших в одном белье. «Казаки, казаки!»—кричали одни, «кафер» — орали другие. Опомнившись, турки и татары открыли беспорядочную стрельбу. Все смешалось. Забрав большое количество боеприпасов и продуктов, Сагайдачный начал организованно отходить в свой лагерь.

Вполне возможно, что если бы польское командование поддержало в этот вечер казаков, то сам султан был бы пленен казаками. Умный Сагайдачный хорошо понимал, что неприятель будет преследовать, возможно даже контратаковать уставшие казачьи полки, поэтому он оставил заслон, отходил с боями.

Когда войска великого визиря Хусейна-паши выступили из лагеря и начали атаковать казаков, оставленный Сагайдачным отряд с пушками открыл ураганный огонь по неприятелю. Разгорелся жестокий бой. Обе стороны понесли большие потери. Кятиб Челябин уверяет, что в этом бою убито 700—800 казаков, 500 захвачено в плен.

Операция, прекрасно организованная Петром Сагайдачным, окончательно расстроила и, по существу, свела на нет все планы тирана Османа II.

О значении этого боя очевидец писал: «После неожиданного вторжения запорожцев в лагерь султана, турками овладела паника: люди всех званий и сословий были в неописанной тревоге; сам Осман, еще так недавно думавший, что нет никого в мире могущественней его, теперь собственными глазами увидел всю шаткость своего положения и прежняя надменность сменилась женскими жалобами, когда он убедился в неосновательности своих надежд. Рассеялось его рыцарство, с помощью которого он рассчитывал не только победить польское войско, но завоевать весь земной шар; теперь оставалась только надежда бесславного мира»¹.

Неудачи оказали большое влияние на настроение турец-

¹ Я. Собеский. Указ. труд, стр. 77.

ких войск. Число дезертиров в лагере султана становилось все больше. Даже некоторые знатные лица, потеряв веру в победу, переходили на сторону поляков. Кятиб Челяби говорит, что один из сыновей Дилавер-паши, «став изменником, перешел на сторону врага». Наима же говорит, что изменником был сын Хусейна-паши»¹. Султан, маневрируя, старался добиться выгодного, «почетного» мира. Слухи о мире распространялись все больше. После серьезных неудач турок и татар к польскому командованию прибыл для переговоров о мире Константин Вевели с письмом от валашского воеводы Радула. Он настаивал на том, чтобы Ходкевич отправил своего посла к визирю Хусейну. Об этом стало известно запорожцам. Казаки, видя, что польское командование собирается заключить за их спиной перемирие с Османом II, стали выражать свое недовольство. Волнение охватило всю казацкую массу. Польское командование хорошо понимало, что уход запорожцев повлечет за собой неминуемое поражение Польши в войне.

Усиливали волнения недостаток в питании, неуплата жалования. С целью успокоения запорожцев к ним было послано посольство во главе с Петром Ополинским и Яковом Собеским. На большой казацкой раде слушали послов. Собеский на раде вынужден был признать большие заслуги казаков в защите Речи Посполитой от агрессии турок и татар. Но его речь не произвела на казаков желаемого впечатления, волнение продолжалось. Казаки хотели узнать прежде всего условия мира, предложенного Ходкевичем султану. Сделать это посольство не могло. Дело доходило до крайности. Отдельные группы казаков, как уверяют современники, даже собрались уходить из лагеря и вернуться на Запорожье. Сагайдачный не хотел допустить, чтобы успехи, достигнутые казаками под Хотином, были сведены на нет. Он убедил казаков в необходимости продолжать войну до полного разгрома противника. Сагайдачный добился также урегулирования некоторых других вопросов, связанных с питанием, жалованием и т. д.

Несмотря на это, Карл Ходкевич заявил Константину Вевели, что он готов принять почетное условие мира, и уполномочил Якова Зелинского вести переговоры с визирем Хусейном. Так начались переговоры о перемирии. В числе условий, с которыми шел на переговоры Яков Зелинский, был и пункт касательно запорожцев. По свидетельству Якова Собеского, участвовавшего в мирных переговорах, польское командование проявило коварство относительно казаков: «Желая поддержать добрые отношения к Порте, — говорится в мирном предложении, — Речь Посполитая готова усмирить-

¹ Наима. Тарихи Наима, т. 2, стр. 199.

своеволие запорожцев; но пока польское оружие будет обращено против них, татары могут воспользоваться этим и вторгнуться в польские пределы; поэтому Осман, от воли которого зависят эти набеги, может сам достигнуть того, чтобы казаки перестали вредить туркам»¹.

При переговорах Зелинский подчеркнул старую дружбу между Польшей и Турцией, осторожно напомнил о «польской крови, пролитой в Молдавии и Валахии...», намекая тем самым, что Польша не прочь получить эти земли под свое владение. Ведя переговоры с польским командованием, султан, с одной стороны, хотел узнать, чего желают поляки, с другой стороны, если эти условия будут неприемлемы, воспользоваться мирной передышкой для подготовки новых атак. Условия перемирия, предложенные поляками, оказались для турок неприемлемыми.

Султан выиграл время и готовился к новой битве, надеясь разгромить казаков и навязать Польше свои условия мира. Новое наступление было назначено на 15 сентября. К утру все приготовления были закончены. Али-паша, начальник артиллерии, приведя в боевую готовность все свои пушки, стоял в ожидании султанского фирмана. Янычары, сипахи и все остальные войска были собраны под имперское знамя.

С восходом солнца турецкая артиллерия открыла ураганный огонь по табору казаков. Временами огонь артиллерии переносился и в польское расположение. Создавалось впечатление гигантского пожара. Характеризуя неистовство неприятеля с самого утра, очевидец пишет: «Зараз турки и татары на обозы польские и казацкие с тронх сторон наворачнули и так много и сильно с пушек и с ручного ружья палили, что и самая земля тряслася и горевшою казалась»². Наступление шло с трех сторон: с фронта и с флангов. «Сей насильственный приступ через весь день продолжался»³. Но скоро наступление неприятеля было сломлено, приостановлено сильным, дружным огнем казацко-польской артиллерии. Однако янычары и орды татар рвались вперед, устилая каждый шаг своего продвижения тысячами трупов. Шел жестокий бой. Несмотря на огромные потери, султан не достиг поставленной цели. Он лишился лучших своих полководцев. В числе их погиб известный Каракаш-паша. Только одних янычаров было убито более 3000. Не случаен тот факт, что впоследствии янычары не раз обвиняли султана Османа II в том, что он посылал их на самые опасные участки фронта против «опытных в военном искусстве казаков».

¹ Я. Собеский, стр. 94.

² М. Титловский, стр. 166.

³ Там же.

Потерпев неудачи, Осман II старался снять с себя вину за поражение, понесенное в войне, и возложить ее на других. Это стремление особенно остро проявилось после тяжелого последнего боя. Великий визирь Хусейн-паша был снят с занимаемой должности и на его место назначен вали Диарбекира Дилавер-паша¹. Осман, сняв Хусейна-пашу с должности великого визиря, сделал его вторым визирем и назначил главнокомандующим «на той стороне Днестра»². Кроме того, последовал целый ряд других смещений и назначений. Готовилось новое наступление.

Тревожным было положение и в польско-казацком лагере. Тяжелые потери в жестоких боях, недостаток питания, фуража и боеприпасов, бешеные усилия неприятеля любой ценой добиться изменения хода войны в свою пользу, переброска орды за Днестр, в тыл польского командования, крайне тяжело отразились на положении казацко-польского войска.

Характеризуя кульминационный пункт боя в этот день, участник войны пишет: «Дрогнул польский лагерь от неожиданного грома и треска; все кричали в отчаянии, что враг перешел уже за окопы, но гетманы ободряли солдат, а рыцарство впопыхах спешило на зов»³. В этот день подвергался испытанию патриотизм каждого. Все, от солдата до гетмана, сражались с удвоенной энергией.

Как никогда явно чувствовался перевес противника в живой силе и вооружении. Бой кончился поздно вечером. Голодающие солдаты делились остатками сухарей. Польские полки, которые имели некоторые съестные запасы, охотно делились со своими союзниками-запорожцами.

На следующий день состоялся военный совет. На этом совете у Ходкевича некоторые поговаривали о том, чтобы отходить к Каменец-Подольскому, дожидаться там помощи от короля Сигизмунда III и, собрав необходимые провианты, снова двинуться под Хотин для решительного боя с неприятелем. Перед войском Ходкевич сказал, чтобы солдаты не рассчитывали на скорое получение жалования и на прибытие нового подкрепления. Командующий заклеил позором тех, кто спасал свою жизнь, скрываясь от трудностей. Зная твердую решимость всех сражаться до победного конца, он обратился к войскам со словами «лучше отступить в полном составе, нежели впоследствии бежать в одиночку». Когда Ходкевич на мгновение прервал свою речь, все ожидали в молчании, что скажет он дальше. Молчание было кратковременным. Оно было стихийно нарушено. Вдруг все заропта-

¹ А. Расин, т. I, стр. 569.

² J. v. Hammer, Bd. IV, S. 791.

³ Я. Собеский, стр. 94.

ли, говоря, что лучше умереть со славой, чем покрыть свои знамена позором. Теперь командованию следовало, учитывая обстановку, изменить тактические приемы ведения войны. Для поднятия морального духа войска необходимо было поднять полки на атаку неприятельского лагеря. Польское командование, в частности Ходкевич, Любомирский, склонялись к тому, чтобы не ожидать нападения врага, а атаковать его небольшими силами.

С самого начала войны казацкое командование стояло за активные военные операции, за наступление в сочетании с активной обороной. Когда на военном совете об этом заговорил Ходкевич, Петр Сагайдачный воспринял это как полное торжество казацкой военной тактики. Петр Сагайдачный, — пишет очевидец, — «присутствовавший там с главнейшею запорожскою старшиною, —...хотя и не дворянского происхождения, доказал, что может поспорить в храбрости с знатнейшими рыцарями»¹.

Чтобы показать преимущество наступательных ночных атак, казаки в количестве 8000 человек ночью атаковали султанский лагерь. Они напали со знанием и учетом уязвимых мест противника. Таким местом оказалась позиция погибшего в последнем бою Каракаша-паши. Запорожцы во главе с Сагайдачным, пользуясь ночной темнотой, внезапно ворвались в лагерь и бросились в палатки. Хорошо организованная атака дорого обошлась туркам. Снова паника охватила султанский лагерь. Казакам достались большие трофеи: несколько знамен, в их числе Каракаша-паши, боеприпасы, вооружение, лошади, верблюды и др.

В ту же ночь Петр Сагайдачный организовал крупное нападение на лагерь Хусейна-паши за Днестром. Турки понесли большие потери. «...Турки гибли во сне или спасались бегством через мост... Сам Хусейн, застигнутый врасплох среди ночи, едва успел вырваться из рук казака; с него сорвали дорожную одежду, чалму и пояс, в котором было оружие и деньги, а сам он целую ночь блуждал по лесу, нащел наконец, узкую пещеру, закрытую ветвями, где и скрывался до утра»². Казаки захватили много оружия, несколько пушек, боеприпасы, амуницию и пленных.

Ночные атаки запорожцев заняли прочное место в тактических приемах в период Хотинской войны. Они сыграли несомненную положительную роль в деморализации османской армии. Они, как правило, кончались победой казацкого оружия. В ночных атаках казаки частично пополняли свои запасы боеприпасов, оружия и т. д.

18 сентября запорожцы повторили ночную атаку, по об-

¹ Я. Собеский. стр. 97.

² Там же, стр. 999—100.

разу предыдущей. По данным Кятиба Челяби, казаки начали штурмовать лагерь Хусейна-паши в глубокую ночь и в продолжение трех часов громили турок. Много было убито и ранено мусульман¹. То же самое подтверждает Наима². Казаки взяли богатые трофеи: лошадей, верблюдов, много одежды, серебра, золота. В числе трофеев, захваченных казаками, были два янычарских знамени. Сагайдачный сделал ценные подарки королевичу Владиславу³.

Все больше зрело убеждение в необходимости общего штурма неприятельского лагеря.

Быстрота военных действий и огромные потери в живой силе резко ухудшили положение турок. Моральный дух османского войска был подорван. Беспорядки в неприятельском лагере росли с каждым днем. Дезертирство стало массовым явлением. Султан был в отчаянии. Ухудшение положения в лагере султана Османа II отразилось на взаимоотношениях между крымским ханом Джанибек Гиреем и Кантимиром Мурзой. Последний за своевременную явку в султанский лагерь и за усердие под Хотинном был титулован пашой и назначен пашой Очаковского эялета. Этому завидовал Джанибек Гирей, который не прочь был попытаться отомстить Кантимиру при первой же возможности.

Не лучше было положение и в польско-казацком лагере. Старый Ходкевич был прикован к постели. После продолжительных страданий он скончался 24 сентября под Хотинном. В лице Ходкевича польское командование потеряло видного полководца. Ввиду своих широких связей со знатными кругами польского общества он занимал ряд должностей: почашьего литовского, комиссара ливонского, старосты жмудского, наконец, виленского воеводы. Однако большинство его подчиненных больше питало к нему страх, чем уважение. Если бы, — говорит Яков Собеский, — «он страхом наказаний не сдерживал непокорных солдат, Речь Посполитая давно бы уже пала под ударами неприятеля»⁴. Эгоизм, жажда к славе являются характерными сторонами его деятельности — манией величия страдали многие «знатнейшие рыцари» того времени. Совершенно справедливо подмечено в свое время людьми, достаточно хорошо знавшими его, что Ходкевич, наживший уже достаточно для самого себя и для славы, сделал «слишком мало для Родины»⁵.

Вместе с тем Ходкевич был солдатом-исполнителем. Требовательность к себе и подчиненным, аккуратность в отношении исполнения военных приказов, беспощадная борьба с

¹ К. Челяби. Фезлеке, л. 163, 164.

² Наима, т. 2, стр. 203.

³ М. Титловский, стр. 168.

⁴ Я. Собеский, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 100.

нарушителями воинских порядков создали ему славу лучшего воина. Смерть Ходкевича была неожиданной. Это произошло в то время, когда можно было с уверенностью сказать, что турки проиграли войну. Покойный Ходкевич тоже понимал, что султан неминуемо потерпит поражение. Но для окончательной победы потребуется еще много усилий, серьезных испытаний и жертв.

Обе стороны готовились к новым схваткам. В польском лагере усиливалась оборонительная работа, производилась некоторая перестановка сил. Во главе польского войска временно стал Станислав Жоравинский. Положение польской армии было тяжелое. Усиливалось недовольство запорожцев: их плохо снабжали. Доходило до того, что казаки ходили среди польских солдат и просили сена для лошадей, сухарей для себя¹. 25 сентября во главе всего войска встал Станислав Любомирский. Литовское войско, которое до сих пор находилось под командованием королевича Владислава, отказалось повиноваться Любомирскому. Этот конфликт был легко улажен. Королевич выступил перед войском и заявил, что считает Любомирского главнокомандующим над всеми войсками, которому подчиняется и он сам. Литовцы подчинились Любомирскому. Любомирский созвал большую раду, на которой принял командование над всеми войсками и подтвердил, что он выполнит все обещанное солдатам его предшественником.

Османские войска после артиллерийского обстрела начали наступать на польские обозы. Они добились некоторых успехов. Отбили брошенный Вейгером шанец, откуда стали угрожать центральной части польского лагеря. Предпринятые Любомирским энергичные меры приостановили продвижение неприятеля, который был отброшен назад с большими для него потерями. Турки потеряли более 5000 человек убитыми и тяжело ранеными.

26 сентября турки снова начали обстрел расположения запорожских полков и польских частей, находящихся под командованием Русиновского. Перейдя в наступление, неприятель тщетно пытался добиться успеха. Направленные против казаков турецкие части были встречены дружным огнем и, оставив на поле боя множество трупов, вынуждены были отступить. Турки начали снова наступать широким фронтом. Сконцентрировав свои главные силы против казаков, они наступали одновременно и на польские части Русиновского. Но, встретив сильное сопротивление, враг снова вынужден был отступить.

К этому времени возвратился Константин Вевели, кото-

¹ Jozef Tretiak. Historia wojny Chocimskiej (1621), Krakow. s. 153, 154.

рый ездил к туркам по вопросу, связанному с заключением перемирия. Вевели привез с собой охранную грамоту от великого визиря для польских послов, но от посылки заложников визирь отказался. Сторонники заключения скорейшего мира с неприятелем исходили из тяжелого положения в лагере, отмечая массовые заболевания солдат, острую нужду в продуктах, боеприпасах, наличие элементов дезертирства, отсутствие корма для лошадей. Хотя это было известно и покойному Ходкевичу, но в ответ сторонникам скорейшего заключения мира он говорил, что враг не так страшен, как они себе представляли это в начале войны. «Самое важное, указывающее на слабость турок—говорил Ходкевич,—это их требование о мире, написанное на христианском языке»¹.

Любомирский, наоборот, стоял за немедленное заключение мира на выгодных условиях.

Султан Осман II старался убедить поляков, что турки будут воевать до тех пор, пока не добьются желаемого мира. Поэтому яростные атаки турок и после возвращения Вевели не прекращались. Султан непрерывно атаковал казако-польские окопы. Но ни атаки турецкого войска, ни усердия орды татар, ни ураганный огонь артиллерии не сломили волю к сопротивлению ни у казаков, ни у поляков. Турки терпели поражение за поражением. Потери в живой силе увеличивались с каждым днем. Шансы на победу угасали. Теперь султан стоял перед дилеммой: либо сложить оружие, признать себя побежденным, либо поднять войско в решительный и окончательный бой. Он решил на последнее.

27 сентября в султанском лагере шла напряженная подготовка к штурму неприятельского войска. Все способные носить оружие были поставлены в строй.

28 сентября Осман II направил свое многочисленное войско в бой. С рассвета и до поздней ночи длилась упорная и ожесточенная битва. Очевидец так описывает этот бой: «Более 60 пушек гремело непрерывно, небо пылало, а воздух омрачился от дыма, земля дрожала, стонали леса, скалы падали в куски. Что видел глаз в течение целого дня, того не описать..., нельзя выразить в точности, с каким пылом и мужеством или скорее отчаянием сражались обе стороны»².

Талантливому полководцу Любомирскому пришлось выдержать серьезный экзамен, продемонстрировать свое умение выиграть крупнейшее сражение в Хотинской войне при наличии малого количества боеприпасов, большого количества тяжело больных и полуголодных солдат.

Неприятель наступал. Временами возможность окружения польских обозов становилась все более реальной.

¹ J. Tretiak, s. 157.

² Я. Собеский. Указ. труд, стр. 106.

Решающую роль играли в этом бою, как и в предыдущих, казачьи полки, возглавляемые Сагайдачным. Они защищали не только свои окопы. Сагайдачный в этот день не раз направлял казаков на помощь полякам.

По своим масштабам, по количеству участвовавших в ней войск «это была величайшая битва», — пишет Кятиб Челяби¹. Она привела в движение все войска воюющих сторон. С раннего утра вся сила артиллерийского огня неприятеля направлена была на запорожские окопы. Янычары, вооруженные щитами, непрерывно атаковали казаков с фронта, татарские орды старались окружить казаков с флангов. Запорожцы в своих укрепленных окопах мужественно отбивали яростные атаки неприятеля. В этом бою как никогда согласованно действовали все войска польско-казацкой стороны. Требовалось огромное напряжение всех сил. Неприятельские части не раз вклинивались в расположение польских полков, и в район казачьих окопов. На отдельных участках казаки вели рукопашный бой.

Измотав силы неприятеля, Петр Сагайдачный поднял казачьи полки и перешел в решительное контрнаступление. Вслед за казаками перешло в контрнаступление все польское войско. Артиллерийским огнем, контратакой хваленое войско султана было обращено в позорное бегство, — оно было сокрушено.

Хотинская война окончилась поражением Турции и ее вассалов. Решающую роль в этом сыграло запорожское казачество. Это было новое войско как по духу своей организации и по военному мастерству, так по целям и задачам. Запорожские казаки вписали в летопись освободительной борьбы народов нашей страны славную страницу.

К концу войны в турецком лагере создалось тяжелое положение. Неслыханное поражение, понесенное турками, повлияло на моральный дух войска. «Было близко к тому, чтобы уже здесь (в лагере — А. М.) вспыхнул открытый мятеж против султана»². Это ускорило у турок стремление к заключению перемирия.

Потерпев полное поражение, султан собрал военный совет. На нем, дав понять, что война проиграна, чет надежды исправить положение, тщеславно Осман II добавил: «Все мои стремления направлены были к победе и завоеваниям. Если нужно будет, то вы можете остаться здесь со мной перезимовать»³. На военном совете, когда Кизляр Агасы стал уверять всех, что Польша не сможет противостоять туркам, влиятельный Мехмед-паша выступил против этого заявления. Послед-

¹ К. Челяби. Фезлеке. л. 164.

² J. Zinkeisen, Bd. III, s. 740.

³ J. Hammer. Bd. IV, S. 792.

ний обосновал свое мнение соображениями о том, что все немусульмане составляют один народ и что Польша может получить поддержку «как деньгами, так и войсками» от России, Австрии, казаков, Венгрии и др. стран¹.

Более дальновидные члены Дивана видели единственный выход из данного положения в безотлагательном заключении перемирия.

Одержав блестящую победу над войском Османской империи, казацко-польское командование начало подготовку к заключению перемирия. На совещании, где присутствовали, кроме королевича Владислава, Петра Сагайдачного, Станислава Любомирского, комиссары с гетманами, сенаторы, решено было отправить послов к султану Осману II для переговоров о перемирии. В посольстве были сенатор и сеймовый комиссар (сенатор Станислав Жоравинский и комиссар Яков Собеский). Снабженные грамотами от Любомирского к султану и великому визирю, они отправились в путь. Они везли с собой для раздачи туркам подарки.

Предварительные условия перемирия были таковы:

1. Султан отводит свою армию от польских границ.

2. Татары, «непосредственная причина войны», отдадут польскому королю своих заложников как ручательство их дальнейшего мирного поведения, в ответ на что и король отправит своих заложников к татарскому хану.

3. Польша должна выплачивать хану в виде ежегодного дара (дани) 40000 гульденов, которые польский король издавна платил Крыму.

4. Король будет впредь содержать для укрепления мира, постоянного посла в Турции, который каждый раз должен являться с подобающими ценными подарками, как представитель прочих христианских держав.

5. Татары обязаны в дальнейшем больше не беспокоить Польшу. Польша же должна следить за тем, чтобы казаки в дальнейшем отказались от всяких походов в турецкие владения и Турцию.

6. Польские купцы должны за представленное им право свободной торговли в пределах империй каждый год вручать дар серебряной посудой, болгарскими воловьими шкурками и прочей ценностью не меньше чем в 100000 цехинов².

Теперь забота о перемирии была поставлена в определенные рамки. «Равные с равными могли обсудить условия» перемирия. Обе стороны проявляли заботу об этом. По приказу

¹ J. N a m m e r, Bd. IV, S. 792.

² J. Z i n k e i s e n, Bd. III, s. 740—741. Эти предварительные условия подробно излагаются у Цинкайзена. То, что сообщает по этому поводу Гаммер, запутано и неясно. Он даже не упоминает, что это были только предварительные условия, которые должны были стать основой перемирия, которое предстояло заключить. См. J. N a m m e r, Bd. IV, s. 792.

нию визиря, навстречу польским послам вышло несколько знатных, пожилых чаушей. Навстречу послам были отправлены также пятьдесят отборных янычар верхом в прекрасных одеждах. Турецкая сторона готова была вести мирные переговоры. Посредником в переговорах между сторонами был господарь Валахии Радул, показавший свою искренность по отношению к Речи Посполитой и способствовавший послам в успешном ведении переговоров. По свидетельству самих послов, султанский визирь очень учтиво встретил посланников польского командования.

Великий визирь Дилавер принял послов в присутствии второго визиря Хусейна и казначея Баки-паши. Первого октября послы вручили Дилаверу письмо гетмана. Второго октября начались переговоры. Дилавер обещал сделать все от него зависящее для того, чтобы «восстановить старую дружбу между Польшей и оттоманским двором»¹. Заручившись его обещанием содействовать миру между поляками и турками, послы отправились к духовному главе мусульман, который пользовался у султана почетом и уважением. Он так же, как и визирь, обещал приложить все усилия для восстановления «старинной священной дружбы между поляками и турками»². Ознакомление с условием мира поручено было Радулу.

Как уверяет очевидец, военные действия не прекращались и во время этих «обоюдных забот о мире». В это время турки усилили свои атаки на казацко-польские окопы. При этом они рассчитывали, что поляки в надежде на заключение выгодного мира не будут так бдительно охранять свои позиции, как это было до сих пор. На самом деле дальновидные полководцы—Петр Сагайдачный, С. Любомирский—прилагали все усилия для укрепления лагеря и обеспечения войска необходимым вооружением и боеприпасами. Характеризуя положение в турецком лагере, посол Я. Собеский писал: «Во время пребывания послов в лагере Османа, турки, возвращаясь с битвы и проходя мимо шатров, измученные и обессиленные, скрывали от стыда полученные раны, а трупы своих солдат поспешно увозили в закрытых телегах»³.

Хотя эти события не меняли общего положения, но, по мнению турок, они должны были укрепить позиции Турции в переговорах. Когда речь идет об условиях перемирия, о том, чем кончилась война, имевшая такое огромное значение, тут необходимо принять во внимание одно очень важное обстоятельство: неслыханное поражение турок под Хотином и крайнюю слабость поляков. Условия перемирия отражали эти обстоятельства. Кто не поймет этого, тот не может понять су-

¹ Я. Собеский. Указ. труд, стр. 112.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 112.

щества этого дела. Заклучая перемирие, обе стороны согласились на том, чтобы пограничные споры были сообща рассмотрены «уполномоченными комиссарами»¹ короля и султана.

Турки затем выдвинули на обсуждение большой и сложный вопрос — казачий вопрос. Во имя решения этого вопроса турки готовы были на любые уступки. Турки настоятельно требовали от Польши принятия самых решительных мер против запорожских казаков. Они требовали также выдачи им казаков. Польские послы указывали на невозможность осуществления этого требования и связывали казачий вопрос с татарскими набегами на Украину и их пагубными последствиями. «Источник казачьих бесчинств, — говорили польские послы, — лежит в постоянных набегах татар, которые так часто опустошают наиболее плодородные провинции государства, доводя до нищеты множество поселян, а эти последние в свою очередь готовы всеми мерами избавиться от врагов и ищут выхода из своего отчаянного положения. Бросая собственные жилища, они скитаются, ища лучших поселений и частью из мести... поступают под казачьи знамена»². Далее послы рассказывали, что опустошение турецких владений является делом рук не только запорожских казаков, но и донских казаков, подданных русского царя³. Переговоры вокруг этого вопроса носили напряженный характер. Турки, не сумев одолеть казаков в открытом бою, думали осуществить это теперь с помощью поляков.

Хотинская война и жестокое поражение турок в ней окончательно убедило их в необходимости устранения казачьей опасности на путях турецкого нашествия путем их физического истребления.

Теперь ряд кардинальных вопросов турецкой политики, особенно в Восточной Европе, зависел от того, сумеет ли Турция устранить казачью опасность или нет. Ибо это было время, когда, во-первых, с запорожскими казаками искали союза европейские страны. Запорожское казачество выступало на международной арене как значительная сила. Во-вторых, это было время, когда запорожское казачество противостояло не только господству польско-литовских магнатов на Украине, этих главных врагов украинского народа, а всякой агрессии против украинского народа. И, наконец, хотя как турки, так и поляки осознавали растущую мощь украинского казачества, но ни те, ни другие не в силах были остановить это движение вперед.

Говоря о растущей военной мощи запорожского казаче-

¹ Я. Собеский, стр. 113.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 114.

ства, необходимо иметь в виду то, что казаки, как защитники интересов украинского народа, были органически связаны с народом и опирались на его повседневную помощь и поддержку. Польша не могла даже думать о серьезных мерах борьбы против запорожского казачества, а турки были не в силах сделать что-либо с запорожцами.

В начале переговоров поляки думали отделаться относительно запорожцев общими фразами, вроде того, что, Речь Посполитая «старается сдерживать их произвол» то «частыми грамотами», то «посылкою комиссаров». Указывалось и на то, что в прошлом применялись и «крайние меры» против запорожских казаков.

Когда Валахский воевода, который вел переговоры, напомнил послам о недавних походах запорожских казаков на султанские владения и потребовал выдачи султану всех казацких старшин, послы ответили: походы казаков были совершены после объявления войны, что касается выдачи казацких старшин, то поляки с древнейших времен уважали своих союзников по оружию, поэтому не может быть и речи о выдаче их неприятелю. Представители султана заметили, что казаки в этой войне убили множество турок. На это польские послы ответили: таков уж закон войны. Дружба украинского народа с польским народом имеет глубокую историю. Особенно проявилась она в борьбе против нашествия турок и татар.

Турки выдвинули специальные статьи касательно турецко-казацких отношений. Султан требовал разрешения построить замки и поселения на территории Украины против казаков. Поляки ответили, что это несовместимо с добрососедскими отношениями, да кроме того, это означало бы прямую капитуляцию Польши перед Турцией.

Турки требовали прекращения казацких походов на турецкие берега, не связывая этот вопрос с татарскими нападениями на Украину. Они предлагали включить в соглашение пункт примерно такого содержания: казаки не будут совершать походы против турок, а если совершат, то султан вправе их наказать и требовать от короля польского возмещения убытков¹. Возражая по этому вопросу, польские послы указывали, что если наказать казаков, как нарушителей мира между Польшей и Турцией, то в равной мере необходимо наказать татар, снять их ханов, которые разрешают походы татарам.

С целью гарантии прекращения татарских походов послы просили разрешить Польше заключить самостоятельный дого-

¹ J. Tretiak, s. 179.

вор с ханом, на это визирь ответил: «Хан раб султана, поступит так, как скажет султан»¹.

В соглашение включался пункт «О вечном отказе Польши от Молдавии» и о вхождении в состав Молдавии Буковины. Молдавский вопрос во взаимоотношениях между Турцией и Польшей был не новым вопросом. Часто он становился камнем преткновения между ними. Польша отказывалась от своего протектората над Молдавией, но требовала, чтобы на молдавский трон турки посадили человека мудрого, расторопного и дружественно настроенного по отношению к Польше². При этом поляки обещали отдать молдаванам Хотин после подписания договора.

Во время переговоров обсуждался еще один очень важный для Польши вопрос — о судьбе польских полководцев, попавших в руки турок в 1620 году во время Цецорской войны. Послы требовали освобождения польских пленников, находившихся в Константинопольской тюрьме, — полного гетмана Станислава Конецпольского, Лукаша Жолкевского, Самуила Корецкого, Владимира Фаренсбаха³.

Тогда Радул указал на цецорский поход Станислава Жолкевского как на «главную причину» хотинского похода Османа II, отклоняя тем самым этот пункт соглашения.

В переговорах видное место занял вопрос о харадже. Турки хотели, чтобы Польша платила ежегодно харадж султану. Послы отклонили этот пункт. Радул предложил, чтобы поляки послали Осману по возвращению его в Константинополь вместо хараджа⁴ какие-нибудь необыкновенно ценные подарки⁵. Послы в корректной форме ответили, что Польша никому не платит дани. Польский народ за свободу готов пожертвовать не только своим имуществом, но и жизнью. Если речь идет о восстановлении старой дружбы, то король польский готов послать подарки в знак дружбы, но отнюдь не в качестве обязательной дани.

Окончив предварительные переговоры, Радул отправился к великому визирю, преднамеренно упустив из условий мира пункт относительно освобождения полного гетмана Станислава Конецпольского, Самуила Корецкого, Владимира Фаренсбаха, которые содержались в цепях под охраной недалеко от Константинополя. В защиту Радула некоторые современники пишут, что он, якобы, сознательно упустил этот пункт, потому что располагал секретными данными о возможности скорейшего их освобождения. Включение же этого пункта ослож-

¹ J. Tretiak, s. 188.

² Там же, s. 180.

³ Там же, s. 185.

⁴ Вследствие, видимо, неудачного перевода вместо «харадж» ошибочно писали «гарач».

⁵ Я. Собеский, стр. 114.

нило бы дело. Турки требовали бы большой выкуп за них, а Польша была не в состоянии выплатить его.

Великий визирь Дилавер, узнав об условиях мира, предварительно согласованных с поляками, пришел в ярость. Он решил принять послов негласно и попытаться навязать Польше выгодный туркам мир. Один из послов об этой встрече с Дилавером рассказывает: «...призвавши нас на тайную аудиенцию, убеждал согласиться на посылку хараджа в Константинополь и наказание запорожцев; затем грозил, что Осман пробудет под Хотинном... до половины ноября, а по пути через Молдавию придет татар ногайских, крымских, белгородских и добруджских вместе с отрядами валахов, молдаван и европейских турок, которые в течение целой зимы будут опустошать польские владения; сам же султан с наступлением весны, собравши многочисленное войско в Азии и Африке, явится в Польшу по пути, подготовленному татарами»¹. В заключение визирь сказал послам, что с этим ответом они могут возвратиться в свой лагерь. Послы Польши, соблюдая все правила международных отношений, разъяснили туркам, что они пришли заключить мир, а не слушать угрозы, и недвусмысленно заявили, что «в данное же время турки не имеют повода гордиться, а поляки страшиться»². После этого визирь подал руку послам. Теперь он был более сговорчив. Для ускорения переговоров немалое значение имело обещание подарков Осману, великому визирю и другим сановникам султана. Король от своего имени пошлет султану ценные подарки. Польский посол во время своего пребывания в Константинополе для скрепления мира представит эти дары от имени короля Сигизмунда III Осману II.

Для окончательного решения вопроса о подарках один из послов отправился в ставку польского командования, чтобы договориться по этому поводу с королевичем Владиславом, С. Любомирским и комиссарами. На следующий день Собеский возвратился и в ответ туркам сказал, что для скрепления старой дружбы король готов прислать дары, достойные Османа, «если этот последний ответит своему соседу такую же любезностью».

Теперь для окончательного скрепления мира необходимо было идти к султану. На Диване у визиря был и хан крымский Джанибек Гирей. Визирь в своей краткой речи, обращенной к польским послам, отметив факт восстановления между Польшей и Турцией мира, нарушенного войной, указал: «Надеемся, что с нашей стороны не будут нарушены мирные условия; вы же со своей стороны постарайтесь не запятнать своей чести вероломством»³.

¹ Я. Собеский, стр. 115—116.

² Там же, стр. 116.

³ Там же, стр. 118.

Затем, обращаясь к Джанибек Гирею, визирь сказал: «Именем Османа, пред лицом которого татарский хан есть прах, подножие ног его, объявим ему строжайший запрет торговаться отныне с вооруженною силою в Польское королевство; если же он нарушит волю султана, то не только будет лишен ханства, но заплатит за это жизнью»¹. Хан хотел сказать, что границей между татарскими землями и Польшей является речка в пустыне, но был прерван визирем. «Не тебе говорить о границах,—заметил ему визирь.—Татарам подобает выполнять приказания моего господина, а не примешивать к настоящему делу обстоятельства, к нему не относящиеся»².

Затем в знак благополучного окончания переговоров визирь угостил послов шербетом. Окончив шербетопитие, все верхом отправились к султану для получения его одобрения условий мира. В торжественной обстановке сопровождали послов к султану. В ставке Османа II были также крымский хан Джанибек Гирей, Радул и большое количество придворных. Соблюдая все правила восточного обычая, послы Речи Посполитой приветствовали султана, который все время сидел на тахте, окруженный разноцветными подушками. Яков Собеский вручил письмо Любомирского ближайшему паше, тот передал другому, так письмо дошло до визиря Дилавера, который стоял около Османа. Визирь, получив письмо, пал перед султаном и положил грамоту на изголовье. Закончив церемонию вручения письма султану, ~~посол Станислав Жоравинский~~ по приглашению визиря обратился с речью к султану, в которой указал на необходимость заключения мира и восстановления старых дружественных отношений между Польшей и Турцией.

Послы, убедившись, что султан соглашается заключить мир с Польшей, сделали подарки Осману: копье и несколько ружей ювелирной работы. Вручая дары султану, Жоравинский сказал: «Нам хорошо известно, что ты — император, обладающий всевозможными богатствами, что у тебя нет недостатка ни в золоте, ни в жемчуге, ни в драгоценностях; здесь на войне, где прилично заниматься только железом, в руках наших нет никаких драгоценностей, но то оружие, которым мы боролись за отчизну, приносим тебе как другу и союзнику нашего короля с искренним пожеланием, чтобы по заключению тесными узами настоящего перемирия между Оттоманскою и Польскою державами, оружие это доставило тебе победу в борьбе против общих врагов»³.

¹ Я. Собеский, стр. 118.

² Там же.

³ Там же, стр. 120

Теперь необходимо было отредактировать весь договор в целом и каждый пункт в отдельности. Для этого снова обратились у Дилавера. Последний, хотя иногда и проявлял высокомерие, но был очень сговорчив. Известное влияние на Дилавера в этом отношении оказал прием послов донских казаков в польском лагере, за которыми следовало 20000 казаков на помощь в борьбе против турецко-татарских агрессоров. К польскому лагерю приближался Косоховский с провиантами и боеприпасами. Однако главной причиной, заставившей турок быть сговорчивыми в своих претензиях, было неслыханное поражение, понесенное войсками Османа под Хотинном.

Окончательное заключение договора сопряжено было со многими трудностями, даже технического порядка. Ввиду отсутствия переводчика, текст договора писался с большим трудом. Яков Собеский должен был диктовать по-польски некоему Мультану, этот переводил его слова на греческий язык, грек же переводил на турецкий язык, а турок писал текст договора¹.

Дилавер предложил полякам первыми отступить, чтобы очистить турецкую территорию. После многих бесплодных разговоров решено было эту операцию провести одновременно. Но поляки, поскольку это будет возможно для великого войска, должны перенести свой лагерь за Днестр.

Основные положения договора сводились к следующему: султана Османа II будет сопровождать в Константинополь будущий посланник Польши в Турции Станислав Сулишевский, а польского короля Сигизмунда III, следующего в Варшаву из-под Львова, — турецкий посланник.

«Поляки запретят запорожским казакам судоходство по Днепру, за всякую же обиду, причиненную турецким подданным, казаки будут строго наказаны. Татары белгородские, тягинские, килийские, добруджские и крымские должны совершенно воздержаться от набегов на Польшу, а чтобы поставить для них преграду, Осман вооружит Очаковскую крепость»². Эти запреты не распространялись на охоту и на рыбную ловлю.

Для урегулирования пограничных споров стороны согласились учредить специальную комиссию из представителей Польши и Турции.

Польша должна была, по договору, платить крымскому хану жалование ежегодно в размере 30000 злотых, за это хан обязан был оказать Польше военную помощь³. Гаммер

¹ J. Tretiak, s. 190.

² Я. Собеский, стр. 122.

³ М. Титловский, стр. 173.

утверждает, что король должен был платить не 30000, а 40000 злотых¹.

В договор по настоянию польских послов был включен специальный пункт относительно Валахии. Отныне валашскими господами должны назначаться «люди христианской веры», не мусульмане, причем миролюбивые. Хотинская крепость должна быть передана молдавскому воеводе после того, как турецкое войско оставит этот район, отступив за Дунай. В договоре ничего не говорилось о пленниках. Остальные пункты трактата касались вопросов, связанных с установлением дипломатических отношений, с налаживанием торговли и обеспечением безопасности торговых путей.

Было достигнуто соглашение о подарках. Султан должен был получить 2000 соболей, 20 лисьих шуб, драгоценную шапку и двое часов. Для остальных были установлены подарки: великому визирю — 20000 талеров, для хаджи — 10000 талеров. Гизлар-агасы должен был получить столько, сколько великий визирь Дефтердар—сколько Хаджи².

В заключительной части соглашения сказано: «отныне оба государства будут иметь общих друзей и врагов; старым трактатом возвращается их прежняя сила, новые же должны оставаться неприкосновенными, и тот, кто отважился бы нарушить их, да назовется клятвоприступником»³.

Главное значение перемирия заключалось в том, что оно фиксировало поражение Турции в войне, положило конец войне, сократило количество жертв войны. Что касается его статей, то они, по существу, не отражали ту новую обстановку, которая породила их.

Татарами перемирие было нарушено до того, как Джанибек Гирей вернулся домой из-под Хотина. Нурадин, брат крымского хана, распустил свои загоны на равнинах: злочовских, зборовских, ярчовских; они жестоко опустошали земли: русскую, волынскую, бельзскую, зажигали города и села, угоняли лошадей и скот, уводили в ясыр крестьян всех возрастов и полов, ровно как и шляхту, «так что стоны пленников оглашали турецкий лагерь»⁴.

С этими условиями мира польские послы возвратились в свой лагерь. Ознакомив польское командование, послы отправились к казакам, чтобы сообщить им об условиях мира, о возврате войска домой. К моменту возвращения польских послов в свой лагерь, недовольство результатами переговоров

¹ Гаммер, т. VIII, стр. 206.

² J. Treŭiak, s. 190.

³ Я. Собеский, стр. 122—123.

⁴ Там же, стр. 124.

охватило запорожские полки. Казаки выражали недовольство уступчивостью поляков, особенно в казацком вопросе.

Прибывшие к запорожцам Яков Собеский и Матвей Лесновский заявили казакам, что «хотя турки настаивали на строгом наказании их старшины, однако послы, озабоченные его неприкосновенностью, ...не дозволили ничего такого, что могло бы повредить интересам или чести запорожского войска»¹. Казаки в присутствии больного Петра Сагайдачного (он был тяжело ранен), внимательно прослушали условия мира, краткие речи послов, посвященные событиям, связанным с их пребыванием в турецком лагере. В статьях договора, касающихся казаков и их походов на берега Турции и Крыма, не было ничего нового по сравнению с прежним положением по этому вопросу.

Такие условия мира не устраивали у казаков некоторых подозрений и опасений. В силу этого они решили, не придерживаясь установленного порядка, ночью переправиться на ту сторону Днестра. Прежде чем покинуть лагерь, запорожцы выделили послов к королю Сигизмунду III, которые должны были прибыть в Варшаву и изложить ему основные требования казаков, связанные с их жизнью и деятельностью. «Повозки наши, — говорит очевидец, — шли не с провиантами, не с военным багажом и домашнею утварью, но везли больных, раненых и трупы умерших. Много было орлов и знамен, но мало под ними воинов...»².

Война 1621 года очень дорого обошлась и султанской Турции. Войска Османа II потеряли только убитыми более 80000 человек, около 100000 лошадей, мулов и верблюдов³, огромное количество вооружения. Так окончилась памятная Хотинская война, — «война, которой ничего подобного не сохранила человеческая память», говорит поляк Яков Собеский, начиная о ней свое повествование, «война, больше которой век смертных не видел, — война, ужасающая числом войск и приготовлений, славная знаменитыми чудесами мужества, быстрых действий и счастливого окончания, — война, изумляющая века и достойная того, чтобы она в отдаленнейших концах земли у самого позднего потомства получила заслуженную мзду и заняла знаменитейшую перья»⁴.

Имеются и другие данные о потерях воюющих сторон (в достоверности их можно сомневаться). Матвей Титловский, например, говорит, что турки потеряли убитыми рядовых 208000 и 6 пашей⁵. Ахмед Расим утверждает, что турки «в

¹ Я. Собеский, стр. 124.

² Там же, стр. 125.

³ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 741. J. Hammer, Bd. VIII, s. 282.

⁴ Цитата дана в переводе П. Кулиша «История воссоединения...», т. II; 1874, стр. 400; см. также Мемуары, вып. II, стр. 45.

⁵ М. Титловский, стр. 174.

войне потеряли 60000 человек»¹. Несомненно, что эти данные тенденциозны и неверны. Но свехфантастичны утверждения и Наимы, который заявляет, что польское войско потеряло в этой войне 100000 человек². В действительности же все польское войско, включая казаков, насчитывало менее 100000 человек.

Хотинская война 1621 года была начата Османом II с целью завоевания Польши и Украины. По своему характеру она была войной несправедливой, захватнической со стороны турецких агрессоров, справедливой и освободительной со стороны Польши и Украины.

Хотинская война была важным звеном в цепи освободительной борьбы украинского народа против султанской Турции и Крымского ханства.

Когда Осман II со своим огромным, сильно вооруженным войском потерпел поражение, турки начали искать причины «неудачи». Ведь султан, начиная войну, обещал победу и завоевания. Султан был уверен в победе, тем более, что Польша, потерпевшая жестокое поражение под Цецорой, не могла так скоро оправиться, собрать войско. Но агрессоры просчитались. Запорожские полки оказались на передовой линии фронта под Хотинном.

Причины войны 1621 года и поражение в ней Османской империи турецкие дворянско-буржуазные историки объясняют по-своему. Так, Мустафа Наима объясняет причины войны 1621 года тем, что начальник дворцовой охраны Юсуф-паша и предводитель янычар Мехмед Ага враждовали между собой. На этой почве между ними происходили столкновения. Вследствие этого стало желательным удалить янычар, отправив их на войну. Янычары охотно согласились воевать против «неверных», заявляя, что в соответствии с изречением корана они идут на войну не за «золото», а за веру, готовы отдать свою жизнь «за падишаха».

В качестве второй причины войны выдвигается то, что войско пренебрегало указаниями начальства, требовало увеличения жалованья и этим вызывало недовольство султана, который думал о необходимости создания нового войска. В целом же поход являлся результатом подстрекательства «безумцев и невежд», «ненависти и вражды к противнику»³.

Турецкий буржуазный историк Ахмед Расим утверждает, что гибель Каракаша-паши под Хотинном и «ничтожное вознаграждение за доставленных пленных привело в огорчение войска»⁴. Поэтому они плохо воевали. Если бы не орды

¹ А. Расим, т. I, стр. 568.

² Тарихи Наима, т. 2, стр. 206.

³ Там же, стр. 209—210.

⁴ А. Расим, т. I, стр. 568.

татар, катастрофа была бы полная. «В этой войне, — пишет он, — исключительно большую пользу принес эмир оймака¹ больших ногаев Кантимир Мурза»².

Из европейских историков И. Гаммер по существу солидаризируется с турецкими авторами. Турки считают причинами поражения Османа II под Хотинем, говорит он, «ревность между визирями Хусейном и Каракашем, а также между татарским ханом и Кантимиром Мурзой, но особенно чрезмерное невежество и высокомерие, дерзость кизлар агасы Сулеймана»³.

Иными словами говоря, как турецкие, так и европейские историки причины войны и поражения в ней Турции объясняют интригами среди придворных, особенно визирей. Эти рассуждения ненаучны и неверны. Правильно то, что ввиду разложения янычар у султана Османа II имелись намерения заменить их новым войском. Также верно и то, что казаки угрожали туркам преградить путь к новым завоеваниям и грабжам. Разложение верхов, интриги, коррупция — все это имело место в султанской Турции изучаемого периода, но все это скорей было следствием, а не причиной.

Причиной, обусловившей поражение Турции в этой войне, было: начавшийся процесс разложения военно-ленной системы Османской империи, что приводило к ослаблению ее военного могущества; длительные войны против других стран, которые теперь уже не обогащали Турцию, а истощали ее экономику, вызывали недовольство народных масс султанской властью. Жестокая эксплуатация самых широких слоев своего народа, многочисленные тяжелые налоги поднимали их на борьбу против военно-феодального государства султанов.

Важное значение имело также усиление народно-освободительного движения против султанской власти в оккупированных Турцией странах. Османская империя была тюрьмой для населявших ее народов, которые не прекращали освободительной борьбы против турецких колонизаторов.

Хотинская эпопея имеет международное значение. Она знаменита, прежде всего, участием в ней украинского казачества. Без казаков не было бы и победы над могущественной в то время Османской империей. Запорожское казачество было явлением новым, новым не как иррегулярное войско, а по своему особому положению, которое оно занимало в утратившей свою независимость Украине.

В то время как Турция и ее вассалы — татары деградировали, разлагались, обнажая язвы своей гнилости и отстало-

¹ Оймак — племя.

² А. Расим, т. 1, стр. 568.

³ J. Hammer, Bd. IV, s. 792.

сти, запорожские казаки, как новое социальное явление, росли и крепились. Своим участием в войне они решили ее исход. Казаки заставили турок признать себя побежденными в такой грандиозной для того времени сухопутной войне, какой была Хотинская война.

По своему масштабу, по количеству участвовавших в ней вооруженных сил и по результатам Хотинская война была невиданной в истории Османской империи до той поры. Поражение, понесенное турками, потрясло империю до основания. Это поражение Турции показало поработанным народам возможность сокрушить Османскую империю, некогда бывшую грозой для Европы, Азии, Африки. Украинские казаки своим участием в этой войне внесли большой вклад в начало освобождения европейских народов из-под турецкого ига.

Активным участием в войне 1621 года на стороне Польши против Османской империи казаки спасли польскую армию от неминуемого разгрома, а польское государство—от тяжелого и позорного мира.

Хотинская война, хотя и закончилась благополучно для Польши, но показала ее военную слабость. Шляхетская Польша переживала глубокий социально-экономический кризис. Дальнейшее ослабление Польши, Турции и Крыма имело огромное значение для Русского государства, сила и международный авторитет которого росли.

Укрепление Русского государства имело большое значение для южно-славянских стран, с которыми оно было связано тесными историческими узами. Еще большее значение имело укрепление Русского государства для судеб Украины и Белоруссии. Под прямым влиянием русского народа, при его помощи усиливалась борьба украинского народа против Турции, Крыма и шляхетской Польши.

Хотинская война показала исторические заслуги запорожского казачества в борьбе против турецко-татарской агрессии.

Война 1621 года оказала сильное влияние на политическую жизнь Османской империи. Турки потерпели жестокое поражение под Хотинском. Этого нельзя было скрыть. Это поражение еще более обострило отношения султана с его вассалами. Что касается завоеванных стран, то в них борьба против турецкого господства еще более усилилась.

Заклучив перемирие, султан вернулся в Стамбул.

Хотинская война была первой крупной сухопутной войной в истории Турции за всю ее предыдущую историю, в которой турки потерпели такое жестокое поражение.

Неучастие запорожского войска в войне означало бы неминуемое поражение Польши, триумф Турции и ее вассалов—татарских орд. Поражение Польши открыло бы дорогу туркам к широким захватам русских, украинских, польских

земель. Это изменило бы соотношение сил в Восточной Европе в пользу турок. Такой исход мог бы повлиять, разумеется, на известное время, на ход воссоединения Украины с Россией и освобождение ее от иноземного ига.

Поражение же, понесенное Турцией под Хотином, создало новую обстановку. Эта обстановка сыграла свою положительную роль в деле ускорения освобождения Украины из-под иноземного ига и воссоединения ее с Россией.

Поражение под Хотином на известное время парализовало Турцию, ослабило ее в военном отношении и подорвало ее международный престиж. Внутри страны начались выступления в эйялетах, дрогнула опора империи—войско: янычары и сипахи начали выступления против султана. Против султана выступало Крымское ханство.

Война требовала огромного напряжения всех сил народа. Содержащие большого войска и бюрократического государственного аппарата лежало тяжелым бременем на плечах масс. Дикий произвол султанских чиновников, бесправие, тяжелые налоги, взимаемые с населения, недостаток предметов первой необходимости усиливали ненависть народа к эксплуататорской верхушке своей страны.

Осман II все более увлекался наслаждениями гарема. Его окружали властолюбивые, зараженные коррупцией, жадные к деньгам люди. Визири, придворные, бейлербеи жестоко угнетали трудовой народ. Народ ненавидел их. Неправильно было бы смешивать турецкий народ с султанским правительством, так жестоко угнетавшим народные массы страны. Славянские народы, народы арабского Востока, ставшие жертвами турецкой агрессии, усиливали свою освободительную борьбу против турецких колонизаторов. Как и все народы империи, турецкий народ вел борьбу со своими эксплуататорами. Недовольство султанской властью выливалось в массовые выступления горожан и крестьян. Восстаниями были охвачены крупные центры страны. Непокойно было и в столице империи—Стамбуле.

Эксплуататорские классы Османской империи думали не об улучшении тяжелого положения народа, а о новых войнах, о новых источниках обогащения. Шла большая подготовка к созданию нового войска. Сам Осман II собирался поехать в арабские страны для осуществления этого плана. Но он не сумел осуществить его. Он натолкнулся на сопротивление янычар, которые не желали допустить создания нового войска.

Янычары были недовольны результатами закончившейся войны. Ни иллюзии «победоносного» исхода войны, ни трехдневный праздник, объявленный по возвращении султана в столицу (30 декабря 1621 года), ни разосланные «победоносные письма» во все концы империи, ни внешний блеск не в

состоянии были хотя бы на минуту заставить забыть только что проигранную войну и огромные потери. Этот «несчастный, позорный исход войны», предпринятой с большими претензиями и надеждами, но мало обдуманно, ни для кого не был столь роковым, как «для самого Османа»¹, ибо нерасположение к нему войска, которое уже раньше имело место, получило теперь новую пищу и с каждым днем становилось все более открытым и опасным. Внутреннее положение страны было крайне тяжелое. Народ открыто жаловался на наступившую дороговизну.

Кроме того, султан уже опять строил планы «большого похода на ближайший год»². С трудом удалось удержать его от объявления войны Кайзеру, который представил Польшу во время последней войны 8000 войска.

Кантимир Мурза, получил приказ с 20 000 татар двинуться к венгерской границе. Но тут янычары открыто заявили на улицах Константинополя, что «султан может двинуться, куда он хочет, никто больше за ним не последует»³.

Вдруг султан объявил, что собирается отправиться весной во главе своего войска в Сирию, дабы вернуть к покорности восставшего Эмира Фехреддина⁴. Такой поход еще меньше приходился по душе возбужденным янычарам, которые всему предпочитали оставаться на своей земле и наслаждаться «счастьем мирного покоя». Визирям, муфтию, улемам с трудом удалось убедить султана в опасности такого предприятия и уговорить его отказаться от похода.

Заносчивость его войска, в первую очередь янычар, так сильно возмутила султана, что он стал серьезно думать об их уничтожении. Тот не король больше, говорил он в минуты ярости, кто должен выносить дерзость своих собственных рабов, на которых он растрчивает казну и которые после всего этого не хотят воевать, а в мирное время не ведут себя спокойно и недовольны, непрерывно вымогая все новые и новые благодеяния.

После своего возвращения в столицу Осман II дал понять войску, что он недоволен им из-за неудачного польского похода⁵.

Дилавер-паша, бывший наместник Диарбекира, назначенный во время Хотинской войны великим визирем, предложил план, полностью отвечающий намерениям султана. Он, султан, не является больше повелителем Оттоманской империи, наушал Дилавер, и не сможет им быть до тех пор, пока

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 742—741.

² Там же, s 742—743.

³ Там же, s. 743.

⁴ J. Hammer, Bd. IV, s. 798. J. Zinkeisen, Bd. III, s. 745:

⁵ J. Hammer, Bd. IV, s. 795.

власть, которую янычары себе присвоили, будет оставаться в их руках. Дилавер советовал Осману набирать новые войска из числа представителей воинственных курдов, живущих в окрестностях Дамаска; 40 000 этих смелых и нетребовательных людей достаточно будет для личной охраны султана, а если каждый из бейлербеев будет в своей провинции держать наготове определенное количество сильного войска, на случай войны, то он, султан, будет всегда иметь в своем распоряжении значительную армию, которая даст ему возможность совершить больше, чем кто-либо из его предков и которая вместе с тем будет стоить ему намного дешевле, чем эти опасные и бесполезные янычары, которые опустошают его казну.

Осману II очень понравился этот план. Он поручил Дилаверу заняться его осуществлением. Великий визирь вскоре собрал обещанные 40000 человек. Теперь согласно «тайному плану» султан должен был лично отправиться в Дамаск, пробыть там год, дабы сформировать свое новое войско, а затем во главе его вернуться в Константинополь, чтобы с его помощью одним ударом полностью уничтожить янычар и сипахов, положить конец их властвованию. Если это удастся, то тогда можно будет занять совершенно другую позицию и по отношению к христианскому миру и опять прославить и вознести «на почетное место имя турок»¹. Предлогом для поездки султана должно было послужить паломническое путешествие в Мекку. Началась и подготовка флота. Сто кораблей должны были выйти в апреле 1622 года в Черное море. Но подготовка к поездке султана в Мекку страшно возбудила мятежный дух войска. То обстоятельство, что султан брал с собой в это путешествие большую часть золотой и серебряной посуды, разные драгоценности и даже святые сосуды из мечетей, которые велено было переплавить, дабы удобнее было их перевозить,—все это давало повод подозревать, что это паломничество преследует совершенно другие цели. К этому прибавились слухи, вызванные некоторыми неосторожными высказываниями султана, который не сомневался в удачном завершении своего плана. Однажды он высказался, что вскоре у него будет достаточно солдат, чтобы «наказать и убрать со своего пути этих трусливых янычар»². Узнав об этом, янычары силой воспрепятствовали поездке Османа. Волнение среди янычар достигло таких угрожающих размеров, что визири, среди них сам Дилавер, посоветовали султану отказаться пока от своего намерения. Но Осман II настаивал на своем. Пусть по крайней мере, подождет он, доказывали султану, прибытия польского посланника, который должен

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, S. 744—745.

² Там же, s. 745.

«со дня на день приехать для заключения мира. Но и это не произвело никакого действия, как и «фетва», который муфтий послал султану, подчеркивая, что поломничество для властителя не является необходимостью, первой обязанностью его является защита справедливости, в особенности тогда, когда следует опасаться беспорядков. Но было поздно.

18 мая 1622 года янычары собрались в своих казармах, дабы здесь держать совет с сипахами относительно того, что дальше делать. Те янычары, которые уже были посажены на корабли, что должны были вот-вот выйти в море, покинули их и тоже присоединились к возбужденной массе. Янычары были недовольны еще и тем, что султан посылал их под Хотиню на самые опасные участки фронта против запорожских казаков и мало платил за доставленные казацкие головы¹. За голову каждого казака султан платил по 50 червонцев². Положение ухудшалось с каждым часом.

Посланная султаном делегация к янычарам не сумела уговорить их разойтись. Янычары потребовали от муфтия категорического ответа на вопрос: «разрешает ли закон убивать тех, кто оболъщает падишаха нововведениями и проматывает имущество мусульман?» Он ответил утвердительно. Янычары и сипахи задались целью убить всех тех, кто подстрекал султана к походу, и авторов нового плана, в первую очередь Дилавера. Янычары начали предъявлять различные обвинения Осману II и придворной знати как виновникам поражения Турции в войне. Султану предложено было великим визирем спастись бегством в Азию, но Осман II отказался. С таким же упорством отказал он улемам, которые от имени войск, собравшихся на ипподроме, потребовали выдать шестерых людей, рассматриваемых как главные виновники всех бед. Обвинялись, кроме Дилавера, визирь Хусейн-паша, кизляр агасы Сулейман, начальник финансового управления Баки-паша, Джанибек Гирей и другие.

Все более распространялись слухи о подготовке к выезду султана из столицы. Войска собирались большими группами и высказывались за убийство виновников «Хотинской трагедии». Встревоженный сбором войск, Осман II собрал улемов, чтобы выяснить причины войсковых «беспорядков». На вопрос Османа II, почему собрались войска и чего они хотят, улемы ответили, что, во-первых, они не желают выезда султана в Анатолию и требуют казнить некоторых из придворных, в том числе великого визира, начальника дворцовой

¹ А. Р а с и м, т. 1, стр. 569—570; И. Г а м м е р, т. VIII, стр. 208—224.

² Богдан А. Дедицкий. Народная история Руси. ч. 2, Львов, 1868, стр. 149.

³ J. Zinkeisen, Bd. III, S. 748.

охраны¹. Султан спросил, в чем вина последних. «Они подстрекали падишаха на поход», — следовал ответ². То же повторилось на следующий день. Хотя султан приказал верной ему охране разогнать «бунтовщиков», но было уже поздно. Войск было много, а «морская артиллерия была направлена на сарай»³ (дворец). Улемы уговаривали султана выдать им великого визиря Дилавера, начальника гарема—Сулеймана, дефтердара Баки-пашу и др., этим удастся спасти трон и самого Османа II. Многие думали, что войско ограничится умерщвлением этих лиц. Пока улемы уговаривали Османа II, султанский дворец был окружен народом и войсками. Народ требовал наказания всех виновников военной катастрофы. Султан был охвачен паникой, не зная, на что решиться. Теперь он обвинял улемов, что они привели народ в отчаяние. Он стал угрожать им смертной казнью⁴. Очевидец говорит, что визирь бросился к ногам Османа II со словами: «Мой падишах, если требуется, отдайте и мою голову, но подумайте о своем благополучии»⁵. К этому времени султанский дворец был окружен. Тут были не только вооруженные янычары и сипахи, но и разгневанная масса с дубинами в руках. Многие из придворных спаслись бегством. В течение более чем трех часов дворец находился в осадном положении⁶. Затем восставшие овладели дворцом. Пойманных убивали на месте. В такой обстановке вдруг раздался крик: «Мы хотим султана Мустафу», «именем закона требуем султана Мустафу»⁷. Выкрики в пользу низложенного слабоумного Мустафы раздавались все чаще и чаще. Мустафа был обнаружен, освобожден, его привели в султанский дворец и посадили на трон. Затем янычары взяли в плен султана Османа II. Повстанцы потребовали от улемов присягнуть на верность Мустафе. Испуганные улемы присягнули.

Во всех минаретах было объявлено о низложении Османа II и провозглашении султаном Мустафы. Некоторые европейские исследователи истории Турции, не вникая в суть дела, в причины, мотивы всего происходящего в Турции, думали, что все то, что происходило в стране, после поражения под Хотинном, было недовольством локального характера, вовсе не связанного с глубокими социально-экономическими причинами. Так например, Цинкайзен пишет: «Если бы Осман выдал, не колеблясь, этих людей, то восстание, по-видимому,

¹ А. Расим, т. I, стр. 573.

² Там же, стр. 573.

³ А. Расим, т. I, стр. 573; J. Zinkeisen, Bd. III, s. 743.

⁴ А. Расим, т. I, стр. 584.

⁵ J. Hammer, Bd. VIII, Wien, 1834, s. 218.

⁶ А. Расим, т. I, стр. 574.

⁷ Слабоумный Мустафа был низложен и держался в подвале дворца, под домашним арестом.

на этом закончилось бы и он спас свою жизнь и трон, ибо тогда еще никто не думал о мести лично султану и о том, чтобы лишить его жизни и престола. Лишь сила порвавшего всякие сдерживающие оковы восстания, как оно обычно бывает, погнала людей и шаг за шагом привела их к этому, крайнему»¹.

Восстание прокатилось по всему городу. «Эта дикая солдатская власть», для которой Мустафа стал игрушкой, парализовала всю страну. С Османом II обошлись сурово.

Бывшему грозному султану надели на шею толстую веревку и в таком виде вывели на улицу на показ народу. По пути следования Осман был страшно избит, затем задушен².

Так позорно кончил свою жизнь Осман II, мечтавший стать властелином чуть ли не всего мира.

За всю свою прошлую историю Оттоманское государство не знало подобного случая. Много было случаев умерщвления государственных деятелей, но «умерщвление падишаха,—говорит А. Расим,—впервые сказалось на теле Османа II»³.

Европейская литература делает такой вывод: если бы Осман избежал «своей судьбы»—смерти, случилось бы одно из двух: либо, если Осман бежал в Азию, восставшие избрали бы себе другого султана и распад Оттоманской империи, пусть даже на европейскую и азиатскую империи, стал бы тогда неизбежным; либо Осману удалось бы быстро и решительно провести в жизнь свой план, уничтожить власть янычар и с помощью средств и более здоровых элементов влить свежие силы в сосуды империи и обеспечить ей более блестящее будущее. «Последнее было бы для христианского мира самым опасным»⁴.

После Хотинской войны создалось «никогда еще не существовавшее и вряд ли возможное в будущем положение для блага христианства и полного ниспровержения турецкого владычества в Европе». Вот что писал по этому поводу Томас Рой в одной из своих депеш сразу же после войны: «К сожалению, я не осмеливаюсь льстить себя надеждой, что бог настолько раскроет глаза христианским князьям, что те наконец-то поймут мелочность их ссор между собой в то время, когда эта могучая империя требует от них быть едиными и разделить ее меж собой, как попавшую в их руки добычу»⁵. Хотя эти положения показывают наличие политического кризиса, но могли ли тогда державы договориться, как того пожелал осуществить Томас Рой? Конечно, нет (но о них ниже).

¹ J. Zinkeisen, Bd., III, S. 748.

² А. Расим, т. I, стр. 574—580; Гаммер, т. VIII, стр. 220—228.

³ А. Расим, т. I, стр. 580.

⁴ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 751.

⁵ Там же.

Султан Мустафа—человек, лишенный умственных способностей, не мог управлять страной. Положение страны было крайне тяжелое.

Неустойчивым положением в стране воспользовались янычары и сипахи. Они добивались назначения на государственные должности того, кого хотели. Султан не успевал делать назначения и даже не знал, кого куда назначают. В течение трех месяцев сменилось четыре великих визиря.

События, происходившие в столице, оказали свое влияние на всю страну. Неповиновение султанскому правительству все усиливалось. Фирманы султана на местах почти не выполнялись. Экономическая жизнь страны также была парализована. Не хватало хлеба и других продуктов, росла дороговизна. Помещики отбирали у крестьян весь урожай, начался голод в деревне. Голодные массы толпами ходили из города в деревню и обратно в поисках хлеба.

Многие смещения и назначения в провинции сопровождались столкновениями местных феодалов с войсками. Так, например, когда султан Мустафа, по требованию войска сделал новое назначение валии Эрзрума, это вызвало большое недовольство со стороны валия Абазы-паши, который должен был уступить место другому. Тогда Абаза-паша решил начать борьбу с янычарами. С этой целью снарядил большое войско и начал поход на Анкару и Сивас. С сорокатысячным войском он окружил Анкару, где много было янычар. В течение трех месяцев вел он борьбу с янычарами. Абаза-паша отдал строгий приказ истреблять янычар, забирать их имущество¹. Под предлогом борьбы с янычарами поднимали головы некоторые бейлербеи. Усилились сепаратистские стремления окраинных феодалов. Сам визирь Хусейн в октябре 1622 года жаловался, что «многие города отложились от столицы, живут сами по себе и даже думают воевать с нами»².

Султан Мустафа, который боялся показаться среди людей, по совету улемов, был отправлен в Мекку. Визирь Хусейн, управляющий страной, настоятельно требовал заключения с Польшей мирного договора, чтобы добиться прекращения казачьих походов, как было предусмотрено перемирием 1621 года.

Поражение в войне 1621 года, внутренние беспорядки, выступления войска, ослабление связи между турками и крымским ханством создавали условия для нанесения Османской империи новых ударов. Характеризуя борьбу казаков с турецкими галерами, Фома Рой в мае 1623 года писал, что «казаки для них (турок—А. М.) опаснее многих самых сильней-

¹ А. Расим, т. I, стр. 588.

² См. А. Новосельский, указ. труд, стр. 105.

ших неприятелей, так как они часто вступают в бой с галерами и уничтожают их, тем самым мешают доставке жизненно важных предметов в Константинополь»¹.

В дальнейшем казаки совершали успешные морские походы на 300 чайках, 150 чайках, 100 чайках. Мустафа Наима, описывая морские походы казаков, их мужество, героизм, говорит, что нельзя найти на земле людей более отважных, смелых, особенно в морских битвах, чем казаки. Сам Осман II был изумлен мужеством и отвагой казаков во время Хотинской войны². При неустойчивом внутреннем положении Турции блестящие морские и сухопутные походы казаков еще более усиливали послевоенный кризис в Турции.

Из вышеприведенных фактов, характеризующих внутреннее положение Турции, видно, какие важные последствия имело поражение султанского войска под Хотином в 1621 году. Победа, одержанная над турками под Хотином, явилась чрезвычайно важным событием в длительной борьбе украинского народа с турецко-татарской агрессией. Удар, нанесенный Турции в этой войне, вызвал политический кризис и, таким образом, усилил внутреннее ослабление Османской империи.

Для заключения окончательного договора Польша послала в Константинополь князя К. Зборовского. Он находился в пути весною 1622 года, когда до него дошло известие о вспыхнувших в Константинополе беспорядках. Это побудило его оставаться пока в Каменце.

Между тем, английский посланник Томас Рой, согласно полученным инструкциям, вплотную занялся делом польского мира и со всем усердием старался ускорить его заключение. При этом он встретился со значительными трудностями. С одной стороны, польский сейм не одобрил предварительный договор, а именно, два его условия: о дальнейшей уплате в 40000 гульденов татарскому хану и об обязанности ручаться за мирное поведение казаков. Кроме того, сейм не хотел согласиться на отправку «почетного подарка» и требовал, чтобы султан со своей стороны поручился за мирное поведение татар и отпустил бы польских пленников, еще находившихся в Константинополе.

Сигизмунд III хотел лишь тогда отправить своего полномочного представителя в Константинополь, когда Турция заявит о своей готовности принять новые выдвинутые им условия. Он собирался послать сперва простого агента, за которым, если Турция окажется покладистой, должен был последовать посол для заключения договора.

¹ См. В. Ламанский. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании, СПб, 1859, стр. 91.

² Жерела, т. VIII, д. № 148, стр. 235.

Однако, очевидно благодаря вмешательству Т. Роя, король пошел в этом вопросе на уступку и сразу послал своего полномочного представителя.

Незадолго до начала беспорядков Томас Рой добился того, что Турция заявила о своей готовности освободить пленников и особенно Корецкого. Но после убийства Дилавера, который был душой всех этих переговоров, продолжение их было затруднено безграничной запутанностью всей обстановки и полной неосведомленностью преемника Дилавера Дауда. Имели место и другие препятствия: татары продолжали свои опустошительные набеги на Украину и Польшу, а запорожские казаки с «ответным визитом» появлялись порою под стенами Константинополя, «забирали множество кораблей», разрушали оборонительную систему Турции. Эти события вызвали новые жалобы с обеих сторон, и отношения стали еще более напряженными. В июне вновь назначенный великий визирь Хусейн решился на мерзкий поступок — он велел задушить Корецкого в тюрьме. Перед Т. Роем он оправдывался тем, что клятвенно уверял, будто Корецкий умер «естественной смертью от чумы»¹.

В такой обстановке разрыв оказался бы неизбежным, если бы необходимость сохранения мира не была для обеих сторон еще более настоятельной. Турция в своем бессилии ничего не могла предпринять, а король Сигизмунд был слишком занят войной с Россией и Швецией. Зборовский, который сидел в Каменце, получил приказ, несмотря на все еще существующие затруднения, отправиться в Константинополь и как можно скорее добиться заключения мира. В начале ноября Зборовский торжественно въехал в Константинополь в сопровождении свиты из более чем 300 человек. Но одновременно с Зборовским в Константинополе находился и русский посланник, который старался помешать заключению мира с Польшей. Однако он нашел в лице Томаса Роя намного более опасного противника, чем польский посол Зборовский. «Это был вообще первый случай, когда представители Англии и России вступили в борьбу на этой столь трудной почве², на которой в дальнейшем столь часто видели их борющимися за победу»³. Претензии русского посла были обоснованными. Русский посол возражал против мира с Польшей потому, что султан Осман II, начиная войну против Польши, обязался вести эту войну «в течение семи лет и ни в коем случае не заключать мира без участия его государя (царя — А. М.)»⁴.

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 754—755.

² Разрядка Цинкайзена.

³ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 755—756.

⁴ Там же, s. 756.

Россия в войне не участвовала. Сама война-то длилась всего 42 дня. Трудно судить, на что рассчитывал султан, обещав вести семилетнюю войну. Тут ясно одно, что ослабление в войне как Турции, так и Польши было весьма полезным для Русского государства, а в равной мере и для украинского народа. Но турки умело использовали эту обстановку, чтобы заставить польского посла умерить требования своего короля. В частности, великий визирь Хусейн ни за что не хотел удовлетворить требования Зборовского об отстранении князя Молдавии и наместника Селистрии, столь ненавистного Польше Кантемира Мурзу. Сам же он (Хусейн) требовал, чтобы Польша не только платила дань Турции, но и немедленно вручила ей почетный дар в 300000 талеров. Этого добиться он не смог, однако, все же заставил Зборовского уплатить 60000 талеров, после чего он был допущен на аудиенцию к султану. Нужда в мире была велика. Обе стороны, не желая покориться друг другу, в то же время старались достигнуть мира. Ведение переговоров было ускорено тем обстоятельством, что Россия заключила мир с Польшей. Когда обстановка немного разрядилась, то великий визирь попросил английского посланника о посредничестве. Т. Рой вмешался.

Многие спорные вопросы были урегулированы в процессе переговоров. Когда переговоры о мирном договоре благополучно шли к концу, в мечети Сулеймана выступил один из командиров сипахов, который от имени своей части потребовал, чтобы Зборовский был оставлен в Константинополе заложником до тех пор, пока посланник Турции не отправится в Польшу с мирным договором и не вернется оттуда «с ратификацией договора сеймом»¹.

На это Зборовский не согласился. Снова мир был на грани срыва. Однако тяжелое положение Турции сказалось. Мир был заключен. Мирный договор состоял из 19 статей. В основном они подтверждали прежние договоры и перемирия, заключенные под Хотином. Обе стороны взаимно обязывались удерживать татар и казаков от походов и возмещать причиненный ими ущерб, в случае нарушения мира. Пленные были отпущены. Хотин был присоединен к Молдавии и определен как место, куда должна была отвозиться дань, которая по-прежнему ежегодно должна была выплачиваться Польшей татарскому хану². В договор был включен пункт о торговых отношениях между странами. Главным пунктом для торговли обеих сторон был определен Аккерман.

Зборовский был так рад этому удачному завершению де-

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, s. 758.

² Делеша Томаса Роя от 20 февраля 1963 года, см. J. Zinkeisen, Bd. III, S. 758—759.

ла, что тут же покинул Константинополь, не дожидаясь официального оформления мирного договора. Договор был отправлен ему вслед. Но как велико было удивление Зборовского, когда он в пути стал просматривать договор и тут же обнаружил, что многие его статьи значительно видоизменены в ущерб Польше. Он тотчас же заявил свои претензии великому визирю по поводу такого «дипломатического вероломства». Великий визирь переложил вину на переписчиков, а искаженные статьи были восстановлены в своем первоначальном виде.

В июле 1623 года в Константинополь прибыл новый польский посол, который привез ратифицированную грамоту¹. В 1623 году султана Мустафу заменил Мурад.

В период правления Мурада IV (1623—1640) в жизни империи наблюдается, с одной стороны, целый ряд дворцовых переворотов, до основания расшатавших внутреннюю жизнь империи, а, с другой стороны, султан Мурад вынужден был собрать все свои силы, чтобы покорить своей властью азиатских «мятежников» и довести до благополучного конца персидскую войну. Эта эпоха была самым подходящим моментом для того, чтобы европейские монархи и народы объединенными силами легко могли бы положить конец турецкому господству в Европе и, по меньшей мере, опять отбросить турок в Азию. Широко было тогда распространено в Европе мнение, что для победы не нужны были бы особенно значительные силы².

Француз де Гэйе (de Hayes), который в 1621 году был отправлен Людовиком XIII с особой миссией в Константинополь и Иерусалим, писал, что султан имеет в своем распоряжении весьма значительную военную силу; но теперь все более значительными становились недостатки турецкого военного устройства, недостатки, которые уже давно парализовали силу этих военных масс и во многих отношениях сделали их совершенно непригодными для употребления. Как можно, например, было, не говоря уже о других бедах, собрать для похода самую малую часть из всех сотен тысяч леной конницы. Часто проходили целые месяцы, пока требуемые контингенты, измученные и ослабевшие, прибывали к месту сбора. А потом почти невозможно было удержать их даже на несколько недель сверх положенного срока. Ибо они считали себя военнообязанными только на период времени от марта до ноября, во время которого они сами должны были заботиться о своем содержании. Никто не мог их заставить дальше находиться в походе, если султан не соглашался выплачивать им из своей казны такого же жалования, как и

¹ J. Zinkeisen, Bd. III, S. 759.

² J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 178.

силах. А это, как было подсчитано, потребовало бы ежемесячно 7 миллионов ливров, сумму, которую, учитывая тяжёлое финансовое положение империи, никак нельзя было добыть¹. Султану Осману II потребовалось больше года, чтобы собрать армию для Хотинской войны. При этом не только страна, но и столица была так оголена, что в некоторых провинциях не оставалось ни одного солдата, а в Константинополе были вынуждены привлечь к несению караула «даже французских купцов, проживавших там»². О том, как далеко зашло дело разложения устоев империи еще при Османе II, можно судить по тому, что появление нескольких казацких чаек, которые разрушили два или три села на берегу Черного моря, ввело столицу в такой страх, что знатные турки обратились к французскому послу, прося защиты на тот случай, «если город действительно будет взят этими неустрашимыми» запорожцами³. Вот почему, продолжает Гэйё, совершенно нечего бояться того, что в случае нападения на султана придется воевать со слабой армией. Стоит только победить слабые пограничные гарнизоны, как можно будет легко и без всякого сопротивления продвинуться до самого Константинополя, т. к. на пути не встретится никаких крепостей, а христианское население местностей, через которые будут проходить войска, только и ждет случая сбросить с себя «тираническую власть султана»⁴.

Это мнение не было единичным. Оно овладело умами многих государственных и общественных деятелей. Томас Рой, который в принципе не склонен был недооценивать мощь Турции⁵, считал, что в сложившейся обстановке 30000 человек, не прибегая к оружию, могли бы дойти до ворот Константинополя. То, что Европа не в силах собрать даже такую армию, то, что государи христианского мира настолько ослеплены, что не в силах пренебречь собственными распрями и объединить свои силы, дабы завладеть этой добычей, которая сама будто бы отдается им в руки—это является «роком, проклятием мира», благодаря которому Оттоманская империя достигла такой мощи и величия. «Теперь,—воскликает Томас Рой,—не хватает только сильной руки, чтобы окончательно свалить эту шатающуюся стену»⁶.

¹ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 179—180.

² Там же, s. 180.

³ Там же.

⁴ Там же, s. 181—182.

⁵ Он считал, что если Турция и не в силах больше вести такие же большие войны, как прежде, то все же она еще достаточно сильна для того, чтобы оказать помощь в борьбе против врагов, которых она сама больше всего боится.

⁶ Т. Рой. См. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 181.

К сожалению, и в Константинополе очень хорошо знали, что с этой стороны совершенно нечего опасаться до тех пор, пока христианство еще достаточно занято собой и своими вечными войнами, хотя там (в Константинополе) и бывали иногда весьма озабочены, и во внешней политике Турции, при всей ее надменности, все больше проявлялись осторожность и некоторая уступчивость, с помощью которых она старалась хотя бы сохранить видимость свободной и решительной воли, самостоятельности и могущества¹.

Здесь нет необходимости подробнее останавливаться на тех обстоятельствах, которые раскалывали (разъединяли) тогда христианский мир и рассеивали силы и интересы европейских государств, что влияло на их отношения к Турции. Все же мысль об общих действиях для уничтожения «турецкого владычества» тогда еще не совсем исчезла. При этом господствующим оставалось мнение, что действовать придется больше на море, чем на суше, и поэтому главной заботой западных держав должно быть создание общими силами сильного флота, с помощью которого можно было бы начать наступление против Османской империи с уязвимой ее стороны. Еще раньше, в 1573 году, весьма осведомленный в восточном вопросе епископ Антониус Феранциус старался обосновать это мнение в своей памятной записке, отправленной кайзеру Максимилиану II. Теперь же Франсуа Савари синьор де Брев хотел дать практическое применение этой мысли в своем меморандуме, который он представил королю Людовику XIII. Признав, что султан все еще имеет в своем распоряжении значительные вооруженные силы на суше и на море, Савари приходит к выводу, что до полной победы на море на суше ничего не добиться. Победы же на море легко можно будет добиться, если только морские державы захотят объединить для этой цели свои боевые силы. Чтобы доказать справедливость своего утверждения, Савари делает обзор тех морских сил, которые соответствующие государства в силах представить.

Король Испании легко может собрать 100 галер, республика Венеция — 200 галер и по меньшей мере 6 огромных гамас. Сама Франция до 50. Савойя—5—6 галер, Тоскана—10—12, Генуя — 8—10, Мальта — 6 и, наконец, Рим (папа) — 8—10. Таким образом можно будет располагать весьма значительным флотом из 380 галер и 6 гамас². К ним можно будет потом добавить до 200 больших транспортных кораблей из Атлантического океана, которые отчасти будут предоставлены Англией, отчасти объединенными Нидерландами, королем Испании и Франции. Часть их, снабдив орудиями,

¹ Т. Рой. См. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 182.

² J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 183.

можно будет использовать в качестве военных кораблей, в целом же для перевозки съестных припасов, солдат и оружия. Местом сбора этого флота должен был стать город Мессина¹.

Дабы и здесь быстро добиться желанной цели, де Брев, полагает, что одновременно с действиями на море следует начать военные действия на суше. Сильная армия под водительством кайзера и имперских князей должна из Болгарии начать наступление на Адрианополь. После этого король Польши, как и князья Молдавии, Валахии и Семиградья, несомненно перейдет на сторону остальных христианских держав. Если учесть при этом, что легко можно подтолкнуть на борьбу с султаном персидского шаха и многие народы Азии и Африки, которые до сих пор еще томятся под турецким игом, то, несомненно, можно достигнуть поставленной цели, то есть разгромить Оттоманскую империю.

Стоило начать повсеместные действия, как «огромное здание Оттоманской империи», развалится, а отдельные государства, из которых она состоит, легко станут добычей победителей. Правда, дабы избежать всяких споров потом, говорит де Брев, лучше заранее договориться о том, как будет разделена завоеванная территория между теми, кто своим оружием содействовал великой цели². Он не предлагает план раздела «добычи». Но он правильно подмечает, что ни одна держава в отдельности не сумеет заставить Турцию отказаться от какой-то части своего тела. Требуется единство действия. Для этого, прежде всего, надо освободиться от всякого недоверия, не спорить друг с другом о преимуществах одной державы перед другой, а думать единственно только о том, чтобы низложить «своего сильного врага», который своими победами и мощью своего оружия «принизил величие и славу христианского мира»³. Де Брев искренне верил в возможность уничтожения Оттоманской империи.

Но различие интересов и взаимная неприязнь продолжали разделять силы и стремления стран. Возьмем для примера отношения Франции с Турцией. Отношения между ними определялись договором 1604 года. Теперь в своем меморандуме Людовику XIII де Брев выдвигал следующие основные доказательства необходимости сохранения добрых отношений с Турцией. Этого требуют интересы французской торговли на Востоке и то значение, которое французский флаг уже давно имеет на Востоке не только для Франции, но и для всего христианского мира, ибо под покровительством Франции разрешено было торговать на Востоке испанцам, итальянцам,

¹ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 184.

² Де Брев. См. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 186—188.

³ Там же, s. 187—191.

нидерландцам. Этим самым короли Франции хотели доказать государям Европы, что они заботятся не только о выгоде для своих граждан, но и об общем благе христианства.

Дальше Де-Брев говорит о религиозных интересах, о том, чего удалось добиться в этой области благодаря исключительной дружбе короля Франции с Турцией.

И, наконец, он указывает и на политические мотивы. Весьма желательно обеспечить себе дружбу с Турцией на тот случай, если соседям Франции, завидующим ее величию, придет в голову «нарушить ее спокойствие». Если, например, это попытаются делать немецкие имперские князья, то самым лучшим средством против них будет побудить султана отправить армию в Венгрию. Это заставит их (князей) заботиться о безопасности своих собственных солдат. Таким же путем можно будет обезвредить и врагов Франции на море «с помощью галер султана и пиратов». «Вот почему,—говорит в заключении де Брев,—король не может отказаться от этой дружбы, не нанося явного ущерба своим подданным, которые, потеряв эти отличные возможности для торговли, лишатся значительных выгод и в будущем. Ежели все же какая-то особая причина побудит или заставит его величество порвать союз с султаном, то можно не сомневаться, что наше место тотчас же займут некоторые князья, наши соседи¹, которые еще не добились доступа к Порте, ибо они очень старались об этом и с этой целью отправили в Константинополь своих послов, действия которых сведены были на нет значением, влиянием и бдительностью королевского посла»².

Аналогичную политику в отношении Турции Франция проводила и позже.

Накануне новой турецкой войны Екатерина II во время частной беседы с французским посланником Сегюром, упрекая Францию за ее туркофильскую политику, сказала ему: «Что если бы вы имели в Пьемонте или в Испании таких соседей, которые ежегодно заносили бы к вам чуму и голод, истребляли бы у вас и забирали бы в плен по двадцать тысяч человек ежегодно, а я взяла бы их под свое покровительство, что бы вы тогда сказали? О, как вы стали бы тогда упрекать меня в варварстве». В ответ французский посланник высказывал общее положение о поддержании «политического равновесия в Европе». Но в своих записках он более четко определяет свое личное отношение к этому факту; лично ему кажется постыдною эта ложная близорукая политика, по ко-

¹ Де Брев главным образом намекает на Испанию и Англию, с действиями которых он лично столкнулся во время заключения договора 1604 года (Подробно об этом см. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 211—216).

² Де Брев. см. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 211.

торой сильные державы вступают в союз и делаются данниками грубых мавров, алжирцев, арабов и турок¹.

Екатерина, по всей вероятности, намекала на уплату дани европейцами туркам и их вассалам, что сохранилось и в XVIII в.

Англо-французские противоречия шли под флагом борьбы за первенство на востоке. Отношение Англии к Турции было обусловлено тогда защитой ее торговых интересов на Востоке. Дружба между Англией и Турцией со времен королевы Елизаветы ни разу еще серьезно не была нарушена, не считая мелких трений по поводу затруднения восточной торговли действиями пиратов.

В 1621 году послом в Константинополь был отправлен Томас Рой. В своих инструкциях король предписал ему усердно избегать всего, что могло бы нарушить существующую дружбу, а также употребить все свое влияние на Диван для того, чтобы любой ценой сохранить или восстановить мир между Турцией и христианскими странами. Даже в случае осложнения со стороны Турции король Англии ни в коей мере не был склонен решиться на исключительный шаг, на разрыв. Вот что сказано было по этому поводу в инструкции: «При Ваших увещеваниях Вы должны почитать за нужное действовать с той уверенностью и смелостью, которые приличествуют нашей чести и которые Вы найдете нужным (употребить — А. М.). Однако так, чтобы Ваши слова не дошли бы до непосредственного объявления войны и открытого заявления о нашей враждебности, ибо это может оказаться только опасным для наших подданных, ведущих торговлю в странах Великого государя и для их имущества. Кроме того, в случае, если султан все же решит последовать своему плану (вести войну против Польши, речь идет о войне 1621 года — А. М.), то это (т. е. объявление войны Турции со стороны Англии — А. М.) принесет мало пользы, если принять во внимание, как мало подготовлены наши военные силы и как мало сможем мы их использовать в этом деле при такой значительной отдаленности, не будучи заранее уверенными в помощи и поддержке других государей, намерения и воля которых нам неизвестны»².

События развивались не совсем так, как того ожидали в Лондоне. В целом Томас Рой, несмотря на большие трудности, с которыми ему пришлось столкнуться в связи с распадом всех существовавших отношений, сумел беспрестанно бороться за свое и отстоять особые интересы его короля и государства и добиться того, что ни одна западная страна не

¹ Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II, СПб, 1865, стр. 141—145.

² J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 260.

могла спорить с Англией в отношении ее влияния на Константинополь¹.

В политических кругах Европы твердо установившимся в то время было мнение, что оба великих северных монарха, король Польши и великий князь или царь московский, относились к наиболее опасным и внушающим наибольший страх христианским врагам Турции.

До тех пор пока чувства, питаемые остальными державами к Турции, оставались преимущественно враждебными, политически мудрым считалось поддерживать дружественные отношения с упомянутыми двумя монархами, так как в случае войны с Турцией можно было с большей выгодой использовать их помощь, ибо королю было известно, что оба они не только располагали значительными боевыми силами у себя в стране, но уже давно распространили свое влияние на соседние, враждебные Турции, народности, которых они во всякое время могут использовать как удобное и действенное оружие для достижения своих целей².

Запорожские казаки могли вести борьбу с турками и татарами как самостоятельно, так и в союзе с соседними странами. Черкесы, хотя и считались подданными султана, в далекой горной стране меж Каспийским и Черным морями образовали авангард вооруженных сил Москвы, к которой их влекли в первую очередь политические интересы.

Как им, так и казакам противопоставлены были тогда многочисленные конные отряды Малой Татарии и Крыма—этих рыскающих, всегда готовых к бою и грабежу людей, которых Турция, пока она над ними властвовала, стремилась использовать в качестве запруды от все дальше разливающихся волн этих северных народностей³. Речь идет о развитии той жестокой борьбы, что разгорелась меж северными странами и Турцией по поводу «владения этими пограничными рубежами», и которая продолжалась не переставая все следующее столетие.

Что таила в себе Россия в отношении Турции, достаточно было «узнать уже 50 лет тому назад, во время первых серьезных столкновений между турками и русскими на Дону и Волге»⁴.

И хотя цари после этого продолжали поддерживать дружественные отношения с Турцией, все же в Константинополе:

¹ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 261.

² J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 483. Пауль Сарпи придерживался мнения, что Венеция должна стараться поддерживать добрые отношения с Польшей и не противодействовать увеличению ее мощи, ибо в случае войны с Турцией можно ждать там значительного отвлечения сил. Такое же мнение высказал в своем донесении королю Испании Филиппу III и дон Алонсо. См. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 483—484.

³ J. Zinkeisen, Bd. IV. S. 484.

⁴ Там же, s. 485.

сумели по достоинству оценить их возросшее могущество. Об этом говорят неоднократные, но напрасные попытки турок склонить русских (а именно после того, как последние, завладев Астраханью в устьях Волги, стали господствовать на Каспийском море), «к военному союзу против персов». Россия не шла на это, ибо ни в коем случае не хотела содействовать увеличению турецкого могущества в Азии. С другой стороны, частые и тяжелые войны между турками и персами истощали Турцию, ослабляли ее военный напор.

Когда Мурад IV взшел на престол, еще далеко не полностью были улажены разногласия, имеющиеся по поводу мира. Только в июле 1623 года в Константинополь опять прибыл польский интернунций¹. Он принес ратификационные грамоты, однако лишь под условием, что исправлены будут «самовольно и обманном путем измененные статьи». Главным условием при этом, естественно, оставалось, чтобы Турция взяла на себя обязательство держать в узде татар, за что король и сейм,—но только при этом условии—согласны поручиться, что казаки прекратят свои набеги и будут придерживаться всех остальных условий мирного договора. Одновременно был отправлен в Варшаву чауш, который потребовал от короля, чтобы тот в случае войны между Турцией и кайзером, согласно условиям последнего договора, не оказал бы никакой помощи кайзеру (Депеша Роя от 20 июля 1623 года)².

Но как могла Турция удержать татар, которые уже всю почти Подолию и Волынь опустошили? И мог ли при таких обстоятельствах король Сигизмунд — даже если бы он в силах был это сделать — серьезно стремиться к тому, чтобы «запретить казакам их» морские походы, доставлявшие «Турции так много хлопот»³?

Уже весной 1624 года в Константинополь прибыл новый польский посол с жалобами на непрекращающиеся нападения татар. При этом он выказал весьма серьезную угрозу, что король не может больше полагаться на вероломные обещания, и если ему не будет сейчас же оказана помощь, то он решится сам с оружием в руках отомстить за подобные бесчинства. На это был дан ответ, что отдан строгий приказ хану, чтобы тот в дальнейшем крепче держал в узде свои орды. Однако это было только средство, с помощью которого хотели успокоить короля. Ибо, хотя вскоре после этого, в июне, новое посольство Польши, поздравившее султана со вступлением на престол, утвердило мир и существовавшие договоры, все же разрыв между Турцией и Крымским ханством зашел

¹ J. v. Hammer, Bd. V, s. 28.

² J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 486.

³ Там же, s. 486.

тогда уже так далеко, что не могло быть и речи о каком-либо влиянии Турции на татар.

В подаваемых султану жалобах описывалось тяжелое положение империи. Вали Эрзрума поднял открытое восстание, покорность Египта колебалась, персы находились у границы, в Малой Азии бушевал мятеж, столица была без продовольствия, в войсках исчезла дисциплина, монета была обесценена, арсеналы разрушены, казна пуста¹. Последним ударом оказалось падение Багдада, которое великий визирь утаил от султана, за что и был казнен. В этом году были получены ответы на разосланные в прошлом году письма с извещением о занятии престола. Часть этих ответов была принесена чрезвычайными послами. Возобновлены были договоры с Англией и Францией, Венецией и Польшей, Голландией и Семиградием, а в следующем году мир заключен с Австрией. Из Польши интернунций привез ратифицированный мирный договор, заключенный князем Зборажским.

Экономическое положение Турции после Хотинской войны было тяжелое. Казна была пуста. Каждому янычару надо было платить по 4000 асперов золотом, а янычар было 45—46 тысяч. То же самое надо было платить 22 000 сипахам, 6000 топчиям, 400 чаушам, 1500 капудчиям и всем, кто стоял на одинаковой ступени из придворного штата—200 поварам и 1500 слугам султанских конюшен². Но где можно было достать столько средств? Надо было решиться на чрезвычайные меры. Таким шагом финансового отчаяния было обращение великого визиря, вопреки возражению ряда членов Дивана, к послам 4-х «дружественных держав», Венеции, Франции, Англии и Голландии, у которых он попросил заем в 30 000 цехинов (один цехин приблизительно 121 аспер). Это было первый раз, когда Турция вынуждена была обратиться к христианским державам, «желая использовать их дружбу таким путем». Великий визирь никакого успеха не добился. Послы «вежливо отказали в этой неслыханной до этого просьбе»³.

Чтобы предупредить возможность самых неприятных событий, султан вынужден был пожертвовать остатком своей золотой посуды. Из нее отчеканены были цехины, которыми «утолили жажду янычар»⁴.

Потом последовал целый ряд казней наместников и визирей, чьи богатства передавались государственной казне, должности же отдавались тем, кто больше за них платил⁵.

¹ Венецианские донесения от 13 апреля 1624 года, см. J. Hammer, Bd. V, s. 26; Ахмед Расим, т. I, стр. 583—584.

² J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 31—34.

³ Там же, s. 35.

⁴ Там же.

⁵ Т. Рой. См. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 36—40.

Затем проведена была финансовая реформа. В стране со-
здалось такое положение, что угрожал голод, необходимо
было поднять опять цену деньгам. Для этого использовали
ближайшую выплату жалования янычарам. Им выплачены
были их 10 асперов поденного жалования, находящихся в
обороте легкой монетой, а через 10 дней было везде объяв-
лено, что 10 асперов в дальнейшем будут иметь стоимость
3-х асперов. Одновременно с этим была понижена и стоимость
цехина, которая должна была дойти до 420 асперов. Для ус-
тановления правильного соотношения между товарами и
деньгами были установлены и соответствующие рыночные
цены на главные продукты питания.

Иностранные наблюдатели считали это началом восста-
новления империи, лучшим показателем того, что дух по-
виновения опять пустил корни и вновь появилось доверие к
правительству¹.

Но эти меры все же не заполнили пустую казну. Огромные
расходы на содержание войска и войны в Азии не могли
быть покрыты за счет «мудрой» бережливости, строгого управ-
ления» и финансовых переворотов. Миллионы, попадавшие в
государственную казну после убийства или смерти сановни-
ков (например, в 1625 году все наследство умершего кизлар
агасы влилось в казну, а состояло оно из 80 ящиков денег, в
каждом по 40 000 цехинов) ничего изменить не могли, ибо
эти деньги опять отсылались в Азию для поддержания «чес-
ти турецкого оружия». Диван каждый день заседал по во-
просам финансового положения страны, но никаких резуль-
татов это не давало. Финансовое положение страны было ка-
тастрофическим.

Характеризуя тяжелое положение страны и невыносимые
условия жизни народа, современники указывали, что первые
годы правления Мурада IV относятся к самым печальным
периодам, которые выпали на долю Османской империи со
времени ее существования, что на «деле кризис болезни госу-
дарства достиг теперь своей вершины, и вполне обоснован-
ным было мнение тех, кто не пророчил больше долгой
жизни этому хилому телу»².

Свирепствовала чума. В июле 1625 года ежедневно только
в одном Константинополе умирало по 2—3 тысячи людей от
чумы. В течение 3-х месяцев от нее погибло в городе больше
140 000 человек. В Египте чума столь сильно свирепствовала,
что по причине уничтожения населения и приостановки всех
дел Турция в этом (1625) году получила оттуда вместо пола-

¹ Делеша Т. Роя от 26 ноября 1624 года. См. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 40.

² J. Zinkeisen, Bd. s. 43.

гающихся 600 000 дукатов дани только половину¹. Так обстояло дело во многих частях страны.

В 1626 году в Константинополе вспыхнуло новое восстание сипахов. В июле выступило около 6000 сипахов. Память о трагической судьбе Османа заставила Мурада и его мать опасаться за власть и жизнь, ибо уже раздавались среди восставших голоса таких, кто похвалялся своим участием в убийстве Османа II².

Когда сипахи, добившись умерщвления ряда неугодных им государственных мужей, успокоились, янычары выступили в защиту убитых, требуя новых жертв.

В 1628 году Т. Рой, тщательно взвесив все обстоятельства, писал: «Мой окончательный вывод состоит в том, что эта империя может существовать, но что она никогда больше не поднимется до прежнего величия»³.

Как только несколько упорядочено было положение в столице, Турция все свои заботы направила в сторону Азии, так как решался вопрос «о том, быть или не быть империи и династии Османа»⁴.

Хотинская война 1621 года, потрясая Турцию, оказала сильное влияние на Крымское ханство. Положение крымского хана Джанибек Гирея, которого еще Осман II хотел сместить, но не успел, было неустойчивым. Претенденты на Крымское ханство—братья Махмед Гирей и Шахин Гирей—давно уже следили за событиями в Турции. Первый из них находился в заключении на о. Родос, второй в Персии.

Махмед Гирей после Хотинской войны думал воспользоваться неустойчивым положением Турции, чтобы добиться ханства. Теперь он имел покровителей в Турции, а также рассчитывал на своего брата Шахин Гирея. При содействии визиря Хусейна Махмед Гирей под охраной турецкого войска был посажен на ханство, а Джанибек Гирей в марте 1623 года был отправлен на о. Родос «в почетную ссылку»⁵.

Став ханом, Махмед Гирей III (1623—1627) вернул в Крым из Персии своего брата Шахин Гирея и сделал его калгой. Персидский шах Аббас, отпуская Шахин Гирея в Крым, надеялся усилить свое влияние на Крым и оторвать его от Турции.

Покончив с Джанибек Гиреем, турки взяли за Кантимира Мурзу. Махмед Гирей получил из Стамбула приказание готовиться в поход против Кантимира Мурзы, на которого теперь хотели свалить вину за хотинское поражение.

¹ J. Zinkeisen, Bd. IV, §. 44.

² Там же, стр. 46.

³ Т. Рой, см. J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 52.

⁴ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 53.

⁵ В. Д. Смирнов, Крымское ханство..., стр. 480.

«Наказание Кантимира за нападение на Польшу и приведение его к повиновению было одним из основных требований польского правительства при переговорах о мире после Хотинской войны»¹.

Разгром Кантимира Мурзы означал дальнейшее ослабление Турции, ибо она лишалась поддержки Кантимира. Это было выгодно Махмеду Гирею, мечтавшему сбросить турецкое иго. Поэтому он охотно на это согласился.

Два брата, Махмед Гирей и Шахин Гирей, после прихода к власти, вскоре вызвали своими властолюбивыми планами подозрение и недовольство Турции. Шахин Гирей, который в своем честолюбии мог мечтать о мировом господстве, вынашивал с согласия своего брата план нападения со своими татарами на Адрианополь, завладеть этим городом и, используя бессилие правительства и имевшее место в стране замешательство, полностью покончить с династией Османов и самому занять престол в Константинополе. В худшем случае можно было спастись бегством в Персию. Вина братьев увеличена была тем, что они тогда позволили себе нарушить международное право. Шахин Гирей задержал на обратном пути двух послов русского государства, поздравлявших султана Мурада со вступлением на престол, и казнил их, забрал их имущество, в том числе султанские подарки русскому царю. Причиной этого убийства было не простое стремление к грабежу, а главным образом подозрение, что целью этого посольства было «заключение союза между Портой и Россией против татар».

Были другие причины, приведшие к осложнению отношений между Турцией и Крымским ханством. Константинополь не мог простить Махмеду Гирею то, что тот отказался присоединить положенный контингент орды к войску султана, отправляемого в Азию, под тем предлогом, что его орда будто бы нужна ему для собственной защиты от «угрожающих стране казаков». Как полагали, однако, он это сделал потому, что Шахин Гирей, 12 лет проживший у персидского шаха в ссылке, состоял с ним в заговоре.

Итак, на Диване было решено силой освободиться от столь опасных татарских вассалов и на их место поставить в Крыму другого, их дядю Джанибек Гирея, незадолго до того низложенного.

Вскоре между Махмед Гиреем и новым султаном Мурадом IV (1623—1640) возник конфликт. Помимо субъективного желания нового султана, этого требовала новая война с Персией. Султан издал фирман о низложении Махмед Гирея и послал в Крым войско и флот. При войске находился и Джанибек Гирей со своими приверженцами. Во главе экспе-

¹ А. А. Новосельский, указ. труд, стр. 110.

диции стал сам Капудан-паша: Он имел эскадру, состоящую из 23 кораблей. Для его поддержки были также посланы в Крым войска, находившиеся в приднэвских провинциях, Молдавии и Валахии. В Турции надеялись, что этих сил будет достаточно, чтобы склонить Махмед Гирей и его брата к добровольному отречению, тем более, что в качестве компенсации им предложены были два наместничества—Морея и Герцеговина.

С одной стороны, турки хотели убрать обоих Гиреев, а с другой—не хотели иметь военного столкновения с Крымом. Поэтому начались переговоры. Махмед Гирей, чтобы выиграть время, охотно вступил в переговоры с командующим турецким флотом Раджаб-пашой.

Еще до прибытия турецкого флота были начаты переговоры между Крымом и запорожскими казаками о совместной борьбе против турок. Переговоры протекали довольно успешно. По достигнутому соглашению часть казаков отправилась самостоятельно морем к турецким берегам, а часть пришла на помощь татарам в Крым¹.

Война, которая разразилась между турками и татарами, окончилась поражением турок. Капудан-паша со своим войском не смог противостать силам татар. Не помогло туркам и новое подкрепление. После отдельных мелких боев состоялась решительная битва, во время которой все турецкое войско «почти до последнего человека погибло». Это был первый случай, когда крымский хан осмелел выступить в руках с оружием против турок. «Это был первый случай,—говорит Гаммер,—когда турецкое войско было наголову разбито войском крымским, и впервые превосходство сил хана, восставшего против приказа о низложении, признано было бессилием Порты»². Больше 5000 человек осталось убитыми на поле боя, еще больше попало в плен к татарам и были затем в Кафе по «смехотворно низкой цене проданы в рабство». Остатки войска спаслись бегством на галерах, а весь обоз, военная касса остались в руках победителей³.

С помощью казаков Махмед Гирей разбил турецкое войско и занял Кафу⁴, освободив ее от турецкого гарнизона. В результате возобновившихся переговоров между турками и татарами было восстановлено прежнее положение, Махмед Гирей и Шахин Гирей остались на своих местах. Хан получил от султана меч и кафтан и новую утвердительную грамоту.

¹ Bohdan Baranowski. Polska a Tatarszczyzna w Latach 1624—1629.

² J. v. Hammer, Bd. V, s. 36.

³ J. Zinkeisen. Bd. IV, s. 489—490.

⁴ Bohdan Baranowski. Указ. труд. s. 29.

Несчастный же Джанибек Гирей снова был отправлен в «ссылку» на о. Родос.

Однако положение Гиреев было непрочное, так как они не могли верить туркам. Поэтому они искали себе союзников. Сначала была сделана попытка войти в соглашение со шляхетской Польшей, чтобы таким путем добиться союза с запорожскими казаками. Когда это не удалось из-за боязни Польши быть снова втянутой в войну с Турцией, Шахин Гирей вступил в непосредственный переговор с запорожцами¹.

Запорожские казаки охотно пошли на эти переговоры, ибо, заключив договор, они добились бы прекращения опустошительных набегов крымских татар и имели бы поддержку в борьбе против турецких агрессоров. Такой договор был заключен 24 декабря 1624 года в результате переговоров между Шахин Гиреем и запорожскими казаками в районе Карай Тепен (Черный курган). Он сыграл определенную роль в истории Украины, явился «большим успехом казацкой дипломатии»². Согласно этому договору, Шахин Гирей не только принимал обязательство удерживать татар от нападений на Украину, но и обещал казакам свою помощь. Казаки, со своей стороны, обещали военную помощь Крыму против Турции. Договор этот явился актом самостоятельной политики украинского казачества. Он давал казакам опору в борьбе с польско-литовскими магнатами, затруднял задуманное правительство усмирение казацкого «своеволия». Соглашение о том, что обе договаривающиеся стороны не будут чинить друг другу вреда, а окажут взаимную помощь, было серьезным событием. Оно шло в разрез интересам Турции и Польши, создавая невыгодное для них положение. Когда спросили пленного казака, взятого во время похода на Босфор (1624 года), кто помогает казакам, он ответил—хан крымский Махмет Гирей. «Если справедливо,—заключает Фома Рой,—а оно вероятно,—взаимное соглашение этих двух народов, то они скоро станут опасны и для столицы и всему государству турецкому»³.

Но союз между крымским ханом и запорожскими казаками не мог быть долговечным. Братья Гирей захотели расширить свою власть и за пределами ханства. Среди прочего они потребовали, чтобы князя Молдавии и Валахии сменялись теперь по их желанию. Это требование не было удовлетворено, тогда они двинулись со своим войском, разрушили Аккерман, Килию, Измаил и целый ряд других городов и опустошили оба эти края. Они не захотели уйти оттуда до тех пор,

¹ Bohdan Wapowski. Указ. труд, с. 33—34.

² Там же, с. 36—37.

³ См. В. Ламанский, Указ. труд, стр. 92.

пока оба князя, Радул в Молдавии и Александр в Валахии, не были низложены, а на их место посажены другие.

Дальнейшее их продвижение было приостановлено выступившим против них Кантимиром Мурзой. Он напал на них с 30000-м отборным войском у Бабатага на Дунае и нанес им столь сильное поражение, что сам Шахин Гирей, потеряв почти все свое войско, еле спасся бегством¹. После этого они стали, казалось, более покорными Турции. В начале 1625 года в Константинополь прибыл посол Махмед Гирей, который от имени хана предложил султану дружбу. Недавнее нападение на Молдавию и Валахию посол оправдывал тем, что это было сделано только во имя интересов Турции, т. к. ничего другого не оставалось, как прогнать из Силистрии заносчивого Кантимира Мурзу и, таким образом, положить конец набегам татар на Польшу. Ибо только таким путем можно склонить короля Польши к тому, чтобы он крепче держал в узде казаков. Это сделает мир между Польшей и Турцией «прочным и продолжительным».

Хотя Диван и не склонен был верить хану, но нашли удобным использовать это заявление для оказания давления на Польшу, чтобы она позаботилась «об обуздании казаков». В ином случае султан будет считать мир нарушенным со стороны короля.

Велико было желание Турции освободиться от угрозы казачества. В 1624 году их действия носили для турок весьма «опасный характер». И действительно, не могло быть ничего более обидного и унижительного как то, что были вынуждены почти все турецкие морские силы «держаться в готовности против этого невзрачного» флота, главная сила которого состояла только в легкости и расторопности судов и в искусности и неустрашимости их экипажей.

Казачьи лодки были маленькими быстроходными судами, необычайно легкой, но устойчивой и удобной конструкции². Летом 1625 года в одном крупном морском сражении с казаками турки одержали победу, напоминающую по мнению турок «о временах Помпея». А размах они сравнивали с морским боем при Лепанто³.

Турки хотели извлечь из этой победы еще более значительные выгоды и думали опять занять более решительную позицию по отношению к татарскому хану и королю Польши. Хан тотчас же получил от султана приказ вторгнуться в Польшу, дабы отомстить за недавнее «нападение казаков на

¹ J. v. Hammer, Bd. V, s. 37—40, J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 490—492.

² О деятельности запорожских казаков смотри раздел нашей работы «Морские и сухопутные походы казаков».

³ Донесение Роя от 24 сентября 1625 года. См. Zinkeisen, Bd. IV, s. 497.

оттоманскую империю», а короля Польши принуждали самому поднять оружие против казаков. Однако эта политика не достигла своей цели. А в это время король Сигизмунд, имея в своих руках приказ турок, подстрекающий татар к нападению на Польшу, поднял крик по поводу столь открытого и вероломного нарушения мира и, со своей стороны, вместо того, чтобы воевать с казаками, еще больше стал их подстрекать против турок и поддерживать их. Он снабдил казаков значительным запасом боевых припасов, а их суда (их в 1623 г. было 700) — вооружением и искусными водителями. Сами казаки задумали не больше не меньше, как «взорвать турецкий флот в Босфоре и двинуться на Константинополь»¹.

Обстановка усложнялась, события насакивали одно на другое. Наряду с охраной проливов и защитой столицы, неотложной заботой турок должно было теперь стать восстановление, или точнее, поддержание мира с Польшей. Польша тоже была не прочь содействовать этому, главным образом потому, что она хотела обеспечить себе мир с этой стороны, дабы быть в силах с большим упорством направить все свои силы против шведов. Но именно это было причиной того, что Томас Рой, чьего посредничества король Польши опять хотел добиться, на сей раз показал себя менее склонным к содействию этому миру. В сложившейся тогда в Европе обстановке Рой считал более целесообразным и отвечающим также интересам политики его страны по возможности придерживаться середины, т. е. содействовать тому, чтобы не допустить полного разрыва между Турцией и Польшей, но вместе с тем продолжать держать последнюю в страхе перед нападениями татар, что помешало бы Польше полностью отвести свои войска от границы и использовать их то ли для поддержки Кайзера, то ли против Бетлена Габора или короля Швеции.

Поляки требовали, чтобы хан держал в Польше заложников и посла, а Турция взяла на себя обязательство полностью отказаться от покупки польских пленников. На это никак не хотела согласиться Турция, хотя Польша нашла теперь в лице французского посла горячего защитника². Турки отказывались признать, что они подстрекали татар и уверяли поляков, что страстно желают искреннего и продолжительного мира с Польшей, однако только при сохранении прежних условий, включая выплату татарскому хану условленной дани. Пока в Константинополе велись переговоры, летом 1626 года огромная татарская орда вторглась в Польшу, но на обратном пути была атакована на Днестре и почти полностью истреблена³. Казаки же в 1626 году ограничились действиями в районе Очакова и Босфора.

¹ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 498.

² Там же, s. 500.

³ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 501, J. Hammer, Bd. V, s. 59:

Эти события привели к новым жалобам поляков на татар, татар на поляков. Результатом их явилось лишь то, что шаткий мир с Польшей, был возобновлен только на старых условиях, к которым относилось и продолжение выплаты дани татарскому хану. Но ближайшее будущее показало, что с помощью таких договоров и обещаний, к которым никто не относится искренне, нельзя положить конец этим «опасным отношениям». Набеги татар на Польшу все продолжались, а враждебность короля к хану увеличилась, потому что последний добился в Константинополе разрешения построить два укрепленных замка у Очакова и Кенбурна¹. Эти замки должны были стать одним из самых важных сторожевых пунктов против казаков. Татарские дела нельзя было разрешить вне связи с польскими. Они «находились в тесной связи меж собой»².

Сигизмунд III вынужден был поэтому оставить свои войска на южной границе своего государства, ибо здесь по-прежнему продолжало существовать военное положение, несмотря на повторные возобновления мира (осенью 1627 года и в феврале 1628 года)³.

Даже изменившиеся в упомянутые годы обстоятельства в Крыму не улучшили положения. В Крыму произошла новая смена ханов. Махмед Гирей, которого Турция до этого времени терпела против своей воли, был низложен, а ханом был назначен Джанибек Гирей, калгой при нем — его брат Девлет Гирей. Их сопровождало в Крым большое количество войска. Кроме сильного флота под командованием Капудан-паши Хасана, Джанибек Гирей сопровождало сухопутное войско под командованием визиря Хусейна, Кенан-паши и Кантемира Мурзы. Братья Махмед и Шахин Гирей не смогли устоять перед наступлением турок и спаслись бегством к запорожским казакам. Вскоре однако, они вернулись с 40000 войском, состоящим частично из татар, частично из казаков, дабы в открытом бою отстоять свое право на власть. Предстояла тяжелая битва. «Одна единственная тяжелая битва» разрешила вопрос, кто будет ханом.

Махмед Гирей пал на поле боя, убитый пулей, Шахин Гирей спасся бегством к королю Польши, который принял его

¹ О закладке этих замков, которой казаки тщетно старались помешать, речь шла давно. Вообще же татарского хана обвиняли в том, что он старался поддерживать вечные раздоры с Польшей и казаками по той причине, что они служили ему прекрасным предлогом для уклонения от отправки войск в Азию (Томас Рой).

² J. Namptier, Vd. S. 59.

³ Во время последнего возобновления мира король потребовал среди прочего, чтобы ему было разрешено преследовать татар до их собственного края, но Турция давала на это согласие свое только под тем условием, что и ей дано будет такое же право по отношению к казакам, о чем король и слышать не хотел.

гостеприимно и даже отказал туркам, требовавшим его выдачи, подчеркнув, что не окажет ему никакой поддержки¹.

Джанибек Гирей, новый хан, не нашел лучшего способа доказать Турции свою преданность и благодарность верного вассала, как вторгнуться в Польшу с многочисленной конницей в 1629 году. Однако этот набег, равно как и другой, принятый одновременно с другой стороны, имел для татар роковой исход. Обе орды были с большими для себя потерями отброшены казаками и поляками под руководством Станислава Любомирского. В то же время казаки продолжали свои походы в Черное море к турецкому побережью «со свойственной им неустрашимостью и упорством».

Отношения меж Польшей и Турцией оставались прежними, основываясь «на бессильных угрозах и недобросовестном мире»².

Дело в том, что турки не могли предпринять здесь ничего более значительного до тех пор, пока война в Азии ежегодно забирала все лучшие силы империи. И король Сигизмунд тоже не отваживался довести дело до крайности, так как он должен был постоянно следить за Швецией и намеревался выступить против России. Это придавало напряженность отношениям Польши с Россией.

В это же время на первый план снова выдвинули вопрос о княжествах. Престолы обоих княжеств — Молдавии и Валахии, на которых раньше сидели только местные князья, теперь стали разменной монетой в руках жадных к деньгам визирей, честолюбивых чужеземных авантюристов вроде саксов, поляков, греков и итальянцев.

По уполномочению султана, новый наместник Очакова Муртазали-паша 9 сентября 1630 года заключил соглашение с Польшей по поводу казаков. Оно содержало 7 статей: острова будут очищены от казаков, пленные татары будут выданы, комиссару Али ага, отправленому для этой цели, будет оказано всяческое содействие; войско будет распушено; крымскому хану поляки будут платить обычную дань, за что Турция обязывалась держать татар в узде и дать соответствующие приказы по этому поводу мурзам, Кантимиру и жителям Аккермана³.

Говоря об этом соглашении, Цинкайзен замечает: все это были напрасные предосторожности, с помощью которых обе стороны хотели удержать друг друга до лучших времен. О длительном мире здесь и думать было нечего, даже если бы и был в состоянии повелевать казаками и татарами⁴.

¹ J. Hammer, Bd. V, s. 70.

² Zinkeisen, Bd. V, s. 505, 504.

³ J. Hammer, Bd. V, s. 97.

⁴ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 505.

Цинкайзен прав: когда шли переговоры о заключении соглашения, казачий флот находился в пути. Против них отправлен был визирь Кенан-паша с 14 галерами, чтобы наказать казаков, беспокоящих гавани Килии, Мидии, Измаила, Варны, побережья Черного моря.

Летом 1632 года турки начали готовиться к войне с Польшей. Собранные из разных частей страны войска под командованием Абаза-паши двинулись на Польшу весной 1633 года. А Польша в это время находилась в состоянии войны с Россией и не ожидала такого опасного нашествия с юга. Абаза-паша во главе шестидесятитысячного войска перешел в октябре 1633 года через Днестр и сразу двинулся к укрепленному лагерю поляков, который находился у Каменца. В течение нескольких дней шли тяжелые бои. Потеряв значительные силы, Абаза-паша готовился к отступлению (22 октября 1633 года).

Однако и поляки не были в силах продолжать войну с турками. Силы Польши были скованы на севере Россией. Поэтому Владислав IV нашел удобным уладить конфликт с помощью посольства. В Константинополь было отправлено великое посольство, возглавляемое Александром Тржебинским, сопровождаемого 300 людьми, снабженного богатыми подарками. Однако Турция, которой Абаза-паша имел наглость представить свое поражение как решительную победу, встретила польского посла недружелюбно. Обычные нормы приема послов были нарушены. Когда посол после длительного ожидания был принят, Мурад встретил его гневными словами: «Чего тебе здесь надо?» А Тржебинский ответил на это почтительно: во-первых, прибыл объявить о восшествии на престол нового короля, и, во-вторых, восстановить нарушенный Абаза-пашой мир на той основе, которая существовала при Сулеймане. Мурад резко ответил ему: «Не о мире и союзе, а о войне и вражде должен ты говорить. Лишь тогда возможна будет дружба между мною и королем Польши, когда он примет мою веру или, как это обязаны делать все государи христианства, будет платить мне дань, сроеет свои крепости на Днестре и уничтожит казаков». «В этом случае, возразил посол,—лучше уж война, чем выполнение столь позорных условий»¹.

Теперь Мурад потерял всякую власть над собой. Султан схватился за саблю. «Признаешь ли ты меня властелином, перед мечом которого дрожат народы?»—крикнул он, наполовину вытащив свой меч. «Я признаю тебя как великого монарха, ответил посол,—но мой государь послал меня к тебе как равный к равному». «В таком случае,—перебил его Мурад,—я двинусь на Польшу со своими бесчисленными войска-

¹ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 507—508; J. Hammer, Bd. V, s. 130—131.

ми и уничтожу ее огнем и мечом». Король Владислав тоже обнажит свой победоносный меч и будет «уповать на хотинскую удачу»¹,—сказал посол.

Хваля отвагу посла, султан обратился к окружающим: «Вот как надо служить». Далее султан развил мысль, что он заключит мир с Персией и тогда все свои силы двинет против Польши, и все уничтожит там огнем и мечом. Султан решил двинуться в Адрианополь, чтобы подготовить войну с Польшей. Мысль о войне с Польшей глубоко засела в голову султану. Он считал такую войну необходимой. Он хотел лично возглавить поход, который, как он надеялся, принесет ему славу, по крайней мере Сулеймана или Махмеда II.

Долго султан готовился к войне. Несколько месяцев он был за пределами Константинополя, куда вернулся 5 августа 1634 года, окончательно убедившись в стремлении поляков к миру с Турцией. Вместе в тем, однако, сейм твердо решил, в случае, если войну нельзя будет избежать, напрячь все силы и добиться в ней победы. Теперь в распоряжении короля Владислава IV имелось больше средств для этого, чем прежде. Война с Россией была завершена миром, заключенным 5 июля 1634 года. Польша получила, таким образом, возможность двинуть все свои боевые силы против турецкой империи. Как раз в это время опять вспыхнула война с персами. Долго ожидали поляки мира. Но когда король, которому надоело долгое затягивание дела, во главе 80000 человек отборного войска лично двинулся к Подолии, все было быстро улажено (6 октября 1634 года).

Мирный договор, ратифицированный султаном в ноябре содержал 7 статей, в которых были изложены следующие условия: старые договоры сохраняют свою силу и действие; татары Кантимира, поселившиеся в степях Белгорода, должны были быть опять удалены оттуда, если другого выхода не будет, то уничтожить их силой оружия; запорожские казаки будут удержаны в узде, поляки обязались не разрешать больше запорожским казакам предпринимать какие-либо враждебные действия «против оттоманской империи в Черном море»; требование к Польше о разрушении крепостей на Днестре не должно больше выдвигаться. Турция обязалась утвердить князей Молдавии, Валахии и Семиградья и в первых двух княжествах не производить никакой смены князей без ясно выраженного согласия на то польского короля; пленные должны были быть выданы обеими сторонами; торговые связи — поддержаны.

Однако король не смог добиться присоединения Семиградского князя Георга Рагачи к этому договору, а также был вынужден молча согласиться на дальнейшую выплату

¹ J. Hammer, Bd. V. s. 131.

дани татарскому хану¹. Для того, чтобы мирный договор 1634 года действительно имел силу, необходимо было, чтобы Турция оказалась в силах, прежде всего, положить конец неблагоприятным отношениям, все еще существовавшим в Крыму². Но она не в силах была это сделать. Об этом говорит хотя бы то, что когда король Владислав уже в следующем, 1635 году, во главе 40 000 войска выступил с целью отомстить за новое нападение татар на Польшу, то Турция была вынуждена принять выдвинутое королем условие для возобновления мира, а именно согласиться, чтобы все польские подданные, находившиеся в турецкой неволе, были отпущены на свободу, а покупка польских невольников в будущем была бы окончательно запрещена³.

В 1635 году Турция решила отделаться от слабого хана Джанибек Гирея, который, как и его предшественники, отказывался посылать войско в Персию. Низложенного с престола хана Турция сослала на о. Родос, а на его место посадила старшего сына Газы Гирея Инайет Гирея. Калгой стал его брат Хасан Гирей, а нуратдином младший брат Саадет Гирей. Но Инайет Гирей не оправдал возложенных на него надежд. Вместо того, чтобы отправиться в Персию, он начал войну с Кантимиром Мурзой.

Кантимир Мурза, вопреки недавно заключенному мирному договору с Польшей, твердо обосновался со своими татарами на той стороне Днестра вокруг Белгорода и с целью расширить во все стороны свое маленькое государство беспокоил своими нападениями Польшу и Крым. В ответ на жалобы обеих сторон, короля Польши и хана, посылаемые ими в Константинополь, турки велели Кантимиру явиться туда и оправдать себя. Пока он находился в поездке, на его орду напал Инайет Гирей, опустошил окрестности Аккермана, увел с собой семью Кантимира, остававшуюся в Килии, вместе со всеми их сокровищами и заставил всю орду ногайских татар переселиться в Крым и признать его, Инайет Гирея, своим единственным государем. Затем Инайет Гирей совершил нападение на Кафу, которая была ограблена его татарами, приказал казнить бейлербея и кадия и даже потребовал вывода всех турецких войск, выдачи Кантимира и выдачи заложников на случай мира с Турцией. Ответом Дивана на эти безмерные требования Инайет Гирея было немедленное его низложение, ханом был назначен Бахадир Гирей. В 1637 году Инайет Гирей по приказу Мурада был казнен, в том же году был убит Кантимир Мурза. «Таким образом, с помощью

¹ J. Hammer, Bd. V. S. 132—133; J. Zinkeisen, Bd. IV, S. 512:

² После заключения этого мира в Константинополь вернулся из Польши бывший калга крымских татар Шахин Гирей, он был сослан на о. Родос, позже (в 1641 году) казнен.

³ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 513.

двух казней, совершенных в 1637 году, в Крыму опять было восстановлено спокойствие»¹.

Бахадир Гирей оставался ханом до последних дней своей жизни — до 1641 года. К этому времени значительным образом изменилось и отношение казаков к Польше и Турции. Со времени заключения мира в 1634 году усилились распри обеих сторон с казаками. Долгие споры с Турцией по этому поводу огорчали польских магнатов. Поэтому король хотел разрушить основу запорожского казачества с помощью «мирных занятий, землепашества, торговли и ремесла»².

Большинство казаков предпочли лучше покинуть страну, чем сложить свое оружие. «Большая часть их ушла в Россию», около 6000 человек отправились на восток, чтобы совместно с Персией воевать против турок. Но на Дону соединились с донскими казаками и участвовали в бою против города Азова. Слабый гарнизон, всего в 3—4 тысячи человек, не мог защитить города.

После четырехнедельной осады казаки завладели городом (18 июля 1637 года). Вскоре после этого они взяли и замок.

Овладев этим важным пунктом, казаки сумели там укрепиться. Крепостные укрепления были быстро восстановлены и наилучшим образом усилены и расширены. А в это время Турция, занятая войной с Персией, не могла сразу отвоевать город. Султан приказал хану совершить поход. Попытка хана оказалась безуспешной. Кроме того, Турция приказала татарам беспокоить Россию своими набегами, а казаков, насколько позволит флот, крепче держать в узде хотя бы на море. Однако предпринять что-либо против Азова турки не осмеливались даже и после окончания войны с персами из-за военной слабости Турции.

Пять лет беспрепятственно казаки владели Азовом, пока, наконец, в 1641 году турками была сделана первая серьезная попытка отвоевать у них город. Большие приготовления говорили о серьезности предстоящих операций. Флотом, насчитывавшим 38 больших галер и множество мелких судов и транспортных кораблей, командовал Капудан-паша Сиавуш, сухопутными силами — сердар Хусейн-паша. Последние, в состав которых входило большое количество наемного войска, а именно, опытных в деле осады немцев, итальянцев, испанцев, французов и венецианцев, насчитывали вместе с татарами под командованием хана Бахадир Гирея, не менее 250000 человек³.

Однако защитники города превратили эту осаду Азова в

¹ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 514, J. Hammer, Bd. V. s. 166.

² J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 515.

³ J. Zinkeisen, Bd. IV, s. 517. Гаммер, ссылаясь на Эвлия Челяби, приводит преувеличенные данные.

одну из наиболее достопамятных событий военной истории. Она длилась полных три месяца с 24 июня по 26 сентября, в течение которых осаждающим не удалось добиться никакого успеха. Все их атаки (а их было 24) были отбиты. Капудан-паша, оставив под стенами города большую часть своего войска, «со стыдом и позором отступил», при этом часть его флота была захвачена казаками.

Однако такое положение не могло долго продолжаться. Король очень неодобрительно отнесся тогда к укреплению казаков в столь важной морской крепости. Король хотел в случае необходимости «сам выгнать их оттуда силою оружия».

Польские магнаты позаботились, чтобы помешать и отрезать им всякие пути подвоза продовольствия, пороха, снарядов и прочих боевых припасов. Это, по-видимому, сломило дух казаков еще до того, как они второй раз осмелились вступить в борьбу с огромной турецкой армией, ибо кроме войска и флота, которые были по меньшей мере равны по силе предыдущей, против Азова были двинуты орды татар под командованием вновь назначенного хана Махмед Гирея.

Город, оставленный (1642) казаками, был занят турецко-татарскими ордами. Наместником Азова был назначен Ислам-паша.

Отношения между Польшей и Турцией, в этот период носили «мирный характер»¹. Однако король Польши отказал Турции в просьбе разрешить свободный проход турецкого войска через Польшу в случае войны с Россией². Позиция, занятая Турцией по отношению к северным странам, определялась ее внутренним и международным положением, сложившимся после поражения Турции под Хотинном. Исключительное значение имела Хотинская война для украинского народа, запорожского казачества. Хотинская война была генеральной репетицией, проверкой военной мощи Украины. Она показала какие неиссякаемые силы таятся в украинском народе. Еще важнее то, что «под Хотинном были разорваны все паутины иллюзии о возможной доброте поляков в отношении казаков»³. Магнаты купили под Хотинном «позорный мир», заключив «предательское перемирие» с турками.

Турки и татары требовали уничтожения тех запорожцев, которые «спасли Польшу от страшного мусульманского (читай турецкого — А. М.) погрома»⁴.

Запорожцы отдали свои головы за победу над грозным неприятелем, а сам их предводитель под Хотинном Петр Са-

¹ Zinkeisen, Bd. IV, S. 523.

² Там же, S. 524.

³ Богдан А. Дедицкий. Народная история Руси, ч. 2, Львов, 1868, стр. 150.

⁴ Там же, стр. 149—150.

гайдачный «оросил все поле (Хотина) своей кипучей кровью», а польские магнаты поклялись перед турками «обуздать» казаков. Участием в войне под Хотиним в 1621 году украинские казаки спасли от неминуемого разгрома польскую армию, а Речь Посполитую от тяжелого и позорного мира. Хотинская война неопровержимо показала огромное значение казачества, которое оно обрело в борьбе против турецко-татарских агрессоров.

В лице украинского казачества Османская империя встретила серьезную военную силу. Хотинская победа внесла известный вклад в дело ускорения процесса разложения военно-феодального строя Османской империи.

Хотинская война была решающим звеном в общей цепи освободительной борьбы украинского народа против турецко-татарских агрессоров. Она оказала пробуждающее влияние на подпавшие под турецкое иго народы, укрепила их веру в возможность освободиться от господства турецких феодалов.

Таким образом, Хотинская война по масштабу своего влияния вышла за рамки стран Восточной Европы и Османской империи, она имела заметное влияние и на страны западной Европы и Азии.

Хотинская война, совместно пролитая кровь навеки укрепили узы дружбы между народами Украины и Польши.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба украинского народа против турецко-татарских агрессоров носила прогрессивный характер: она была освободительной и справедливой и имела историческое значение для судеб Украины. При написании работы автор руководствовался учением Маркса, Энгельса и Ленина об опасности турецкого нашествия, которое угрожало «всему европейскому развитию», о войнах и армиях, о характере турецко-татарской агрессии и ее последствиях, данной ими оценкой борьбы, которую вели против турецко-татарской агрессии народы Восточной Европы.

На основании изученных европейских и восточных источников по данному вопросу автор делает некоторые обобщения и соответствующие выводы.

При разрешении поставленных вопросов автор старался быть максимально лаконичным, изложить свою мысль ясно и обосновать главные тезисы фактами.

Кроме архивных документов, летописей, рукописей, произведений народного творчества, в работе использованы труды историков разных стран и эпох. В них содержатся ценные фактические данные и другие материалы, однако имеются серьезные ошибки и недостатки. Краткая оценка некоторых из них дана в работе.

Дворянские и буржуазные историки, основываясь на идеалистических концепциях, отражая интересы господствующей эксплуататорской верхушки своих стран, не могли дать правильного освещения истории украинского народа. Особенно извратили они историю запорожского казачества. Большинство из них извращали исторические события, тенденциозно оценивали факты, а некоторые фальсифицировали документы.

Только марксистская историография, решающая вопросы истории с позиции диалектического и исторического материализма, впервые поставила изучение истории украинского народа, в том числе запорожского казачества, на правильную действительно научную основу.

Советская историческая наука, как и вся наша наука, в

целом, достигнув за годы существования советской власти огромных успехов в своем развитии, превратилась в самую передовую и самую прогрессивную науку в мире. Советские ученые — историки, опираясь на марксистско-ленинское учение, создали ценные произведения по важнейшим проблемам отечественной и мировой истории. Труды советских историков, являясь ценнейшим вкладом в сокровищницу мировой науки, подняли историческую науку всего мира на новую, более высокую ступень. Советскими учеными разработаны многие кардинальные вопросы из истории народов нашей страны, в частности вопросы борьбы русского народа против агрессии турок и татар. Огромный вклад в разработку этих вопросов внесли своими трудами А. А. Новосельский, Н. А. Смирнов, а по истории запорожского казачества профессор В. А. Голобуцкий. В их работах обобщен богатый фактический и документальный материал, разрешены интересные и сложные теоретические вопросы.

Наряду с этим в развитии нашей исторической науки имеется еще много недостатков и пробелов. Большинство советских историков в своих исследованиях преимущественно ограничиваются европейскими источниками и мало привлекают восточные источники или вовсе их не привлекают. Это является серьезным недостатком. Поэтому в некоторых специальных исследованиях вопросы борьбы народов нашей страны с турецким нашествием чувствуется отсутствие полноты оценок происходивших событий, полноты характеристики исторических фактов. Стремясь не допустить этого пробела в своей работе, автор привлек некоторые восточные материалы. Они извлечены из работ известных турецких историков и летописцев. Большинство из них занимали высокое положение в Турции, были тесно связаны с военно-политическими кругами, хорошо знали закулисную жизнь правящей верхушки. Некоторые из них принимали деятельное участие (К. Челяби, Э. Челяби, Снай Осман) в решении важных государственных и военно-политических вопросов. Будучи широко осведомленными в государственных делах, они могли более полно, более конкретно и точно отразить в своих трудах разные стороны истории Турции. Не случаен тот факт, что на труды Наимы, Эвлия Челяби, Кетяби Челяби ссылаются почти все европейские и восточные исследователи истории Турции. Обращение к восточным источникам дает возможность сделать более полные, более правильные выводы путем сравнения и сопоставления мнений и фактических данных.

В работе также использовано народное творчество — песни и думы. Их значение в истории весьма существенно, ибо это — история, рассказанная самим народом, субъектом истории, непосредственно творившим события.

Автор освещает в работе тяжелую борьбу украинского народа против колониального гнета шляхетской Польши. Польша, на Западе теснимая немцами, обратилась при Казимире Владиславовиче (1333—1370 гг.)¹ на восток и русские земли, именно на Русь Червонную, куда польское влияние стремилось давно. Потеряв на западе Силезию и Поморье с Гданском и некоторые другие земли, Казимир попытался вознаградить себя захватом юго-западных русских земель. В 40-х годах ему удалось овладеть Галицкой и Белзско-Холмской Русью. Дальнейшему распространению Польши в южную Русь помешала Литва, которая здесь завладела Вольной, Подольем и Киевом.

Общая опасность со стороны немецких крестоносцев привела к сближению Польши и Литвы, к избранию великого князя литовского Ягайлы в польские короли (1386 г.); Ягайла заменил православие католицизмом и принял имя Владислав. Отрицательным в этом объединении Польши с Литвой было то, что оно отвлекло внимание Польши от запада и направило главную политическую деятельность союза на восток, повело к столкновению с русским народом, и, наконец, к поражению Польши на западе и на востоке.

Между тем на востоке усиливались крымские татары, подвластные Турции. Могущество Османской империи становилось все более опасным для Европы.

Против таких угрожавших со всех сторон опасностей Польша не могла устоять, ибо внутреннее положение было весьма непрочным. Магнаты и шляхта не хотели нести больших податей, не хотели лучшего военного устройства и насаждали анархию. Давно требуемая политическая уния состоялась в 1569 году. Польша и Литва слились в одно государство. Польша стала Речью Посполитую с избираемым королем во главе.

После Люблинской унии 1569 года большая часть Украины оказалась захваченной шляхетской Польшей. Польские магнаты захватывали обширнейшие богатейшие земельные владения на Украине, мало заботясь об охране ее границ от нападения турок и татар. Экономическое развитие Украины, выражавшееся в расширении внутреннего рынка и росте экономических связей страны с внешним миром приводило к усилению феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства. Польша, по выражению Ф. Энгельса, была одной из стран, где имело место «второе издание крепостничества».

Жестокая эксплуатация и политическое бесправие крестьянства вызывали его передвижение в юго-восточные районы страны и рост здесь казачества. Крепостническая эксплуатация крестьянства сочеталась с тягчайшим национальным угнетением и агрессией католической церкви. Польская шляхта

¹ Казимир III.

не считала украинских крестьян за людей, грубо попирала их человеческое достоинство. Польские магнаты с помощью Ватикана жестокими мерами насаждали на Украине католицизм, вводили церковную унию, проводили политику насильственного ополячивания украинцев, «предавали поруганию украинский язык и культуру, пытались духовно поработить украинский народ и разорвать его связи с русским народом»¹. Гнет польско-шляхетского государства и произвол польских панов стали сильнейшим тормозом экономического и культурного развития Украины.

В ходе борьбы украинского народа против феодально-крепостнического и национального гнета, а также против турецко-татарских агрессоров «была создана военная сила в лице казачества, центром которого в XVI веке стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа»².

В исследованиях профессора В. А. Голобуцкого приведены новейшие данные о времени образования Запорожской Сечи. Голобуцкий убедительно показывает, что к 40 годам XVI века у казаков за днепровскими порогами уже существовала определенная, сложившаяся организация — Запорожская Сечь. Разрешением этого вопроса проф. В. А. Голобуцкий сделал важный шаг вперед по пути уточнения вопроса о времени более активной и более организованной борьбы украинского народа против иноземных захватчиков.

Запорожское казачество развивалось быстро. Оно росло за счет украинских крестьян и мещан. Влияние казачества чувствовалось по всей Украине. Справедливо говорили, что Украина была оказана. Запорожская Сечь становится опорной базой украинского народа в его борьбе против турецко-татарской агрессии и его политическим центром в борьбе против господства шляхетской Польши. Казаки занимали большую территорию и упорно защищались от посягательства на них польских властей. Они не подчинялись юрисдикции старост, устанавливали свои законы. Один из депутатов польского сейма возмущенно говорил о днепровских казаках: ни магистров в городах, ни старост, ни гетманов не слушают, сами себе право устанавливают, урядников и старшин назначают «и в Великой Речи Посполитой вторую Речь Посполитую создают».

Запорожская Сечь представляла прямую угрозу господству шляхетской Польши на Украине. Хотя борьба с турецко-татарской агрессией отвлекала силы казаков от борьбы против шляхетской Польши, однако эта борьба не прекращалась.

Украинский народ, находясь под угрозой уничтожения,

¹ Тезисы о 300-летию Воссоединения Украины с Россией (1654—1954), М., 1954, стр. 6.

² Там же, стр. 6—7.

вел жестокую борьбу против гнета чужеземных поработителей за свою свободу и независимость. В конце XVI и первой половине XVII вв. вся Украина была охвачена крестьянско-казацкими восстаниями. Эти народные восстания на Украине против господства магнатской Польши происходили под руководством Касинского, Наливайко, Тараса Федоровича, Ивана Сулимы, Павла Бута (Павлюка), Яцко Острянина, Карпа Скидана, Дмитрия Гуни и др.

В крестьянско-казацких восстаниях, происходивших на Украине в конце XVI и первой половине XVII вв., непосредственное участие принимали русские крестьяне и донские казаки.

Речь Посполитая не была централизованным государством. В ней царили анархия и произвол магнатов. Польские города переживали экономический упадок. Речь Посполитая была лишена внутренней политической прочности — важнейшего условия экономического и культурного прогресса и не была в состоянии защищать подвластные ей земли от агрессии турецких и татарских феодалов, так как острое внешней политики польско-литовских магнатов было направлено против России. Экспансия Речи Посполитой на Востоке против России вела к предательству польских национальных интересов на западе. Авантюристическая политика правящих кругов Польши в отношении русского государства толкала ее на союз с турками и Крымом, что несомненно противоречило коренным интересам и самих народных масс Польши и Литвы. Протурецкая политика шляхетской Польши в конце концов приводила к тяжелым экономическим и политическим последствиям. Польская агрессия против России и Украины была использована ее хищными соседями, наживавшимися за ее счет. Польша, данница Турции и Крымского ханства, становилась естественным союзником Турции в борьбе против России. Турецкий султан в 1617 году навязал слабеющей Речи Посполитой новый унижительный договор, обязывающий ее выплачивать дань Турции, а в 1620 году разгромил польские войска под Цецорой, и лишь победа, одержанная украинскими казаками в 1621 году под Хотинном, спасла Польшу от турецкого нашествия.

Борьба с Турцией Польше была не по силам и не по средствам, и татары свирепствовали в ней, особенно в ее украинских областях по-прежнему. Польша мешала дальнейшему развитию производительных сил Украины, которым тесно становилось в рамках существующих производственных отношений.

Анархия в Польше усиливалась все больше. С политическим и экономическим упадком и с победою католицизма, ставшего руководящей идеей польской политики, был связан упадок просвещения, и Польша останавливалась на пути

культурного развития и оставалась позади остальных европейских народов.

Можно ли говорить после всего этого о польском первенстве в славянском мире? Разумеется, нет. Однако на западе и в наши дни находятся люди, которые до сих пор руководствуются опрокинутой историей порочной теорией о польском первенстве в славянском мире.

С докладом «Война под Хотинем в литературе» на Конгрессе славистов в Москве выступил голландский ученый Еекман. В своем докладе он сказал, что в XVI и начале XVII вв. поляки и другие славяне «рассматривали Польшу как главную силу в борьбе против турок»¹. Трудно сказать, чем обусловлена такая грубая ошибка современного ученого. Надо полагать, что Еекман пользовался лишь только старой польской литературой и попал под ее влияние. Еекман выступил в защиту теории, которая осуждена и современными польскими историками как ложная, неверная теория. Как известно, Россия спасла Европу от турецкого нашествия, а не шляхетская Польша. Поляки, желая быть «щитом славянства» не вели себя однако так, чтобы оправдать такие свои претензии. Славянская политика Польши кончилась плачевно для нее самой и для западного славянства, а на славянском востоке явилась другая более могущественная представительница славянской политики, Москва, которая со временем освободила русские, украинские и белорусские земли из-под чужеземного господства и несла знамя освобождения южным славянам.

Русский народ в длительной и самоотверженной борьбе с татаро-монгольскими и иными иноземными / порабителителями преодолел феодальную раздробленность, отстоял свою национальную независимость и создал могущественное государство со столицей в городе Москве. Русское централизованное государство сыграло огромнейшую роль «в исторических судьбах русского, украинского, белорусского и других народов нашей страны. С самого начала своего возникновения оно явилось притягательным центром и опорой для братских народов, боровшихся против иноземных порабителителей»². Россия также сыграла огромную роль и в исторических судьбах южных славян, с которыми она была связана узами дружбы. В борьбе против нашествия турок и татар решающая роль русского и украинского народов неоспорима. Начиная со второй половины XVI века, значительно усиливаются связи Украины с Русским государством. Эти связи носили весьма разнообразный характер. В XVI веке Русское правительство посыдало запорожским казакам «жалование», снабжало их военными припасами для походов против крымских

¹ Т. Eekman. The war of qhotin in leterature, p. 1—2.

² Тезисы о 300-летию Восоединения Украины с Россией (1654—1954), 1954 г., стр. 6.

ханов. Русское правительство, которое вело борьбу с турецко-татарской агрессией, разрешало переселяться в Россию украинским крестьянам, мещанам и казакам, оказывало им материальную помощь.

В первой половине XVII века среди крестьян, угнетенных польско-литовскими магнатами, усилились побегии на территорию русского государства, а городская беднота и мещанство стали все более открыто и решительно выступать за союз с Россией. Укрепляются и расширяются экономические связи Украины с Россией. На Россию ориентировалась также значительная часть казацкой старшины и православного духовенства. Решающий шаг в этом направлении сделал Петр Канашевич Сагайдачный в 1620 году. П. Сагайдачный в 1620 году отправил в Москву казацкое посольство во главе с Петром Одинцом. «Отражение широко-распространенного стремления к воссоединению с русским народом в составе русского государства было обращение гетмана Петра Сагайдачного в 1620 году в Москву с просьбой о принятии Войска Запорожского в русское подданство»¹.

В обращении запорожских казаков содержалось стремление служить русскому правительству верно, как их предки, и защищать русскую землю от неприятеля.

Документы, рассказывающие об истории этого посольства, как-то: приказ: «о приеме в Москве посланцев запорожского гетмана П. Сагайдачного, сообщивших о желаниии всего Войска Запорожского служить русскому правительству»², приказ «о выдаче подарков послам Запорожского Войска...»³ и «Грамота царя Михаила Федоровича гетману П. Сагайдачному и всему Войску Запорожскому о посылке им жалованья»⁴ показывают, что главной задачей казацкого посольства в Москве было договориться о переходе украинского казачества под власть русского государства.

В том же направлении действовал киевский митрополит Иов Борецкий, который в 1624 году просил Русское государство помочь Украине освободиться из-под власти Польши и воссоединить Украину с Россией. В 20—30 годах XVII века, когда разгорелись крестьянско-казацкие войны против польско-шляхетского гнета, все выдающиеся руководители восстания искали связи с Россией, изъявляли о готовности перейти под власть Русского государства. Одновременно представители мещан, православного духовенства, интеллигенции послали своих послов в Москву с просьбой оказать им материальную и культурную помощь.

¹ Воссоединение Украины с Россией. АН СССР — АН УССР, т. I, М., 1953, стр. X.

² Воссоединение Украины с Россией, АН СССР — АН УССР, т. I, М., 1953, Док. № 1, стр. 3.

³ Там же. Док. № 2, стр. 5.

⁴ Там же. Док. № 3, стр. 6.

Буржуазно-националистические историки представляли отношения между Украиной и Россией в извращенном виде, стремясь показать, что между украинским и русским народом не было и нет ничего общего. Этот неверный взгляд в первую очередь развил в систему М. Грушевский. Главная тенденция его труда — затушевывать исторические связи между Украиной и Россией. Тем самым он добивался отрицания единства происхождения украинского и русского народа. Он провозгласил тезис о том, что Киевское государство — это государство украинское. Грушевский стремился разрушить тесный боевой союз украинского и русского народов путем сознательного их противопоставления.

Киев являлся центром большого государства. Власть Киева простиралась на далекие пространства вплоть до бассейна Оки и Волги. Киевское государство — важный этап в истории Восточной Европы. «История Киевского государства — это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великобритании. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великобритании. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны»¹.

М. Грушевский умалчивал наинтереснейшие факты связи Украины с Россией, сводил почти на нет связи Запорожской Сечи с донскими казаками, он не дал политической оценки связям Киевского митрополита Иова Берецкого с Русским государством и вовсе умолчал о посольстве Сагайдачного в Москву. Такова концепция Грушевского и так называемой его «школы».

Наивысшей точки своего развития Османская империя достигла в 60-х годах XVI века. Господство Турции распространялось на огромную территорию, расположенную на стыке трех материков — Азии, Европы и Африки. Владения Турции распространялись от Будапешта на Дунае до Ассуана в Египте, от Грузии на Кавказе почти до Атлантического океана — до Гибралтарского пролива. И это еще не был высший предел территориального распространения Турции, потому что и при ослабевающих преемниках Сулеймана I Кануни (1520—1566)² Турция продолжала приобретать новые владения. Это, в первую очередь, происходило за счет

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1949, стр. 9.

² Турецкие султаны изучаемого периода:

Сулейман I (1520—1566 гг.),

Селим II (1566—1574 гг.)

Мурад III (1574—1595 гг.)

Мехмед III (1595—1603 гг.),

Ахмед I (1603—1617 гг.),

Мустафа I (1617—1618 гг.),

Осман II (1618—1622 гг.),

Мурад IV (1623—1640 гг.),

Ибрагим I (1640—1648 гг.).

Украины. Успехи Турции объяснялись не только ее военными превосходствами. Победы Турции объясняются также отсутствием единства среди противостоящих ей государств.

Турецкая империя представляла собой многонациональное государство, основанное на жестоком угнетении нетурецких народностей. В ее состав входили такие завоеванные страны, как Греция, Болгария, Сербия, Венгрия, Албания, Македония, Фракия, Молдавия и Валахия, Северное побережье Черного моря до Кубани и часть восточного побережья, южная Грузия, вся Малая Азия, Ливан, Сирия, Палестина, Месопотамия, Аравия, часть Армении, Курдистан, Триполитания, Киринаика, Алжир, Тунис, Египет¹ и некоторые другие земли.

Турецкие ассимиляторы старались разрушить культуру, уничтожить язык покоренных народов, которых считали своими и жестоко угнетали. В агрессивных планах турок против стран Восточной Европы важная роль отводилась Крымскому ханству, поставленному в вассальную зависимость от Турции в 1474 году. Соединение сил Турции и Крыма создало большую угрозу существованию Украины. «Массовая резня христиан, — говорит А. Е. Крымский, — сделалась типичной своего рода нормою для государственной жизни Турции»². Все торговые пути между западом и востоком благодаря господству Турции на Черном, Мраморном и Средиземном морях, находились в руках турок. В результате захватов на Черном море и Балканах турки завладели устьями важнейших рек Европы, впадающих в Черное море, Дуная, Днепра, Дона. Они стремились и к захвату устья Волги. Турецко-татарские агрессоры длительное время вели активную захватническую политику против русского, украинского и других народов нашей страны. Богатейшая страна—Украина с многочисленным населением, крупными экономическими и культурными центрами стала объектом захвата грабежа и насилия со стороны турок и татар. Путем войн и набегов турки и татары захватывали украинские земли, угнетали украинский народ, разрушая города и села Украины, грабили и истребляли культурно-материальные ценности страны, вводили народ в неволю. Большое количество исторических памятников свидетельствуют о неслыханных жестокостях турок и татар в отношении Украины и ее народов. «Грабеж соседних стран и народов путем войн, получение доходов в виде дани, контрибуций, налогов, угон многих мирных жителей и продажа их в рабство — таковы были цели войны турецкого военно-феодалного государства»³.

¹ После захвата Египта в 1517 году турецкий султан присвоил себе титул халифа.

² Крымский. Рукопись, л. 19.

³ Н. А. Смирнов. Указ. труд, т. I, стр. 15.

Решающее значение в борьбе против нашествия турок на Европу имело централизованное Русское государство. Оно спасло Европу от этого нашествия. Русское государство сыграло прогрессивную роль в исторических судьбах украинского народа, который обрел в русском народе опору и надежного союзника в борьбе против иноземных захватчиков. Именно русское государство стало той основной силой, при помощи которой украинский народ был спасен от угрозы поглощения султанской Турцией и шляхетской Польшей и получил возможность дальнейшего исторического развития.

Огромный вклад в борьбу против нашествия турок на Европу внес украинский народ. В изучаемом периоде Украина сыграла роль одного из основных бастионов в борьбе против турецко-татарских агрессоров, принимая на себя тяжелые удары неприятеля. Огромное значение в борьбе против турок и татар имели морские и сухопутные походы украинского казачества. Они вели не только оборонительную борьбу, но и наступательную, выражающуюся в организации морских походов на Турцию и Крым. В своей борьбе с агрессорами запорожское казачество опиралось на широкую поддержку украинского народа, в защиту которого оно выступило.

В борьбе против турецко-татарской агрессии запорожское казачество много раз выступало совместно с донским казачеством. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. Так, например, 20 марта 1593 года в грамоте царя Федора к донским казакам указывалось, что они совместно с запорожскими казаками воевали против турок и татар¹; о совместном походе запорожских и донских казаков на турецкие города в 1621 году говорится в сообщении С. Олухтина, посланного русским правительством на Дон². О том же говорится в грамоте царя Михаила на Дон в 1623 г.³ В 1626 году о совместном походе запорожских и донских казаков на Турцию сообщают астраханские воеводы П. Головин и О. Зубов⁴. В другом документе говорится о совместном походе на Керчь запорожских и донских казаков в 1635 году и т. д.⁵

Морские и сухопутные походы казаков против турецко-татарских агрессоров преследовали цели: перенесение центра тяжести военных операций на неприятельскую территорию, разрушение важных портов и крепостей врага, уничтожение его флота, разрушение оборонительной системы вокруг черноморского побережья, ослабление его военной мощи, освобождение невольников.

Все это постепенно ослабляло напор нашествия турок на

¹ Собрание государственных грамот и договоров, кн. II, М., 1819, № 62, стр. 126.

² Историческое описание земли Войска Донского, т. 1, стр. 106.

³ Русская историческая библиотека, т. XVIII, СПб, 1898, стр. 219.

⁴ Историческое описание земли Войска Донского, т. 1, стр. 128.

⁵ Там же, стр. 169.

Европу и создавало условия для спасения Европы от турецкого нашествия.

В вековой борьбе с врагами украинский народ преследовал цель освободить свою родину от колониального порабощения Речи Посполитой и обеспечить безопасность Украины со стороны турецко-татарских агрессоров, причинявших украинскому народу неисчислимые бедствия. Борьба украинского народа с турками и татарами была длительной и тяжелой. Отражение турецкого нашествия происходило в условиях большой и малой маневренных войн. Важной исторической вехой этой войны, ее кульминационным пунктом была знаменитая Хотинская война 1621 года. Хотинская война навеки осталась в памяти человечества. Она потрясла весь мир; ибо поражение турецкой империи под Хотинском имело исторически-прогрессивное значение. Для украинского народа Хотинская война была важным этапом и известным итогом его неутомимой героической борьбы против турецко-татарских агрессоров. Это отметил в свое время великий kobzarь украинского народа Иван Франко: «Чувство народного самосохранения сильно пробуждалось в широких народных массах, главным образом, под влиянием частых героических казачьих походов в Крым, Малую Азию, Варну, Стамбул и т. п. с целью борьбы с турками и татарами и освобождения христианских пленников, под влиянием таких героических действий, как Хотинская битва 1621 года»¹.

Хотинская война и одержанная в ней победа над грозным врагом Турцией увековечили память о героических борцах — запорожских казаках, выступивших с оружием в руках против турецко-татарского нашествия на Европу. В славной Хотинской войне народы Украины и Польши бок о бок с оружием в руках защищали землю своих отцов, честь своих матерей и сестер, вековую культуру славян, будущность поколения и кровью скрепили дружбу двух славянских народов. Под Хотинском прославили себя и донские казаки, придя на помощь своим украинским братьям в борьбе против турок и татар.

Один из участников хотинской эпопеи мечтал о том, чтобы потомство знало о ней и отдавало дань почитания войне, подобных которой век смертных не видел. Хотинская война прославилась поражением в ней турок. Если при Лепанто в 1571 году «разрушено было ложное убеждение всего мира и всех народов в непобедимости турок на море., посрамлена была оттоманская гордыня»², то война под Хотинском окончилась полным разгромом колоссальной сухопутной турецкой армии.

¹ I. Franko Charakterystyka literatury ruskicy XVI—XVII wieku. «Kwartalnik historyczny», 1892, rocznik VI; st. 714—715.

² Сервантес. См. История стран зарубежного востока в средние века, М., 1957, стр. 355.

Хотинская война, где украинские казаки сыграли решающую роль, развеяла миф о могуществе и непобедимости турок. Поражение турок под Хотином изменило соотношение сил в Восточной Европе и Азии. Это дало возможность русскому и украинскому народам сосредоточить свое главное внимание на борьбе со шляхетской Польшей за освобождение Украины и за воссоединение ее с братским русским народом. Хотинская война оказала сильное влияние на политическую жизнь Османской империи. Длительное время деловая жизнь в стране была парализована. Дрогнула опора империи — войско. Неповиновение султанской власти шло снизу доверху. В самом начале 1622 года, еще под сильным впечатлением жестокого поражения, выступлением войска был низложен и умерщвлен сам султан Осман II — неудачный претендент на трон тирана мира. Хотинская война обострила отношения между Турцией и Крымским ханством, что привело к вооруженному столкновению между ними.

Разгром турок и татар, уничтожение их военно-морских баз и крепостей облегчило народам Европы борьбу против турецкого нашествия.

Хотинская эпопея пробудила поработанные турками народы к более активной борьбе с турецкими захватчиками (Чипровское восстание 1688 года в Болгарии и др.).

Успешная борьба украинского народа против все еще, сильных своих врагов—турок и татар укрепила веру поработанных турками народов, в первую очередь народов балканских стран, в возможность свергнуть турецкое иго.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авксентий Каменецкий—хронист XVII века—10, 11
- Айчаковский Ф.—украинский крестьянин—44
- Акс—епископ—61
- Александр—князь литовский
- Александр Македонский (356—323 до н. э.)—крупный полководец, царь Македонии — 80
- Алексей—русский офицер
- Алексей Михайлович — русский царь (1645—1676)—118, 119, 125
- Али-паша — великий визирь (XVII в.)—29, 174, 199
- Альберт И.
- Анасян А. С.—советский историк—10, 11
- Анти-паша — капитан — 126, 127
- Антонович В. — украинский буржуазный историк 12, 146, 153
- Аристотель—греческий философ
- Ахмед Расим—турецкий буржуазный историк—29, 30, 70, 75, 76, 85, 86, 87, 91, 108, 115, 117, 170, 174, 178, 200, 215, 216, 217, 222, 223, 224, 225, 237
- Ахмед Тевфик—турецкий историк
- Ахмед Хамд—Мустафа Мехсин—турецкий историк—93
- Ахмед—великий визирь
- Ахмед Рефик — турецкий историк—30, 78
- Ахмед чауш
- Ахмед I — турецкий султан (1603—1617) — 67, 69, 148, 149, 167, 260
- Абаза-паша — валл Арзума—225 247
- Ахмед-паша бейлербей — 154
- Ахмед-калга—145
- Анна—жена Батория—63
- Абдул Керим-паша (Абдулла-паша) сланикийский бей—177
- Балыки—аристократ украинский—49
- Баязид—султан турецкий—21, 84
- Барановский Богдан — современный польский историк—20, 88, 97, 241, 242
- Баранович А.—советский историк—31, 99
- Барновский М.—господин Молдавии—165
- Баторий Андрей—кардинал, 63
- Баторий С.—король польский — 58, 62, 63, 124, 142
- Бахадир Гирей—хан—249, 250
- Белинский В. Г.—русский революционер-демократ—34
- Белогорский Андрей — украинский крестьянин—44
- Белогорский П. — украинский крестьянин—44
- Бельский Мартин—польский шляхетский историк (1494—1575)—18, 105, 131
- Бережков М. Н. — буржуазный историк—101, 125
- Бетлен Габор—семиградский князь
- Бишоф — французский посланник—61, 62
- Блез де Виженер — французский путешественник XVI столетия—14, 15, 31, 100, 105
- Бобржинский М.—польский буржуазный историк—17
- Болотников Иван — предводитель крестьянского восстания (1606—1607 гг.)—56
- Богдан А. Дедицкий—222, 251
- Баки-паша — 207, 223.
- Боплан Гильом — французский инженер—14, 18, 23, 31, 32, 50, 95, 98, 103, 107, 109, 110, 111, 112; 113, 134, 135, 136, 137, 138, 160, 178

- Бутович Я.—шляхтич—47
 Батый—хан—106
 Бантыш-Каменский — историк — 151
 Боровский А.—
 Бухар—148
 Броневский М.—124
 Быков Я. В.—128
 Бетлен Габургский—172
 Бернардо Лауренцо—82
 Балабан Г.—55
 Богуславский М.—117
 Басманов А.—19
 Величко С.—летописец—8
 Веранчск—епископ
 Вишневецкий К.—князь—39, 47, 105
 Вишневецкий Михаил—польский магнат—17, 45, 68
 Ворона—королевский чиновник — 46
 Верещинский И.—38
 Владислав—королевич—203, 206
 Вейгер—203
 Владислав IV—польский король (1632—1648)—247, 248
 Газы Гирей—хан крымский—145, 148, 249
 Гаммер И.—историк—20, 21, 22, 27, 59, 63, 68, 69, 70, 84, 103, 104, 158, 172, 187, 188, 200, 205, 206, 213, 214, 215, 217, 220, 222, 223, 236, 237, 241, 243, 245, 246, 247, 248, 249, 250
 Ганнибал—выд. карфагенский полководец (ок. 247—183) до н. э.—80
 Генрих Валуа—король—45, 100
 Герберштейн С. — немецкий посол—18, 19, 22, 31, 101, 102, 106, 113, 115
 Глинко С.—историк—80
 Голобуцкий В. А.—советский историк—5, 32, 131, 132, 134, 254, 255
 Грабянко—летописец—13, 14
 Горецкий Л.—магнат—15, 18
 Грациани Каспар — молдавский воевода—70, 170, 172
 Грудецкий И.—украинский крестьянин—44
 Грушевский М. С. — украинский буржуазный историк—6, 27, 31, 260
 Гасан—санджан Белгорода—143
 Граховский—секретарь короля — 180
 Греков Д. Б.—260
 Гурмузаки—87
 Гуни Д.—предводитель крестьянско-казацкого восстания — 49, 57, 257
 Густав Адольф—80
 Гуманицкий О.—49
 Де Гэйе—229, 230
 Дауд—великий визирь—227
 Довлет Гирей—хан крымский — 106, 245
 Джанибек Гирей—хан крымский—4, 11, 90, 108, 155, 170, 178, 179, 184, 187, 193, 195, 202, 211, 212, 214, 222, 239, 240, 242, 245, 246, 249
 Дудиковский П.—украинский крестьянин—44
 Добролюбов Н. А.—русский революционер-демократ — 32
 Дорошенко М.—14
 Дорохин Ф. Ф.—119, 120
 Драгоманов М.—104, 113, 116, 124, 129, 146, 153
 Дилавер—великий визирь — 198, 200, 207, 211, 213, 220, 221, 222, 223
 Дузинкевич—165
 Де Брев—231, 232, 233
 Евстафий—шляхтич—46
 Елизавета—английская королева—234
 Еекман Т.—современный голландский славновед—3
 Екатерина II—233, 234
 Жилин—128
 Жолковский Станислав — гетман 69, 148, 151, 152, 153, 154, 157, 158, 168, 170, 171, 180, 210
 Жоравинский С.—70, 203, 206, 212
 Жолковский—магнат—45, 180
 Жак де Люк—114, 116
 Зеленский Яков—посол — 198, 199
 Зборовский К.—магнат—226, 227, 228
 Загоровский—шляхтич—47
 Заболотский А.—18
 Замойский—канцлер—180
 Захаруйный—44
 Збигневский П.—мемуарист — 7
 Заславский—польский магнат—39
 Зборажский—польский магнат — 105
 Ивония—молдавский воевода—60
 Инайет Гирей—хан—249
 Искендер-паша — турецкий военачальник — 68, 69, 70, 157, 168, 170
 Йорга Николай—румынский буржуазный историк — 16, 17, 20, 24, 25, 63, 64, 103, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 151, 153, 162, 165
 Ислам-паша — 251

- Иван IV—русский царь— (1530—1584) 20, 124
- Иов Борецкий — митрополит — 182, 260
- Ибрагим I — султан турецкий (1640—1648)—114, 260
- Иван III—русский царь—36
- Ибрагим-паша турецкий военачальник—68
- Иван Сулима—257
- Казимир Ян—польский король—31
- Калит—кошевой атаман *
- Кантимир Мурза — предводитель буджакских татар—4, 11, 97, 167, 170, 178, 185, 187, 196, 202, 217, 220, 228, 239, 240, 243, 249
- Карп Скидан—257
- Каменецкий Ионес—10, 11
- Кара Язиджи—предводитель восстания в Турции в конце XVI века—27, 28, 173
- Карл IX—король французский — 61, 62
- Карамзин Н.—русский дворянский историк—106, 107
- Каменецкий Авксент—10, 11
- Карраро Дж.—венецианский посланник—115
- Касименко А. К.—советский историк—32
- Кастовой С.—украинский крестьянин—44
- Каховский В.—138, 150
- Климов И. О.—128
- Корецкий С.—польский магнат — 17, 32, 68, 70, 227
- Крипякевич И. П.—советский историк—5, 6, 32
- Косинский К.—казацкий атаман, предводитель восстания (1591—1953 гг.)—49, 56, 257
- Корнякты—аристократ украинский—49
- Костомаров Н. И. — буржуазный историк (1817—1885) — 5, 6, 145, 146
- Криштофа Намерич—польский помещик—46
- Казимир III (Владиславович) — 255
- Кулин П. А.—30, 45, 93, 100, 146, 158
- Куревич—епископ—182
- Крымский А. Е.—крупный украинский ученый—174, 216
- Конецпольский — польский магнат—45, 96, 210
- Карзык Айдор Чигерей—99
- Касим—78
- Кятиб Челяби—турецкий историк—17, 26, 27, 28, 30, 108, 176, 79, 178, 183, 184, 193, 195, 196, 197, 198, 202, 205, 254
- Карл VII—французский король 81
- Куцибей Гомюрджинский—80
- Калиновский В. А.—польский магнат—38
- Константин Вевели—203
- Каракаш-паша—199, 201, 216, 217
- Косоховский—213
- Кенан-паша — 245, 247.
- Лавис—французский буржуазный историк—149
- Лавицкий — 125
- Ламанский В.—историк—117, 159, 160, 161, 162, 163, 226, 242
- Левницкий—историк—9
- Ленин В. И.—4, 5, 35, 75, 253
- Литвин Михаил—литовский шляхтич, писатель—14, 15, 31, 89, 95, 104, 105, 106, 114, 115, 116, 117
- Ломоносов М. В.—ученый, поэт, философ материалист—5
- Любомирский С.—польский магнат—7, 180, 185, 201, 203, 204, 206, 207, 212, 246
- Лясота Эрих—австрийский посол, автор «Дневника» (1588 — 1594)—14, 18, 31, 107, 133, 139, 160
- Лесновский М.—215
- Львов—буржуазный историк—95, 87
- Ласицкий Я.—18
- Лесковский Матвей—государственный деятель Польши—180
- Людвик XIII—король—229, 231, 232
- Лукаш Жолкевский—210
- Максимилиан II — австрийский эрцгерцог — 231
- Маркевич Н. А.—украинский дворянский историк—98
- Маркс К.—5, 21, 25, 26, 27, 33, 34, 36, 42, 43, 55, 71, 73, 74, 75, 78, 132, 253
- Масса Исаак—голландский купец—19, 20, 56
- Матвей—венгерский король—16
- Магила К.—воевода Молдавии — 68
- Махмед Гирей—хан крымский—19, 88, 113, 152
- Махмед Гирей III—хан крымский—164, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 251
- Махмед II (Мухаммед)—турецкий султан—21, 71, 176, 248

- Мингли Гирей—хан крымский—87, 99
 Миллер Г. Ф.—русский дворянский историк—14
 Миллер А. Ф.—советский историк—73
 Морозов Иван—русский крестьянин—44
 Мошкин И. С.—126, 127, 128
 Мурад III—султан турецкий—86, 260
 Мурад IV—султан турецкий—159, 260, 229, 236, 238, 240, 247, 249
 Мустафа—чауш—78
 Мустафа—визирь—175
 Мухаммед Товфик—турецкий историк—17
 Махмед-паша — 161, 205.
 Митридат—160
 Мустафа I—султан—158, 159, 167, 223, 224, 225, 229, 260
 Михаил Федорович (1596—1645)—русский царь—128, 168, 169, 262
 Микула (Микули)—126
 Муриани М.—придворный врач Стефана Великого—87
 Минин—57
 Мирза Мухаммед Хусейн — персидский посол—69
 Мухаммед Ага—69
 Мустафа Селянники—79
 Македонский А.—80
 Моро Христофор—81
 Махмед Ага—216
 Махмед III—260
 Наима М.—турецкий летописец—12, 21, 27, 28, 69, 90, 91, 108, 154, 170, 193, 198, 202, 216, 226, 254
 Наливайко Северин—предводитель казацко-крестьянских восстаний на Украине в 1594—1596 гг.—49, 56, 257
 Насух-паша—великий визирь—154
 Новосельский А. А. — советский историк—5, 89, 148, 149, 152, 155, 158, 167, 225, 240, 254
 Ожга П.—польский дипломат — 157, 158, 168
 Осман II—турецкий султан—4, 8, 14, 28, 29, 70, 158, 159, 167, 168, 170, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 182, 181, 187, 189, 190, 192, 193, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 204, 205, 206, 207, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 230, 230, 239, 260, 264
 Опухтин С.—261
 Острог Я.—мемуарист—7
 Острожский Б. К.—князь, воевода—39, 45, 46
 Острянин Яцко—казацкий гетман—49, 57, 257
 Ополинский П.—посол польский—198
 Олешко—168
 Отфиновский—168
 Обаловский В. — общественный деятель—182
 Ойчицовый Ф.—44
 Ожеховский Станислав—польский публицист—45
 Павлюк — казацкий атаман — 49, 57, 257
 Первольф И.—историк—54
 Петровский Н. Н. — советский историк—4
 Петр де ла Валле—французский путешественник—159, 160, 162
 Печевы Ибрагим—турецкий историк—28, 29, 69
 Пичета В.—советский историк—41
 Полозов В. 118, 120, 121
 Потоцкий К.—польский магнат — 68
 Потоцкий Станислав — польский магнат—17
 Пясочинский — польский дипломат—145
 Пальчовский—публицист—53
 Пожарский—57
 Подкова—казацкий гетман—63
 Рамбо—французский буржуазный историк—149
 Репин И. Е.—русский художник—14
 Рой Томас (Фома)—английский посол—23, 162, 163, 225, 226, 227, 228, 231, 234, 238, 239, 244
 Роза А.—украинский крестьянин—44
 Рутковский Я. — современный польский историк—41, 42, 43
 Ружинский—39
 Рюссель—лорд—80
 Радкевич С.—урядник—46
 Роксалана—116
 Радул—господар Валахии—207, 210, 243
 Раджаб-паша — 241
 Сагайдачный П.—14, 149, 152, 168, 182, 183, 184, 185, 186, 191, 192, 193, 196, 197, 198, 201, 202, 205, 206, 207, 257, 259, 260
 Сакович—украинский поэт—156

- Самовидец — летописец—13, 14, 151
- Салтыпов Л.—19
- Сахиб Гирей—хан крымский — 106, 116
- Селим I—турецкий султан—21, 83, 84
- Селим П.—турецкий султан—59, 82, 83, 84, 129, 141, 260
- Сенцов М. Я.—128
- Серебкович—украинский аристократ—49
- Сильвестр—126, 127, 128
- Симавна оглу Бадртдин — предводитель восстания в Турции против тяжелого султанского гнета в XVI в.—78
- Сингаевский—помещик—46
- Сигизмунд III — польский король—39, 54, 59, 63, 69, 146, 148, 155, 164, 181, 182, 187, 195, 200, 211, 213, 215, 226, 236, 245, 246
- Скальковский А. А.—дворянский историк (1808—1898)—5, 6
- Скидан Карп—казацкий полковник—49, 57
- Слущкий О.—49
- Смирнов В. Д.—русский историк—5, 6, 12, 27, 28, 73, 80, 91, 92, 116, 118, 239
- Смирнов Н. А.—советский историк—5, 65, 73, 144, 145, 173, 261
- Снай Осман—турецкий историк—30, 80, 81, 93, 94, 254
- Сегюр—французский посланник—233
- Собеский Я.—общественный деятель Польши—7, 8, 14, 18, 23, 70, 133, 134, 135, 137, 172, 174, 175, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 214, 215
- Соковнин Б. И.—128
- Соколу М.—великий визирь при Селиме II—116, 141, 157, 161
- Соловьев С. М.—историк—5, 53, 104, 112, 114, 115, 125
- Соранцо Джакомо—посол (вторая половина XVI в.)—61
- Срезневский И.—историк—30
- Старовольский С.—польский публицист (1588—1651)—18, 45, 46, 72
- Степан—казак—162
- Стрижевский—47
- Сувора Ф.—польский буржуазный историк—151, 168, 171, 175
- Сулейман I — султан — 58, 78, 82, 83, 116, 176, 177, 248, 260
- Сыроечковский В. Е. — советский историк — 88, 89, 94, 95
- Снявш — великий визирь — 83
- Сырковой Л.—44
- Сборажский — магнат—180
- Синявский Михаил — 180
- Софаш Гирей — 148
- Самуил К. — 126
- Сигизмунд Август — король польский (1548—1572) — 60, 131
- Стефан Великий—господарь Молдавии — 87
- Сулейман—кизлар агасы — 217, 222, 223
- Самуил Корецкий—210
- Саадет Гирей — 249
- Тарновский М. — государственный деятель Польши — 180
- Тарас Федорович (Трасило) — казачий атаман, один из предводителей восстания на Украине (1630—1630) — 49, 57, 257
- Тверитинова А. — советский историк — 27, 28, 73, 76, 79
- Титловский М. — мемуарист — 7, 8, 9, 10, 14, 170, 172, 189, 190, 193, 194, 195, 199, 202, 215
- Томша — молдавский господарь—68, 151, 183
- Третьяк — помещик — 46
- Третьяк И. — польский буржуазный историк — 11, 12, 13, 17, 172, 175, 176, 177, 194, 203, 204, 209, 210, 213, 214
- Трубецкой Ю. П. — киевский воевода — 119, 119, 120
- Топп — 112
- Тржебинский А. — посол — 247
- Феранциус Антониус — епископ 231
- Уляницкий В. А. — 93
- Феридун бей Ахмед—турецкий историк — 11, 90
- Филея Ф. — общественный деятель Франции — 81
- Фердинанд — король 18—82
- Феофан—патриарх — 182
- Фаренсбах В. — 210
- Фридрих Великий — 80
- Хмельницкий Богдан — гетман украинский (1648—1657) — 5, 6, 8, 9, 24, 58, 59, 98, 170
- Хмелецкий С. — 165
- Хмелецкий Михаил—отец Богдана Хмельницкого—170

- Хмельницкий Б.—воевода Молда-
вия — 59
Халил-паша — турецкий воена-
чальник — 176
Ходкевич Карл—192, 194; 195;
196, 198, 200, 201, 202, 203,
204
Ходкевич Иван—киевский воево-
да — 105
Хуррем — 116
Хаджи Гирей — 90
Хусейн—великий визирь — 197,
198, 200, 201, 202, 217, 225,
227, 228; 245
Хусейн-паша — гос. деятель Тур-
ции—189
Хасан — 245
Шинкайзен—историк — 20, 22, 23,
58, 59, 60, 61, 62, 64, 65, 66,
67, 68, 69, 70, 81, 82, 83, 84,
85, 122, 129, 150, 164, 165,
205, 206, 215, 229, 221, 222,
223, 224, 227, 228, 229, 230,
231, 232, 233, 234, 235, 236,
237, 238, 239, 241, 243, 244,
246, 247, 249, 250, 251
Шах Аббас I—персидский шах—
167, 168; 239
Шахшахи Ибрагим-паша — офи-
цер турецкой армии — 154
Шахин Гирей—калга — 239, 240,
241, 242, 243, 245
Шепелев И.—полковник русской
армии — 119
Шереметьев И.—119
Шербан Радул—молдавский вое-
вода — 68
Шишкевич В. —польский магнат—
47
Шольц Вольфович — аристократ
украинский — 49
Шевченко Т. Г.—32
Шереметьев В. Б.—русский боя-
рин — 114, 119
Шюглюкоглу Каджи — 78
Эвлия Челяби—турецкий лето-
тописец — 17, 254
Эварницкий Д. И.—украинский
историк — 5, 6, 12, 32, 139,
34, 43, 49, 55, 71, 73, 74, 253,
255
Энгельс Ф.—5, 21, 25, 26, 27, 33,
165
Энгельс Иоганн Христиан—исто-
рик — 20, 23, 99, 103, 163,
165
Юзефович Я. — львовский кано-
ник в нач. XVII в. летопи-
сец — 97, 98
Юсуф-паша—216
Языков Д. — 101
Яков I—английский король—23
Яблоновский А. — 31
Ягайла — 255
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Украина во второй половине XVI — первой половине XVII вв.	
Польско-турецкие отношения	35
Турция и Крымское ханство во второй половине XVI — первой половине XVII вв. Сухопутные и морские силы турецкой империи	71
Турецко-татарская агрессия на Украине. Положение невольников и пленных в Турции и Крыму	99
Морские и сухопутные походы запорожского казачества на Турцию и Крым и их историческое значение	131
Хотинская война 1621 года. Решающая роль украинского народа в войне. Международное значение Хотинской войны	167
Заключение	253
Именной указатель	265

МАМЕДКЕСИР АЛЕКБЕР-ЗАДЕ
АЛЕКБЕРЛИ

*Борьба украинского народа
против турецко-татарской агрессии
во второй половине XVI — первой половине XVII веков*

Редактор *Коробова Э. И.*
Корректор *Солдатова С. Ф.* Тех. редактор *Зенин В. В.*

НГ04188. Сдано в набор 9.XII.1960 г. Подписано к печати 2/VIII-61 г.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1169. Цена 1 р. 18 к.

Саратов. Типография издательства «Коммунист».

Гр. 18 к

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1961

